

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Ю. М. Самохин

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

---

*Кафедра институциональной экономики
и экономической истории*

Ю. М. Самохин

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Учебное пособие

Москва 2001

УДК 338(09)(470+541)
ББК 65.9(2 Рос)
С 17

Рекомендовано кафедрой институциональной экономики и экономической истории ГУ ВШЭ в качестве учебного пособия для студентов экономических и юридических специальностей

Рецензент — доктор экономических наук *Ю.А. Горшков*

Самохин Ю.М.

С 17 Экономическая история России: Учебное пособие. —
М.: ГУ ВШЭ, 2001. — 405 с.
ISBN 5-7598-0156-2

Настоящее пособие подготовлено главным образом для студентов факультетов экономики и права, которым при изучении экономической истории страны представляются наиболее интересными действия государства в той или иной непростой экономической ситуации на фоне анализа этой ситуации и возможных альтернатив ее развития. Именно с этой точки зрения и написана книга, с древнейших времен и до настоящего прослеживающая логику экономического развития России во взаимосвязи с изменениями политической системы, государственного устройства и социальных отношений. Наиболее подробно анализирует автор экономические реформы 1990-х годов, подводя читателя к пониманию сегодняшней экономической ситуации.

Для студентов, изучающих экономику и право, а также для всех, кто пытается понять и осмыслить реалии сегодняшнего дня с позиции логики экономического развития страны.

УДК 338(09)(470+541)
ББК 65.9(2 Рос)

ISBN 5-7598-0156-2

© Ю.М. Самохин, 2001
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Серьезная подготовка экономистов и юристов немыслима без изучения отечественной истории. Причем наибольший интерес представляет экономическая история развития общества, история созидания. Без знания этой истории невозможно понять и глубоко осмыслить настоящее, тем более невозможно спрогнозировать будущее.

К сожалению, изучение экономической истории представляет значительную проблему и в силу недостаточности информации, которая часто физически отсутствует или недоступна, и из-за субъективного изложения и комментирования фактов, нередко под влиянием определенного мировоззренческого и политического воздействия. Работ по экономической истории совершенно недостаточно; к тому же они, как правило, либо затрагивают отдельные аспекты этой проблематики, либо ограничиваются определенным периодом. Единственным исключением можно считать весьма добротное исследование Т.М. Тимошиной.

Понятие экономики включает в себя по крайней мере три самостоятельных значения, каждое из которых заслуживает отдельного исследования. Это прежде всего материальная база существования и развития общества, включающая весь комплекс объектов общественного производства, распределения и обмена, синонимом чего часто выступает понятие “народное хозяйство”. Это, во-вторых, система отношений экономических субъектов, включая хозяйственный механизм — “правила игры”, в том числе и устанавливаемые государством. Это, наконец, система знаний, наука об отношениях по поводу производства, распределения и обмена. Рассматривая экономическую историю страны, хотелось бы сконцентрировать внимание на двух первых компонентах, оставив изучение развития экономической науки специальным дисциплинам.

Книга ставит своей задачей проследить логику экономического развития России (повторимся — ее материальной базы и экономических отношений) с древнейших времен до настоящего времени в связи с изменениями политической системы, государственного устройства и социальных отношений. Исходя из этого было бы неправильно исключать описание событий социально-политической истории, но хотелось бы

свести их к минимуму, необходимому для понимания экономических фактов и отношений.

В книге выделены три сравнительно самостоятельных раздела, охватывающих разные временные периоды: первый раздел знакомит с экономическим развитием России со времен образования Киевского княжества до Первой мировой войны; второй раздел изучает экономику советского периода до середины 1980-х годов; в третьем разделе рассматривается становление экономической системы новой России в последние годы как процесс перехода к интенсивной модели развития экономики.

Все три раздела связаны единством изучаемого объекта — хозяйства страны — и общим подходом к его изучению. Схема описания и анализа экономики также примерно одинакова для любого рассматриваемого периода — будь то время реформ Ивана Грозного, Екатерины II или нэпа. Эта схема для каждого исторического периода включает:

- описание сложившейся к началу периода общеполитической и общеэкономической ситуации в сравнении с внешним миром; анализ накопившихся проблем, возможные альтернативы их разрешения и ожидаемые результаты;

- решения правительства и государственное воздействие для их реализации;

- развитие ситуации; развитие отдельных отраслей народного хозяйства — по важности; развитие системы государственного управления;

- заключительный анализ — результаты в сопоставлении с ожиданиями.

Конечно, по мере приближения к сегодняшнему дню все более точной и исчерпывающей становится информация, появляется возможность сопоставления и проверки фактов и цифр. Да и воздействие последних десятилетий на нынешнее состояние экономики гораздо больше, чем влияние деяний прошлых столетий. Вот почему описание последних десятилетий, а особенно 90-х годов прошлого века, занимает в книге примерно столько же места, сколько и почти тысячелетняя история хозяйства с рюриковых времен до начала двадцатого столетия.

Думается, для экономистов и юристов в изучении экономической истории страны наиболее интересными представляются действия государства в той или иной, как правило, непростой экономической ситуации, показанные, естественно, на фоне анализа этой ситуации и возможных альтернатив ее развития. Именно с этой точки зрения и подготовлено настоящее учебное пособие.

Раздел I

ФЕОДАЛИЗМ И КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ

Особенности экономического развития

Часть 1

**Становление и развитие
российского феодального государства
(до середины XIX века)**

Часть 2

**Развитие капитализма в России
(60-е годы XIX в. — 1917 г.)**

Часть 1

Становление и развитие российского феодального государства

(до середины XIX века)

Глава 1

Киевская Русь

Докиевская Русь. Первые письменные известия о народах, населявших территорию современной России, появляются около середины I-го тысячелетия до н. э. в рассказе знаменитого Геродота. Позднее упоминания о венедах (так называли праславян римские историки) появились у Плиния Старшего и Тацита во второй половине I в. н.э. и Птолея (II в. н.э.). Доминантными этносами на нашей территории в тот период являлись индоевропейцы и угро-финны, западным соседом которых была балтославянская общность.

“Великое переселение народов”, несколькими мощными волнами прокатившееся по территории Причерноморья, существенно повлияло на расселение славянских племен. Имеются в виду нашествие гуннов, которое обычно датируется IV—VII вв. н.э., нашествие авар (обров) — VI—VII вв., болгар — VI—VIII вв., печенегов — IX—X вв., половцев — XI—XII вв. Они вызвали следующие синхронные перемещения славянских племен до Эльбы на западе и по Восточно-Европейской равнине на востоке.

Как первоначально жившие в лесах, славяне продвигались и расселялись преимущественно вдоль больших рек, служивших в ту пору единственными транспортными артериями для лесных и лесостепных областей. Славяне довольно легко и, как правило, мирно ассимилировали местное (иранское, балтское, финское) население. Это следует из византийских источников VI в., где информация о славянах с этого времени нарастает, как снежный ком.

Несмотря на многочисленность источников, все ранние известия о славянах VI—VII вв. во многом неясны и не поддаются точной географической и хронологической идентификации. Более точную и достоверную картину дают лишь древнерусские летописи, если их известия дополнять византийскими, арабскими и другими иностранными источниками.

“Повесть временных лет”, древнейшая из известных нам летописей, называет ряд восточно-славянских племен — поляне, северяне, древляне, радимичи, вятичи, кривичи, словене ильменские, дреговичи, волынские — и ареалы их расселения в VIII—IX вв. Речь идет, по мнению многих ученых, о *союзах племен* догосударственного или предгосударственного порядка, занимавших значительные территории.

Главным занятием восточных славян в эту эпоху было земледелие в сочетании с разведением скота и различного рода промыслами — охотой, рыбной ловлей, бортничеством. Если на юге, в лесостепи, условия для земледелия были весьма благоприятны и славяне здесь унаследовали навыки и многосотлетний опыт иранского населения, то в северных районах земледелие было в основном подсечным и в целом неприбыльным, однако столь же необходимым для повседневной жизни.

Чем дальше на север, тем большее значение приобретали промыслы, тем более, что во внешней торговле, особенно с развитыми странами Востока и Византией, особую роль играл именно экспорт различного пушного зверя, которым в ту пору был богат не только славянский север, но и более южные земли.

В середине первого тысячелетия н. э. с переходом к пашенному земледелию вместо родовой появилась соседская община — *“вервь”* (в северных, лесных районах несколько позже — в VII—IX вв. — *“мир”*). Пахотная земля — основная собственность общины периодически делилась на участки, которые отдавались в пользование отдельным семьям. Луга, леса, вода использовались сообща. Постепенно передель пахотной земли прекращались; земля закреплялась за семьями, возникало неравенство, появлялась знать — князья, дружина (бояре).

В ту пору в качестве дорог в Восточной Европе чаще всего использовались речные пути. Поскольку эти территории являлись промежуточным пространством между различными странами Во-

стока и Западной Европой, такие пути, особенно вдоль больших рек — Волги, Днепра, Западной Двины, Дона — и их притоков, приобретали и международное значение. Речные пути служили и для колонизации. Освоение водных путей ускоряло процессы образования государств, развитие цивилизации. Именно на важнейших пунктах этих путей не позднее VIII—IX вв. возникали торговые фактории, из которых потом развивались первые города.

В VIII—IX вв. основную роль в международной торговле играл **Волжский путь**, соединявший Прибалтику со странами арабского мира. Это подтверждается как письменными источниками, так и многочисленными кладами вдоль этого пути арабских дирхемов — серебряных монет, называвшихся на Руси шелягами (от хазарского “шеляг” — серебряный) или ногатами (от арабского “нагд” — наличные деньги). Волжский путь контролировался Хазарским каганатом — мощным государством кочевников и торговцев, выступавшим в союзе с Византией и враждовавшим с Арабским халифатом на юге, Волжской Булгарией на севере и славянскими племенами на северо-западе.

Но уже с IX в. все большее значение приобретает другой путь, связывавший европейский север с Черным морем по Днепру, известный как **“Путь из варяг в греки”**. Развитие этого пути связано и с усилением Византии, и с активностью викингов (славяне называли их **русами**, а позднее — **варягами**), и с господством хазар на Волжском пути, где они ставили преграды для всяких торговцев, кроме собственных еврейских купцов. Подчинив земли полян, северян, вятичей и радимичей, хазары контролировали весь Волжский путь (волжские болгары также платили им дань), включая и побочные трассы — по Десне, Оке, Дону, а также среднее и нижнее течения Днепра. Ясно, что и славянские, и финские, и балтские племена были заинтересованы в свержении хазарского ига и с этой целью заключали союзы со скандинавскими конунгами, приглашая для защиты от хазар варяжские дружины. Главная роль в борьбе с хазарами выпала на долю полянских правителей из Киева, где княжение появилось еще в VIII в. К началу IX в. киевские князья уже достаточно усилились, чтобы принять титул хакана — в пику хазарским правителям (информация об этом в византийских и каролингских хрониках относится к 839 г.).

Возникновение Киевской Руси (IX—X вв.). С возникновением имущественного неравенства и социального расслоения развивается государственность. Летописец знал, что еще до “призвания варягов”, по-видимому, не позднее начала IX в., свои княжения, помимо полян, существовали у древлян, кривичей, словен ильменских и дреговичей. Все эти местные княжения были слабы и не могли противостоять по отдельности ни хазарам, ни варягам. Это создавало объективные условия для объединения славянских племенных союзов в единое древнерусское государство.

С образованием единого государства под властью Киева оказался торговый путь по Днепру с его ответвлениями на Двину и на Десну. Это позволило первому (по летописи) варяжскому князю на киевском престоле Олегу организовать в 907 г. успешный военный поход на Царьград (Константинополь) и повторить его в 911—912 гг. Главными результатами походов на Царьград были, помимо военной добычи, торговые договоры с Византией. Договор 907 г. известен нам лишь в изложении летописи, а подтвердивший и расширивший его договор 912 г. дошел до нас текстually. В соответствии с ним *русы* получили огромную дань и, кроме того, оговорили очень выгодные условия торговли. О размерах сложившегося государства можно судить по масштабности этих походов. Поход 911—912 гг., например, был грандиозным мероприятием даже по сегодняшним меркам. В нем, по летописи, участвовали 2 тыс. судов, т.е. около 80 тыс. воинов (если предположить, что тогдашний корабль вмещал до 40 воинов, да к тому же часть воинов могла двигаться вдоль берега).

Созданная Олегом держава представляла собой своеобразную *федерацию полунезависимых княжеств*, подчинявшихся великому князю киевскому. Великий князь должен был действовать от их имени во внешнеполитических и внешнеэкономических актах. Так, договора с Византией подписывались от имени людей, находившихся “под рукою великого князя” т. е. местных князей, а также бояр — высшей знати государства. С местными князьями, очевидно, заключался своеобразный договор об условиях союза, которые сводились, во-первых, к праву великого князя на полюдь в землях союзных князей; во-вторых, последние обязаны были поставлять военные ополчения в случаях

больших внешнеполитических акций, типа походов на греков. В остальном местные князья, по-видимому, еще долго сохраняли независимость.

Вообще роль государства в этот период, помимо военно-политической (защита от греков, хазар, варягов), заключалась в организации военно-торговых походов, связанных со сбором дани (*полюдь* и *повоза*) и сбытом ее в восточных и южных торговых центрах. Замечательно зримую картину полюдьи середины X в. оставил нам Константин Багрянородный (начало X в.). “Зимний же суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты (князья) выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдь, что означает “кружение”, а именно в земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, которые являются пактиотами (участниками пакта, договора) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они затем, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев.” Суда с данью сплавляются к Киеву из разных мест — Новгорода, Смоленска, Чернигова и др. “Потом, взяв свои моносилы (суда-однодревки), они оснащают их и отправляются в Романию (Византию)”.

Однако не все товары уходили в Византию. Они отправлялись так же по Волге в Булгар (около сегодняшней Казани) и хазарскую столицу Атиль (в устье реки), где существовала большая славянская колония. Часть товаров отправлялась на запад — через Чехию в германские земли, о чем говорит Рафельштедский устав 907 г. Таким образом, организация военно-торговых экспедиций для сбора полюдьи и сбыта собранных продуктов составляла едва ли не главнейшую задачу княжеского двора. Несомненно, подобные операции тщательно планировались и не только из военно-тактических, но и из экономико-финансовых соображений. К сожалению, история не оставила нам имен “скромных тружеников казенного хозяйства”, в отличие от военных руководителей, таких, как главный воевода Свенельд и другие.

Вместе с тем полюдь с его нерегламентированностью, отвлечением значительных военных сил, непредсказуемостью получаемых результатов выступало архаичной формой сбора дани. К тому же, как показала история с Игорем, погибшим в 945 г. при сборе полюдьи, эта процедура вызывала социальный протест

в подчиненных Киеву княжествах. Учитывая все это, наследовавшая ему Ольга провела административно-налоговую реформу — первую из известных в истории российского хозяйства: повсеместно распространенная прежде система полюдья была заменена систематической уплатой заранее оговоренной дани, которая собиралась в административных центрах (*погостах*) специальными чиновниками центрального княжества — *тиунами*. Устанавливалась и величина дани (*урок*) — в соответствии с количеством дворов (с “дыма”).

Раннее киевское государство с социально-экономической точки зрения являлось совокупностью территориальных общин с элементами родовых отношений. Славяне в ту пору жили уже не родовым строем; объединяющим началом была сельская община или община зарождающегося города (согласно новейшим исследованиям, города как экономического, “менового” центра на Руси до конца X в., вероятно, еще не было, тогдашние города представляли собой либо поселения, где проживали князья с дружиной, либо торговые фактории, ставшие центрами сбора дани).

Как бы там ни было, в период образования государства основную массу населения составляли еще свободные крестьяне-общинники (*смерды*), хозяйствующие на общинных землях. Они платили князьям дань натурой за внешнюю защиту и несли повинности — строительство дорог, содержание дружины, участие в ополчениях. Но уже у князя, а позднее и у его дружинников, бояр, местной знати (земских бояр) стали появляться участки собственной земли — *вотчины*, которые собственники могли продать, подарить, оставить в наследство.

К концу X в. в силу разложения родо-племенных отношений и развития отношений раннефеодальных, в силу все ускоряющихся процессов имущественной и социальной дифференциации появились как значительный слой *холопы* — рабы из числа разорившихся соплеменников и их детей; раньше в составе боярской челяди были рабы, главным образом из числа военнопленных.

Наконец, появилась администрация — *огнищане* (словом “огнище” в древней Руси обозначались домашнее хозяйство, челядь; “огнищане” — управляющие челядью, хозяйством), тиуны (упоминавшиеся выше княжеские чиновники, организующие сбор дани “на князя”), сельские старосты.

Значительную роль для усиления государства сыграло насаждение на Руси единой христианской религии. Христианство закрепило и ускорило развитие феодализма. Оно обеспечивало к тому же поддержку и помощь одного из самых мощных в то время государств и ближайшего торгового партнера Киева — Византии. Однако христианизация Руси растянулась на несколько веков.

Первые известные попытки принятия христианства в Киевском княжестве относятся к 867 г., еще до объединения северных (во главе с Новгородом) и южных (во главе с Киевом) славянских княжеств. Вторая попытка христианизации была предпринята княгиней Ольгой. Захватив власть (при взрослом сыне) на волне недовольства неудачными внешнеполитическими мероприятиями покойного мужа Игоря (массовой гибелью людей в восточном и византийском походе), она проводила политику на прекращение войн, успокоение общества, развитие торговли и дружеских отношений с Византией. Но и при Ольге христианизация не пошла дальше княжеского окружения. Возможно, как раз нарастание напряженности между христианами и язычниками заставило Святослава в 964 г. (ему тогда было уже 44 года) отстранить мать от власти.

Устремления Святослава, этого князя-воителя, были направлены на восток, где еще господствовали хазары, взимая дань со славян-вятичей, и на юг — против Византии и ее вассалов. О христианизации в этих условиях не могло быть и речи. В течение 965—966 гг. Святослав не только освободил вятичей от хазарской дани, но и разгромил войско кагана, разорил хазарские города. К ужасу славян, на смену разгромленным хазарам пришла еще более воинственная сила — печенеги. И все последующие годы правления Святослав вынужден был сражаться против дунайских болгар и печенегов, от которых и погиб.

Балканские походы Святослава не принесли Руси ни успеха, ни пользы. Многие лучшие воины сложили там свои головы. И опять, как после смерти Игоря, наследник Святослава его сын Ярополк должен был круто поменять политику на более мирную и созидательную. Ярополк, как и его бабка, видимо, принял христианство, но, в отличие от нее, ориентировался не на Византию, отношения с которой после Святослава были натянутыми, а на Германию и Рим.

Но и на этот раз массовой христианизации страны не произошло. Княживший в Новгороде поборник язычества Владимир, младший сын Святослава, воспользовавшись недовольством не желавших креститься определенных кругов киевской знати, с большим варяжским отрядом начал войну против Ярополка и убил его. Очередная попытка христианизации оказалась безуспешной.

Как видим, на Руси шла борьба между старыми языческими кланами, искавшими помощи на севере у варягов, и той частью знати, что давно поняла необходимость реформ для быстрого социально-экономического развития. Будучи умным политиком, Владимир наверняка понимал это. Но, победив брата, он сначала должен был следовать тем, кто помог ему утвердиться на киевском престоле. Отказавшись от внешних военно-торговых походов, все усилия Владимир направлял на расширение и укрепление державы. Он отвоевал ряд городов у Польши — Перемышль, Червень и др., воевал на своих границах с причерноморскими булгарами, усмирал восстания вятичей и радимичей. Владимир понимал, что объединение восточнославянских племен вокруг Киева не было устойчивым: необходимы были действенные меры для сплочения державы. Эту роль должна была сыграть единая монотеистическая религия.

Сложность была в том, что со времен Святослава отношения Киева с Константинополем были если не враждебными, то натянутыми. Чтобы ослабить эту напряженность Владимир помог по просьбе императора Василия II подавить восстание мятежников в Малой Азии, послав в Византию 6-тысячный варяжский отряд (кстати, с этого момента в Византии служила “варяжская дружина”).

Крещение Руси произошло, по летописи, в 988 году. Но мы знаем, что этот процесс не мог повсеместно пройти без борьбы, и христианизация даже в центральных районах государства растянулась на два-три года. Принятие христианства в других частях Руси наверняка проходило с еще большими сложностями. Очевидно, в городах христианизация шла успешнее, чем в сельской местности, на юге — легче, чем на северо-востоке. Выступления против новой веры имели место в разных частях страны на протяжении всего XI в. Летопись неоднократно сообщает о появле-

нии волхвов, вызывавших народные волнения, то в Белозерской земле, то в Ростово-Суздальской. Население, особенно периферийных княжеств, упорно держалось за старых богов не только в XI в., но и гораздо позже — вплоть до XIII—XIV вв.

Киевская Русь в XI—XII вв. Для Руси этого периода характерно то, что междоусобицы князей в борьбе за верховную власть перемежались относительно длительными периодами политической стабильности, когда политическое единство страны возрождало внутреннюю целостность русских земель и обеспечивало их внешнюю безопасность. И это вполне понятно: баланс двух противоборствующих движущих сил — стремления к независимости отдельных княжеств и необходимости их объединения для защиты от внешних врагов — постоянно колебался в зависимости от внешнеполитической ситуации и появления на исторической сцене сильных личностей. Такими фигурами были Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Всеволод Ярославич, Владимир Мономах. Во время их княжения прекращались нападения внешних врагов, осваивались новые сельскохозяйственные территории, строились города, расширялась торговля, укреплялись международные связи. В периоды же междоусобий хозяйство не росло, прекращалась торговля, народные волнения становились массовыми. Тем не менее по мере развития хозяйства все больше осознавалась необходимость общего развития объединенного государства.

И все же принятие христианства Древней Русью явилось значительным шагом в развитии восточнославянской цивилизации. Несомненна роль принятия христианства в возникновении и укреплении земельной собственности. Если в IX—X вв. возникали личные земельные владения самого великого князя, возможно, местных князей, то с XI в. можно говорить о появлении боярской земельной собственности как массового явления, о землях монастырей и церкви в целом. Это, конечно, произошло не сразу, первоначально церковь существовала за счет отчисления десятины от княжеских доходов, как определил князь Владимир. Но постепенное возникновение церковных земель стимулировало появление и боярской собственности на землю. Да и распространение на Руси византийских сборников права неминуемо должно было ускорить эти процессы.

Как и рассчитывал Владимир, значительно укрепилась с принятием христианства и центральная власть великого князя. Ему удалось при жизни окончательно ликвидировать местные княжения. Тем не менее основы сепаратистских настроений, опиравшиеся на местную знать, остались. Окончательно исчезнуть они могли только с развитием обмена, с осознанием необходимости создания в рамках государства единого рынка.

Со смертью Владимира (1016 г.) ушла в прошлое эпоха образования киевского государства. К этому времени Русь превратилась в одну из сильнейших держав Восточной Европы. Четко определились ее границы. На севере земли Новгорода вплотную подходили к владениям карелов по берегам Финского залива и озера Нево (Ладожское); на северо-западе новгородские и полоцкие земли граничили с владениями балтских племен по среднему течению Немана и Западной Двины; на западе русско-польская граница стабилизировалась по среднему течению Западного Буга, Южного Буга, Днестра и Прута. На юге владения Руси упирались в оборонительную систему городов и крепостей, основанных Владимиром для борьбы против печенегов: эта часть границы была изменчива. На юго-востоке и востоке русские владения доходили до верховьев Сейма, Сулы и Дона, а далее упирались в рязанские леса. На северо-востоке владения Руси выходили в междуречье Оки, Клязьмы и Волги и подходили вплотную к границам Волжской Булгарии. Периметр владений Киевского государства составлял около 7 тыс. км. К середине XI в. там проживало около 4 млн. ч.

Проходившая в рамках крепнущей государственности историческая эволюция характеризуется в этот период разложением родо-племенных отношений и появлением первых признаков феодализма, причем к началу XI в. этот процесс на Руси стал уже необратимым. В это время общинные земли постепенно становятся принадлежностью коллективного собственника — государства, которое начинает их отчуждать по своему усмотрению вместе с крестьянами. Процесс разложения общины и появления частной собственности ведет к дальнейшему социальному расслоению, появлению, с одной стороны, лиц, имеющих возможность добровольно или принудительно привлекать чужой труд, и, с другой стороны, людей, лишенных средств производства и попадающих в зависимость от земельных собственников.

Еще в X в. началось формирование княжеских земельных владений, становились владельцами земель и княжеские дружинники. Но к началу XI в. отдельные земельные приобретения великих и местных князей, бояр и дружинников представлялись каплей в море свободного общинного землевладения; свободный смерд, живущий на государственной земле, обрабатывающий ее своими орудиями и платящий дань лишь государству, был главной фигурой сельского мира Руси. Хотя территории, где жил этот смерд, были уже “окняженными”, т.е. принадлежащими великому князю как главе государства.

В XI в. во главе Руси, как и прежде, стояли великие киевские князья, которые были уже не первыми среди равных, а полновластными правителями страны. Прежних местных племенных князей именовали **боярами**. Они составляли верхушку дружинного слоя — “старейшую” дружину. Низшим, но более многочисленным слоем была “младшая” дружина, где состояли люди менее знатные, более молодые. Но и те, и другие были слугами великого князя. Старшая и младшая дружины, прежде выполнявшие чисто военные функции, в течение XI в. все более превращаются в аппарат управления, механизм государственной власти.

Великий князь руководил всей системой управления страной и судопроизводством. Его власть была разнообразной и комплексной. И чем больше распадались, исчезали остатки старого родо-племенного строя, тем более возрастала роль великого князя и его управленческого аппарата в центре и на местах. Княжеская власть осуществляла оборону страны от иноземных вторжений, поддерживала порядок внутри страны, карала за уголовные преступления, защищала права собственности, конечно, в интересах верхушки общества — бояр, младших дружинников, богатых торговцев, высшего духовенства.

Наряду с усилением великокняжеской власти сохранялось еще немало остатков старого строя. Так, в городах при решении важнейших вопросов традиционно собиралось **вече**, куда приходили все свободные жители. И хотя на них заправляли в основном наиболее влиятельные, богатые горожане, они сохранили свои народные черты. Так же и в сельской местности — судебные разбирательства производились непременно на **сходах** в присутствии представителей местных крестьянских общин. Но уже

обладание политической властью в условиях развития государственности основывалось не столько на личной преданности князю и участии в его походах, сколько на владении землей с работающим на ней населением. Обладание такими землями обеспечивало получение больших по тому времени доходов, увеличение личного богатства. Первыми здесь были, конечно, великие князья, представители княжеской семьи. Создается, как и в других странах Европы, княжеский домен — комплекс населенных земель, принадлежавших непосредственно главе государства, главе династии.

Такие же владения появляются у членов княжеской семьи — его жены, братьев, сыновей. К этому же времени относится образование собственных земельных владений бояр и дружинников. К середине XI в. таких земель было еще не много, но их возникновение знаменовало появление новых порядков, основанных на зарождении земельной собственности, и одновременно появление массы зависимых людей, живущих и работающих на земле, принадлежавшей уже не им, а господину. Появляются первые вотчины бояр, воевод, посадников, старших дружинников. А к концу XII в. своими земельными владениями обзаводятся и многие младшие дружинники. Тогда же появляются церковные земельные владения. Таким образом, зарождается система феодальной иерархии (“феод” и означает наследственное земельное владение, которое сеньор жаловал своему вассалу за разного рода службу — участие в войнах, управлении, судопроизводстве от имени князя и т.п.). Хотя, повторимся, большинство крестьян еще было свободно, а большинство земель принадлежало общинам.

Постепенно появлялся слой людей, которые по разным причинам (засуха, неурожай, военное разорение) теряли собственное хозяйство и обязывались выполнять работы на своего господина — обрабатывать землю, собирать урожай, ухаживать за скотом. Такие люди назывались “*рядовичами*”, так как заключали с хозяином договор — “ряд”, или “*закупаму*”, если брали у хозяина долг — “*кupu*” и отработывали ее на хозяйской земле. Они не могли освободиться от хозяина раньше, чем выполнят условия договора. Помимо них на господской земле трудились пленники, отработывавшие свой выкуп, “*наймиты*”, изначально нанимавшиеся за плату, и *холопы*, самые бесправные люди. Ими становились пленники из других племен, а позднее и соплеменники —

рядовичи и закупы, не выполнившие договора. Наконец, на церковных землях, помимо этих категорий, трудились *“прощенники”* — те, кому были прощены их долги или преступления, либо те, кого церковь выкупала у государства, заплатив необходимые штрафы (например, воры).

Поскольку производимых товаров в то время не было достаточно для повсеместного обмена, торговое и денежное обращение в сельской местности (да в значительной мере и в городах) еще не было развито, хозяйство, будь то боярское или крестьянское, было еще натуральным, т.е. производило все необходимое для собственного потребления. Всю *“натуру”* — зерно, мед, воск, кожи, пушнину, другие продукты — жители должны были предоставлять в виде платежей землевладельцу, своему господину. Они также были обязаны исполнять *“подводную”* повинность — предоставлять по требованию господина транспортные средства, ремонтировать мосты, дороги, защитные сооружения и т.п. Все повинности, выполнявшиеся раньше на государство, на великого князя, теперь выполнялись на нового господина, землевладельца — боярина, дружинника, церковь.

Новые явления в хозяйственной жизни и в отношениях между людьми нашли отражение и в законодательных документах.

Первые законы на Руси. Объединение Руси Ярославом Мудрым стало во многих отношениях поворотным пунктом истории ее развития. В это время зарождается русское летописание — создается древнейший летописный русский свод. В это же время принят первый на Руси свод законов — *“Русская правда”* (наиболее вероятная дата — 1036 г.). Строго говоря, *“Русская правда”* не являлась абсолютно первым российским сводом законов. До нее, видимо, существовал *“Закон русский”*, который упоминается в договорах X века Руси с Византией. Нормы этого закона отражали еще родо-племенные отношения. Но он до нас не дошел.

Таким образом, ярославова *“Правда”* выступает для нас первым писанным законом русского государства. Он касался прежде всего вопросов общественного порядка, защищал людей от насилий, бесчинств, драк, которых было так много на Руси, особенно в смутные годы междоусобий. Вместе с тем нормы *“Правды”* отображают уровень развития общественных отношений, сло-

жившихся в государстве на тот момент. Их действие не ограничивалось каким-то одним регионом и распространялось на всю территорию Руси как единого государства, каким она и стала в правление Ярослава Владимировича.

“Русская правда” зафиксировала деление общества на три основных категории — “княжих мужей”, юридически свободных крестьян — “смердов” и юридически зависимых “холопов”. Все статьи “Русской правды” подчеркивают зарождавшийся феодальный характер отношений в русском обществе. В центре этих отношений стояли феодал и смерд, фактический пользователь земли, а не раб и рабовладелец. Но стремительное движение общественных отношений к развитому феодализму вскоре потребовало нового закона, который бы в полной мере защищал быстро складывающуюся собственность на землю и связанные с этим материальные приобретения и разного рода общественные преимущества. И такой новый свод законов начал, по-видимому, создаваться еще при жизни Ярослава, а провозглашен был лишь 36 лет спустя при его детях.

Новая “*Правда Ярославичей*” направлена на защиту княжеской домениальной собственности: наибольшие наказания и штрафы положены за действия против княжеских слуг — огнищанина, тиуна, княжеского сельского старосты. В то же время новая “Правда” карает за нарушение имущественных прав и личной безопасности всех жителей страны в целом.

Статьи нового закона носят обобщающий характер, имея в виду вовсе не экстремальную ситуацию, скажем, восстание горожан против князя и его людей, а повседневную, обыденную жизнь. Суровые наказания устанавливались за разбой, поджог, убийства, увечья, кражи, нарушение межевых знаков. Вора можно было безнаказанно убить на месте преступления, хотя только в ночное время. Но все это увязывалось, повторим, не с какими-то уникальными общественными явлениями, а с постоянным рутинным функционированием господского хозяйства.

Государство стремилось поддерживать порядок, защищать собственность, прежде всего состоятельных людей. За убийство княжеского огнищанина или тиуна полагался штраф в 80 гривен, за убийство княжеского сельского старосты — 12 гривен, а за убийство простого смерда или холопа — всего 5 гривен.

В “Правде Ярославичей” вводился новый порядок судопроизводства, появился институт свидетелей и свидетельских показаний. Тем самым новый государственный закон отразил не только развитие новых социально-экономических отношений в стране, но и возросший уровень самой русской государственности.

Наконец, спустя еще 40 лет, в 1113 г. вслед за восстанием киевского посада после совещания с боярами Владимир Мономах дал Руси новую “Русскую правду”, названную “*Устав Владимира Всеволодовича*”. Будучи реакцией на восстание, он включал новые статьи об облегчении участи смердов, закупов, рядовичей, холопов. Он, кроме того, устанавливал рамки ростовщичества, чрезмерно закабальявшего простой люд, ограничив долговые проценты 20% годовых. Таким образом, “Устав Владимира Всеволодовича” был направлен не только на то, чтобы уберечь бояр, дружинников, духовенство, богатое купечество от народного гнева, но и поддержать хозяйства смерда и ремесленника, которые составляли основу государственного благосостояния.

Сельское хозяйство. Основу сельского хозяйства составляло земледелие. На территории, занятой славянами, искони использовалась *подсечная* система в лесных и лесостепных районах и *переложная* — в степных. С середины тысячелетия появилась *паровая* система: сначала — *двухполье* (засев — отдых), которое к XII в. стало доминирующим. И только позднее — с XIII века стало использоваться *трехполье* (яровые, озимые, пар), просуществовавшее до XX века.

Пахотное орудие того времени — рало (орало) — деревянная соха, позднее — с металлическими рабочими наконечниками. Совершенствование техники и технологии землепользования способствовало росту производительности труда.

Хуже обстояло дело со скотоводством: в этой сфере практически не было роста производительности труда. С другой стороны, оно способствовало расслоению общества, так как сосредотачивалось в руках феодалов и усиливало зависимость от них крестьянства.

Развивались и вспомогательные направления хозяйства — охота, бортничество, рыболовство, не имевшие, впрочем, решающего значения.

В отношениях крестьян с землевладельцами превалировала **отработочная рента** в форме **барщины** или **издольщины** — натурального оброка.

Что представляло собой феодальное хозяйство боярина, постоянно проживавшего подле князя в стольном городе и лишь изредка наезжавшего в свои сельские владения? Хозяйственный комплекс вотчины составляли пахотные земли, луга, рыбные ловли, бортные леса, охотничьи угодья. Сюда же входили деревни, населенные крестьянами, их хозяйства.

В центре владений находился господский двор с жилыми и хозяйственными постройками. Здесь были хоромы боярина; иногда это был не один дом, а целый комплекс отдельных зданий (терем, гридница, другие помещения), соединенных переходами. Двор был окружен, как на селе, так и в городе, каменной или мощной деревянной оградой с могучими воротами. На дворе же находились жилища господского управляющего — огнищанина, тиуна, ведавшего поступлением натуральных запасов, сельских и ратайных старост и других людей из состава управления вотчиной. Неподалеку располагались кладовые, амбары, погреба, медуши, дровяные склады. В хозяйственный комплекс вотчины также входили поварня, скотный двор, конюшня, кузница, гумно и др.

С конца XI в. подобные феодальные центры нередко строились как замки, особенно в приграничных районах, часто подвергавшихся набегам южных кочевников или западных воинственных соседей. Типичный замок строился на возвышенности, горе, холме как крепость, способная защитить и прокормить при длительной осаде служилых людей и крестьян близлежащих селений.

Ремесла и торговля; развитие городов. В VI—IX вв. ремесло стало отделяться от сельского хозяйства, становясь основой роста городов. Города развивались сначала как административные центры, где жил и творил “суд и расправу” князь; сюда свозили дань и военные контрибуции; здесь собирались судебные и торговые пошлины. В дальнейшем города стали развиваться как ремесленные и торговые центры. В IX—X вв. в Киевской Руси известны 24 города, в XI в. к ним прибавилось еще столько же, а в XII веке их стало уже более 60. Наиболее значительные города — Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Новгород, Ладога, Любеч, Переяславль сложились как крупные центры восточно-славян-

ских княжений еще в IX—X вв. По мере создания централизованного государства на первый план в развитии городов выступали ремесленные производства и торговля. В результате одни города расширялись и усиливались, а другие, не будучи расположенными на торговых путях и не имея основы для развития собственного ремесла, постепенно умирали (типичным примером может служить Искоростень, центр древлянских земель, некогда соперничавший с Киевом).

Значительную часть жителей городов составляли торговцы — от богатых купцов, “гостей”, ведущих оптовую торговлю с другими странами, до мелких торговцев-разносчиков. Тогда же в городах начали зарождаться купеческие объединения, имевшие свои уставы и общие денежные фонды, из которых оказывалась помощь купцам, попавшим в беду.

Развитие ремесел вело к расширению торговли в городах, между городом и деревней (хотя в основном хозяйства развивались как натуральные), внешней торговли. Каждый город был в первую очередь центром торговли всей близлежащей округи. Товары производились городскими ремесленниками и смердами из сельской местности в период отсутствия полевых работ, привозились из других краев.

В крупных городах — Киеве, Чернигове, Новгороде и др. находились дворы и целые районы иноземных купцов из Хазарии, Польши, Скандинавии, Персии, Византии, составлявших свои общины. Наибольшую роль играли армянские, еврейские и греческие купцы и ростовщики, обладавшие помимо стабильных связей по всему миру значительным купеческим и ростовщическим капиталом. В свою очередь и русские купцы основывали русские подворья в других странах.

Основные продукты внешней торговли в XII веке, вывозившиеся из Руси, товары не произведенные, а добытые у природы — соль, воск, мед, кожи, скоро (меха), смола, лен, рыба. Ремесленные товары — кольчуги, изделия из дерева и кости — составляли малую долю. Ввозили ценные ткани, золото-серебро, оружие, вина, пряности. Торговля шла в основном вдоль рек — по Днепру, Волге, Волхову и их притокам; летом — водой, зимой — по льду тех же рек на санях.

Следует иметь в виду, что в то время торговля была связана с множеством опасностей; любой торговый караван выступал с многочисленной охраной. Нередко торговые операции граничили с военными действиями и каждый купец был в такой же степени воин и по вооружению, и по складу характера. Тем не менее по мере роста ремесленного производства расширялся и процесс обмена, создавая необходимые специализированные механизмы.

Возникновение денежных отношений. Деньги на Руси возникли в период разложения первобытно-общинного строя, завершив процесс длительного развития форм стоимости товаров. На определенном этапе экономического развития функции денег выполнял скот. Но ко времени образования киевского славянского государства скот, очевидно, давно перестал использоваться в качестве денег, так как славяне задолго до этого стали земледельческим народом, но использование, в том числе и в документах, слова “скот” для обозначения денег оставалось еще долгое время. В эпоху раннего феодализма термин “*скотник*” обозначал сборщика податей, а “*скотницей*” называли княжескую казну.

На следующем этапе хозяйственного развития древней Руси роль денег выполняли меха, вначале одновременно со скотом, а затем вытеснив его в силу многих своих преимуществ — большей сохранности, транспортабельности, делимости. У восточных славян в этой роли выступал главным образом мех куницы (“*куна*”). Это слово используется для обозначения денег и в летописях, и в первых документах Киевской Руси.

В период формирования феодальных отношений на Руси уже было распространено металлическое денежное обращение; меха как денежные единицы, а тем более скот к этому времени практически были изжиты и заменены золотыми, серебряными и медными слитками, а позднее — монетами, к которым перешли названия мехов — “куны”, “векши”, “бели”. В кладах того времени вдоль Волги, Днепра и их притоков находят множество различных слитков и монет.

Развитие торговли требовало создания стабильного денежного хозяйства. С конца X века при Владимире Великом на Руси начали чеканить свои деньги по образцу византийских монет —

златники (они и по весу соответствовали византийскому солиду — 4,2 г) и **сребреники**, перечекая чужую монету. Однако его преемники отказались от этого (известны лишь сребреники Владимира Мономаха), и на Руси наряду с русскими продолжали ходить различные иностранные монеты — арабские дирхемы, византийские золотые номисмы, немецкие талеры.

В крупных договорах, соответствующих оптовым поставкам товаров или получению дани, пользовались **гривнами** — весовыми денежными единицами, соответствовавшими слитку серебра, сначала весом 96 золотников (409,5 г), а с XII в. — 48 золотников (204,75 г) — **новгородская гривна**, и 36 золотников (162 г) — **киевская гривна**. Но для розничной торговли эта единица была слишком велика; в ежедневной жизни пользовались более мелкими деньгами. Следует иметь в виду, что денежное обращение существовало только в городах с их развитыми ремеслами, торговлей, ростовщическим кредитом и пр., а на периферии еще долго использовалась меновая торговля, либо пользовались стародавними суррогатами денег — кунами, резанами, жеребьями.

Начала складываться финансовая система, базировавшаяся на различных налогах в пользу князя. В документах XI—XII вв. упоминаются **даньщики**, ведавшие сбором дани на князя, **мытники** — сборщики проезжей пошлыны, и **осменки**, взимавшие торговую пошлыну и выполнявшие роль налоговой полиции. В период удельного междоусобья эта стройная система была разрушена, хотя оставались и множились местные поборы.

С расширением торговли развивалось **ростовщичество**, главным образом в торгово-ремесленных городах. Этим занимались князья, бояре, монастыри, богатые торговцы. Уже в XI в., как следует из “Русской правды”, процент зависел от величины кредита и сроков погашения — 20% по долгосрочному кредиту и 40% по краткосрочному, но не мог превышать 50%. Ростовщическая ставка более 60% влекла за собой наказание кредитора.

Конечно, ростовщики вздували процентные ставки, что и послужило одной из причин восстания и еврейского погрома в Киеве в 1113 г. Изданный после подавления восстания Владимиром Мономахом “Устав”, называвшийся впоследствии “Уставом о **резах**” (так называли в то время ростовщический процент),

ограничил произвол ростовщиков, изменив расчеты за взятый долг. В соответствии с “Уставом”, если человек, взявший в долг, заплатит в виде процентов не более его суммы, то он обязан был вернуть и сам долг, но если проценты в полтора раза превышали сумму долга, то он автоматически погашался. Отныне нельзя было брать более 20% годовых с предоставленной суммы. Эти статьи освободили от долгов многих должников.

Глава 2

Период феодальной раздробленности; татаро-монгольское иго

(начало XII — первая половина XV вв.)

В результате крестовых походов торгово-транспортные пути между западноевропейскими странами и Востоком к XII в. переместились на Средиземное море; транзитный торговый путь “из варяг в греки”, а вместе с ним и Киев потеряли свое значение для международной торговли.

С усилением мощи феодалов при преимущественно натуральном хозяйстве и, соответственно, неразвитой торговле не нужна сильная центральная власть. Этим объясняется политическая раздробленность Руси в XII—XIV вв. Независимо стали существовать Киевское, Смоленское, Черниговское, Галицко-Волыньское, Переяславское, Ростово-Суздальское, Новгородское, Псковское, Турово-Пинское, Муромское, Рязанское княжества, которые делились, в свою очередь, на мелкие уделы. В стране не было единого государства, единого хозяйства и рынка.

Почти столетие до ордынского нашествия жила Русь в условиях раздробленности княжеств. Захирело Киевское княжество, бывшее до того политическим, хозяйственным и религиозным центром большого государства. Бесконечные княжеские усобицы, постоянные половецкие набеги заставляли жителей уходить в более спокойные места: на запад — к Галичине, Волыни, в

Польшу и на восток — в “Залесскую землю”, как тогда именовали места вокруг Ростова и Суздаля. Некогда многолюдные города и села пустели.

Татаро-монгольское нашествие. В довершение междоусобия татаро-монголы, завоевавшие раздробленные княжества, с 30-х годов XIII в. остановили политическое и хозяйственное развитие Руси. Города и веси были сожжены и уничтожены, десятки тысяч жителей погибли в сражениях или угнаны в плен (самые сильные мужчины, самые красивые женщины). Осталась не разоренной нашествиями 1237—1238 и 1239—1241 гг. только Новгородская земля, к счастью для Руси тогда же отбившая под руководством Александра Невского нападения шведов (1236 г.) и позднее — немецких орденов (1242 г.). В случае успеха двойного натиска — татаро-монголов с востока, а шведов и немцев с запада — Русь наверняка оказалась бы в еще худшем положении.

Пользуясь тяжелым положением Руси, ее южные, юго-западные и западные земли постепенно подчиняют себе, включают в свой состав Литва и Польша. И уже в XIV в. в документах появляется название Малая Россия — так начали называть юго-западную Русь.

Как и в других местах, татаро-монголы управляли Русью с помощью привычных для нее князей, ставших вассалами Орды. Начиная с Ярослава Всеволодовича (1243 г.), угодным князьям выдавались “ярлыки” на великое княжение, неугодных уничтожали; получила распространение передача татарскими правителями распорядительной власти местным князьям в форме “*кормлений*”. Жители Руси попали в двойную зависимость: они должны были платить дань-выход татарам и исполнять натуральные повинности в пользу собственных князей. Южные княжества совершенно обезлюдели, да и северо-восточные еще десятки лет не могли восстановить нормальную жизнь. В 1257—1259 гг. татаро-монгольскими “численниками” была проведена перепись покоренных ими земель, включая и Русь: жителей “кляли в число” и по этим спискам потом брали с них налоги. Но жителей становилось все меньше, что показала и проведенная татарями перепись.

С населения взимали множество налогов — общую дань, “поплужное” (подать с плуга), “ям” (обязанность поставлять подводы ордынским чиновникам на ямскую гоньбу — почтовую

службу) и др. Особо ненавистна была введенная татаро-монголами “тамга” — торговая провозная пошлина, имеющая чисто фискальное значение; из нее возникли позднее многочисленные частные пошлины — “поворотное”, “гостиное”, “амбарное”, “порядное”, “отвоз”, “свальное”, “подъемное”, “привязное”, “роговое” и т.д. Помимо этого, нужно было кормить ордынских послов, численников, баскаков, воинские отряды, обеспечивавшие поступление дани и послушание плательщиков; поставлять воинов и подводы для ханских войск: русские, как и другие покоренные народы, должны были участвовать в походах Орды.

Во второй половине XIII в. по всей Руси от Волыни до Ростовского княжества отмечается недовольство “числом”, ордынскими насилиями. После неоднократных выступлений в различных княжествах против ордынских численников и сборщиков дани (Галич, Ростов, Ярославль, Владимир, Суздаль, Устюг) сбор податей ханы передали в руки самих русских князей, что было несомненным достижением для Руси.

Истребление крестьян и ремесленников, поголовная дань (не облагались только церкви — татаро-монголы надеялись, что с их помощью им легче будет управлять православной паствой), ежегодная поставка ратников, многочисленные пошлины всюду (“мыт”, “тамга”) практически остановили всякую хозяйственную жизнь на территориях, где проживали славяне. Земледелие вынуждено было передвинуться из благоприятных южных районов на север и северо-восток.

Характерно, что с этого времени изменилась модель престолонаследования князей. Раньше вся Русь была как бы общим владением всех князей, и каждый из них по старшинству переходил от одного княжеского стола к другому, вплоть до великокняжеского в Киеве. Это порождало постоянные конфликты между многочисленными претендентами на власть — вспомним, хотя бы, многократно описанную в литературе драматическую историю борьбы за московский княжеский престол Василия Темного против Юрия Дмитрича, князя Звенигород-Галичского, и его детей — Дмитрия Шемяки и Василия Косого (середина XV в.). Теперь князья передают власть сыновьям, минуя братьев: в княжествах утверждаются постоянные династии. При такой схеме

представители династии гораздо больше заинтересованы в обустройстве своего владения, чем временные ее правители. И если в Киевскую эпоху князья называли свои временные владения волостями, то теперь именовали вотчинами, т.е. владениями постоянными, идущими от отцов. Северо-восточная Русь становилась в изменившихся условиях центром нового собирания земель.

Возрождение сельской жизни. Несмотря на страшный ордынский погром и тяготы иноземного владычества, в северо-восточных землях начали постепенно преодолевать запустение, которое в юго-западной Руси продолжалось еще до XV в. Волжско-Окское междуречье, новгородско-псковские земли, удаленные от обычных степных путей вторжения кочевников, укрытые за лесами и топями, стали базой возрождения России. Основа возрождения заключалась, конечно, в хозяйственных успехах. Уцелевшие от ордынского нашествия и карательных экспедиций жители ставили новые избы, распахивали новые поля. Источники того времени часто упоминают *“росчисти”*, *“чисти”* — участки земли, очищенные от деревьев и кустарников. В этих местах возникают *“починки”* — новые деревни, обычно в один-два двора.

На северо-востоке не было достаточно плодородной земли, как на степном юге, да и попадалась она чаще всего небольшими островками среди лесов. Большие *“ополья”*, как около Суздаля, были редкостью. В этих условиях наряду с *“подсекой”* и *“перелогом”* все чаще применялась трехпольная система — с ярью, озимью и паром, что давало более богатые и устойчивые урожаи. В качестве озимой культуры чаще всего сеяли рожь, яровое поле тогда засеивали овсом. К деревянным сохам и плугам стали приделывать железные приспособления — сошники и лемехи. Уже тогда понимали ценность коровьего и лошадиного навоза для полей.

Сеяли, как и раньше, рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо, лен и коноплю. В огородах выращивали капусту и репу, лук и чеснок, огурцы и тыквы, репе — свеклу и морковь. В садах росли яблони, вишни и сливы.

Сельское хозяйство давало не только средства существования труженикам, но и богатство господам — князьям и боярам, дворянам и церковникам. Все они пытались завладеть землей вместе с сидевшими на ней работниками, которых в новгородских и псков-

ских пределах как и во времена “Русской правды” называли смердами, а в других местах — “людьми”, “сиротами”, “христианами”. Последнее название в те времена стало приобретать не религиозное, но социальное значение — это жители русских сел и городов, которые противостояли “басурманам”— ордынцам. Позднее так стали именовать только сельских тружеников — “крестьян”.

Положение крестьян не было одинаковым. Средний крестьянин имел 5 десятин земли в поле. Более богатые уже тогда дополнительно арендовали землю у феодалов, нанимая обедневших крестьян. Были и безземельные (беспашотные) и даже бездворные крестьяне (“подворники”, “захребетники”, проживавшие на чужих дворах). Появляются добровольно “задавшиеся” под чужое покровительство крестьяне, в том числе и добровольные холопы. Крестьяне исполняли для господ барщинные работы, вносили натуральные оброки, несли разные повинности.

В XIV—XV вв. идет процесс “окняжения” и “обояривания” земель. Крестьяне потеряли право свободного распоряжения ею — продажи, дарения, завещания, им оставалась лишь возможность перемещения. Крестьяне в ту пору имели право уйти от старого владельца в расчете на льготы у нового. Это давало освобождение на какой-то срок от повинностей и платежей, иногда они получали при этом ссуды на обустройство хозяйством. Но землевладельцы, договариваясь между собой, создавали трудности, шли на всяческие уловки, чтобы не дать крестьянам возможности воспользоваться этим правом.

Значительную часть земледельцев составляли **черносошные** крестьяне, жившие на “**черных**” землях, принадлежавших не феодалу, а государству, казне в лице великого князя. В пользу казны они и несли разные повинности, платили дани. Положение черносошных крестьян было более независимым, но неустойчивым: по воле великокняжеской власти они попадали вместе с землями в собственность бояр, дворян и монастырей. Бояре и дворяне получали земли с крестьянами от князя в вотчину (безусловное владение) или поместье (условное владение). В 1388 г. Дмитрий Донской специальным указом запретил “черным” крестьянам продавать свою землю.

Значительную роль в жизни крестьян на Руси играла **община**. Крестьяне-общинники единолично владели только землей под

усадебными и пашнями; леса, луга для пастбищ, реки и озера находились в общинном пользовании. Община с ее **круговой порукой** организовывала все стороны крестьянской жизни, защищала свои интересы от чрезмерных требований господ и управителей. С другой стороны, она использовалась государством и владельцами для поддержания порядка, взимания поборов, организации общественных работ. Руководство общины было выборным: своих старост, сотских, десятских, управлявших мирскими делами, крестьяне выбирали на сходах.

Помимо крестьян, приписанных к земле и зависимых в силу этого от землевладельца, в княжеских, боярских и дворянских хозяйствах имелось немало холопов. Они работали и на дворе, и в поле (“страдники”), занимались ремеслами. Это **“полные люди”**, принадлежавшие господину по праву собственности. Он мог их продать, подарить, передать по наследству; убийство холопа — не уголовное преступление, а только грех перед богом. Холоп не мог, как крепостной крестьянин, поменять хозяина по своей воле. Хотя нередко владельцы отпускали холопов на волю, освобождаясь от ненужной дворни: это позволяло регулировать численность и качество рабочей силы в вотчинах и поместьях.

Особо привилегированное положение занимали представители барской администрации — “тиуны”, “ключники”, “посельские”. Не будучи лично свободными, они выступали помощниками господ по управлению их хозяйством и подневольными людьми.

Жизнь крестьян и холопов даже в относительно мирное время была тяжелой. Источники того времени (акты, летописи, жития) сообщают о выступлениях против захвата земель боярами и монастырями и увеличения старинных размеров барщины и оброка. “Разбойники” громили и сжигали господские имения, отбирали и уничтожали документы на владение землей и крестьянами. Такие выступления усиливались в случаях массового голода, как, например, после неурожая в 1314 г. в Новгородской и Псковской землях.

Возрождение городов, ремесел и торговли. Вслед за возрождением села после Батыева нашествия заметны рост городов и развитие ремесел на северо-востоке Руси. Восстанавливались старые города, возникали новые. “Список русских городов”, состав-

вленный в конце XIV в., перечисляет 55 городов залесских, т.е. владими́ро-сузда́льских, 35 новгородских, 10 смоленских, 30 рязанских.

В условиях противостояния Орде в городах, далеко отстоявших от основных путей ордынских завоеваний, развивались кузнечное и металлообрабатывающее ремесла, производство оружия и военного снаряжения. Так, в Москве и ее посадах работали лучники, бронники, пищальники, и в битвах на реке Воже (1378 г.) и на Куликовом поле (1380 г.) русские ратники были вооружены не хуже противостоявших им татаро-монгольских. В 1382 г. летопись впервые упоминает об использовании под стенами Московского кремля пушек против войск Тохтамыша.

В отстраивавшихся городах возникали каменные храмы, крепостные укрепления. В Москве в 60-е годы XIV в. деревянные стены Кремля, возведенные еще при Иване Калите в 1339 г., заменили каменными. После долгого перерыва возобновилось литье колоколов.

XIV—XV вв. — время расцвета Новгорода. Аристократическая (во главе управления стояли купцы и бояре) республика росла за счет беглого с юга населения, опираясь на развитие ремесел и торговли. В силу неблагоприятных природных условий прокормить все население города своими продуктами было невозможно даже при трехполье. Приходилось развивать торговлю ремесленными изделиями и активно осваивать новые земли.

Тогда же наблюдается и возвышение Москвы благодаря трем факторам — географическому положению (в центре пересечения дорог между отдельными славянскими княжествами и одновременно в относительной удаленности от ордынских центров), развитию стратегически важных ремесел (кузнечного и производства оружия) и умному политическому поведению князей.

В условиях постоянной вражды, “нелюбья” великих и удельных князей между собой и лавирования в отношениях с Ордой выработался механизм внутреннего управления, основные элементы которого — Боярская дума и институт кормлений в течение еще нескольких столетий служили основой организации управления в стране.

Князья великие и удельные судили и рядили подданных в своих землях. Между собой заключали договоры о границах и та-

можнях, торговле и порубежных спорах, выдаче беглых крестьян и холопов. Князья опирались на совет из бояр — Боярскую думу, состоявшую из “бояр введенных” — ближайших, постоянных советников князя, и “бояр путных” — возглавлявших отдельные отрасли хозяйства, “пути” — сокольничий путь (княжеская охота), конюший, ловчий, стольничий, чашничий.

В черных городах и волостях, принадлежавших казне, т.е. не бывших удельными и не принадлежавших непосредственно князю или его семье, сидели княжеские наместники и волостели из бояр и княжеских слуг на условиях “кормления”: в установленные сроки местные жители поставляли им продукты и фураж. В пользу “кормленщиков” шла часть собираемых ими на территории пошлин — судебных, торговых, свадебных; другая часть направлялась в княжескую казну.

В этот период в северо-восточных землях Руси развивается торговля, появляются территориальное разделение труда и товарно-денежные отношения. Сеть мелких торжков, господствующих в обмене, дополняется и некоторыми городскими рынками, получившими региональное значение, — Москва, Тверь, Рязань, Новгород Великий, Псков, Нижний Новгород. В отсутствие собственных монет в середине XIV века пользовались оставшимися издревле серебряными слитками и “рублевыми гривенками” (кусок слитка определенного веса; позднее их стали называть рублями); но наибольшее хождение имели золотоордынские и чешские (“пражский грош”) монеты на весовом соотношении с рублем.

Во второй половине XIV в., после длительного перерыва в удельных княжествах начали чеканить собственную монету из серебра и меди. Монета чеканилась сначала в Рязанском и Нижегородском княжествах, а после Куликовской битвы и в Москве, Твери, Новгороде, Пскове, Смоленске, Суздале, Ярославле, Чернигове, Серпухове, Галиче, Можайске, Ростове, Дмитрове, Кашине, Новом Торге и в других городах.

Постепенно налаживалась и внешняя торговля, хотя ей, особенно по Волге, мешала Орда. Тем не менее торговля развивалась — с той же Ордой, другими прикаспийскими странами, Крымом (гости-сурожане), Византией, Литвой, Прибалтикой, западноевропейскими странами.

Ремесленники и купцы объединялись в собственные профессиональные организации — артели, дружины, сотни, ряды, брат-

чины и общины. В рамках этих сообществ они разбирали спорные дела, в том числе и судебные, строили свои патрональные храмы.

Среди посадских жителей — купцов и ремесленников, как и среди крестьян, росло неравенство, вызывавшее социальные потрясения. По городам Руси в XIV в. проходит череда восстаний посадских людей против своего боярства, переплетавшихся с борьбой против ордынцев (восстания в Нижнем Новгороде, Ростове, Твери, Москве).

Глава 3

Создание и экономическое развитие Русского централизованного государства

(вторая половина XV—XVII вв.)

Объединение русских княжеств вокруг Москвы. Экономическое развитие требовало политического объединения всех российских земель с тем, чтобы разрушить натуральное хозяйство отдельных территорий и перейти к единому в рамках государства хозяйству. Особенно заинтересованы в этом были средние и мелкие феодалы, купцы и крупные ремесленники. Крестьяне и мелкие ремесленники также устали от повсеместных усобиц.

Центром объединения стало Московское княжество. В XII—XIII вв. захолустная Москва с округой на западном пограничье Владимиро-Суздальской земли представляла собой маленький городок на перепутьи дорог из суздальских к черниговским и киевским землям. Как и многие другие подобные городки, Москву опустошили воины Батыя. И несколько десятилетий после этого в ней не всегда даже бывал князь-правитель — настолько она, по-видимому, захирела. Лишь с 1270-х годов, с появлением на московском престоле Даниила — сына Александра Невского, Москва стала стольным городом хотя и небольшого, но все-таки княжества.

Московские земли незаметно, но довольно быстро стали центром притяжения народных сил уже по своему местоположе-

нию. В этом районе скрещивались водные и сухопутные пути, ведущие к верховьям Волги и Днепра, к среднему течению Оки и Волги. Обширные лесные дебри, непроходимые для ордынских конных ратей, реки и речушки давали возможность людям из мест, лежавших к югу и юго-востоку, скрыться от лютого врага, завести пашню на полянах, поставить избу и начать новую жизнь.

Московские князья умело использовали удобные торговые пути, относительную безопасность от Орды, отряды которой редко доходили до Москвы, и труд все увеличивавшегося населения. Где хитростью и обманом (отторжение Коломны у Рязанского княжества — 1300 г.), где военной силой (захват Можайска — 1303 г., Вологды — 1391 г.), где путем купли (Иван Калита купил Углич, Галич и Белозерск с их окружением, Василий I — Суздаль, Муром и Тарусу) или дарения (Тверь, Новгород и Кострома были подарены Калите Ордой за подавление тверского восстания) московские князья неуклонно увеличивали свои земли, приближая их к землям князей-соперников, окружая их со всех сторон.

XIV в. стал эпохой зримого усиления экономического и политического могущества Москвы. Внук Калиты князь Дмитрий Донской продолжал политику расширения Московского княжества, постоянно отвоевывая для него новые земли. Но важно отметить, что в отличие от предшественников во всех военно-политических событиях — с Тверью, Литвой, Казанью, Ордой — он выступает уже лидером национального масштаба и общенациональных интересов, организовав антитверскую, затем антилитовскую, а чуть позднее антиордынскую коалицию, сплотив под своими знаменами подавляющее большинство русских княжений. Русь к этому времени укрепилась настолько, что бросает вызов Орде. Последовавшие победы на р. Воже и Куликовом поле укрепили главенствующее положение Москвы среди русских княжеств.

Однако лидерство Москвы в тот период опиралось на военно-политические ее успехи в борьбе с Ордой и не имело устойчивой экономической базы. Установление при Тохтамыше сильной власти в Орде, реставрация ордынской зависимости Руси после смерти Дмитрия Донского и усиление Литовского княжества к концу XIV в. поставили Москву в новые политические условия и заставили искать новые методы и способы объединения рус-

ских княжеств как юридически равноправных государственных образований.

К этому времени относятся ужасные по своим масштабам и последствиям события — набег на Русь “Едигеевой рати” (1408 г.) и эпидемия черной оспы, поразившая все княжества России и население Орды (1425—1427 гг.). Войска Едигея всего лишь за три недели сожгли главные города и крепости Московского княжества (хотя и не захватили Москву), Нижегородского края, разграбили значительные территории и увели большой полон. Блезнь же опустошила целые районы, а смерти в княжеских семьях вновь подняли проблему наследования княжеских столов и породили феодальную смуту второй трети XV в., связанную с борьбой за престол Василия II Темного против Юрия Звенигородского. Резкое ослабление в связи с этим военного потенциала Руси усилило ордынское давление: набеги и походы “скорых” ратей, постоянные нападения на пограничные районы, попытки прорыва в центральные уезды стали постоянной опасностью. В целом ситуация в московско-ордынских отношениях после феодальной “замятни” в московской династии к ее завершению в 1459 г. скорее ухудшилась, чем улучшилась. Все это время Русь продолжала платить “выход” Орде.

Объединение русских сил и земель вокруг Москвы продолжилось с появлением на московском престоле Ивана III. Политически маневрируя, Москва подчинила себе в XV в. Ярославское княжество (1463 г.), Ростовское (1474 г.), Новгород (1478 г.). После “стояния на Угре” пришел конец долгой, тяжелой эпохе ордынской зависимости. Позднее была окончательно присоединена Тверь (1485 г.), а в начале XVI в. были подчинены Псков, Смоленск, Рязань. Процесс централизации был к этому времени в основном завершен. Страна обрела единство, монарха, самостоятельность и независимость. Россия быстро и широко включалась в международную жизнь Европы и Азии.

С конца 60-х годов завязались активные связи Руси с Римом, Венецией, Миланом. Поводом для них стали поиски второй жены для Ивана III. Фактически же в этих отношениях превалировала экономическая составляющая. И хотя собственно торговля с государствами на Апеннингах была невелика по объему после

того, как турки захватили все колонии Генуи в Крыму, главный интерес для России представляли “фрязские” специалисты и ремесленники. В несколько приемов были доставлены в Москву по контрактам десятки архитекторов (вспомним Аристотеля Фиораванти), строителей, врачей, пушечных мастеров, ювелиров, мастеров денежного дела и литейщиков. С этого времени приглашение иностранных специалистов для постоянного проживания в России стало общепринятым явлением.

Западная политика в отношениях с Литвой, Швецией, Ливонским орденом и Ганзой также диктовалась экономическими интересами России и была направлена на обеспечение полного равенства прав русского купечества в балтийской торговле. Так, в мирном договоре с Ливонией после войны 1480—1481 гг. помимо территориальных приобретений России устанавливались некоторые преимущества псковским купцам (право розничной и гостевой торговли): орденские власти в пределах своей компетенции гарантировали безопасность морской торговли русских купцов, а также поддержание порядка, охрану русских купцов в Дерпте и других ливонских городах.

Политика России на Востоке также подчинена экономическим задачам — содействовать росту восточной торговли, обеспечивая безопасность Волжского торгового пути. Правительство активно защищает также интересы русских промысловиков на Волге, прежде всего — рыболовов. Видимо, во времена Ивана III Москва вполне осознает важность геополитического единства Волжского пути. После покорения Казани, фактического разложения Орды в 1496 г. устанавливаются торговые отношения с Османской империей.

Наконец, после окончательной ликвидации Большой Орды (1502 г.) Россия объективно становится сильнейшим государством в бассейне Волги. Это дало возможность ставить задачу расширения традиционных пределов государства на восток. Вслед за новгородцами (XII—XIV вв.) отряды русских войск, артели купцов и промысловиков приступают к освоению бескрайних просторов Зауралья. Совершенный в 1499 г. поход в Югру на земли нижней Оби обозначил ориентиры московской экономической экспансии на восток.

Эпоха Ивана III (вторая половина XV в.), княжившего после феодальной смуты, — время становления важнейших государственных институтов России, прежде всего — Боярской думы. Конечно, совет при любом князе существовал издревле, сложилась многовековая традиция, определявшая процедуру его образования и работы. Но именно при Иване III появилось узкое значение слова “*боярин*” как члена Думы, с момента официального пожалования ему этого пожизненного звания. Помимо высшего думного чина существовал более низкий — *окольничий*. Дума постепенно приобретала черты представительности от разных слоев формировавшейся тогда аристократии; персональный состав формировался по двум направлениям — фамильно-родовому и территориальному.

Как раз тогда Дума обрела внутреннюю структуру. Для решения конкретных вопросов (международные переговоры или судебные разбирательства) по распоряжению великого князя выделялись временные комиссии. Функции и прерогативы Думы расширялись по мере усложнения задач государственного управления. Постепенно Дума становилась “соправительствующим” органом при монархе в едином государстве.

Другим значительным институтом, также уходящим корнями в более ранние времена, стали Казна и Дворец. В деятельности этих учреждений отчетливо проявились общегосударственные функции, связанные с взиманием денежных и натуральных налогов и оброков и контролем над их поступлением, над оборотом земель, над функционированием системы кормлений, а так же с контролем за несением военной службы основной массой уездного дворянства. Именно эти учреждения стали колыбелью великокняжеских канцелярий; в них формировались кадры управленческого аппарата — *дьяков* и *подьячих*. Причем если среди дьяков преобладали выходцы из служилых детей боярских семей центральных уездов, то подьячие — это в основном выходцы из “людского всенародства”, главным образом из поповских детей.

Наконец, при Иване III был принят первый общероссийский правовой кодекс — *Судебник 1497 г.*, в котором нормы процессуального, гражданского и административного права Московской земли были систематизированы и распространены на всю

территорию государства. Таким образом, можно считать, что к концу XV в. Россия стала единым централизованным государством.

Крестьянское хозяйство в России на рубеже XV—XVI вв. Успехи московских великих князей базировались во многом на усилении военного потенциала, на увеличении российского служилого дворянства. Рост их численности, в свою очередь, обеспечивался умножением объемов всего производимого российскими мужиками в результате значительного расширения ареала обрабатываемых земель, заметного демографического подъема в деревнях, развития в них промыслов. Некоторые исследователи считают столетие с 60-х годов XV в. до начала 60-х годов XVI в. “золотым веком” российской деревни.

Каковы же были условия сельскохозяйственного производства, техника и технология того времени, жизнь и быт крестьянина?

На территории Российского государства к середине XVI в. проживало около 6,5 млн. ч., при этом средняя плотность населения по стране составляла 2,3 ч. на квадратный километр (для сравнения, в Польше этот показатель составлял 21, во Франции — около 30). Поскольку успехи земледелия определяются в значительной мере численностью рабочих рук на единицу территории, возможности российского крестьянства, исходя из этого, были крайне ограничены.

Наряду с низкой плотностью населения, климатические факторы российского села также в целом были менее благоприятны в сравнении с Западной и Центральной Европой. Ареал пашни лежал в России примерно между 54 и 61 градусами северной широты, где в принципе возделывались, хотя и с немалым риском, многие злаковые, технические и садово-ягодные культуры. Умеренно-континентальный климат характеризовался тогда вполне достаточным уровнем осадков, порой их было слишком много. Засухи были нечасты, они редко упоминаются в летописях. Зато в них регулярно сообщается о сильных заморозках в конце весны — начале лета, раннем выпадении снега осенью, сильных морозах зимой. Здесь многое объясняется рельефом Русской равнины — отсутствие гор не препятствует проникновению масс холодного северного воздуха в самое неподходящее для пахаря время.

Неблагоприятным для земледельца было и соотношение зимы и теплых периодов: к северу от линии Калуга—Нижний Новгород снег лежал, как правило, около полугода; в результате цикл сельскохозяйственных работ сжимался до 5-5,5 месяцев (в странах Западной и Центральной Европы этот цикл занимал 9-10 месяцев). Вследствие этого жителям России для поддержания энергетического баланса требовалось намного больше затрат пищи и энергии, да и приходилось максимально концентрировать трудовые усилия, особенно в пиковые моменты — весенняя пахота и сев, сенокос и заготовка кормов летом, уборка урожая в конце лета, осенняя пахота и сев озимых. Зимой готовили новые участки (при подсеčno-огневой системе) — подрубали и ошкуривали деревья.

Но и это еще не все трудности русского крестьянина. Границы земледелия лежали в зоне южной тайги, хвойно-широколиственных и лиственных лесов, где, за исключением *ополей* (Владими́ро-Сузда́льского, Переясла́вского, Ростовского, Угличского, Костромского) и речных долин, были подзолистые почвы с пониженной биологической продуктивностью. Наиболее развитые районы ополей подвергались разорению полчищ Батяя, “скорых ратей” Орды. Основная масса населения с XIII в. вынуждена была распахивать менее благоприятные почвы в лесных массивах, многократно увеличивая затраты труда: двойная пахота не была редкостью; в отдельных районах приходилось обрабатывать землю трижды и даже четырежды. И все это в сжатый пятимесячный цикл.

Уже к XI—XII вв. относятся первые шаги пашенного зернового земледелия с двух- и трехпольным севооборотом. Не позднее второй половины XV в. стало господствовать трехполье, которое обеспечивало средnedостаточную урожайность в длительные временные периоды при некоторой экономии труда и эффективное использование земли.

Распространение трехполья повлекло за собой изменения в ассортименте возделываемых культур. Классическим сочетанием стало соединение ржи (тогда единственной озимой культуры) и овса (он преобладал в яровом посеве). Практически вышла из хозяйственного оборота полба, заметно сократился удельный вес других культур в яровом клину — пшеницы, ячменя, проса. Ши-

роко распространилась хорошо растущая на кислых почвах гречиха. Технические культуры, требовательные к почвам и труду, — конопля, лен — возделывались на приусадебных или особых полевых участках. Вообще ассортимент возделывавшихся в то время культур насчитывал свыше 30 наименований.

Маломощность гумусного слоя заставляла унавоживать почву для поддержания ее плодородия. Не позднее XIV в. зафиксирована документами обязанность крестьян вывозить навоз на господские поля. Использовались и другие приемы восстановления плодородия почвы, чаще всего — перелог. В результате средняя урожайность составляла по ржи сам-3 — сам-4, по овсу сам-2,5 — сам-3,5, что соответствовало европейским показателям в схожих регионах в эпоху экстенсивного земледелия.

Разнообразным был набор пахотных и других орудий для обработки почвы. В XIV—XVI вв. соха российского земледельца приобрела новые детали и устройства — *полицу* и *отрез*, превратившие ее в орудие плужного типа.

Неблагоприятные природно-климатические условия сказывались и на животноводстве. Суровый климат заставлял по полгода держать скот в особых помещениях, заготавливать на это время много кормов. Очень высоко ценились луга, особенно заливные.

Каких животных содержали в деревне того времени? Без лошадей крестьянское пашенное земледелие было невозможно, поэтому лошади были в каждом хозяйстве: правилом считалось иметь одну рабочую лошадь на полного (взрослого) работника. В случае больших и постоянных отработок в пользу государства или землевладельца (ямская повинность, строительные и ремонтные работы, заготовка и возка дров и т.п.) разделяли “рабочих” и “страдных” лошадей. При взрослой лошади обычно были один-два жеребенка разного возраста. Наряду с лошадью в хозяйстве были одна (реже — две) корова (с телятами), несколько овец (от них получали мясо, сыры, шерсть, кожи и овчины), куры, другая птица. Свиной в деревне почти не держали: они были слишком требовательны к кормам и уходу.

Качественный состав стада был в среднем крайне низок: среди лошадей преобладала самая дешевая, малорослая, но неприхотливая ногайская порода; коровы были малорослыми и низкопродуктивными.

Другие занятия российского земледельца — промыслы и деревенские ремесла. Главнейшие среди промыслов — рыболовство, охота и бортничество. Обычная рыба ловилась повсеместно и в больших количествах, восполняя недостаточность пищевого рациона трудового люда. Рыбы ценных пород потреблялись состоятельными людьми и были одной из статей экспорта. Очень высоко ценились на внешних рынках добываемые на северо-востоке Руси хищные птицы. Но главным экспортным товаром были, конечно, меха — от соболя, куницы, белки и горностаю до рыси и медведя. Наконец, широкий сбыт находили повсюду мед и воск.

Среди ремесел наиболее распространенными были связанные с обработкой и переработкой дерева. Жилые и хозяйственные постройки, обстановка и домашняя утварь, лапти и многое другое изготавливались в каждом доме. Лес — это также смолокурение, производство поташа, заготовка дров и древесного угля для железоделательного и кузнечного промыслов, солеварения, производства селитры и пороха, бытовых нужд и т.п. Всем этим занимались крестьяне в зимнее время.

Главной единицей обложения налогами, платежами, оброками и повинностями со стороны государства, владельцев вотчин и поместий был крестьянский двор. Что представлял он в XV—середине XVI вв.? Средний крестьянский надел колебался от 7—10 до 15—20 дес. в трех полях, что намного превосходит показатели наделов в XVII—XIX вв. В распоряжении дворохозяина находились помимо этого приусадебная земля и часто отдельные участки под огородами (капустники, репища), а также сенокосы. Как общинник каждый дворохозяин обладал правом хозяйственного пользования лесными угодьями, рыбными ловлями и лесными покосами.

Жили крестьяне в селах, слободах, деревнях, починках. *Села*, насчитывавшие обычно 20-35 дворов, располагались в староосвоенных районах с благоприятными ландшафтными условиями, в округах городов и были, как правило, центрами светской, монастырской или дворцовой вотчины. Располагая собственными церквями, они были и центрами прихода, и центрами крестьянских общин. На речных путях и больших дорогах, связанных с внешней торговлей, в районах устойчивых промыслов села достигали огромных по тем временам размеров — до 100-130 дворов.

Слободами именовались в то время крупные поселки или совокупности малодворных поселений в порубежных районах, куда призывались на льготу крестьяне из других мест, иногда из-за рубежа. Слободы имели полную или частичную, но на определенный срок (от 10–15 до 3–5 лет), свободу от налогов и повинностей и от постоянного судебно-административного контроля со стороны местных властей, подчиняясь только слободчику — лицу, которое по поручению владетельного князя “осадило” слободу.

Деревня (от слова “дерть”, обозначающего целину) насчитывала от 3–4 до 7–8 дворов. Именно в таких малодворных деревнях обеспечивались наивысшие размеры крестьянских наделов. Наконец, **починки** в 1–3 двора как только зарождавшиеся очаги сельского хозяйствования на новом месте не были внесены в налоговые кадастры.

Вторая половина XV в. отмечена становлением поместной системы и, как следствие этого, постепенным прикреплением крестьянина к земле, на которой он жил и трудился. Появились факты “вывоза” крестьян: землевладелец платит долги крестьянина и вывозит его в свое имение. Позднее князья жалуют землевладельцам льготу — право не отпускать от себя крестьян. А в документах 1481 г. мы находим первое упоминание о “кабальных людях” — речь идет о переходе в холопство за долги. Наконец, в Судебнике 1497 г. возможность перехода крестьян от одного хозяина на земли другого законодательно ограничена двумя осенними неделями в году (неделя до- и неделя после Юрьего дня); при этом фиксировалась плата землевладельцу — **“пожилое”**.

Юридический статус крестьян определялся Судебником 1497 г., где были в основном зафиксированы фактически сложившиеся ранее отношения, другими общегосударственными нормативами, а также обычным правом (общинным и вотчинным). Крестьяне индивидуально и в составе общины выступали субъектами права наравне с землевладельцами. И несмотря на отмеченные первые шаги закрепощения, в XV—середине XVI вв. наблюдается определенное улучшение их юридического статуса за счет изживания архаичных групп с явно выраженной личной зависимостью от феодалов и меньшими владельческими правами (закупы, половники).

Налоги государству выплачивались крестьянами по двум линиям. Дань, другие ведущие налоги и повинности (ямская, строительная повинности и т.п.) платились и отбывались центральным государственным органам. Второй канал взиманий с *тяглецов* — их платежи и службы *кормленщикам* — представителям великокняжеской власти на местах (наместники, тиуны, данщики, писцы и т.п.). Ставки даней, размеры положенных кормленщику и его аппарату взиманий, равно как судебные пошлины и штрафы, оставались на одном и том же уровне на протяжении полутора столетий. Усиление налогового гнета шло по линии установления новых поборов и взиманий. Умножались виды косвенного обложения — внутренних пошлин на торговлю, занятие промыслами. Общая политика государства была направлена на сокращение доли поступлений в карман кормленщика. Тем не менее постепенное увеличение налогового пресса не поспевало за возрастающими потенциями крестьянского хозяйства.

Частнофеодальная рента также мало изменялась на протяжении полутора столетий. Преобладал натуральный оброк в форме *издоля* (определенная доля с урожая — обычно каждый четвертый или пятый сноп, редко третий или даже второй) или *“посна”* (фиксированное количество зерна и некоторых других продуктов). Барщинные отработки были распространены, но малообременительны, так как барский клин обычно обрабатывался холопами. Повсеместно присутствовавшая денежная рента была невелика, но уже заметны тенденции к ее увеличению в дальнейшем. В среднем крестьянское хозяйство отдавало землевладельцу 20—30% совокупного продукта, что при урожае сам-2,5 — сам-4 обеспечивало устойчивое простое воспроизводство, а при благоприятных условиях даже и расширенное.

Велика была роль общины, которая воздействовала на крестьянское землепользование, контролировала использование сенокосных и промысловых угодий, разверстывала налоги. Будучи представителями тяглецов, общинные власти постоянно контактировали с собственниками земли, с кормленщиками, присылавшимися из столицы представителями центральной власти. Община в немалой степени гарантировала экономические и социальные аспекты жизнедеятельности своих членов.

Итак, на переломе XV—XVI вв. отмечается развитие сельскохозяйственного производства и повышение социального престижа крестьянства в обществе, что отразилось и в отмирании бытовавших ранее понятий и терминов для обозначения сельских тружеников — таких, как смерд, закуп, половник, сирота. Государство и феодалы пока еще не изымали у крестьян все, что находилось за пределами минимальных хозяйственных и житейских потребностей, не останавливали их хозяйственной инициативы. В результате крестьянство в целом к середине XVI в. накопило определенные ресурсы.

Города и ремесла. В начале XVI в. на огромной территории русского государства было разбросано свыше ста поселений городского типа. Этого было явно недостаточно для потребностей аграрного и ремесленного производства на таких огромных пространствах.

Статус и расположение русских городов складывались под влиянием множества факторов, существенным из которых было ордынское иго. Дело не только в массовом и неоднократном погроме и разорении русских городов, массовом уводе в плен ремесленников и торговцев, но и в том, что город изначально стал главным объектом эксплуатации со стороны ханской власти. Великие и удельные князья так или иначе унаследовали эту практику. Этим объясняется, например, тот факт, что городская земля тяглых горожан была государственной собственностью — аналогично черным сельским волостям.

Расположение городов по территории было крайне неравномерным. Из экономических потребностей они концентрировались вдоль главных дорог, по верхнему и среднему течению Волги, в междуречье Волги и Оки, особенно по рекам Москве, Клязьме, Оке. Для оборонных нужд вдоль северо-западных, западных и южных границ были сосредоточены многочисленные каменные города-крепости. Крупными городами того времени наряду с Москвой можно считать Тверь, Ярославль, Новгород, Псков, Старую Руссу, Вологду, Кострому, Нижний Новгород, Смоленск, Коломну, Рязань и некоторые другие. В то же время население городов-крепостей исчислялось несколькими сотнями жителей.

В целом доля городского населения была невелика и намного меньше, чем в развитых странах Западной и Центральной Ев-

ропы; по разным оценкам можно считать, что за вычетом феодалов и духовных лиц непривилегированные горожане составляли 4,5—5% трудового населения страны. Правда, в Новгородской земле горожане составляли около 9% всего населения, а сам Новгород (32 тыс. горожан) и Старую Руссу (свыше 10 тыс.) следует отнести соответственно к числу крупных и средних городов. Столь высокий процент горожан можно объяснить монополизацией Новгородом посреднической роли в торговле Руси с Европой: большие объемы торговли (в том числе и богатствами своих северных владений) требовали множества людей для обслуживания ее и развитых ремесел.

Разнообразие и специализация городских ремесел в целом обеспечивали сельчан, “тянувших” к городу, необходимым набором предметов бытового и производственного назначения. Но сеть городов была столь редкой, что крестьянам для покупок и продаж в городе необходимо было преодолеть десятки, а порой и сотни верст. Это восполнялось отчасти развитием деревенских ремесел в каждой крестьянской семье, а отчасти возникновением внегородских слобод, посадов, *рядков* с еженедельным или менее частым торжищем.

В городах насчитывалось несколько десятков профессий. Хорошо были представлены производство пищевых продуктов, обработка кож и пошив обуви, все связанное с конским обиходом, кузнечные и ювелирные ремесла, производство высококачественной и массовой посуды, строительных материалов, столярное ремесло, строительное дело.

Особо следует выделить производство вооружения. Защитные доспехи, рубящее, колющее, метательное оружие — большие луки, арбалеты, разнообразнейшие наконечники для стрел — все это, изготовленное русскими ремесленниками, пользовалось большим спросом внутри и вне страны. Данная продукция относилась к *“заповедным товарам”*, которые запрещалось продавать южным и восточным соседям.

Значительную долю горожан составляло купечество. Купцы помимо торговли в городе вели оптовую торговлю в близлежащих территориях, в масштабах страны, а нередко и заграничную, объединяясь в особые корпорации гостей и суконников (чего не

было еще в то время у ремесленников). Эти лица обладали большими привилегиями, а по ряду позиций их статус сближался с положением боярства.

Ведал городом, судил черных горожан, следил за крепостными сооружениями, правильным сбором торговых пошлин и питейных доходов княжеский наместник. Наряду с этим существовали и институты самоуправления тяглых горожан, возглавляемые представителями купечества — десятскими и сотскими. Разверстка налогов и отбывания повинностей (строительных, городских и т.п.), управление общественными зданиями и страховыми запасами городских житниц, благоустройство улиц и дорог, контроль за участием горожан в военных действиях и за тем, чтобы посадская земля не выбывала из тягла, — вот вероятный круг забот городского самоуправления.

В городском быту в это время впервые проявилась проблема, ставшая постоянной спутницей российского общества на многие столетия, — *проблема пьянства*. Первые сведения о том, что “веселие Руси есть питье”, относятся к X в. “Питие” продавалось в корчмах, хозяева которых платили подати князю. В конце XIV в. в России появилась водка, быстро ставшая популярной в качестве средства снятия стресса. Началось массовое пьянство, которое привело к тому, что великий князь всея Руси Иван III запретил своим подданным пить, за исключением праздников и выходных дней. Его сын Василий III вынужден был даже построить специальный городок для своих немецких наемников, где только они и могли пить сколько и когда угодно, не смущая местных жителей. Однако искоренить неумеренное питье водки было уже невозможно. В дальнейшем, при Иване Грозном ситуация круто изменилась: власти перестали ограничивать пьянство. Наоборот, сначала в Москве, а потом и в других городах появляются государевы кабаки, где можно было пьянствовать сколько угодно, принося этим доход казне.

Налоговая политика на рубеже XV—XVI вв. Одной из предпосылок и условий успешного восстановления страны после татаро-монгольского ига, а также успешного проведения реформ начала XVI в. была щадящая налоговая политика.

Тяглое население России состояло из крестьян и посадских жителей. Они были обязаны платить натуральные и денежные

сборы, а также выполнять разного рода повинности в пользу государства, князя или монастыря. В части объекта тягловых обязательств в этот период произошли значительные изменения. Если в XV в. основная часть повинностей носила местный характер, то на рубеже XVI в. происходит сдвиг в сторону увеличения обязанностей по отношению к государству. Одновременно происходит смещение центра тяжести с натуральных поборов в сторону сборов денежных.

Основным налогом оставалась *дань* (“данные” деньги) — прямая преемница “ордынского выхода”. Избавившись от гнета Орды, Иван III стал собирать с каждого удельного княжества сумму, приблизительно равную 1 тыс. руб.; это на несколько порядков ниже того, что они платили прежде Орде. Наряду с этим казна собирала “*примет*” — один из видов военных налогов — на строительство и оборудование укреплений засечной черты на южной границе Московского государства.

Увеличение и переоснащение армии требовало постоянного включения новых налогов. Эти налоги обычно и назывались в соответствии со своим целевым назначением. Так, в правление Ивана Грозного были дополнительно к прежним налогам введены “*пищальные*”, “*емчужные*”, “*полоянничные*” деньги.

Значительное место в составе казенных сборов занимали торговые и проездные пошлины. Они обычно взимались *пошлинниками* — представителями княжеской администрации или местного землевладельца, имеющего на это право, закрепленное в жалованной грамоте. Не редкостью была передача сбора пошлины на откуп: *откупщиками* выступали, как правило, торговые люди, имевшие хорошую репутацию.

Торговые пошлины делились на таможенные и рыночные. Перечень их огромен, а величина и условия взимания могли изменяться в разных местностях и по времени года. Важнейшей таможенной пошлиной была “*тамга*” (этот термин использовался часто и для других видов пошлин), которая взималась с торговцев при пересечении их товарами границ княжеств или территорий городов и торгов. Аналогом таможенной пошлины было и “*мыто*”, взимаемое с провозимого товара, прогоняемого скота или проходящих людей.

Разнообразные *рыночные сборы* взимались как с продавцов, так и с покупателей. Уже при пересечении товаром границы

рынка платилась “явленная” пошлина; “померная”, “весчая” уплачивалась при взвешивании или обмере товаров, за клеймение скота брали “пятно”, причем уплачивали его и продавец, и покупатель, и т. д. На рынке устанавливался и сбор с оборота — “осмичее”.

Несмотря на большое количество торговых пошлин, их совокупная сумма, видимо, не была разорительной для торговцев. Об этом свидетельствует постоянный рост ярмарок и торжков, а также и тот факт, что когда в XVII в. торговые пошлины были объединены в единую рублевую, то она оказалась равной всего пяти копейкам с рубля цены товара.

К числу традиционных сборов относятся и “земские пошлины”. Размер некоторых из них, например, “судебной пошлины”, был установлен в нормативных документах того времени — Судебнике Ивана III, государевых уставных грамотах. Размер многих земских пошлин устанавливался местным обычаем — например, сборы при вступлении в брак.

Наряду с выплатой дани, сборов и пошлин у тяглого населения были еще и личные обязанности по отношению к государству. Самым обременительным из них было содержание княжеской администрации, наместников, волостителей и других должностных лиц. Причем закрепление в уставных грамотах размеров содержания (...“на въезд волостителю кто что принесет, то ему и взяти, а на Рождество Христово дадут волостителю корм и ... мяса, десятеро хлебов, мех овса ...”) не избавляло население от злоупотреблений поборами.

Другие обязанности были связаны с “городовым и засечным делом”. Стремительное расширение территории страны в восточном и южном направлениях вызвало необходимость укрепления новых государственных границ. Население отрывалось от семьи, родных мест, полевых, хозяйственных работ и сгонялось на строительство укреплений на длительные сроки.

Реформы Ивана Грозного. В конце XV—начале XVI вв. в государстве *назрел социально-политический кризис*, вызвавший необходимость реформ в управлении и общественной жизни и имевший далеко идущие социально-экономические последствия, в частности, в закреплении крестьянства, надолго затормозившие экономическое развитие страны и задержавшие наступление

капитализма. Именно тогда были заложены условия, сделавшие на столетия экономику России “догоняющей” страны Запада не в силу внешней агрессии (как то было во времена татаро-монгольского ига), а в результате собственной социально-экономической политики. Чем же был вызван этот кризис?

Прежде всего, постепенно разгоравшимся конфликтом между боярством и дворянством. Бояре, сыгравшие свою положительную роль при объединении русских земель в XIII—XIV вв., в конце XV в. стали его тормозом, сопротивляясь усилению государственной (читай — княжеской, позднее — царской) власти. На смену им в начале XVI в. выдвинулись дворяне. Этот процесс неминуемо предполагал борьбу между ними.

К началу XVI в. вполне сложилась иерархическая система государственного управления во главе с московским великим князем. У него в подчинении оказались (в результате тонкой политики) удельные князья и бояре. Основу этой системы составляло *местничество* — принцип, при котором получение любой должности в управлении государством непременно зависело от родovitости и знатности боярина, степени его близости к великому князю, давности и верности служения ему всего рода. Местничество было необходимым элементом в борьбе великого князя за объединение русских земель вокруг Москвы, но по мере усиления централизованного государства теряло свою полезность для князя, создавая ему препятствие в усилении единоличной власти. Противоречивая роль местничества послужила одной из причин социально-экономического кризиса.

С этим же связана и другая проблема, вызванная борьбой вокруг *кормлений*. Кормленщик осуществлял суд и управление на местах на условиях его натурального обеспечения (корма) местными крестьянами. Кормления были наиболее престижными и выгодными государевыми службами. Обычно (и это не скрывалось) кормление было связано с возможностью злоупотреблений и приносило огромный доход. Но к середине XVI в. княжеский двор разросся, и кормлений на всех уже не хватало. Борьба за кормления усиливала напряжение в обществе.

В это же время наряду с боярством у княжеского престола появляется новый слой — *поместное дворянство* (“вольные слуги”,

а позднее — “дети боярские” — по терминологии того времени). Условное землевладение (наделение землей при условии выполнения определенной службы для князя) возникло давно, но лишь в конце XV в. приняло устойчивый характер и стало значимым, а в дальнейшем и ведущим фактором светского землевладения. В 30—40-е годы XVI в. стало вызывать недовольство, особенно у служилых дворян, неравенство в поместных “дачах” и пожаловании вотчин по отношению к тяжести и опасностям государевой службы.

Усиливало недовольство детей боярских и разделение их на тех, кто “емлет кормление”, и тех, кто “емлет государево денежное жалованье”. О кормлении уже говорилось. Что же касается жалованья, то все источники сходятся в том, что оно было строго нормировано и к тому же относительно невелико, да и выплачивалось крайне нерегулярно: участвовавший всю жизнь — 20-25 лет — в военных походах неродовитый дворянин (скажем, из числа горожан, холопов-послужилцев или эмигрантов из соседних стран) получал жалованье два, хорошо — три раза. И здесь налицо явное неравенство в опасности службы и вознаграждении за нее.

Институт местничества в какой-то степени ограничивал власть великого князя. Другим ограничением его власти выступала *Боярская дума*. При Василии III она стала соправительствующим при монархе органом единого государства, обладая законосовещательными, судебными и координирующими (в сфере дипломатии, военного и административного управления) функциями. В Думе, несмотря на опалу отдельных персон, почти всегда были представлены наиболее древние и влиятельные старомосковские боярские роды, рюриковичи, гедиминовичи. Великий князь не мог единолично принимать важнейшие государственные решения и нередко вынужден был лавировать, учитывая интересы различных боярских кланов. Многовластие Боярской думы, ограничение ею единоличной власти князя вкупе с практическим отсутствием в ней дворян также служило причиной кризиса.

Могущественную политическую и экономическую силу представляла собою церковь, владевшая значительными богатствами, без малого половиной земель и обладавшая огромным влиянием в обществе. Великие князья не могли открыто ограничить

власть церкви, и им приходилось использовать внутрицерковные разногласия (как, например, борьбу *“нестяжателей”* — последователей Нила Сорского и *“иосифлян”* во главе с Иосифом Волоцким), чтобы ограничить ее права. Князья использовали поддержку церкви в своей борьбе с боярами, но вечно терпеть могущество церкви не могли: рано или поздно государство должно было отобрать у церкви ее могущество, как это и происходило в других странах.

Наконец, подогривала кризис постоянная нужда государства в средствах, главным образом на содержание армии, ведение военных действий. Хозяйство страны страдало от постоянных набегов и военных захватов: на западе — Литовского княжества и прибалтийских орденов, на юге — Крымского, на востоке — Казанского ханства. К тому же в XV—XVI вв. массовым стало использование огнестрельного оружия, что потребовало принципиального изменения структуры и организации армии и, в конечном итоге, огромных дополнительных средств.

Таким образом, кризис во всех слоях общества и направлениях общественной и хозяйственной жизни в начале XVI в. обострился, а к моменту появления на престоле Ивана IV накалился до предела и потребовал своего разрешения — путем либо реформ сверху, либо открытой борьбы. Опорой власти к этому времени стал наиболее прогрессивный тогда слой населения — служилые дворяне, которые во всем поддерживали государя в надежде получить права, уравнивающие их с древними боярскими фамилиями, а также расширить свои владения за счет опальных бояр. Боярство же защищало свои многовековые права, ограничивая власть князя и тормозя развитие дворянства.

Иван Грозный проводил реформы в направлении усиления централизованной власти и армии, увеличения финансовых средств.

Справедливости ради следует сказать, что реформы, направленные на укрепление центральной власти, начались еще в правление Боярской думы при матери Ивана IV — Елене Глинской. Уже тогда были ограничены налоговые и судебные привилегии духовенства, поставлен под контроль рост монастырских владений. Тогда же были созданы *“губные” избы* (*“губа”* — админист-

ративный округ, позднее преобразованный в уезд), которые стали ведать судебными делами по наиболее тяжким разбойным преступлениям против государя, его правительства и феодалов. При Елене Глинской были сокращены и права бояр-кормленщиков, что послужило началом процесса ликвидации кормления.

В первый период своего царствования Иван Грозный продолжал реформы, начатые при его матери. В своей деятельности в этот период он опирался на созданный им в 1549 г. *Земский собор* — совещательный орган, куда были включены представители не только бояр, духовенства и дворянства, но и купечества, богатых горожан; тем самым намечалось установление в России сословно-представительской монархии по образцу западных стран. Среди других, Земский собор принял решение об освобождении дворян из-под юрисдикции бояр и переходе их в ведение государства.

В XVI в. и до Руси докатились катаклизмы первого в мире финансового кризиса, связанного с “революцией цен” в результате ввоза в Европу дешевого серебра из Америки. Ускорилась инфляция и падение фиксированных рентных платежей, снизились доходы крестьянства и землевладельцев, нарастал кризис хрупкой денежной системы. Покупательная способность рубля по сравнению с концом XV в. упала к 30-м годам на 25%, а к концу века — на 75%.

Ощущая огромную нужду в деньгах на реформирование армии и ведение боевых действий, Иван Грозный провел *налоговую реформу*. В 40-х годах XVI в. была проведена первая (после Орды) общая перепись населения и установлена единая поземельная окладная единица — соха, равная 400 дес. в служилых землях и 300 дес. в монастырских и церковных владениях. Была сформирована целая система финансовых ведомств, благодаря чему все денежные потоки попали под контроль Москвы.

В 1550—1551 гг. были отменены *тарханы* — финансовые привилегии (особенно это ударило по монастырям), увеличены ставки поземельных налогов, переведены на денежную оплату трудовые повинности. В целом платежи на единицу облагаемой пашни выросли в несколько раз.

В продолжение *реформ управления* в середине 1550-х была окончательно отменена система кормлений. Вся судебная, нало-

говая и прочая деятельность на местах, исполнявшаяся раньше кормленщиками, передавалась в руки выборных земских старост из местных дворян на селе и купеческой верхушки в городах, действовавших под контролем из столицы. Усиление контроля со стороны центра не могло не повлечь перестройки московских учреждений: там была организована довольно стройная система **“приказов”**. Одновременно была приведена в порядок (а на периферии создана заново) разнообразная учетная документация — Государев родословец, Разрядная книга, Тысячная книга и др.

В это же время началось **реформирование армии**: “Уложение о службе” (1556 г.) регламентировало службу дворян (с 15 лет) и условия наделения их землей и денежным жалованьем. Еще раньше (1550 г.) был создан особый отряд служилых людей, готовивший в дальнейшем офицерские кадры для дворянских ополчений. После поражения в Ливонской войне (1558—1583 гг.) военные реформы были продолжены: было введено стрелецкое войско из “охотников” на добровольной основе.

В целом преобразования Ивана Грозного в конце 40—начале 60-х годов имели комплексный, программный, структурный характер. Они охватили все основные сферы общества и государства, изменяя институты, а не отдельные учреждения.

Сравнительно спокойный, цивилизованный ход реформ не мог сломить все нараставшего сопротивления им со стороны боярской оппозиции. В 1665 г. царь объявил о переходе к особым условиям правления, что позволило ему установить неограниченные полномочия: была введена **“опричнина”**. Боярская дума и бояре были лишены многих прав. В условиях опричнины царь мог объявить изменником любого представителя княжеско-боярской аристократии, отобрать земли и имущество, казнить его без суда и следствия. Начался неслыханный террор, захвативший наряду с боярством и низшие сословия. Массовыми стали побег посадских жителей и крестьян на окраины страны. Любые выступления против опричной власти безжалостно подавлялись карательными экспедициями.

Введя опричнину, Иван Грозный покончил с боярской оппозицией и укрепил самодержавную власть. И хотя опричнина была через несколько лет отменена, ее последствия были очень тя-

желыми для страны. Вместе с поражением в Ливонской войне и участвовавшими набегами крымцев все это привело хозяйство страны к разорению.

* * *

Авантюрная в целом внешняя политика Ивана Грозного лишила Россию выхода к морю, а постоянные неудачные войны вместе с негибкой внутренней политикой ослабили страну.

В довершение всех бед к концу века в связи с общим похолоданием в Европе ухудшились условия сельского хозяйства, чаще обычного стали неурожаи. Так, 1570—1571 годы были подряд неурожайными, а три подряд неурожайные 1601—1603 годы привели хозяйство страны к катастрофе: ужасный голод унес, по оценкам современников, от одной до двух третей населения.

Не помогли даже меры, предпринятые правительством Бориса Годунова для спасения голодающего населения. Казна поставляла на рынок из государевых житниц дешевый хлеб (рыночная цена хлеба подскочила в 25 раз), голодающим раздавались бесплатно хлебцы. Помимо припасов голодающие могли получить небольшие денежные пособия — ежедневно на четырех больших площадях столицы чиновники раздавали беднякам в будний день по полушке, а в воскресенье по деньге; то же происходило и в Смоленске, Новгороде, Пскове, во многих других городах. В ряде городов царь особым указом вводил единую цену на хлеб, нормированную продажу в одни руки: это было первой в истории России известной нам попыткой (как и в дальнейшем, безрезультатной) государственного регулирования цен.

В стране начиналась *“Смута”*. Вместе с последовавшей интервенцией Смута привела хозяйство к полному разорению. И только после нее вновь началось восстановление и развитие хозяйства.

Развитие сельского хозяйства после Смуты. Печальным итогом Смуты, “великого литовского разорения” было обезлюдение центра, запустение пашенных земель, упадок ремесла и торговли. Но уже в начале 20-х годов Замосковский край оживает, восстанавливается, хотя и очень медленно, хозяйственная жизнь страны. “Дозорщики”, посылаемые правительством для выявления масштабов разорения и определения возможностей сбора

налогов, только к середине столетия относят к категории “живущей”, а не “пустой” пашни около половины, местами — чуть более ранее обрабатывавшейся земли.

С этого времени главное направление развития сельского хозяйства — экстенсивное: в хозяйственный оборот вводятся новые территории. Еще в середине XVI в. русское хозяйство впервые передвинулось на полосу черноземов. С тех пор идет быстрая *колонизация окраин*; наряду с освоением черноземных территорий южнее Тульско-Окской засечной черты земледелием начинают заниматься там, где его раньше не было, — в Поволжье, Башкирии, Сибири.

Для этого периода характерно использование трехполья и органических удобрений на ранее освоенных землях, хотя в дальних районах Замосковья, в Поморье, в Сибири применялись и менее эффективные — двухполье, перелог и подсека. И только к концу века трехполье использовалось уже повсеместно.

Какие культуры выращивались в XVII в.? Больше всего сеяли рожь и овес. Далее шли ячмень и пшеница, просо, гречиха, горох, конопля и полба. Конечно, на юге пшеницы сеяли больше, чем на севере. В огородах выращивали почти все распространенные и сегодня овощи — огурцы, капусту, морковь, свеклу, репу, лук и чеснок. В садах росли яблони, вишни, сливы и груши, малина, клубника, красная смородина и крыжовник. По рассказам посещавших в то время Московию иностранцев, выращивали в Москве и экзотические по тем временам дыни и арбузы, но это было, конечно, исключением.

Урожайность при местном климате была невысокой. К тому же частыми были неурожаи из-за морозов или засухи и, как следствие, голод. Выше уже упоминались трагичные для государства три подряд неурожайные 1601—1603 гг.

Животноводство развивалось в основном в крестьянских хозяйствах, которые поставляли помещикам и тяглый скот, и столовые запасы — мясо, птицу, яйца, молоко, масло и т.д.

Речную рыбу ловили повсеместно и на крестьянском столе она была чаще мяса. Но в северных районах (Поморье) ловили в Белом и Баренцевом морях треску, палтуса, сельдь и семгу; промышленяли тюленей и моржей. На Волге и ее притоках, а также в Яике, помимо обычной ловили красную рыбу.

Исконно лесные промыслы — охота и бортничество — были распространены повсеместно, хотя обилия пушного зверя в европейской России в XVII в. уже не было; сократилось и количество соболя в обжитых районах Сибири.

В сельском хозяйстве господствовало натуральное хозяйство на основе мелкого производства. Но уже в то время появляется общественное разделение труда, *хозяйственная специализация отдельных районов* страны на производстве определенных культур. Так, избыточное зерно поступало главным образом из южных и поволжских уездов, животноводство преобладало в среднем Поволжье и Вологодском крае, Псковский и Новгородский районы специализировались на производстве льна и конопли, товарное огородничество развивалось вокруг больших городов.

Социальное и материальное положение крестьянства на протяжении XVII в. постоянно ухудшалось. Снижился в течение века средний уровень благосостояния русского крепостного крестьянина, сократилась, по переписным книгам, крестьянская запашка. Вместе с тем заметнее стало расслоение деревни: наряду с безлошадными крестьянами, имевшими по пол-десятины земли, появились зажиточные, имевшие по несколько десятков десятин. Из числа крепостных выходили крупные купцы и промышленники, известнейшие в дальнейшем фамилии (Антроповы, Глозовы), но это, конечно, были единичные случаи.

Хуже всего приходилось крестьянам светских феодалов, особенно мелких. Крестьяне работали в пользу феодалов на *барщинах* (от двух до четырех дней в неделю), вносили натуральный и денежный *оброк*. “Столовые запасы” возили на дворы землевладельцев те же крестьяне. Они же возводили хозяйству строения и дороги. Они же несли повинности в пользу казны. Несколько легче жилось крестьянам дворцовым. Лучше было положение государственных, чернососных крестьян. Они не подчинялись непосредственному частному владельцу, но несли разные повинности в пользу государства; правда, в дальнейшем, по мере развития казенных мануфактур именно из этих крестьян формировались работные люди.

Закрепощение крестьянства. Уже в XIV—XV вв. на территории России начали складываться отношения предбуржуазного

свойства: крестьянство стало переходить к товарному производству, особенно в *вотчинах*, хозяева которых отдавали их по частям в аренду под денежный оброк. При этом “крестьянин договаривался с землевладельцем как свободное, юридически равноправное с ним лицо” (В. О. Ключевский).

При товарном производстве ускоряется расслоение, появляется рынок рабочей силы, развиваются промыслы и торговля. Это способствует росту городов: во второй половине XV века их было около 100, в середине XVI — уже 160. Россия, хотя и несколько позже стран Западной Европы, начинала движение по капиталистическому пути.

Но наряду с вотчиной, наиболее распространенной до XVI в. формой наследственного землевладения, появляется “*поместье*” — обычно, получаемый от казны, относительно небольшой участок, который нельзя было отчуждать, продавать, передавать по наследству. Там помещик вел собственную запашку, не отдавая землю в аренду. В этих условиях выгоднее была барщина. Но она требовала насильственного прикрепления крестьян к земле.

Поместья создавались путем ликвидации вотчин. Так, после захвата Новгорода Иван III “вывел” новгородских бояр (лишил их прежних вотчин и расселил по другим землям) и “испоместил” около тысячи своих доверенных дворян. Окончательно утвердилась эта форма землевладения при Иване IV, когда поместье стало самой распространенной формой землевладения.

По мере расширения поместной системы крестьяне переводились с оброка на барщину и становились таким образом фактически прикрепленными к земле. До конца XV века крестьяне считались юридически вольными, так как имели общепринятое право “отказа”, “выхода” от хозяина, хотя общего закона на этот счет не существовало. Но с усилением централизованного государства начинает появляться *крепостное право* как законодательно закрепленная система социальных и экономических отношений. Первым документом такого рода считается упоминавшийся уже ранее “Судебник” Ивана III (1497г.), устанавливавший неделю до и неделю после Юрьего дня (26 ноября) как общий для всех крестьян срок, когда допускался переход от одного хозяина к другому, при условии уплаты феодалу за проживание на его

земле “*пожилого*” (в конце XV—начале XVI вв. пожилое составляло 1 рубль с человека; на эти деньги тогда можно было приобрести рабочего коня или 100 пуд. ржи).

В то время вопрос прикрепления крестьян к земле еще не имел окончательного решения и вызывал споры. Города, ремесленники, крестьяне, крупные землевладельцы-бояре, купечество выступали за свободы. Помещики — за прикрепление к земле. Результат зависел от того, на чью сторону встанет власть. Иван Грозный встал на сторону дворян-помещиков. Своим судебником (1550 г.) он отменил рабство за долги, но увеличил плату за “пожилое”, что существенно затрудняло крестьянский переход. Указ 1581 г. о “*заповедных летах*” фактически отменял возможность перехода на неопределенный срок (как это обычно делается российским правительством — временно, в связи с чрезвычайными обстоятельствами), а в 1597 г., уже при преемнике Ивана Грозного — царе Федоре установлено окончательное запрещение крестьянского “выхода” и определены сроки поимки беглых крестьян — сначала 5 лет, потом — 15 лет (1607 г.). Наконец, в Соборном уложении, принятом при Алексее Михайловиче (1649 г.) установлена *вечная потомственная зависимость крестьян от собственника земли*. Крестьяне, как и земля, стали собственностью помещиков. Одновременно был запрещен и выход посадского люда из городского сословия.

Крепостничество, конечно, более консервативно, чем система рент. Закрепощение крестьян тормозило капиталистическое развитие России, препятствуя созданию необходимого для этого рынка труда. И как бы ни оправдывали крепостничество сторонники особого пути России, это “огосударствление производительных сил” стало поворотным пунктом экономического развития страны, обусловив на долгие годы экономическое и культурное отставание России.

Развитие ремесленного производства и возникновение мануфактур. Основная масса ремесленников в XV—XVII вв. работала на государство, казну, часть обслуживала нужды вотчинных феодалов. Но некоторая их доля, живя в городах, входила в посадскую общину, работала на случайных заказчиков, на рынок и ремесло, таким образом, начало в XVII в. перерастать в *мелкотоварное*

производство. Здесь начинает применяться и **наемный труд**: в наемники к разбогатевшим кузнецам, котельникам, хлебникам и другим ремесленникам шли бедные посадские люди, батрачившие крестьяне. Но широко распространено по-прежнему и домашнее производство: по всей стране крестьяне производили холсты, веревки, обувь, одежду, посуду и многое другое. Через скупщиков часть этих изделий также попадала на рынок.

И все же основную массу товаров для рынка производили **тяглые ремесленники** городских посадов и чернососшных волостей. Наряду с ними существовали **дворцовые** ремесленники (в основном в Москве), обслуживавшие нужды царского двора, **казенные и записные**, работавшие по заказам казны (строительство и обустройство крепостей и казенных зданий), и **частновладельческие**, изготавливавшие все необходимое для своих хозяев — помещиков и вотчинников.

Мастер как самостоятельный производитель-ремесленник обычно имел подмастерьев и учеников. Первые работали на условиях найма, а ученики подражали на учебу и работу у мастера на 5-8 лет. При этом они жили у хозяина, получали харчи и одежду, выполняли любую работу. Поработав после обучения в подмастерьях, ученики приобретали необходимый опыт и сами нередко становились мастерами.

К 80-м годам XVI в. в российских городах сложилась определенная сословная иерархия. Высшее торгово-промышленное сословие “гостиная сотня” — это крупные оптовые торговцы (около 350 ч.); “суконная сотня” (около 250 ч.) — купцы, сочетавшие торговую деятельность с промышленно-производственной; “черная сотня” — розничные торговцы и ремесленные мастера; “посадские” — рабочий люд городских окраин (позднее их стали называть “слободскими”).

Посадские люди, которые, как и в сельских поселениях, жили общинами, несли различные повинности и платили **налоги** (“**тягло**”), разверстанные, главным образом, на посадскую бедноту, и здесь возникали их конфликты со слободскими ремесленниками. На городских дворах и в окраинных слободах, принадлежавших боярам, монастырям, издавна проживали их крестьяне, холопы, также занимавшиеся ремеслом и торговлей.

Причем, в отличие от посадских тягловцев, городских податей они не платили и повинностей в пользу государства не несли. Освобождение этих ремесленников от тягла (“обеливание”) делало их труд более дешевым и тем самым ухудшало положение посадских людей. Посадские люди в своих челобитных требовали уравнивать всех, занимающихся ремеслом, включая и слободских, в отношении к посадскому тяглу. Позднее, Соборным уложением 1649 г. сословное размежевание было законодательно зафиксировано: “посадские” не могли идти без царской воли в холопы, крестьянское и служилое сословия, а служилым, архиереям и монастырям нельзя было заниматься торговлей и ремеслами в городах.

В промышленности быстрее, чем в сельском хозяйстве, складывалась *территориальная специализация*. Однако в различных отраслях это происходило неодинаково. Так, центры металлургии, основанной на добыче болотных руд, сложились к югу от Москвы — в Серпуховском, Каширском, Тульском, Алексинском уездах и на северо-западе — Устюжна Железнопольская, Тихвин, Гусь Железный в Олонецком крае. В этих же местах сосредоточивалась и металлообработка, обнаружившая уже тогда тенденцию к укрупнению производства и применению наемного труда. И не случайно именно здесь возникали первые мануфактуры.

Крупнейшими центрами кожевенной промышленности были Ярославль и наряду с ним — Вологда, Нижний Новгород, Казань. Центром валяной обуви выступал Углич. А вот скорняжное производство, особенно по обработке дорогих мехов, сосредоточивалось в Москве (Панкратьевская слобода). Вологда славилась сальными свечами, Казань — сафьяном, Кострома и Ярославль — мылом, Псков, Ржев, Смоленск, Нижний Новгород — обработкой льна и т.д. Налицо, таким образом, специализация и масштабное производство, необходимые для следующего шага промышленного развития — создания мануфактур.

Поскольку кустарное производство не может удовлетворить спрос растущего рынка, в XVII веке на месте крупных мастерских возникали *мануфактуры*, то есть рассчитанные на массовое производство предприятия с разделением труда и использованием механизмов (в то время на основе использования силы текущей воды), что существенно повышало их производительность.

Первые мануфактуры в России, такие, как Пушечный двор в Москве, где построили “кузнечную мельницу”, чтобы “железо ковать водою”, были *казенными* т.е. принадлежали казне и дворцу. Здесь же появились две казенные пороховые мельницы, швейные мануфактуры — Царская и Царицына мастерские палаты, ткацкая мануфактура — Хамовный двор в Кадашевской слободе, шелковая — Бархатный двор. На этих мануфактурах использовался принудительный труд и связей с рынком они не имели, работая на заказ царского двора и казны.

Огнестрельное и холодное оружие делали в Московской Оружейной палате — мануфактуре *рассеянного типа*, где в отличие от *централизованных* мануфактур мастера работали и в помещении палаты и на дому.

“Дворцу” принадлежали и монетные дворы — крупные централизованные мануфактуры: на новом монетном дворе изготовлением медной монеты были заняты до 500 работников.

В это же время наряду с казенными появляются и *купеческие мануфактуры*, использующие *наемный труд*. После того как Ченслер высадился на Двинском берегу (1553 г.), англичане построили первые мануфактуры — две канатные фабрики в Вологде и Холмогорах и железный завод в Вычегде. Это были сравнительно крупные предприятия — свыше 400 наемных рабочих (в основном крестьян-оброчников) на каждом. Создавались и чугуноплавильные и железоделательные заводы с наемным трудом (примером могут служить заводы Никиты Демидова в Туле).

Часто мануфактуры с наемным трудом создавались иностранцами. Так, под Москвой появился Духанинский стекольный завод Е.Койета, выходца из Швеции (вспомним, что традиция приглашать иноземцев, и не только военных специалистов, для службы в России идет со времен царя Ивана III). Три вододействующих железоделательных завода под Тулой построил в 1630-е годы А.Д.Виниус, голландский купец, привлечший в компанию датчанина П. Марселеса и голландца Ф. Акему. Последние построили также четыре подобных завода в Каширском уезде.

Начали создаваться и *вотчинные* мануфактуры: бояре использовали при этом крепостной труд. Первыми были заводы И.Д. Милославского и Б.И. Морозова в Оболенском, Звенигородском и Нижегородском уездах.

Наконец, появились **смешанные** мануфактуры, где использовался труд как вольнонаемный, так и принудительный. По найму работали иноземные и русские мастера и подмастерья, а подсобные и черные работы — добыча руды, заготовка угля, доставка необходимых материалов к заводам — выполнялись крепостными крестьянами обычно приписанных к заводам соседних дворцовых волостей.

Таким образом, создание мануфактур, а в XVII в. их было уже несколько десятков, не считая более 200 солеварниц, использовавших наемный труд, — значительный шаг вперед в развитии российской промышленности как в плане увеличения общих масштабов производства и создания товарного рынка, широкого разделения труда, применения механизмов, так и в плане использования наемного труда.

Использование принудительного труда в крепостной России неудивительно. Но по мере развития мануфактур возникают элементы капиталистических отношений — начинается формирование рынка наемного труда и первоначальное накопление капитала. Хотя все это идет вразрез с крепостнической политикой государства.

Создание единого всероссийского рынка. Развитие сельского хозяйства и промышленности, разделение общественного труда, территориальная специализация в условиях крепкой центральной власти привели к возникновению в XVI в. крупных региональных рынков (в рамках бывших княжеств), а в XVII в. — всероссийского рынка.

Несмотря на значительную роль натурального хозяйства и отсутствие дорог, развивались торговые центры в форме многопродуктовых **ярмарок**, в то время еще эпизодических — на несколько недель в определенное время года. Наиболее значительными были наряду с Московской также Макарьевская (близ Нижнего Новгорода) и Ирбитская (на Урале). Эти ярмарки имели многопродуктовый характер — там торговали всем, что производилось в России и привозилось из-за рубежа.

Наряду с ними развивались центры торговли определенными товарами. Такими центрами в хлебной торговле были Нижний Новгород — в центре, Великий Устюг, Вологда, Вятка — на се-

вере, Кунгур — на востоке и южные города — Орел, Воронеж, Острогожск, Коротояк, Елец и Белгород; к концу столетия хлебный рынок появился в Сибири.

Лен и пеньку сбывали через Псков, Новгород, Смоленск и Тихвин. Кожами, салом и мясом торговали Казань, Ярославль, Вологда и Кунгур. Железными изделиями — Устюжна Железнопольская и Тихвин. В Воронеже к середине XVI в. сформировался всеевропейский конный рынок.

Развивалась розничная торговля в городах — в торговых рядах и шалашах, с лотков, скамей и вразнос. Связь крестьян с рынком осуществляли коробейники — посадские мелкие торговцы, выполнявшие одновременно и роль скупщиков: продав городские товары, они покупали у крестьян холсты, сукна, меха и прочее.

Развивалась и внешняя торговля. Три четверти внешнего товарооборота шли через Архангельск в западноевропейские страны (с середины XVI в.; это был единственный и крайне неудобный порт); через Астрахань шла торговля со Средней Азией; через Новгород и Псков — со Швецией; через Путивль и Смоленск — с Польшей и Чехией; через Тобольск, Тюмень и Тару — со Средней Азией и Китаем.

В XVI в. меняются статьи русского экспорта. Если раньше вывозили почти необработанное природное сырье — лес, воск, меха, пеньку, смолу и деготь, то теперь это дополняется (в крайне малых пока количествах) продукцией сельского хозяйства — пшеницей, гречихой, льном, коноплей, кожей, маслом, салом, мясом, щетиной; реже — полуфабрикатами — чесаным льном, трепаной коноплей; совсем редко вывозились готовые продукты — канаты, деревянная посуда, льняное масло, полотно, поташ и др. Ввозили изделия промышленности и “колониальные товары” — сукна и металлоизделия, порох и оружие, жемчуг и драгоценные камни, шелковые и хлопчатобумажные ткани, писчую бумагу и кружева.

Во второй половине XVII в. еще раз заметно изменились статьи российского экспорта: впервые в значительных количествах стал экспортироваться хлеб (мощным потоком он пошел гораздо позднее — с начала XIX в.), начался массовый вывоз в Персию русского полотна.

Москва, будучи административным центром, имела торговые связи практически со всеми областями страны. В Москве того времени сосредоточено кожевенное, свечное, кирпичное, мукомольное, хамовное (производство тонкого белья), белильное производства. Здесь немало посадских людей составляли особый “купецкий чин”, занимаясь исключительно торговлей. Заметный слой купцов был и во многих других городах — особенно перевалочных пунктах у речных пристаней. Зарождался класс купечества.

Но развитие торговли шло медленно. Крупные торговцы выходили из зажиточных ремесленников, крестьян. Собственных средств у них было недостаточно, капитал обращался медленно, кредит отсутствовал, ростовщичество еще не стало профессиональным занятием. Отсутствие торговой специализации, территориальная разобщенность торговых точек требовали много агентов и посредников. Все это усложняло и удорожало процесс обмена.

С самого начала развития российского рынка государство играло в этом процессе активную, в основном негативную роль — оно способствовало монополизации рынка, пытаясь стать главным монополистом. К числу объявленных государством “заповедных” товаров, торговля которыми была для частных купцов запрещена или крайне ограничена, во второй половине XVII в. относились вино, икра, рыбий клей, моржовый клык, нефть, шелк, медь, ремень, хлеб, поташ. К тому же правительство поощряло и монополизм крупных купцов, среди которых было немало иностранцев. Так, в 1663 г. вся иностранная почтовая связь в России была отдана немцу Иоганну фон Сведену.

Иностранные купцы, особенно англичане и, позднее, голландцы, еще со времен Ивана Грозного пользовались значительными льготами правительства и создавали конкуренцию на внутреннем рынке, вызывая протесты менее богатых русских торговцев. Только в 1649 г. английским купцам запретили торговлю внутри страны, после чего их всех выслали.

По *Таможенному уставу 1653 г.* в стране были ликвидированы многие мелкие таможенные пошлины, оставшиеся еще со времен феодальной раздробленности; сохранились только старинные сборы с переправ и мостов. Взаем ввели единую рублевую пошлину — по 5% (10 денег с рубля) с покупной цены товара и 10% с продаж. С иноземцев брали больше, чем с русских

купцов, причем платить пошлину они должны были золотой или серебряной монетой. А принятый в 1667 году *Новоторговый устав* (разработанный А. Ордын-Нашекиным) обеспечивал еще больший протекционизм отечественному купечеству: иностранным купцам разрешалась только беспошлинная оптовая торговля в ограниченном ряде городов (в основном портовых). Проезд и торговля внутри страны допускалась для них только с особого разрешения царя; при этом взималась двойная пошлина ефимками по принудительному курсу. Чтобы избежать ее, создавались “совместные” (по современной терминологии) иноземно-русские предприятия. Отметим, что в том же году Кольбер ввел во Франции столь же жесткий таможенный тариф.

Финансово-денежная и налоговая политика. Доходы финансовой системы складывались из налогов, пошлин и доходов от чеканки монеты. В поисках дополнительных доходов государство уже с начала XVII в. сразу после Смуты пыталось изменить налоговую систему. Взойдя на престол, Михаил Федорович вводит новые налоги — “ямские” деньги (на содержание почтовой связи — по 10 руб. на соху), “хлебные запасы ратным людям на содержание”, еще раньше были введены оброк за отмену “наместничьего корма”, “полоняничные” деньги и т.п.

Кроме общего налога в чрезвычайных обстоятельствах добавлялся и долевого подоходный налог с торговых людей — то “пятая”, то “десятая”, то “пятнадцатая” деньга на особые военные нужды (впервые был собран подобный налог по инициативе К. Минина).

Одновременно вырос удельный вес непрямых налогов — кабацких, таможенных. В середине XVII в. (по Котошихину) общий доход государства составлял 2,229 млн. руб., в том числе от сибирских мехов — 600 тыс., таможенных доходов — 500 тыс., кружечных — 100 тыс., судебных пошлин — 15 тыс. руб. и т.д.

В 40-е годы начался невероятный рост прямых налогов. Владельческая соха стала платить по 1,7 тыс. руб., тогда как в XVI в. платила 10–20 руб. Сумма косвенных налогов в 1642 г. увеличилась в 10 раз по сравнению с 1613 г. Денежные оброки возросли в пять раз. Хотя деньги и подешевели вдвое за тот период, тем не менее рост налогов огромен.

В основе налоговой системы было дифференцированное по территории обложение пахотной земли. Единица налогообложения — *соха* была по существу условной единицей измерения всего имущества, куда входил *поземельный, подворовый и промысловый налог*, но привязывалась к обрабатываемой пашне и составляла в XVII в. по разным территориям от 500 до 1200 четвертей (1 четверть = 0,5 дес.). При обложении городов нормальными размерами сохи промышленной, посадской и слободской были, по свидетельству В.О. Ключевского, “40 дворов лучших торговых людей, 80 средних и 160 молодых посадских людей, 320 слободских”. Использовалась и более мелкая единица измерения податного имущества — *выть*. Поскольку соха и выть исчислялись по-разному для различных территорий, форм собственности, производительности земли и учитывали различное производственное оборудование (“... а в соху два коня, ... лавка за соху, плуг за две сохи, кузнец за соху, ладья за две сохи...”), *сошное письмо* (перепись облагаемого имущества в виде *писцовых книг*) и обложение были крайне сложными и запутанными.

По сохам исчислялась лишь общая величина подати от города, волости или вотчины. Разверстывание же ее по плательщикам (“разруб”) производилось выборными “окладчиками” “смотря по пожиткам и по промыслам”, “чтобы богатые и полные люди перед бедными во льготе, а бедные перед богатыми в тягости не были”. Надо полагать, собственники богатого имущества, выступавшие окладчиками, при этом себя не обижали.

При подготовке в 1680 г. *первого в России государственного бюджета* (кстати, этот бюджет, несмотря на тяжелое финансовое положение государства и постоянную нехватку денег у правительства, был сверстан бездефицитным) налоговая система была радикально изменена: поземельное обложение в 1679 г. было заменено *подворным*. Для этого была проведена очередная перепись населения и имущества. Количество налогоплательщиков при этом увеличилось за счет холопов и других категорий населения, раньше не плативших налогов. Переходом от сохи к двору в течение нескольких лет служила “*живущая четверть*”, которая приравнивалась на черных землях к 10 крестьянским дворам

или 20 бобыльским; для поместий и вотчин норма уменьшалась — четверть включала 16 крестьянских или 32 бобыльских двора; монастырские хозяйства облагались в полтора раза больше.

Государство постоянно пыталось поправить свои финансовые дела за счет доходов от *“регалий”* (царских монополий) — исключительного права торговать определенными товарами. Внутри страны это была *питейная* регалия: приготовление и продажа пива, меда и вина (водки) принадлежали исключительно казне. Число и расположение кабаков было ограничено (так же, как и количество вина, потребляемого одним лицом, — чарка). Во внешней торговле *казенная монополия* распространялась на множество товаров. Монополии нередко отдавались на откуп не без выгоды для казны.

Но огромные военные расходы (Россия постоянно вела войны за выход к морю), составлявшие более 60% бюджета, требовали все новых источников дохода. Значительные средства получала казна от *чеканки монеты*.

До конца XV в. чеканкой монеты занимались самостоятельно практически все княжества Руси. Иван III утвердил московские деньги едиными для всего государства и запретил входившим в него княжествам чеканить свою монету. На московских монетах появилась надпись “Осподарь всеа Руси”. При нем чеканка монеты изымается из частных рук и превращается в государственную монополию; была унифицирована русская монетная система и прекратилась чеканка монеты отдельными феодальными князьями; эту политику Иван III завещал продолжать и своим сыновьям. Лишь Новгород Великий продолжал выпускать свои деньги вплоть до Ивана IV.

В правление его матери Елены Глинской (1535 г.) в целях борьбы с поддельными и неполноценными деньгами была проведена денежная реформа, создавшая единую денежную систему. В ее основе лежали *“копейные деньги”* — серебряные монеты с изображением воина, копьем поражающего змея (позже они получили название “копейки”). Более мелкие монеты, называвшиеся “денга” или “сабляница” (по изображению воина с саблей), равнялись по номиналу половине копейки, еще более мел-

кие — половине денги или четверти копейки (“полушки”) и самые мелкие — “пол-полушки”. Такая система мелких денег продержалась в России почти 300 лет, правда, с XVIII в. их чеканили из меди.

В начале XVII в. при Василии Шуйском были выпущены в сравнительно небольшом количестве первые российские золотые монеты — гривенники (10 копеек) и пятаки, но моментально вышли из обращения, превратившись в сокровища. Трудности с созданием устойчивой денежной системы в России были вызваны отсутствием собственной добычи благородных металлов. Серебряные, а позднее и золотые монеты перечекались из иностранных. В течение многих веков допускалось хождение иностранных монет. В XVII в. на них стали ставить государево клеймо (изображение всадника с копьем или двуглавого орла дома Романовых).

Для пополнения бюджета государство нередко пользовалось “*порчей*” монеты. Так, около 1620 г. вводится “новый чекан” более легкой (примерно на четверть) монеты. Рубль новой чеканки стал равняться лишь 10 английским шиллингам вместо 14. Ухудшая монету, правительство оправдывало это тем, что к подобным мерам прибегают во время войн во многих государствах, а финансовое состояние Московского государства к середине XVII в. под влиянием многочисленных войн было очень тяжелым.

В начале царствования Алексея Михайловича, перечекавшая чешские и немецкие талеры (называвшиеся “ефимками”), принимавшиеся правительством по цене 14 алтын, из каждого получали 21 алтын и 2 денги (64 копейки), а с 1654 г. из каждого ефимка чеканили уже рубль, в то время как реальное содержание серебра в одном талере было на 40-42 копейки. Тогда же под влиянием господствовавшего в Европе *номинализма* правительство ввело медные деньги с официальным курсом, при котором медная копейка приравнивалась к серебряной того же веса. Государство расплачивалось со служилыми и посадскими людьми медью, а налоги требовало платить серебром. Очень скоро серебро было вытеснено из обращения (в значительных количествах ушло за границу), установился реальный курс, по которому за серебряную копейку давали 15 медных. Это привело к обнищанию населения (цены подскочили за год в 17 раз), в результа-

те чего в Москве произошел “*медный бунт*” (1662 г.). Бунт был быстро подавлен, при этом 7 тыс. ч. было казнено и 15 тыс. сослано в Сибирь, но медные деньги были изъяты из обращения — выкуплены по цене рубль медных денег за две серебряные денги. Правительство и в дальнейшем прибегало к “порче” монеты, хотя и не столь явно.

В середине XVII в. значительные изменения произошли в *ростовщичестве*. Оно не было в то время на Руси самостоятельным занятием, т.е. ростовщическими операциями занимались не финансовые профессионалы, а купцы, монастыри, крупные феодалы. Предложение денег на рынке кредитов было ограниченным, что вело к постоянно высокой процентной ставке: она была обычно не ниже 50%.

Правительство Алексея Михайловича боролось с высокой ставкой, но не нашло лучшего решения, чем запретить ее вовсе: Соборным уложением 1649 г. брать процент по займам было запрещено. Это запрещение разрушило существовавший легальный рынок кредитования, ведь мало кто согласится давать беспроцентный кредит, а нужда в нем существовала всегда. В результате это решение правительства способствовало развитию *теневой экономики*, существовавшей в этом секторе до XVIII в. (Любопытно отметить, что в 1665 г. А. Ордын-Нащекин, будучи воеводой в Пскове, пытался создать в составе городской управы местный банк для кредитования “маломочных купцов”, но не успел — царь забрал его к себе в помощники и инициатива заглохла.)

С расширением территории, усложнением налоговой системы и оживлением государственной жизни росло число “*приказов*”, ведавших торговой и финансовой сферами государства. Приказ Большого прихода собирал через своих представителей на местах таможенные доходы. Приказ Новой четверти (Новая четь) ведал кабацкими сборами в Москве и южных городах, вел борьбу с незаконной продажей вина и табака. Приказ Большой казны имел широкие полномочия: в его подчинении были казенная промышленность и торговля, чеканка монеты, а с 1680 г. — таможенные и кабацкие сборы. В 1654 г. создан Счетный приказ — первый в России контролирующий финансовый орган.

* * *

В XVII веке в России началось накопление капитала, осуществлявшееся главным образом за счет торговли, неэквивалентного обмена между сословиями и ограбления колониальных окраин. Появились первые элементы капитализма — единый рынок, мануфактуры, наемный труд. Но в целом ни государство, ни общество не были к нему готовы. В стране назревала необходимость очередных реформ.

Глава 4

Разложение крепостнической системы хозяйства и формирование капиталистических отношений

(XVIII—середина XIX вв.)

4.1. Экономическая политика Петра I

К концу XVII века Россия отстает в экономическом развитии от Западной Европы. Причины этого кроются как в отсутствии выхода к морю (если считать крупную оптовую внешнюю торговлю и захват колониальных территорий главными двигателями экономики в период первоначального накопления капитала), так и в недостаточном развитии элементов капитализма; лишь незначительная часть мануфактурного производства существовала на вольнонаемной основе. И несмотря на рост экономической роли купечества и развитие ремесел, закрепощение крестьянства и отсталое землепользование сдерживали экономическое развитие страны. Созрели и потребность и политические предпосылки для экономических реформ в виде укрепившейся централизации государственной власти — самодержавия.

Петр I, следуя своим предшественникам, проводил реформы в армии, государственном управлении, образовании, производстве, финансах. Но, в отличие от предшественников, делал это более энергично и решительно. С 1 января 1700 г. в России был

введен новый календарь, что символизировало начало реформирования всех сторон жизни страны.

Будучи “государственником”, Петр продолжал политику **огосударствления** производительных сил. При нем ускорилось создание казенных мануфактур, увеличились масштабы принудительного труда: впервые были введены внутренние **паспорта**, сократившие возможности вольнонаемного труда. Строились казенные заводы и к ним прикреплялись крестьяне. Впервые в мировой истории появилось невиданное явление — крепостной рабочий класс при управляемых государственными чиновниками заводах.

Промышленность. Экономическая политика Петра была обусловлена военными нуждами, потребностями обеспечения армии и флота. Она заключалась в стимулировании производства вооружения и военного снаряжения — металлургии и металлообработки (изготовление оружия, якорей, гвоздей и пр.), текстильного производства (сукно, парусина), изготовления пороха, канатов и т.п.

Теоретической базой экономической политики выступал **меркантилизм**, господствовавший тогда на Западе. Эта теория требовала соблюдать приоритет развития национальной промышленности и торговли; при этом во внешней торговле доходы от экспорта должны преобладать над расходами на импорт.

Правительство Петра I различными способами (вплоть до административного запрета ручных технологий) стимулировало рост мануфактур. Мануфактуры в России не выросли естественно из домашнего ремесленного хозяйства под воздействием постепенно растущего рынка, но искусственно насаждались при Петре правительством. Первоочередной стала проблема больших капиталов.

До Петра в России выработалось несколько организационных схем объединения финансовых усилий предпринимателей (в основном с целью сбыта товаров). Так, среди крупного купечества обычной формой такого объединения был **торговый дом**. Здесь объединение строилось на семейных связях, ни складывания капиталов, ни совещательного обсуждения политики действий здесь не было: всем делом заправлял посредством нераздельного капитала глава дома — **большак**, который и отвечал перед

правительством за своих подручных-домочадцев. В конце XVI в. крупнейшим и известнейшим из таких домов был торговый дом солеваров братьев Строгановых; в конце XVII в. — дом архангельских судостроителей Бажениных, имевших свою верфь на Северной Двине.

Другой формой объединения усилий и капиталов в купеческой среде было *складочное товарищество* на доверии. Но ни та, ни другая формы не могли обеспечить массового привлечения капиталов в необходимых размерах. Наблюдая, будучи в Европе, организацию и деятельность обществ совместного предпринимательства, Петр стремился и своих капиталистов приучить действовать по-европейски, смыкаться в компании. Наилучшим средством для этого он считал казенные субсидии, ссуды и льготы, выдаваемые компаниям, образованным по европейскому образцу, — *кумпанствам*. Но и здесь он действовал как государственный. Ощущая необходимость в срочной постройке флота и не имея для этого достаточных средств, Петр ввел “морскую повинность”: российские собственники должны были строить корабли, срочно объединившись для этого в кумпанства. Каждое кумпанство — объединение собственников 8 тыс. дворов — обязано было построить один линейный корабль.

В стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей, без покупателей мануфактурное производство могло создаваться и поддерживаться лишь при сильном покровительстве правительства. Мануфактуристам предоставлялись льготные кредиты, бесплатная земля, освобождение от налогов. Им предоставлялась, наконец, почти бесплатная рабочая сила — крестьяне *посессионные* или “*купленные*” (по указу 1721 г. для обеспечения мануфактур хозяевам-недворянам — купцам, богатым горожанам из числа ремесленников разрешалось покупать крестьян в условное владение вместе с фабрикой) и *приписные* (правительство нередко приписывало к частным заводам казенных крестьян).

Стала распространенным явлением передача казенных предприятий, особенно убыточных, частным владельцам или торгово-промышленным компаниям — тем же кумпанствам. Государство брало на себя затраты по подготовке оборудования и рабочих, оплачивало присылаемых на эти предприятия специалистов.

Искусственно устанавливались монопольно высокие цены на продукцию мануфактур, вводились высокие ввозные пошлины, отсекавшие иноземные товары. В результате к 1725 г. (конец петровского правления) в России насчитывалось более 200 мануфактур, как казенных, так и частных.

Особую заботу, как говорилось выше, проявляло правительство о производстве военной продукции. Исходя из военных нужд, форсировалось строительство железоделательных заводов — доменных и молотовых комплексов, оружейных мастерских. Из 205 мануфактур того времени 52 были задействованы в черной металлургии и 17 — в цветной. В результате к 1725 г. Россия вышла на первое место в Европе по производству чугуна; продукция металлургии стала экспортироваться в другие страны, прежде всего — в Англию.

Стимулировались и текстильные, особенно парусно-полотняные предприятия, также работавшие на войну. В 20-х годах число текстильных мануфактур достигло 40.

Кроме *казенных* создавались *купеческие* и *крестьянские* (с наемным трудом) мануфактуры, *посессионные* (по указу 1721 г.) и *вотчинные*. Уже после Петра I указом 1736 г. значительная часть прежде наемных рабочих закреплялась за предприятиями (*“вечноотданные”*).

Несмотря на запретительные меры правительства (запрет на домашнее производство сукна, шляп, амуниции, железа и другой продукции), наибольшую долю промышленных изделий давало мелкое производство — крестьянские промыслы. Имея 6-7 месяцев в году свободными от сельскохозяйственных работ, сельские жители, естественно, занимались в это время промышленным трудом либо у себя дома, либо отходя в города. И в эту сферу все больше проникает торговый капитал: начинает развиваться частная промышленность на селе.

Тот же процесс, но в меньшей степени, идет и у городских ремесленников. Правительство пыталось поставить их под контроль, создав указом 1722 г. в городах 153 *ремесленных цеха*. Понятно и стремление государства создать систему контроля качества кустарной продукции: отныне мастер обязан был ставить личное клеймо на изделии. Более того, стремясь упорядочить

мелкое производство, правительство издавало указы с разрешением деятельности того или иного заведения (“указное производство”). “Неуказные” же могли преследоваться казной.

Традиционными крестьянскими промыслами и ремесленными занятиями горожан были кузнечное и плавильное дело — производство металлических предметов домашнего обихода и крестьянского хозяйства (медной и оловянной посуды, колоколов, замков), текстильные промыслы (холст и полотно, грубые сукна), выделка кож, мехов и шкур, сапожное дело. В Москве издавна сосредоточено оружейное производство; сильно развивается также серебряное и ювелирное дело.

Тем не менее к середине века постепенно мануфактуры начинают брать верх в промышленном производстве.

Сельское хозяйство. Как ни велика была роль развития мануфактурного производства для создания и успешных действий армии и флота, решения военно-стратегических задач, основой экономического роста страны оставалось сельское хозяйство. Государство при Петре I усилило свое вмешательство и в эту сферу.

Важнейшей мерой было внедрение в практику жатвы хлеба вместо традиционного серпа литовской косы; несколько тысяч кос по приказу Петра было разослано по губерниям. Экономия труда была десятикратной, и коса за несколько десятилетий стала широко распространенным орудием, правда, лишь в черноземных и степных районах.

Другим важным новшеством Петра I было внедрение новых пород скота — выписывались коровы из Голландии, мериносские бараны из Испании и Силезии. Казна организовывала конные заводы, овчарни, базы крупного рогатого скота и передавала их в частные руки, иногда и насильственно.

Казна предпринимала усилия для резкого расширения посадок на юге страны тутовых деревьев и разведения шелковичных червей. Шелковые “заводы” были основаны под Москвой и под Царицыном.

Правительство Петра энергично содействовало расширению посевов льна и конопли, развитию садоводства. Образцово-показательные и экспериментальные базы садоводства закладывались в различных климатических зонах страны — от Москвы до Астрахани. Поощрялось создание “аптекарских огородов”.

Наконец, при Петре I были предприняты первые попытки государственной охраны лесов. В 1703 г. под страхом огромного штрафа (10 руб.) было запрещено рубить строительный лес толщиной менее полуметра в пределах 50-верстной прибрежной зоны больших рек и 20-верстной зоны — малых. Местному населению разрешалось для своих нужд рубить в этих местах ольху, иву и другие малоценные породы деревьев.

Сельское хозяйство развивалось в поместьях. Центр сельскохозяйственного производства сместился к югу. Крупные поместья могли позволить себе массовое использование травополя, органических удобрений, техники (плуги, косы вместо серпов), расширенного набора культур (гречиха, лен, конопля, табак).

Царское правительство расширяло крепостничество — раздавало земли вместе с крестьянами в поместье, приписывало целые волости заводам. Феодалные условия пользования землей для крестьянства были различны: на севере и северо-востоке — в основном денежная рента, в центральных районах и на юге — барщина. Крестьянские хозяйства под гнетом феодалных повинностей едва воспроизводились.

На окраинах государства, как и прежде, собирались массы беглых крестьян, возникали бунты, особенно в 1707—1708 гг. — на Дону, в Среднем Поволжье, в Слободской Украине.

Торговля. Политика петровского правительства содействовала развитию торговли, но в еще большей степени молодому мануфактурному предпринимательству. Господствовавшие в то время идеи *меркантилизма* требовали установления протекционистских таможенных тарифов для защиты отечественных производителей от конкуренции импорта. Отдельными указами Петр запрещал ввоз из-за рубежа той или иной продукции, которая начинала производиться в стране, — металлических игл, полотна, чулок, изделий из шелка. Эта указная деятельность завершилась созданием гибкого *покровительственного* Таможенного тарифа 1724 г. В соответствии с ним импортный тариф на готовую продукцию, широко производимую в стране, составлял 75% (железо, парусина, шелковые ткани); на готовую продукцию, производимую в недостаточном количестве, — 25% (шерстяные ткани, писчая бумага), на предметы роскоши — 50% (серебро, бархат), на

потребительские товары, не производимые в России, — 10% (стекло). Та же политика проводилась и в отношении экспорта: высокими пошлинами облагалось сырье, необходимое для российских производителей, а вывоз некоторых видов сырья был просто запрещен (например, шерсти, украинской селитры). При неурожаете государство запрещало вывоз за границу хлеба (правда, и в благополучные годы торговля зерном была еще очень невелика).

Внутренняя торговля того времени составляла несколько уровней. Низший ее уровень — сельские и уездные торжки, куда 2-3 раза в неделю съезжались окрестные крестьяне, мелкие местные купцы. Высший уровень — оптовая торговля крупного купечества. Главные центры крупной торговли — Макарьевская ярмарка под Нижним Новгородом и Свенская — у стен Свенского монастыря близ Брянска. Наряду с ними по всей России функционировала огромная сеть более мелких периодических ярмарок, таких, как Ирбитская — на Урале, Кролевецкая — на Украине, Свинская — у слияния рек Шексны и Мологи. Но самым насыщенным торговлей был, конечно, огромный регион Промышленного центра России.

Если судить о развитии торговли по величине годовых сумм таможенных платежей, то наибольшую сумму сборов по данным на 1724—1726 гг. имела, конечно, Московская провинция — 141,7 тыс. руб., намного превосходившая сборы в остальных районах; далее следуют (в порядке убывания) Нижегородская провинция — 40 тыс., Севская — 30,1 тыс., Ярославская — 27,7 тыс., Новгородская — 17,5 тыс., Калужская — 16,5 тыс., Симбирская — 13,8 тыс., Орловская — 13,7 тыс., Смоленская — 12,9 тыс. и Казанская — 11 тыс. руб.. В остальных провинциях интенсивность товарооборота была значительно слабее — 3-6 тыс. руб. таможенных сборов.

Представим себе основные потоки товаров внутри страны. В начале XVIII в. главный зерновой поток, а именно им и определялась в основном география торговли, был связан с Москвой и Московским регионом. В центральные губернии шел хлеб из Поволжья. С Украины в центр страны везли пеньку, шерсть, сало и другие продукты животноводства, а также воск, поташ, селитру. По Оке и Москве-реке зерновые товары, пенька, конопляное масло, мед, сало, шкуры и т. д. доставлялись сюда из ближнего

Черноземья. Товарный поток через Нижний Новгород, Москву или Ярославль, Тверь и Вышневолоцкий канал вел к Петербургу.

Большую проблему для развития торговли представляли транспортные пути. В начале века в стране было около 20 гужевых дорог; 14 из них считались важнейшими торговыми трактами. Но весной и осенью они практически не действовали. В целом гужевой транспорт не позволял перевозить значительные массы грузов. Необходимо было использовать реки, тем более что природная речная сеть предоставляла для этого отличные возможности. Проблема была лишь в углублении и соединении рек. С петровских времен началось активное строительство каналов. В 1703—1708 гг. была построена Вышневолоцкая система, в 20-х годах через Ивановское озеро были соединены верховья Оки и Дона, позднее, в 1732 г. — обводной Ладожский канал. Как видим, все они направлены на обеспечение подвоза товаров (главным образом строительных и военных) к Петербургу.

Петр способствовал биржевой торговле, по аналогии с Европой создав в Петербурге биржу. Но она не дала ожидаемого результата, так как биржевая торговля требует введения определенных стандартов на продукцию, чего в России того времени еще не было. На Петербургской бирже совершались исключительно товарно-фрахтовые сделки вплоть до 30-х годов XIX столетия, когда там начинается торговля акциями частных обществ.

Не было в России и складывающегося веками и поддерживаемого государственным механизмом честного отношения к торговым операциям. В записках иностранных наблюдателей плутовство московского купечества стало общим местом (“не обманешь — не продашь”). Русским посадским купцам приходилось вести нелегкую конкуренцию с опытным и сплоченным иноземным купечеством, которому покровительствовали подкупные московские власти, да и с монастырями, которые, ведя беспощинную торговлю, сильно стесняли и без того узкий при господстве натурального хозяйства и бедности сельского населения купеческий рынок.

Экспортная торговля шла через Балтику. После включения в торговлю Петербургского порта, через который пошел основной поток товаров за рубеж, оборот Архангельска упал (к 1726 г. в 12 раз). Основными контрагентами были Голландия и Англия.

Кроме традиционных продуктов (лен, мед, пенька, деготь, хлеб) в XVIII веке стали торговать лесом, смолой, а также продуктами мануфактурного производства — железом, парусиной, канатами, льняным полотном. К 1750 г. ежегодный вывоз железа составил 1,2 млн. пуд.

Вторым после Петербурга центром внешней торговли России стал Рижский порт, открывший путь к европейскому рынку огромному юго-западному региону страны. Через Западную Двину за рубеж пошли большими партиями такие громоздкие товары (невыгодные в сухопутном торге), как пенька, лен, парусина, кожи, сало, мед, воск, зерно и т. п. На Балтийском побережье стали использовать, правда, в меньших масштабах, и такие порты, как Ревель, Нарва, Выборг.

В торговле с Востоком через Астрахань преобладал промышленный экспорт. Вместе с тем огромную роль в торговом обороте играла добываемая там продукция рыбных промыслов.

Основная доля внешней торговли принадлежала самому правительству, что играло существенную роль в доходах казны. При Петре число товаров, которыми торговала только казна, заметно возросло. Это не только икра, рыбий клей, ремень, смольчуг, поташ, но и пенька, семя льняное и конопляное, табак, юфть, мел, соль, деготь, ворвань, квашеное сало, воловья шерсть, щетина, рыбий жир и др. Иногда купцы откупали у казны право торговли тем или иным товаром и становились монополистами. Так, А.Д. Меншиков имел монополию на вывоз дегтя, тюленьих шкур и архангельских рыбопродуктов. Надо отметить, что после 1719 г. список товаров казенной торговли стал быстро сокращаться.

Таким образом, в петровские времена была заложена мощная основа внешней торговли, давшая толчок ее дальнейшему развитию. К 1750 г. товарооборот по сравнению с 1725 г. увеличился вдвое, а в торговле с Западной Европой — втрое. Постоянно поддерживался положительный торговый баланс, так как правительство по-прежнему чеканило свою монету из чужой.

Финансово-денежная система. Положение дел в этой области не соответствовало требованиям экономического развития России того времени: серебряная копейка, например, была слишком мала для оптовой торговли, но слишком велика для розницы.

В 1700—1704 гг. была проведена **денежная реформа**. В основу десятичной денежной системы был положен серебряный рубль; далее следовали серебряные же полтина (50 коп.), полуполтина (25 коп.), гривенник (10 коп.), пятак (5 коп.), алтын (3 коп.) и копейка; были, как и прежде, более мелкие, но медные монеты — денга и полушка. С 1718 г. из меди стали делать алтыны и полуполушки, а с 1723 г. — пятаки. С 1718 г. в обращении появились золотой рубль и двухрублевик.

Российское государство монопольно чеканило монеты из иностранных (Нерчинское серебряное месторождение в Восточной Сибири начало разрабатываться только с 1704 г.), главным образом талеров, в связи с чем был запрещен вывоз из государства серебра. Рубль равнялся по весу одному талеру.

Война требовала огромных денег на покрытие военных расходов. Введена была гербовая бумага для деловых документов, что дало казне немалую выгоду: цена бумаги зависела от суммы заключаемой сделки. В 1700 г. у владельцев территории торжков было отнято право сбора пошлин, окончательно отменены архаичные тарханы. В 1704 г. все постоянные дворы были взяты в казну, куда потекли и доходы с них.

В 1719 г. проведена радикальная налоговая реформа: подворное обложение было заменено **подушным**, от которого освобождались дворяне и духовенство; все налоговые тяготы ложились на крестьян и городских жителей. Реформе предшествовали перепись населения 1710 г. и повторная перепись — **“ревизия”** в 1715—1719 гг. Крестьяне стали **“ревизскими душами”**: облагались налогом все лица мужского пола, попавшие в **“ревизскую сказку”** — документ налоговой переписи населения, повторявшейся после Петра каждые 20 лет. Государственные крестьяне платили в казну за год 1 руб. 14 коп., помещичьи крестьяне — 74 коп. в казну и 40-50 коп. своему помещику. Раскольники обязаны были уплачивать двойную подать.

В это же время была расширена монополия государства на продажу ряда товаров — табака, соли, рыбьего жира, дубовых гробов и др. Вина могли продаваться только в казенных кабаках. Мельницы, мосты, рыбные ловли отдавались государством на откуп.

Постоянно вводились новые налоги, придумывавшиеся “прибыльщиками”, — в петровские времена было около семидесяти налогов, включая такие, как “банный”, “с бороды” (50 руб. с раскольника или православного бородача — сумма немалая), “с обрядов”, “подужный” с извозчиков — десятая доля найма, “привальный” и “отвальный” — с плавных судов, “хомутейный”, “шапочный” и “сапожный” — от их клеймения, “пчельный”, “мельничный” и т.п. Но не все они давали реальные доходы. Главным был доход от прямого обложения всего податного населения. Он давал в 1724 г. 54% всех доходов бюджета; косвенные налоги составили 24,9% доходов. **Монетная регалия**, дававшая в начале века до четверти всех доходов, к тому времени сократилась до 2,5%. Незначительной была в бюджете доля пошлин — 1,8%, зато соляной доход был очень существенным — 7,76%.

В результате всех этих мер доходы государства постоянно росли. К 1724 г. по сравнению с 1701 г. доходы казны выросли в 2,8 раза: в 1710 г. они составили 3,134 млн. руб., в 1722 г. — 7,86 млн. руб., в 1725 г. — 10,187 млн. руб. Несмотря на огромные расходы, Российское государство обходилось собственными доходами.

Основными расходами бюджета были затраты на армию и флот — 62,82% в 1724 г. (а в отдельные годы существенно выше: в 1705 г. — 96%). Знаменательным было появление в этом бюджете государственных расходов, хотя и весьма незначительных, на школы, академии и медицину — 1%.

Петровское время — время появления в России **ценных бумаг**. С созданием системы кредитных (заемных) учреждений, с развитием частного кредита купцы вводят в практику вексельные обязательства. Позже, по **Вексельному уставу** 1729 г., вексель становится ценной бумагой на предъявителя. В дальнейшем рынок ценных бумаг в России развивался достаточно стабильно.

Административно-управленческая реформа. На рубеже XVII—XVIII вв. Россия представляла собой огромное по территории государство с многонациональным населением. Система управления страной была громоздкой и неповоротливой. Петр стремился провести внутренние преобразования в России, чтобы вывести ее на общеевропейский уровень, в то же время укрепив вер-

ховную власть. Реформирование государственного и местного управления проходило в несколько этапов, и только к концу петровского правления административные учреждения выстроились в стройную систему, сохранившуюся в основном в течение всего дореволюционного периода.

Главным объектом реформирования центральных органов власти была Боярская дума, уже не соответствовавшая режиму абсолютной монархии. Сначала вместо нее Петр учредил Ближайшую канцелярию, названную Советом министров. Позднее он упразднил эту структуру, создав *правительствующий Сенат* из девяти членов, назначаемых им самим. Это был высший государственный орган, обладавший законодательной, административной и судебной властью. Во главе его стоял сам император.

Стоявшая на следующем уровне власти система приказов была в 1717—1718 гг. заменена *коллегиями*, имевшими общегосударственную компетенцию: Военная коллегия ведала армией, Адмиралтейская — флотом, Юстиц-коллегия — законодательством, Камер-коллегия — финансовыми доходами, Коммерц-коллегия — торговлей, Мануфактур-коллегия — промышленностью и т. д.; всего 11 коллегий. Структура и функции коллегий были подробно разработаны в Генеральном регламенте и регламентах коллегий. Позднее правами коллегий были наделены Синод, руководивший церковными делами, и Главный магистрат, ведавший городскими делами.

Петр I основал новый контрольно-ревизионный институт так называемых *фискалов*. Это были официальные лица, тайно выявлявшие все “неправедные” действия, наносившие вред государству (казнокрадство, взяточничество, нарушение законопорядка и т.п.). Они не получали жалованья, но им причиталась доля (сначала — половина, а позднее — треть) конфискованного по их сигналам имущества. Во главе армии фискалов стоял обер-фискал, а позднее — обер-прокурор при Сенате.

Реформировалось и местное управление. В 1708—1710 гг. вся страна была поделена на восемь *губерний*, сильно различавшихся по территории и населенности (сравните, например, Смоленскую, Архангелогородскую и Сибирскую губернии), во главе с губернаторами. Губернии в свою очередь делились на уезды. Эта система несколько раз менялась, наиболее значительно в 1719 г.,

когда число губерний увеличилось до 11. Они были разделены на 50 провинций во главе с обер-комендантами (воеводами), подчинявшимися по большинству функций непосредственно коллегиям и Сенату; лишь по военным и судебным делам провинции подчинялись губернаторам.

Очень непросто проводилась реформа городского управления. Петр решил изъять города из-под воеводского и приказного управления в собственное, царское подчинение, рассчитывая при этом получить от налогов в бюджет больше денег. По указу о самоуправлении городов (1699 г.) там выбирались бурмистры, организованные в бурмистерские палаты или ратуши, отныне ведавшие управлением и сбором налогов в городах. Все они подчинялись Главной бурмистерской палате в Москве. Правда, в 1708—1710 гг. выборные бурмистры стали подчиняться губернаторам, а сбор налогов перешел к губернским канцеляриям.

В 1718 г. вновь вернулись к системе выборных органов городского самоуправления; теперь их называли *магистратами*. Ведал ими Главный магистрат в столице. Магистраты вели учет населения, распределяли налоги и повинности, размещали войска на постой, осуществляли уголовный суд, паспортный контроль, следили за деятельностью предприятий, устраивали ярмарки и др. А в 1727 г. магистраты вновь превратили в ратуши.

Реальные процессы в среде дворянства — резкое увеличение его численности (в 2-4 раза за первые двадцать лет петровского правления) и измельчание поместий в результате их дробления при наследовании — вызвали издание *“Указа о единонаследии”* (1714 г.). Указ уравнивал во всех отношениях две формы феодальной земельной собственности — вотчину и поместье, вводя единое юридическое понятие “недвижимая собственность”. Это положение указа укрепляло материальное положение и социальный статус дворянства, особенно мелкого и мельчайшего. Другое положение указа, вводившее правило передачи поместья только одному из сыновей, обычно старшему, игнорировалось дворянством и позднее было отменено (в 1739 г.).

Дворяне при Петре I еще не были тем привилегированным классом (хотя и не платили податей), каким они стали к концу XVIII в.; они были служилыми людьми, находившимися на государственной службе. Для упорядочения этой службы и системы про-

движения по иерархической лестнице Петр ввел *“Табель о рангах”*. По этой *“Табели”* все должности государственной и военной службы подразделялись на 14 классов для штатских и соответствующих им рангов для военных — от действительного тайного советника I класса и генерал-фельдмаршала до коллежского регистратора и корнета.

В соответствии с *“Табелью”* все служащие из дворян или мещан должны были последовательно проходить все ступени для повышения в должности. Тем самым окончательно устранялось местничество: принцип приоритета знатности и родовитости при занятии должности уступил место принципу выслуги и полной последовательности прохождения всех рангов. Чиновник уже с 14-го класса получал личное, а с 8-го — потомственное (в армии — с 12-го) дворянство.

В результате петровских реформ усилился процесс закрепощения крестьянства. Мы уже говорили о крестьянах, приписанных (бессрочно рекрутированных) к мануфактурам. По указу 1723 г. нанимать на работу лиц со стороны разрешалось только при наличии у них паспорта. Это существенно сократило базу наемного труда. Более строгим стал сыск беглых крестьян, которых возвращали их владельцам. С этой целью на казачьи окраины государства направлялись карательные отряды (напомним о карательной экспедиции отряда Ю.В. Долгорукого на Дон в 1707 г., вызвавшую восстание Кондратия Булавина).

4.2. Российское государство во второй половине XVIII века

Созданная усилиями Петра I мощная дворянская государственная машина должна была при его преемниках пройти сквозь испытания контрреформ. В итоге, несмотря на некоторые отступления и изменения, Российское государство продолжало развиваться во всех основных направлениях, заложенных Петром. Здесь и развитие системы управления государством — центральных и местных органов управления, и усиление дворянства, его сословно-политической роли как основы феодального государства (по иронии судьбы важнейший в этом плане документ — *“Ма-*

нифест о вольности дворянской” был принят в полугодовое царствование Петра III, ненавидевшего Россию и все русское).

Территория государства к концу XVIII в. достигла огромных размеров и составляла 16,8 млн. кв. км. В него вошли Крым, Причерноморье, Приазовье, Предкавказье, Правобережная Украина, Белоруссия, Литва, Курляндия, Сибирь, Горный Алтай, Аляска, Курилы. Численность населения выросла почти вдвое — с 19 млн. ч. в 1762 до 36 млн. в 1796 году.

В этот период ускорилось накопление капитала в значительной мере за счет грабежа окраин. Одновременно росли и противоречия между производительными силами и феодальными отношениями. Усиливающееся закрепощение крестьян препятствовало развитию товарного производства и рынка. Вместе с тем жесткая прагматическая политика правительства Екатерины II вела к отмене средневековых монополий, к отмене сословных ограничений в области торговли и промышленности, что с конца 60-х годов XVIII в. способствовало быстрому росту не только промысловой и торговой деятельности крестьянства, но и активизации промышленного предпринимательства, в которое втягивались и купечество, и зажиточная прослойка торгующего крестьянства, и, главным образом, представители дворянства.

Но именно в это время разрастались массовые крестьянские волнения, самым значительным из которых стало восстание под руководством Емельяна Пугачева (1773—1775 гг.).

Промышленность. Вторая половина XVIII века характерна ростом в России числа мануфактур. Если в 1725 г. их было 200, то в 1767 г. уже 663, а в 1799 г. — свыше 1200. Наибольшее их число было создано в металлургическом и текстильном производстве. И хотя первые мануфактуры появились в России еще в XVII в., именно с петровских времен начался мануфактурный период в народном хозяйстве. С этого времени и называть их стали по западному — фабриками, хотя, строго говоря, фабрики предполагают наличие системы машинных технологий и наемного труда, чего на российских мануфактурах часто не было.

В результате проводимой Екатериной II либерализации экономики стали быстро развиваться капиталистические мануфактуры с использованием наемного труда, особенно после запрета

лицам недворянского происхождения покупать крестьян для своих предприятий (1762 г.). Этому способствовал также изданный Екатериной II в 1775 г. “Манифест о свободе предпринимательства”, в соответствии с которым промышленной деятельностью разрешалось заниматься всем желающим, независимо от сословного положения. В 1766 г. последовало освобождение купцов от рекрутской повинности с заменой ее уплатой единовременного взноса (вначале — 360 руб., а позднее — 500 руб.). В результате ускорилось создание “безуказных” фабрик. К концу XVIII века наемный труд охватывал свыше 40% всех рабочих крупной промышленности, а с надомниками превышал крепостной. Особенно заметно это было в текстильной промышленности, где вольнонаемные составляли 92%. Доля казенных мануфактур сокращалась. Тем не менее значительным было число крепостных вотчинных мануфактур, в основном суконных и винокуренных. В горно-металлургическом производстве преобладали посессионные мануфактуры. Петр III отменил посессионное право, но Павел I снова восстановил его, раздав 300 тыс. душ государственных крестьян частным лицам.

С самого начала государство оказывало помощь мануфактурам, наряду с прямыми льготами устанавливая, начиная с 1721 г., запретительные ввозные пошлины на импортные товары. Однако и этот, и более льготный таможенный тариф 1731 г. мало продвинули реальное развитие мануфактур, созданных по понуждению Петра. “Освидетельствование” фабрик в 1730-х годах нашло многие из них “подложными”, существовавшими только ради льгот мануфактуристам. К 1780 г. из основанных при Петре по льготному режиму более сотни мануфактур уцелели только 22.

С воцарением Екатерины II русская промышленность поднялась на более высокую ступень развития. Екатерина решительно покончила с системой личных привилегий и пыталась проводить политику свободной конкуренции. Видимо, наступил момент, когда для развития мануфактур не нужно было уже, как при Петре, понуждения, но необходима была еще правительственная поддержка. И последующими двумя тарифами 1782 г. и 1793 г. ввозные пошлины были вновь подняты. Эти тарифы одновременно поддерживали ввоз иностранного сырья. Государст-

во обеспечивало и заказы, поэтому особенно быстро развивались производства сукна и полотна (для армии и флота, но не для народного потребления).

Следует отметить, что государственное покровительство, особенно петровского правительства, позволило, хотя и дорогой ценой, в исторически сжатые сроки создать в стране мануфактурное производство. Вместе с тем излишние льготы государства и затянувшееся практически на сто лет отсутствие конкуренции со стороны импорта создавали условия для злоупотреблений и не способствовали повышению производительности труда. Практически бесплатный труд делал невыгодным использование машин и передовых, особенно трудосберегающих технологий. Иллюстрацией может служить развитие российской казенной металлургии.

Так, по производству чугуна и железа Россия была в XVIII в. на первом месте в мире. Если в 1700 г. в России выплавлялось 150 тыс. пуд. чугуна, то в 1725 г. уже 800 тыс. пуд., а в 1750 г. — 2 млн. пуд. Домны уральских казенных заводов выплавляли в 40-х годах XVIII века в 2,5 раза больше чугуна, чем вся Англия. Но уже к концу века и Россия и Англия выплавляли по 8 млн. пуд. чугуна. Из 10 млн. пуд. произведенного Россией в 1800 г. железа 3 млн. экспортировалось в Англию (70% всего экспорта металлов). Но собственная металлургия в Англии к этому времени перешла на использование новых технологий и каменного угля, а в России по-прежнему использовался древесный. В результате еще через полвека Англия выплавляла 234 млн. пуд., а Россия — только 16 млн. пуд. Все это, по мнению исследователя русских фабрик М.И. Туган-Барановского, — следствие "...избытка правительственной опеки и поддержки".

Мануфактурный период развития промышленности совпал с созданием в России ряда новых отраслей. Характерным примером может служить хлопчатобумажное производство. Возникшее в XVIII в. с нуля, к концу столетия оно насчитывало почти 250 хлопчатобумажных мануфактур, на 90% использовавших наемный труд.

В целом, несмотря на бурное развитие, мануфактуры работали в основном по государственным заказам. Народное потребление

ние до конца XVIII в. удовлетворялось кустарями, и только в начале XIX в. на рынок стали работать фабрики.

Одна из особенностей экономического развития России — появление промышленных центров не столько в городах, сколько на селе. Город того времени был экономически очень слабым. Городское население составляло не более 4% населения страны. Это объяснялось крайним ограничением свободы передвижения внутри страны, резкой изоляцией городского населения от сельского, фактическим отсутствием притока сельского населения в города, общим низким уровнем доходов и потребления, медленным развитием машинного производства. К концу XVIII в. старые мануфактуры, исчерпав свои возможности и не перейдя к машинному производству, стали разлагаться, возвращаясь к кустарным промыслам.

С конца XVII—начала XVIII вв. появились десятки торгово-промышленных поселений, где население занималось не земледелием, а “промыслами”. Таковы владимирские села Дунилово, Палех, Мстера, Холуй, нижегородские — Павлово, Ворсма, Богородское, Городец, множество костромских, тверских, ярославских и др. сел и деревень. В каждом из таких сел развивалась специализация преимущественно одного вида производства. Так, все или почти все жители Иванова занимались ткачеством, Палеха — производили посуду и утварь, Павлова — делали замки и подобные металлоизделия и т.д. Это было типичное мелкотоварное производство с расширяющейся практикой наемного труда. Причем создание предприятий с наемным трудом происходило в условиях ужесточения крепостного режима: богатые капиталисты-крестьяне, эксплуатировавшие десятки разоренных крестьян, сами оставались крепостными своего барина, полностью зависели от его произвола.

И тем не менее даже таким путем — через мелкотоварное производство — в стране начал формироваться капиталистический уклад.

Сельское хозяйство. Во второй половине XVIII в. сельское хозяйство все больше втягивалось в рыночные отношения. Это заставляло помещиков выжимать из своих владений все больше доходов и искать для этого новые возможности как в направлении усиления эксплуатации своих крепостных, так и используя

новые методы обработки почвы, выращивания сельскохозяйственных культур.

Однако основной рост объема сельскохозяйственной продукции происходил не за счет повышения урожайности, а за счет освоения новых посевных площадей — в Заволжье, в Западной Сибири. Началась массовая колонизация южных степей. Увеличивались площади под новыми культурами — картофелем, сахарной свеклой, подсолнечником. Расширялись посевы льна, конопли, но в наибольшей степени — зерновых культур.

Постепенно развивается специализация. В Центральной России расширяются посевы льна (Псков, Ярославль), конопли (Калуга, Брянск, Орел, Курск). Начинается освоение зернового хозяйства в Черноземном центре (Тула, Орел, Тамбов, Рязань, Сергач); основными культурами там были пшеница, просо, гречиха. Особенно ускорились эти процессы после 1762 г., когда дворянам разрешили свободный вывоз хлеба за границу.

Хлебный рынок в это время существенно вырос как в самой России, так и в Англии, крупнейшем импортере зерна, где началась промышленная революция. Вывоз хлеба, хотя и относительно небольшой, привел к росту товарности сельского хозяйства. Вместе с тем помещичья форма землевладения сдерживала развитие товарного сельского хозяйства, хотя и начали появляться отдельные фермы, полностью ориентированные на производство товарного зерна или скота. Но их удельный вес был незначителен, при том что 53% земель были в 80-е годы помещичьими.

В XVIII в. крестьяне, хотя и очень медленно, втягиваются в систему товарно-денежных отношений; крестьянское хозяйство перестает быть абсолютно замкнутым. Крестьянин покупает теперь и орудия труда (телеги, сани, топоры, сохи, косы), и некоторые предметы домашнего обихода. А необходимость уплаты денежного налога заставляет его вывозить на рынок продукты своего труда. Но основа крестьянского хозяйства пока остается натуральной.

Часть крестьян в Нечерноземной зоне — 38% — была уже на денежном *оброке*. Оброчность вела к расслоению деревни. Вместе с тем, роль оброка, особенно натурального, по стране в целом упала. В плодородных хозяйствах, особенно на юге, развива-

лась **барщина** — обычно три дня в неделю и больше, а в некоторых местах — **месячина** (крестьян сгоняли со своих земель на время полевых работ).

В свободное от сельхозработ время — часть осени, зима, ранняя весна — крестьяне занимались **“промыслами”**. Жители Ярославской, Костромской, Владимирской губерний пряли льняную пряжу. На западе Московской и в Тверской губернии занимались заготовкой леса для строительства и производством изделий из дерева (телеги, сани, бочки). В Дмитровском уезде развился гребенный промысел (расчески и гребни из коровьих рогов), в Семеновском уезде Нижегородской губернии — ложкарный промысел, в Кимрах и ближайших селах шили кожаные сапоги, вокруг Углича — валяли валенки, в селах Владимирской губернии занимались ткацким промыслом и т.д.

Помимо местных промыслов расширилось **отходничество**. Массовым потребителем отходников была Волга. Десятки тысяч крестьян работали там бурлаками, на рыбных промыслах, в солеварнях. Тысячи крестьян требовались летом на проводку судов из Волги в Неву. Огромным потребителем рабочей силы была Москва. Наряду с промышленным развивался и отход земледельческий. Тысячи крестьян из Нечерноземья устремлялись на летние работы в южные черноземные районы. Помещики, не довольствуясь барщиной, стали дополнять ее денежным оброком, а многие ввиду перспективности крестьянских промыслов, особенно в средней полосе, переводили крестьян целиком с барщины на денежный оброк.

Величина денежного оброка стремительно растет. Так, в 60-е годы помещики брали в среднем 1-2 руб. с души мужского пола, в 70-е — 2-3 руб., в 80-е — 4-5 руб., а в 90-е в некоторых районах страны оброк достигал 8-10 руб. В то же время при всей тяжести натурального или денежного оброка эта форма ренты не сказывалась столь губительно на крестьянском хозяйстве, как отработочная, особенно распространившаяся в южных черноземных районах. Степень эксплуатации барщинных крестьян в среднем вдвое превосходила повинности оброчных и измерялась в денежном выражении в 7-8 руб. в 60-е годы и в 14-16 руб. — в 90-е. В некоторых местах барщина достигала 5 дней в неделю.

В XVIII в. продолжало усиливаться закрепощение крестьян. Если в середине века освоение окраинных земель шло в значительной мере за счет казаков и беглых с севера крестьян, то в 1783 году был запрещен переход крестьян в Левобережной Украине, на Юге, на Дону, Кавказе. Помещики получили право ссылать пойманных крестьян на каторгу в Сибирь, сдавать вне очереди в рекруты (на 25 лет).

Торговля. Контрреформы после смерти Петра I затронули и торговлю, как внутреннюю, так и внешнюю. При Петре I проводилась явно выраженная политика защиты внутреннего рынка от конкуренции зарубежных товаров. После Петра защитительный тариф 1724 г. был заменен новым, гораздо более либеральным тарифом 1731 г.: пошлины на импорт были значительно снижены. Это, конечно, не способствовало быстрому развитию российской промышленности и торговли.

Неоднозначной была и политика правительства в отношении экспорта. Петровские тарифы очень жестко ограничивали массовый экспорт сырья и полуфабрикатов. В 1728 г. были отменены высокие вывозные пошлины на некоторые виды сырья, например, пряжу, но в 1736 и 1737 гг. запреты на вывоз сырья были восстановлены. Тем не менее в послепетровские времена мы наблюдаем снижение государственной монополии в торговле. Вольным стал сибирский торг мехами. В 1728 г. отменены табачные откупа, свободной стала торговля слюдой и солью (правда, через два года соляная монополия была восстановлена). Беспошлинной стала торговля драгоценными камнями. С 1731 г. иностранцам разрешили свободно торговать по всей стране.

Дополнительным препятствием к развитию внутренней торговли выступали сохранившиеся еще от татарского ига многочисленные условные границы внутри государства, пересечение которых сопровождалось уплатой пошлин за провозимый товар. Только в 1727 и 1754 гг. в два приема были, наконец, отменены средневековые внутренние “поворотные сборы” и внутренние таможенные пошлины.

Во второй половине XVIII в. в производство огромной массы товаров народного потребления вовлекается крестьянство, резко расширяется внутренний рынок. Под давлением этих об-

стоятельств в 1753 г. были ликвидированы внутренние таможи. Для защиты доходов бюджета вместо них установлена дополнительная пошлина на внешнеторговый оборот, равная 13% от цены товара.

Ярмарки из эпизодических, а позже периодических стали постоянными — Макарьевская, Ирбитская и другие.

Расширилась под покровительством правительства и внешняя торговля, особенно через Черное море (в 80—90-е годы после Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией в 1774 г.); Балтийская торговля и раньше была активной. Основные экспортные товары (по мере убывания) — пенька, лен, кожа, пушнина, лес, смола, поташ. Хлебный экспорт не получил пока большого размаха. Вывоз хлеба составлял от 3% до 7% зернового баланса. Причем главными поставщиками товарного хлеба были не помещицы, а крестьянские хозяйства. Импорт из Европы — дорогие ткани, сахар, кофе, вина; с Востока — чай, шелка, хлопчатобумажные ткани.

Анализируя развитие торговли и промышленности в XVIII в., можно сделать ряд общих заключений. Во-первых, во внешней торговле во все времена вывоз превалировал над ввозом. Во-вторых, вывозилось сырье, ввозились, в основном материалы и полуфабрикаты для обработки, а не для непосредственного народного потребления; с начала XVIII в. все большую долю занимает ввоз машин и оборудования. В-третьих, русская промышленность в XVIII в. все больше потребляет иностранного сырья и все меньше вывозит собственных изделий, замыкаясь на растущем внутреннем рынке. Это, думается, результат покровительственной государственной политики, протекционистских мер, прежде всего защитительных импортных тарифов.

Надо также отметить, что внешняя торговля России издревле была в руках иностранцев — ранее Ганзы, еще раньше — арабов, греков, армянских купцов; с Ивана IV — англичан. Только после Петра I положение начало меняться, но лишь до тех пор, пока продолжалась покровительственная политика правительства. Введение конкуренции при Екатерине II тотчас рассыпало все российские торговые компании. И только к концу XVIII в. в торговле вновь начали превалировать российские купцы.

Эту же картину можно наблюдать и во внешнеторговом транспорте: практически вся внешняя торговля обеспечивалась иностранными судами — собственного торгового судостроения не было. Из средств, затрачиваемых на транспортировку российских грузов в XVIII в. (да и в следующем столетии), лишь 7 коп. с каждого уплаченного рубля шли российским перевозчикам, а 93 коп. — иностранцам, из них 54 коп. — англичанам.

Финансы. Финансовое положение государства после Петра было настолько плачевно, что можно говорить о затяжном финансовом кризисе. Введенная Петром I подушная подать не дала ожидаемой прибавки поступлений в казну. Уже первый сбор подушного налога дал огромную (30%) недоимку всей суммы. Крестьянское население сопротивлялось как проведению переписей, так и выплате налога. К утайке податных душ прибегали и сами помещики, надеясь тем самым увеличить свои собственные поборы. К тому же несколько лет подряд (в 1723—1726 гг.) перед началом сбора подушных денег обширные территории России постигал неурожай, что резко ухудшало положение крестьян.

На 1725 г. правительство вынуждено было понизить подушный оклад до 70 коп., но и при этом недобор суммы налога вновь составил 30%. В дальнейшем правительство было вынуждено неоднократно “великодушно” прощать недоимки. Так, в частности, треть суммы была отменена в 1727, 1728, 1730 гг. Сокращали сборы и в последующие годы. Тем не менее общая задолженность по подушной подати достигла к 1739 г. баснословной величины — около 5 млн. руб., что служит явным показателем полного разорения крестьянства. Положение не улучшалось и в последующие годы, что вынуждало правительство еще несколько раз снижать подушный оклад: в 1751 и 1752 гг. — на 3 коп. с души, в 1753 г. — на 5 коп. и т.д. Тем не менее во второй половине столетия подушный сбор постоянно рос: за 33 года (с 1763 по 1796 гг.) он вырос в 4,5 раза.

Именно финансовый кризис, думается, стал главной причиной контрреформ центрального и местного управления. Начиная с 1727 г. постепенно сокращалась система коллегий; была в сущности ликвидирована действительно дорогостоящая петровская система местных учреждений. В итоге административных реформ

расходы на госаппарат сократились более чем вдвое. Но это не решило финансовых проблем. По-прежнему огромных средств требовало содержание армии и флота. По-прежнему росли недоимки по подушной подати.

Основной причиной недоимок по государственным налогам был рост эксплуатации крестьян помещиками. Но государство не могло ограничить права помещиков — своей классовой опоры. Выход из кризиса виделся правительством в повышении роли косвенных налогов. В 1742 г. были повышены цены при продаже вина — на 10 коп. с ведра. Уже в первый год это дало казне около 0,5 млн. руб. прибыли. В дальнейшем цены на вино поднимали неоднократно — в 1749, 1756 и в 1763 гг. (к концу века оно стоило 2 руб. 53 коп. за ведро) и всякий раз это приносило значительную прибавку в доходы бюджета.

Отмена в 1728 г. еще одной петровской монополии — на продажу соли резко снизила доходы казны. В 1731 г. соляная монополия была восстановлена, а в 1749 г. продажная цена соли резко повышена (до 35 коп. за пуд), что сразу же дало ощутимую прибавку доходов — до 0,5 млн. руб. в год. Однако попытка правительства в 50-е годы еще раз повысить цену на соль — до 50 коп. за пуд — привела к сокращению ее потребления; пришлось вновь опустить цену — до 40 коп. за пуд.

В эти же годы были попытки восстановить еще ряд монополий (на продажу табака и др.), но они не влияли существенно на бюджет.

В конце XVIII в. прямые налоги играли в бюджете второстепенную роль по сравнению с налогами косвенными. Так, подушной подати собиралось в 1763 г. 5,7 млн. руб. (около 30% всех доходов), в 1796 г. — 24,7 млн. руб. (33%). Незначительными были суммы подворной подати и промыслового налога. Зато косвенные налоги давали 42% всех доходов в 1764 г. и 43% — в 1796 г. И почти половину этой суммы приносили питейные сборы.

Значительные поступления в бюджет обещала начатая при Петре III и активно проведенная затем Екатериной II **секуляризация** (обращение в государственную собственность монастырского и церковного имущества, главным образом имений). Миллионы монастырских крестьян, вместе с землями переведенные

в ведение Коллегии экономии (“*экономические*” крестьяне), стали государственными.

Еще одним способом увеличить доходы казны и выбраться из финансового кризиса была использовавшаяся еще при Петре *порча медной монеты*. Из пуда меди ценой в 6–8 руб. правительство в 1727–1731 гг. чеканило монет на сумму в пять раз большую — 40 руб. Это, конечно, вызвало немедленный рост цен на все товары и ухудшило положение крестьянства и горожан, но правительство получило “из ничего” 2 млн. руб. прибыли. Правда, повторная попытка порчи монеты в 60-е годы вызвала окончательное расстройство денежного хозяйства страны.

При Екатерине II в России появились бумажные деньги (*ассигнации*). В 1769 г. был создан Ассигнационный банк с отделениями в Москве и Петербурге с капиталом в 1 млн. серебряных рублей; на эту же сумму и были выпущены ассигнации. Тем самым обеспечивался их свободный обмен на металл. Но печатать ассигнации — делать деньги из ничего — оказалось очень соблазнительно. К концу второй русско-турецкой войны (1774 г.) было выпущено ассигнаций на 20 млн. руб., к началу третьей (1787 г.) — на 46 млн., а к моменту смерти императрицы (1796 г.) — на 156 млн. руб. После 1786 г. свободный обмен ассигнаций на серебро прекратился и они стали быстро обесцениваться; в обиход вошел счет на рубли серебром: к концу столетия 1 руб. ассигнациями стоил 62 коп. серебром.

Примерно в это же время возникли *кредитные банки*. В 1754 г. при содействии Елизаветы Петровны был создан первый Государственный заемный банк (частный кредит появился только в середине следующего века), состоявший из двух контор — дворянской и купеческой. Дворянский банк выдавал ссуды под 6% годовых не более чем на три года под залог земли, крестьянских душ, золота и серебра. Этот банк к 1786 г. прогорел из-за невозвратов.

Купеческий банк был очень мал (всего 500 тыс. руб. собственного капитала) и выдавал ссуды всего на 6 месяцев под залог экспортных товаров, готовых к отгрузке в порту, но прогорел еще раньше и был закрыт в 1770 г. Созданный вместо первого банка на оставшихся капиталах в 1786 г. “Новый банк” предоставлял ссуды уже на 20 лет, но под 5% сначала только дворянам, а позднее и купцам.

В 1769 г. Екатерина II получила в Голландии *первый* в российской истории *внешний заем*, а через несколько лет, в силу тяжелой финансовой ситуации в стране, предложила *конвертировать* его, отодвинув сроки погашения. Кредиторам пришлось выбирать — либо получить все, но позднее, либо, не согласившись с этими условиями, все потерять. После переговоров кредиторы согласились на предложенные условия. В дальнейшем это вошло в систематическую практику: полученные, не без политического расчета, внешние займы ко времени выплаты структурировались, обязательства конвертировались, сроки выплаты отодвигались.

Непрерывные войны привели к огромному дефициту государственного бюджета. В 1796 сравнительно мирном году конца XVIII в. он достиг 200 млн. руб. Сравним его структуру (табл. 1) со структурами бюджетов конца XVII в. (1680 г., доход в бюджет составлял 1,22 млн. руб.) и петровских войн (1701 г., доход в бюджет — 3,0 млн. руб.).

Таблица 1. Структура государственного бюджета России в XVII—XVIII вв. (в %)

	1680 г.	1701 г.	1796 г.
<i>Доходы</i>			
Прямое обложение	44	24,4	35
Косвенные налоги и сборы	56	75,6	40
Займы	—	—	25
<i>Расходы</i>			
Содержание двора	23,7	4,4	11
Содержание администрации	14,1	15	42
Содержание армии	62,2	78,3	46
Просвещение, здравоохранение	—	—	около 1%

Бюджет полностью зависел от внутренних и внешних займов. Внешние займы к концу столетия составляли половину государственного долга — 41 млн. руб. Уплата только процентов по долгам забирала до 5% годового бюджета страны.

4.3. Кризис крепостнической системы хозяйства в первой половине XIX века

В XIX век Россия вступила, сохраняя свой облик самодержавного государства с архаичной феодально-крепостнической системой хозяйства.

Период с начала XIX в. до начала реформ 60-х годов представлял собой сплошной клубок противоречий, которые определялись столкновением старой и новой экономических систем: с одной стороны, неотвратимым нарастанием капиталистических элементов во всех сферах хозяйственной жизни, а с другой — сохранением феодально-крепостнических отношений, препятствовавших развитию капитализма.

На огромной территории страны к началу XIX в. проживало 43,7 млн. ч.; к середине столетия в результате естественного прироста и присоединения ряда территорий (Грузия, Азербайджан, Дагестан, Бессарабия, Финляндия, Польша, Казахстан, Дальний Восток) — уже 74 млн. Плотность населения была крайне неравномерна. Наиболее плотно были заселены центральные губернии европейской части — плотность населения составляла здесь около 8 ч. на 1 кв. версту (в большинстве европейских стран в то время — 40-50 ч.). К югу, северу и востоку от центра страны плотность населения резко падала. В Заволжье и на Дону она составляла не более 1 ч. на кв. версту. В западных районах Сибири проживало не более 3 млн. ч., а Восточная Сибирь и Дальний Восток представляли собой огромные незаселенные территории.

В России того времени господствовал сословный строй, оформленный жалованными грамотами Екатерины II. Самым богатым, образованным и привилегированным сословием было дворянство. Важнейшей его привилегией было владение крепостными крестьянами. Ряд важных привилегий имело купечество. Купцы первой гильдии имели преимущественное право вести крупную внешнюю торговлю, второй гильдии — крупную внутреннюю торговлю, третьей — мелкую местную торговлю. К числу привилегированных сословий относилось и духовенство.

В мещанстве состояло непривилегированное население городов — ремесленники, мелкие торговцы, наемные работники. Все

они были обложены высокой податью, поставляли рекрутов в армию и не освобождались от телесных наказаний.

Самым многочисленным и угнетенным сословием было крестьянство — к середине XIX в. его численность составляла 30 млн. ч., из них 15 млн. — государственные и более 14 млн. — помещичьи. Государственные крестьяне платили подати, терпели поборы и произвол властей, но в сравнении с помещичьими они жили свободнее и имели больше земли. В Нечерноземье многие помещики переводили своих крестьян от барщины к оброку. В черноземных губерниях царила барщина.

Особой группой крестьянства было казачество — 1,5 млн. ч.

Зарождение и развитие товарных отношений и сопутствующее им расслоение сословий шло очень медленно. Тем не менее сословный строй постепенно себя изживал, прежде всего в городе. Среди городского населения образовывались новые классы — буржуазия и пролетариат. Они формировались не на юридической, а на чисто экономической, имущественной основе, что характерно для капиталистического общества. В рядах предпринимательского (буржуазного) класса оказывались дворяне, купцы, разбогатевшие мещане и крестьяне. Среди рабочих преобладали крестьяне и городская беднота.

Однако крепостническая система, защищаемая государственной бюрократией, тормозила эти процессы, ограничивала развитие производительных сил страны. Царское государство, отказывая в средствах промышленности, кредитовало траты помещиков под заклад имений и крепостных, употребляя на это значительную часть бюджета. Это и привело к кризису середины XIX в. в экономике и обществе.

Но веяние новых идей, идущих из передовых стран Запада, становилось все ощутимее. Появились первые признаки ослабления монополии дворянства на землю и крестьян: в 1801 г. была разрешена свободная купля-продажа ненаселенной земли, в 1803 г. помещикам было предоставлено право на освобождение крестьян за выкуп, в 1818 г. крестьянам было разрешено устраивать фабрики и заводы.

Видимо, чувствуя неотвратимость общественных перемен, самодержавие сделало первую попытку преобразования в конституционную монархию: в 1808 г. по поручению Александра I

М.М. Сперанским был разработан проект преобразования государственного строя. Война отвлекла власти от его реализации. В 1815—1818 гг. эта попытка была повторена: на фоне победы над Наполеоном и предоставления конституции Польше и Бессарабии были подготовлены “Уставная грамота российской империи” (по существу — конституция страны) и соответствующий манифест. Тогда же готовились и проекты отмены крепостничества. Однако ни один из этих документов не был принят. Причиной послужили, видимо, отсутствие массовой поддержки этих начинаний среди дворянства и даже рост широкого недовольства готовящимися переменами. А на насильственный вариант реформ император не решился, опасаясь как конфронтации с дворянством, так и вовлечения в нее крестьянства — страх перед бунтом.

Отказ от реформ неизбежно привел в начале 1820-х годов к повороту в единственно возможном в этой ситуации направлении — в сторону консервации основ существующего строя — самодержавия и крепостничества. Наступил реакционный режим Аракчеева — Бенкендорфа с усилением карательного аппарата, бюрократизации и милитаризации всех сторон жизни общества.

Сельское хозяйство. С развитием товарного сельского хозяйства все более отчетливо проявлялась специализация районов: на севере — в основном технические культуры (лен) и овощи, на юге — производство зерна и животноводство. Это способствовало повышению эффективности сельскохозяйственного производства. К середине века стала меняться структура растениеводства. Расширялись посевы технических культур (табак, лен, хмель), картофеля, который помимо домашнего потребления стал использоваться как сырье в промышленности. На Украине увеличивались посевы сахарной свеклы, массовым стало и строительство заводов для ее переработки.

С другой стороны, для российского сельского хозяйства того времени типична крайне низкая производительность труда и практическое отсутствие ее роста (за 60 лет XIX века средняя урожайность по зерну составила сам-3,5). Валовой сбор был доведен до 2,2 млрд. пуд. лишь благодаря увеличению запашки (за полвека посевные площади увеличились более чем в 1,5 раза).

В сельском труде начали внедряться новые машины — сеялки, жатки, веялки, молотилки и т.п. Но лишь около 3% хозяйств можно было отнести к передовым для того времени — с интенсивным земледелием.

Крепостные крестьяне составляли к 1858 г. треть населения. На окраинах страны — Южный Урал, земли Войска Донского, Нижнее Поволжье — крепостничество не было таким жестким, как в давно обжитых центральных районах, а в Прибалтике и вовсе было отменено уже в 1816 г. Там использовался вольнонаемный труд, развивались фермерские хозяйства капиталистического типа.

На селе кризис крепостного хозяйства разразился в полную силу. Труд крепостных был малоэффективен. На своих участках крестьяне работали вдвое производительнее, чем на господском поле, но их продукция шла лишь на собственное потребление. Уже в 1803 г. вышел “Указ о вольных хлебопашцах”, согласно которому помещики могли добровольно отпускать крепостных на волю поодиночке или деревней с обязательным наделением их землей за выкуп. Реакция помещиков была негативной; выкупилось по этому указу около 112 тыс. душ мужского пола (примерно 0,5% всех крепостных).

Подобные мероприятия проводились и в начале 40-х годов. По указу 1842 г. крестьяне могли получить (по желанию помещика) личную свободу и земельный участок в пользование. За это они были обязаны отрабатывать все прежние повинности (*“обязанные крестьяне”*), правда, помещик уже не имел права увеличить их объем и отнять надел. Не многие помещики воспользовались этим указом: в категорию “обязанных” было переведено около 27 тыс. душ мужского пола.

В 1838—1857 гг. Министерством государственных имуществ под руководством П.Д. Киселева проводилась реформа управления государственными крестьянами. В этих деревнях вводилось местное самоуправление, подати взимались с величины земельного надела с учетом его доходности; открывались школы, больницы, ветеринарные пункты. Но основные усилия были направлены на повышение агротехники, внедрение новых культур, в основном картофеля. Однако насильственное внедрение картофеля, “общественная запашка”, сопутствующие поборы чиновников привели к крестьянским волнениям (“картофельные бунты”

1840—1844 гг.). Эта реформа не изменила ни положения крестьян, ни их малоземелья. Одновременно она показала, сколь трудны, дороги и безрезультатны половинчатые реформы.

Другим своеобразным экспериментом того времени было создание *военных поселений* с поселенцами и пахотными солдатами. Основная идея — поставить армию на хозяйственное самообеспечение — сочеталась здесь, видимо, с надеждой частичного решения проблемы освобождения крепостных. Кавалерийский или пехотный полк переводился в разряд *поселенного полка*, а в распоряжение его командования выделялись земля и крестьяне (государственные или выкупленные у разорившихся помещиков). Но и эта затея кончилась безрезультатно. Тяжелые экономические условия (бремя содержания военных), строгая регламентация всех сторон жизни, военная муштра и произвол командиров — все это приводило к восстаниям в военных поселениях, они просуществовали до 1857 г.

В конце концов сельскохозяйственное производство снизилось к 1850-м годам по сравнению с 1840-ми в разных регионах на 8—30%. Промышленность задохнулась без сырья.

Признаком разложения крепостнической экономики стала растущая задолженность дворянских хозяйств. К 1859 г. 7,1 млн. (66%) помещичьих крестьян были заложены, а на имениях было 425,5 млн. руб. только казенных долгов (это вдвое больше годового дохода в бюджете страны). Многие имения продавались с молотка за долги.

Промышленность и транспорт. В конце XVIII—начале XIX вв. промышленное развитие приостановилось. Прирученная к государственным дотациям и льготным тарифам промышленность не могла развиваться без них. Покровительственный тариф 1810 г. стимулировал положительный прирост в 1812—1815 гг., а смягченный (по предложению М.М. Сперанского) тариф 1816 г. опять приостановил его. Без государственной поддержки российская промышленность работать не могла. И только после запретительного тарифа Е.Ф. Канкрин (1822 г.) промышленное производство стало нарастать. Тем не менее процесс промышленного развития постепенно набирал силу; количество промышленных предприятий в период с 1800 по 1860 гг. выросло с 2 тыс. до

15 тыс., а число рабочих увеличилось с 211 тыс. до 560 тыс. ч. В основном преобладали небольшие предприятия с количеством занятых 10-15 ч.

Для начала XIX века характерны процессы нарастания в хозяйстве России элементов капитализма. Капиталистические мануфактуры развивались, в то время как посессионные разорялись, несмотря на дешевый труд, поскольку не могли увольнять рабочих и были в полной зависимости от госчиновников. Разорялись и вотчинные мануфактуры, кроме тех, что занимались производством сукна и сахара: сукна покупались государством по завышенным ценам, а производители сахара владели одновременно и сырьем (сахарной свеклой), и трудом.

К 1860 году удельный вес наемного труда превышал в обрабатывающей промышленности 80%, а в хлопчатобумажной — свыше 95%.

Начиная с 30-х годов в России происходил промышленный переворот — переход от мануфактур к фабрикам, т.е. к крупному производству, основанному на машинной технике, — сначала в хлопчатобумажном производстве, затем — в суконном и шерстяном, позднее — в писчебумажном, фарфорово-фаянсовом и сахарном. В результате перехода на машинную технику к 50-м годам производительность труда выросла втрое, в основном за счет машинного производства в крупной промышленности.

С техническим перевооружением и ростом производительности тотчас же возникли проблемы сбыта продукции в условиях малой емкости рынка. Первой ощутила это на себе передовая в техническом плане хлопчатобумажная промышленность. В 30-е годы в России наблюдается первый *кризис промышленного производства*, к счастью, только в одной отрасли.

Медленнее шли процессы технического перевооружения в металлургии. Удельный вес России в мировой металлургии сократился с 12% в 1830 г. до 4% в 1850 г. Слабая и устаревшая металлургия, будучи базой для машиностроения, сдерживала его развитие. И хотя в это время появились в России первые машиностроительные заводы — завод Берда, Невский, Александровский в Петербурге, Сормовский судостроительный близ Нижнего Новгорода, общие темпы промышленного развития были крайне низкими.

Развитие хозяйства на огромной территории России сдерживалось и отсутствием современного транспорта. Поволжский хлеб, например, доставлялся в Петербург лишь на второй год после уборки. То же и с уральскими металлами, архангельским лесом, астраханской солью.

В свое время административная нужда заставила Петра I построить “перспективную дорогу” между столицами. Но и эту дорогу, беспрестанно чинившуюся, нельзя было считать дорогой в ее современном понимании. Лишь в 1816 г. начинается масштабная постройка шоссейных дорог и только в 1830 г. была закончена первая из них — между Петербургом и Москвой. К 1860 г. было построено 8 тыс. верст шоссейных дорог, включая дорогу Петербург—Иркутск (6 тыс. верст) и Петербург—австрийская граница через Варшаву (1 тыс. верст). После этого строительство шоссе прекратили. Россия оставалась страной бездорожья.

Основные грузопотоки двигались по рекам. В первой половине XIX в. начало налаживаться регулярное пароходное движение. В 1810 г. был открыт новый Волго-Балтийский путь — Мариинская система, в следующем году стала действовать в том же направлении Тихвинская система. Днепр соединили каналами с Вислой, Неманом, Западной Двиной. В Петербурге на заводе Берда был построен в 1815 г. первый российский пароход “Елизавета”. А к 1860 г. на реках страны насчитывалось уже около 340 пароходов, в основном иностранного производства. Но и вовлечение водных путей в массовые перевозки не могло решить транспортных проблем российской экономики. Тем более, что водные пути могли использоваться только летом. Да и скорости на воде были в то время таковы, что перевозка груза, скажем, с Урала в Петербург по воде требовала (с учетом перевалок) как и раньше двух навигаций.

К середине века транспортное строительство получило новый импульс: строились новые каналы с налаженными пароходными рейсами, прокладывались железные дороги. Первые железные дороги были проложены от Петербурга до Москвы и далее к Нижнему Новгороду. К 1861 году в России было уже 1500 верст железных дорог. Но этого, конечно, было ничтожно мало для огромной страны (заметим, что в маленькой Англии их было в то время 15 тыс. верст).

Таким образом, в силу различных обстоятельств промышленность не могла развиваться европейскими темпами. Главным же препятствием была крепостническая система, которая сковывала движение труда и природных ресурсов.

Торговля. Несмотря на постепенный рост оборотов, торговля в первой половине XIX в. почти не менялась ни по организации, ни по структуре. Следует отметить лишь развитие в городах постоянной магазинной торговли. В Москве, Петербурге и других крупных городах стали появляться гостиные дворы, модные магазины, хотя по-прежнему существовала и торговля в разнос. В структуре же торговли основной оборот приходился на сельскохозяйственную продукцию, хотя в ней увеличились хлебные потоки, особенно с 40-х годов к портам Черного моря.

В начале XIX в. начинает складываться *биржевая торговля*. Первая регулярная биржа в России, учрежденная царем-реформатором в 1713 г., почти целое столетие оставалась единственной в стране, ограничиваясь лишь заключением фрахтовых договоров. В 1796 г. возникла вторая товарная биржа, в Одессе, в 1816 г. — третья, в Варшаве. И только в 1837 г. получила право учредить биржевой комитет Московская биржа (новое, соответствующее всем требованиям того времени специальное здание биржи появилось лишь в 1875 г.). Но биржи в то время еще не стали центрами торговли: основная масса сделок производилась вне бирж даже там, где они официально функционировали; биржи использовались скорее для получения разных полезных для торговли сведений, личных встреч и т.п. К 1861 г. в стране насчитывалось всего шесть бирж с ограниченным набором проводимых там операций.

Караванное (учитывая отсутствие дорог и опасности) передвижение товаров, необходимость их складирования, накапливания в связи с сезонностью транспорта способствовали развитию периодических ярмарок. Роль и масштабы ярмарок как центров оптовой торговли несколько возросли к середине столетия. В стране насчитывалось около 15 тыс. мелких и 1800 — средних ярмарок. Но крупных, с оборотом свыше 1 млн. руб., было 50-60 — по 4-6 в каждом из экономико-географических регионов. Наиболее известными и богатыми были Нижегородская (вместо сгоревшей в 1816 г. Макарьевской), Ростовская (в Ярославской губ.),

Ирбитская (на Урале), Крестовско-Ивановская (в Пермской губ.), Мензелинская (близ Уфы), Коренная (около Курска), Сборная (под Симбирском) и другие.

Ярмарки выступали не только как торговые центры массовых продаж и покупок. Здесь завязывались деловые контакты, создавались товарищества и акционерные общества, формировались нормы экономических отношений. В России с ее еще слабым обменом, незначительностью оборотов внутренней торговли отмечался в то время крайне низкий уровень сословной нравственности, проявлявшийся в нечестной торговле. Неустойчивость и непостоянство торговых связей заставляли торговцев рассматривать любую сделку как первую и последнюю. В этом плане трудно переоценить значимость ярмарок для выработки своеобразной рыночной этики. Ведь экономике страны в ближайшие годы предстояло переходить на биржевые отношения, требующие определенного уважения к коммерческим партнерам.

Внешняя торговля России была, как и прежде, ориентирована главным образом на Западную Европу: в экспорте ее доля составляла 90% (главный торговый партнер — Англия), и только 10% приходилось на восточную торговлю (с Китаем, Средней Азией). Но с 1808 г. по Тильзитскому миру Россия была вынуждена присоединиться к “континентальной блокаде” и потеряла очень емкий английский рынок. Чрезвычайно подскочили цены на покупаемые в той же Англии “колониальные товары”. Правительство было вынуждено снизить импортные пошлины.

С приходом в министерство финансов Е. Ф. Канкрин, сторонника протекционизма и жесткой фискальной политики, в 1822 г. были повышены таможенные пошлины, в основном на дешевые английские товары. Доходы казны по этой линии действительно увеличились более чем вдвое. Запретительный тариф Канкрин позволил модернизировать крупнейшую в то время отрасль российской промышленности — хлопчатобумажную, а по существу воссоздать ее в виде нового высокопроизводительного машинного производства. Но именно это в условиях слабого рынка сбыта моментально привело ее уже в 30-е годы к кризису перепроизводства и падению цен. Спасло ее введение в 1839 г. серебряного рубля и общее укрепление финансовой системы. А в 1841 г. промышленники выхлопотали себе новый запрети-

тельный тариф: пошлина была поднята в 1,5 раза. И только с уходом Канкрин восторжествовала *“фритредерская”* политика: тариф 1850 г. решительно покончил с господством запретительной системы пошлин и ограничил баснословные доходы казны половиной прежнего (в среднем 15% вместо 30%). Тариф 1857 г. пошел еще дальше в направлении фритредерства.

Финансово-денежное хозяйство. К началу XIX в. финансовое хозяйство России пришло с большим дефицитом. Давали о себе знать и внешняя политика екатерининского и павловского правительств, и бесцеремонное расходование огромных средств на содержание двора, поражавшего всех своим великолепием и роскошью. Перед Александром I, занявшим престол в 1801 г., встала задача экономии государственных средств и сокращения бюджетного дефицита, тем более, что внешние займы для России уже были закрыты вследствие опасения спонсировать воюющую державу в условиях нарастающего могущества Наполеона. Но финансовое положение страны не улучшалось. Участие России в коалициях против Наполеона, сменившееся потом участием в континентальной блокаде Англии, шведско-русская и русско-турецкая войны, уменьшение косвенных сборов — все это привело к постоянному нарастанию, особенно после 1806 г., бюджетного дефицита: если в 1801 г. он составлял 7 млн. руб., то к 1810 г. вырос до 307 млн. руб. Курс бумажного рубля составил к этому моменту 22,5% от номинала.

В поисках системной финансовой политики М.М. Сперанским при участии М.А. Балугьянского и Н.С. Мордвинова был подготовлен на основе идей А. Смита проект реформы, направленной на возвращение в течение 20 лет ассигнациям их нарицательной стоимости. Существо предложений заключалось в следующем: все ассигнации объявлялись государственным долгом, прекращался их дальнейший выпуск; для погашения находившихся в обращении рекомендовалось распродать часть государственного имущества, установить новые налоги, сократить издержки на государственный аппарат.

Реформа, конечно, не дала ожидаемого эффекта — распродажа государственного имущества шла очень медленно и неэффективно, сокращение расходов стало невозможным из-за ожидавшейся войны с Наполеоном, министр финансов отказался

вводить новые налоги для погашения ассигнаций и все “свободные” средства направлял на покрытие оперативных расходов.

Тем не менее реформа немного приподняла курс рубля. Смета бюджета на 1812 г. предусматривала даже *профицит* в 86 млн. руб. Но в условиях приближающейся войны были срочно увеличены расходы на армию и флот (на 43 млн. руб.). К тому же в большинстве черноземных губерний был неурожай. Но самое главное — нехватка финансов на военные расходы заставила государство вновь печатать деньги; новая порция эмитируемых ассигнаций уронила курс рубля до 20%.

Одним словом, государство пыталось воспользоваться всеми имеющимися у него средствами для увеличения доходности, но война окончательно отняла все надежды на выход из финансового кризиса. После 1812 г. бюджет ежегодно сводился с огромным дефицитом. С 1812 г. по 1815 г. пришлось выпустить ассигнаций на огромную сумму — 245 млн. руб., а к 1818 г. сумма выпущенных в России ассигнаций достигла астрономической величины — 836 млн. руб. Следствием, несмотря на внутренние займы и субсидии от Англии, было очередное падение курса рубля.

Наряду с основными ставками по прямым налогам вводились надбавки целевого назначения — на строительство государственных больших дорог, водных коммуникаций и пр. Именно такими были и действовавшие с 1812 по 1820 гг. временные надбавки для ускорения уплаты государственных долгов, взимавшиеся только с дворян. Интересно, что дворяне, жившие за границей “не по службе” и проживавшие доходы вне отечества, “должны были платить вдвое”.

С 1821 г. устанавливается налог на недвижимую собственность в размере 0,5% с ее оценки.

Отечественная война 1812 г. принесла России большие материальные потери. Пострадали много городов, огромные территории. Пожар в Москве уничтожил почти весь город. К тому же Наполеон буквально завалил страну фальшивыми деньгами.

В 1838—1843 гг. в России была проведена денежная реформа в русле прежних предложений М.М. Сперанского. Ее автор — Е.Ф. Канкрин не ставил своей задачей глубоких экономических преобразований: лишь сокращение внешнего долга путем девальвации ассигнаций и снижение уровня инфляции. Он ввел в обращение серебряный рубль и выпустил новые кредитные билеты

в соотношении — 350 старых бумажных рублей к 100 серебряным. Новые кредитные билеты выпускались в строгой пропорции (примерно шесть к одному — по серебру) с величиной драгоценных металлов в казне и до 1854 г. свободно обменивались на серебро. В экономике и финансах на некоторое время был наведен порядок. Но после отставки Е.Ф. Канкринна Крымская война (1853—1856 гг.), поражение, промышленные кризисы, неурожаи и другие обстоятельства вынуждали правительство не раз прибегать к пустой денежной эмиссии. За три года дефицит государственного бюджета вырос почти в 6 раз — с 52 до 307 млн. руб. Вместе с внешними займами это привело к огромному государственному долгу — к 1861 г. он превышал в сумме годовой бюджет в 8 раз.

* * *

Возрастало и социально-политическое недовольство. В 1831—1840 гг. зафиксировано 328 крестьянских волнений, в 1841—1850 гг. их было уже 545, а в 1851—1860 гг. — свыше тысячи. Правящие круги опасались, что разрозненные крестьянские волнения перерастут во “вторую пугачевщину”.

Дальнейшее экономическое развитие без уничтожения крепостничества стало невозможно. Крепостничество тормозило рост производительных сил и неизбежно должно было смениться другой, более эффективной формой отношений.

Рекомендуемая литература

1. *Елизаветин Г.В.* Деньги. М., 1970.
2. История России с древнейших времен до конца XVIII века / Отв. ред. *А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев.* М., 1996.
3. *Карамзин Н.М.* Предания веков. М., 1988.
4. *Ключевский В.О.* Русская история: Полн. курс лекций. М., 1994.
5. *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894.
6. *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903.
7. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993.
8. *Хромов П.П.* Внутренний и внешний рынок докапиталистической России. М., 1988.

Часть 2

Развитие капитализма в России

(60-е годы XIX в. — 1917 г.)

Вторая половина XIX в. характеризуется проведением в России либеральных реформ, существенно изменивших все стороны жизни общества, энергичным развитием капиталистической экономики и насильственным присоединением значительных территорий.

Вслед за отменой крепостного права царское правительство было вынуждено провести ряд буржуазных реформ. Были введены местное самоуправление, суд присяжных, всеобщая воинская повинность, реорганизованы системы просвещения и финансов.

К сожалению, ни одна из этих реформ, несмотря на их значимость для дальнейшего развития страны, не была последовательно доведена до логического завершения. Основной причиной этого была, конечно, незабываемость самодержавия. Незавершенные преобразования осложнялись, как это нередко случается в истории, контрреформами. Так, на смену либеральным реформам 60—70-х годов, проводимых Александром II, после его гибели пришли “реформы наизнанку” Александра III. Справедливо ради надо отметить, что проводя контрреформы в области социальных отношений, Александр III в области финансовой политики проводил прагматическую линию в интересах российского предпринимательства и модернизации экономики. Ее главным инициатором и проводником выступал С.Ю. Витте, пожалуй, наиболее талантливый хозяйственный руководитель за всю историю России.

Глава 5

“Великие реформы”

Крестьянская реформа. Поражение в Крымской войне лишний раз подтвердило необходимость ликвидации крепостничества.

Весной 1856 г. Александр II, выступая перед дворянством Московской губернии, заявил, что лучше отменить крепостное

право сверху, нежели дожидаться, когда оно начнет ликвидироваться снизу. Прелюдией реформы послужили события, направленные на демократизацию всего общества, — амнистия, коснувшаяся 9 тыс. заключенных, в том числе декабристов и петрашевцев, снятие различных запретов, введенных при Николае I, отмена военных поселений, разрешение свободной выдачи заграничных паспортов, ослабление цензуры. Именно тогда впервые зазвучали слова “*перестройка*”, “*гласность*”, так знакомые современникам 1980-х годов.

Реформа готовилась сначала тайно, так как царь не был уверен в поддержке дворянства. Но в 1857 г. удалось добиться согласия дворян Виленской, Ковенской и Гродненской губерний на раскрепощение крестьян, где и был проведен “эксперимент” по освобождению крестьян без полевого надела, но с правом выкупа усадьбы. Дело сошло с мертвой точки.

С 1858 года работа пошла по всем губерниям и в отличавшемся крайней консервативностью Главном комитете по крестьянскому вопросу; ни нарождавшаяся торгово-промышленная буржуазия, ни крестьянство к подготовке реформы допущены не были. Наиболее принципиальный вопрос реформы по предложениям Н.А. Милютина, В.Н. Позена, Я.И. Ростовцева был решен царем в пользу выкупа крестьянами земельных наделов с долгосрочными выплатами.

Достаточно сложно было определить норму земельного надела, так как ценность земли определялась природными особенностями. Наряду с этим необходимо было учитывать ряд социально-политических факторов. Так, в ряде губерний сложилось общинное землепользование (земля периодически перераспределялась между членами общины), в других — подворное (земля была закреплена за хозяином двора и не перераспределялась). В западных областях Украины и Белоруссии землепользование вызывало национальные и конфессиональные проблемы: земля принадлежала, как правило, полякам — католикам, а обрабатывали ее в основном батраки и арендаторы из украинцев и белорусов, как правило, православных. Поэтому для каждой территории необходимо было разработать местное положение, учитывавшее ее особенности.

Объявленное 19 февраля 1861 года “Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости” непосредственно

затрагивало 22,5 млн. помещичьих крестьян и 110 тыс. дворян-душевладельцев. Оно состояло из трех частей: (1) упразднение личной зависимости крестьян от помещиков, (2) наделение крестьян землей и определение крестьянских повинностей и (3) выкуп крестьянских наделов.

Формально крестьянин получал гражданские права — личную свободу и право распоряжаться своим имуществом. Он мог самостоятельно заключать сделки, открывать предприятия, переходить в другое сословие. Все это предоставляло возможность развития крестьянского предпринимательства, способствовало росту отхода крестьян на заработки, а в целом давало сильный толчок развитию капитализма в пореформенной России.

Наделение землей многомиллионного населения задача бесконечно сложная. Гораздо проще было провести эту операцию для общин, объединявших тысячи людей, чем для каждого индивидуального человека. Это было удобнее и с технической, и с административно-полицейской точек зрения и получило мощную поддержку со стороны любителей старины — славянофилов. Поэтому императорским указом *землей наделялась община* (сельские и волостные сходы во главе со старостами и старшинами), распределявшая ее; та самая община, которая исключительно усилилась после опричного переворота Ивана Грозного. Без согласия общины крестьянин не мог ни продать, ни передать землю, ни уйти из деревни. Во главе общины стоял выбранный на три года староста; помещик имел право отвода старост и других лиц в руководстве общины. *Община несла круговую* поруку за уплату податей.

До выкупа земли вся она оставалась собственностью помещика, крестьяне оставались *“временнообязанными”* и должны были отбывать барщину и оброк. Принципиальное отличие нового состояния крестьян от крепостного заключалось лишь в том, что обязанности крестьян стали четко определены законом и ограничивались во времени.

Размеры крестьянского надела и повинностей по каждому имени должны были быть раз и навсегда определены по соглашению крестьян с помещиком и зафиксированы в *“уставной грамоте”*. Согласование этих грамот было основной заботой *“мировых посредников”*, назначаемых Сенатом из числа местных дворян-помещиков.

Земельные наделы были установлены разными в различных зонах страны и внутри них в зависимости от качества земли и других условий. Наделялись землей только мужчины — “ревизские души”. Дворовые слуги и “месячники” вообще не получили земли. Большую сложность представляло определение величины земельного надела; для Нечерноземья и Черноземной зоны этот вопрос решался по-разному. В нечерноземных губерниях в пользовании крестьян оставалось почти столько же земли, сколько и прежде. В черноземных же был введен сильно уменьшенный душевой надел: по закону — 3-4,5 дес., фактически — 2,5-3 дес. При пересчете на такой надел у крестьянских общин отрезались “лишние” земли. В числе *“отрезков”* нередко оказывались лучшие и необходимые для крестьянского хозяйства земли — луга, водопои, прогоны для скота, которые община вынуждена была в течение многих последующих лет арендовать у помещиков. К тому же, чередуясь с крестьянскими наделами, отрезки создавали крайне неудобную для них чересполосицу.

В нечерноземных губерниях проблема была иной и связана с определением выкупной суммы. Если в черноземных землях величина выкупа определялась по доходности земли, и это вполне устраивало помещиков, то в Нечерноземье помещики давно уже жили в основном не с доходов от своих бедных земель, а за счет оброка, который платили крестьяне из своих сторонних заработков. В результате поисков компромисса в пользу помещиков выкупная сумма за землю в Нечерноземье 342 руб. за десятину почти вдвое превышала ее рыночную цену — 180 руб. (выкупная сумма, полученная за всю землю, составила в конечном счете 867 млн. руб. при ее рыночной стоимости в 544 млн. руб.). Фактически помещики получили выкуп не только за отдаваемую крестьянам землю, но и за их личное освобождение.

Выкуп усадьбы был обязательным, выкуп же надела зависел от обоюдного согласия крестьянина и помещика. Величина выкупа равнялась в среднем размеру капитализированного оброка при 6% годовых. Крестьяне, получившие полный надел, выплачивали непосредственно помещику (сразу, в рассрочку или путем отработки повинностей) 20% всего выкупа. Оставшиеся 80% выкупной суммы царская казна выплатила помещикам в виде ценных бумаг под 5% годового дохода. Сумма, выплаченная государ-

ством помещикам, была объявлена крестьянским долгом казне с рассрочкой на 49 лет из расчета 6% годовых (т.е. крестьяне должны были выплатить 294% выкупной суммы). Эти выплаты были прекращены только в 1906 году. К этому времени крестьяне выплачивали государству около 2 млрд. руб., т.е. в четыре раза больше рыночной стоимости земли в 1861 г.

По соглашению с крестьянами помещик мог отказаться от выкупа, “подарить” крестьянам землю, но в размере лишь одной четверти от их законного надела (*“дарственный надел”*), а остальную землю забрать себе. Такие наделы получили более 500 тыс. крестьян, в основном в Поволжье и на Украине. Судьба их печальна: очень скоро села “дарственников” на своих крошечных наделах обнищали.

К 1863 г. закончилась аграрная реформа и в удельных (дворцовых) хозяйствах. Все дворцовые крестьяне были переведены на выкуп, который они должны были, так же, как и помещичьи, выплачивать в течение 49 лет; величина выкупа фактически соответствовала выплачивавшемуся раньше оброку.

Наконец, к 1886 г. были переведены на выкуп и государственные крестьяне. Они обязаны были выкупаться целыми селениями с единовременной выплатой всех сумм.

Предоставив крестьянам законную возможность независимого владения землей, реформа 1861 г. в то же время привела к их фактическому обезземеливанию. При необходимости иметь от 8 до 10 дес. земли в зависимости от ее плодородия большинство крестьян получили 2–4 дес. В то время как, по подсчетам специалистов, для нормального существования семьи из 6 ч. в нечерноземной полосе требовалось 8,5 дес. пашни, 1,5 дес. луга, 0,5 дес. огорода, т.е. всего 10,5 дес. К тому же, поскольку практическое выделение участков было возложено на помещиков, за ними остались лучшие земли, выгоны, водопои. Права крестьян на землю были ограничены и властью общины. Наконец, крестьянину фактически не дали и права передвижения до окончательного расчета с государством за выкупленную землю. Таким образом, реформе не удалось сделать из крепостных крестьян независимых земельных собственников.

Крестьянская реформа получилась не такой, как ее предлагали передовые мыслители того времени — А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, поскольку была ориентирована на интересы помещиков, а не крестьян. И все же она имела огромное историческое значение, так как открыла перед Россией перспективу развития капиталистических отношений.

Несмотря на проведенную реформу, феодальные отношения просуществовали в стране, конечно, еще долго — оставались громадные латифундии, вся деятельность в деревне контролировалась поземельной общиной, вместо своей земли крестьяне получали общинные наделы; в социальной сфере сохранялась сословность, в политической — самодержавие.

Выкупная операция представляла особую форму первоначального накопления капитала помещиками. В то же время выкупные платежи, которые государство в течение многих лет выкачивало из деревни, забирали все накопления в крестьянских хозяйствах, мешали им перестроиться и приспособиться к рыночной экономике, удерживали русскую деревню в состоянии нищеты.

Либеральные реформы 60—70-х годов. Вскоре после крестьянской реформы была проведена реформа местного управления — законом 1864 г. в 34 губерниях страны, где было упразднено крепостничество, вводилось *земское самоуправление*. Оно учреждалось для руководства хозяйственными делами — строительством и содержанием местных дорог, школ, больниц, богаделен, для организации продовольственной помощи населению в неурожайные годы, для агрономической помощи и сбора статистики.

Распорядительными органами земства были избираемые каждые три года губернские и уездные земские собрания, а исполнительными — губернские и уездные земские управы. Земства, существовавшие на определенные налоги с населения, нанимали на службу земских врачей, учителей, землеустроителей и прочих специалистов. Депутаты земских собраний (*“гласные”*, т.е. имевшие право голоса) собирались раз в год для утверждения отчетов о земской деятельности и бюджета; никакого вознаграждения за это они не получали в отличие от членов земских управ, считавшихся служащими земства; все земские учреждения находились

под контролем местной и центральной администрации — губернаторов и министра внутренних дел.

Вскоре после земской реформы в стране была проведена реформа городского управления (1870 г.). В 509 городах взамен существовавших раньше сословных городских управлений избирались каждые четыре года органы **городского самоуправления** — городские думы, которые, в свою очередь, выбирали членов городской управы и городского голову. Их попечительству подлежали вопросы благоустройства, образования, медицинского обслуживания, местной торговли, общественного порядка и благотворительности, санитарной и пожарной охраны в городах.

Одновременно с земской реформой в 1864 г. была проведена **судебная реформа**. Россия получила новый суд — бессловный, гласный, состязательный, не зависимый от администрации. Центральным звеном нового судебного устройства был окружной (в каждой губернии) суд с 12 присяжными заседателями, адвокатами и прокурором. Судебные заседания стали открытыми для публики.

Разбором мелких дел и гражданских исков до 500 руб. занимались мировые судьи, избираемые земскими собраниями или городскими думами на три года. Председатели и члены окружных судов утверждались императором, а мировые судьи — Сенатом, и после этого их не могли уволить и даже временно отстранить от должности. Этим, конечно, повышалась независимость судов.

В те же годы была проведена **реформа образования**. В городах были созданы начальные народные училища и реальные (с техническим уклоном) училища, выпускники которых допускались только в технические высшие учебные заведения; классические же гимназии давали права поступления без экзаменов в университеты. В 1863 г. была восстановлена автономия университетов, провозглашенная в 1803 г. и урезанная Николаем I. Наконец, в 1869 г. в России были созданы первые женские учебные заведения с университетскими программами.

Ряд важных реформ был проведен в армии. В 1874 г. была отменена рекрутчина и установлена **всеобщая воинская повинность**. Все здоровые мужчины, достигшие 20 лет (позднее — 21 года), должны были служить. На практике призывалась лишь четверть лиц, достигших призывного возраста. До половины освобождались по семейному положению — единственный сын, тот, у

кого служил или служит старший брат, и т.п. Наряду с этим сохранялись льготы для дворян, купечества, духовенства. Срок службы определялся образованием: без образования — 6 лет в действительной службе и 9 лет в резерве, на флоте соответственно — 7 и 3 года; для окончивших начальную школу срок службы сокращался до 4 лет, гимназию — до 1,5 лет, университет — до полугода.

Развитие капиталистического хозяйства, индустриализация страны невозможны без привлечения значительных капиталов, но частный капитал не мог осуществлять инвестирование производства без хорошо налаженной кредитной системы. Поэтому наряду с другими реформами насущной стала **реформа финансовой системы**.

В 1860 г. был основан Госбанк России (на базе старых Заемного и Коммерческого банков) для нужд казны и **ипотечных** операций (ссуды помещикам под залог земли). Впоследствии (в 1882 г.) для этих операций были созданы два специализированных банка — Дворянский земельный банк, который на льготных условиях давал помещикам ссуды под залог земли, и Крестьянский поземельный банк, принимавший на комиссию землю помещиков для продажи крестьянам и, благодаря своей монополии, поддерживавший высокий уровень цен на земельные участки.

Для активизации сбережений населения в 1862 г. был принят Устав городских сберегательных касс, общее управление которыми возлагалось на Госбанк.

В 1862—1868 гг. по инициативе и под руководством государственного контролера В.А. Татаринова была проведена **финансовая реформа**, направленная на сокращение государственных расходов. В ходе ее введена подробная роспись доходов и расходов по министерствам и их финансовый контроль, объявлен принцип **гласности бюджета**; все доходы необходимо было поместить в кассы казначейства, а не в ведомственные кассы. Единственным распорядителем бюджетных средств стало Министерство финансов. Общий итог этой реформы был очень ощутим — государственные расходы значительно сократились, что создало благоприятные условия для финансового оздоровления и последующих реформ.

Были упорядочены прямые налоги. В 1870 г. введен государственный налог на землю, который платили все собственники зе-

---

или независимо от сословий — от 0,25 до 10 коп. за 1 дес. в зависимости от качества земли. Наконец, в 1863 г. отменены винные откупа. Вместо них введена система **акцизов** и патентных сборов. Несправедливость налогов, конечно, оставалась, поскольку основными статьями бюджетных поступлений были подушная подать (отмененная только в 1883 г.) и косвенные налоги.

“Великие реформы” 1860—1870-х создали рынок рабочей силы. Освобождение и расслоение крестьянства дали дополнительный толчок развитию капиталистического хозяйства. Наличие дешевой рабочей силы давало возможность получить более высокую, чем в развитых капиталистических странах того времени, норму прибыли. Отсюда — высокие темпы накопления капитала и развития хозяйства в пореформенный период.

Глава 6

Пореформенное развитие

(60-е годы XIX — начало XX вв.)

Развитие российской экономики во второй половине XIX в. характеризуется бурным ростом промышленного производства. Условия развития промышленности в России с самого зарождения отличались от западноевропейских. Особой его чертой, в первую очередь в отраслях тяжелой промышленности, была неразрывная связь с государственным аппаратом и государственной казной. Новые направления промышленного производства всегда возникали “по высочайшему повелению”, путем своеобразной “революции сверху”, в то время как в европейских странах мануфактуры и фабрики вырастали на цеховых традициях последовательным эволюционным путем.

С началом формирования в России капиталистических отношений роль государства в развитии промышленности еще более возросла. Крупнейшие заводы в стране к концу столетия принадлежали горному департаменту, морскому министерству и военному ведомству. Среди предприятий тяжелой промышленности

первое место по объемам производства занимали казенные военные заводы. Казна владела многими железными дорогами, значительной частью речного транспорта, почтой и телеграфом.

Повышение роли государства в формировании новых отраслей промышленности во второй половине XIX в. — в период промышленного переворота в России было обусловлено недостаточными масштабами внутреннего накопления капитала и незрелостью частнокапиталистической промышленности, необходимостью для государства выполнять такие функции и задачи, которые в передовых капиталистических странах того времени брал на себя частный капитал.

Помимо создания новых производств в рамках государственного сектора, правительство стимулировало развитие крупного частного предпринимательства путем предоставления займов, кредитов и выгодных государственных заказов частным лицам и акционерным обществам. По сути, государство за счет налогово-финансовой системы выделяло средства нарождающейся русской промышленной буржуазии для строительства предприятий новых отраслей тяжелой и добывающей промышленности и железных дорог.

Особенно высокие темпы хозяйственного развития достигнуты с конца 80-х годов. Среднегодовые темпы роста экономики составляли с 1887 по 1900 г. — 6,4%. Но по-прежнему “феодальной” оставалась деревня.

В этот период отмечен рост городского населения — с 5,7% в 1855 г. до 12,6% в 1897. Количество городов с населением свыше 50 тыс. жителей за тот же период утроилось — с 13 до 44. В то же время только 28% населения было к концу столетия грамотным.

Промышленность и транспорт. Отмена крепостного права вызвала кратковременную задержку в промышленном развитии страны: многие отрасли, прежде всего металлургическая промышленность, должны были перейти с принудительного труда на вольнонаемный. Но вскоре темпы промышленного развития восстановились.

К 80-м годам завершился *промышленный переворот* в важнейших отраслях — металлургии, горнорудной, угольной (в шерстяной, хлопчатобумажной, свеклосахарной это произошло раньше). Там стали преобладать паровые машины, разнообразные станки и оборудование. Возникли новые отрасли производства —

добыча и переработка нефти, машиностроение, химия. Количество машиностроительных заводов с 1860 по 1890 г. выросло с 92 до 338, а количество занятых на них — с 1,9 до 43 тыс. ч. Производство хлопчатобумажной продукции выросло за тот же период в 4,5 раза, стали и железа — в 4 раза, выплавка чугуна — в 2 раза, добыча угля — в 20 раз.

Наиболее быстро развивались нефтедобыча и нефтепереработка. На смену устаревшим способам добычи нефти из нефтяных колодцев пришла новая техника — бурение скважин и выкачивание нефти с помощью паровых двигателей. Добыча нефти возросла в сотни раз и достигла к 1890 г. 240 млн. пуд., а к концу века — 630 млн. пуд. Благодаря использованию исключительно производительных бакинских скважин Россия вышла по нефтедобыче на первое место в мире.

Изменилась география промышленности, появились новые районы промышленного производства: Донецкий и Кузнецкий бассейны — добыча угля и металлургическое производство, Прибалтика — химия, текстиль, машиностроение и судостроение, Закавказье — горное дело, нефтедобыча.

Возникли новые, более современные и высокопроизводительные центры угольно-металлургического производства в Донбассе и Криворожье. Таким образом, металлургия переместилась с Урала, где были старые казенные заводы, на юг Украины, где концентрировались вновь построенные частные заводы. За 1887—1899 гг. выплавка чугуна выросла в 5 раз — с 32,5 до 165,2 млн. пуд. В канун XX века Россия вышла в этой области на четвертое место в мире, обогнав Францию, Бельгию, другие страны с высоким уровнем промышленного развития.

Однако, ведущая роль в промышленности России 60—90-х годов оставалась за различными отраслями легкой промышленности (особенно текстильной и пищевой). В ней было занято более половины промышленных рабочих России.

И все же наиболее существенно для индустриализирующейся страны развитие машиностроения. Во второй половине XIX в. в России пущено множество разнообразных машиностроительных заводов. Среди крупнейших следует назвать паровозостроительный завод в Коломне, Обуховский сталелитейный и завод Нобеля в Петербурге, механический завод в Перми, заводы по

производству сельскохозяйственной техники — в Одессе, Бердянске, Харькове. По многим машинам Россия начала выходить из импортной зависимости. Так, к концу столетия страна перестала ввозить иностранные паровозы, железнодорожные вагоны, многие сельскохозяйственные машины.

В 60-е годы в России наблюдался подъем предпринимательства. Создание крупных предприятий и развернувшееся железнодорожное строительство требовали привлечения больших капиталов. С 1861 по 1873 г. были основаны 325 акционерных компаний с суммарным капиталом 796 млн. руб. Велика была в этом процессе роль государства. Для частных предприятий практиковались казенные заказы по завышенным ценам, особенно в военном производстве и в тяжелой промышленности. Частным предприятиям, специализировавшимся на выпуске импортозамещающей продукции, предоставлялись значительные льготы (например, бесплатное пользование природными ресурсами), выдавались премии и государственные кредиты. Государство спасало частные предприятия от банкротства, скупая их акции и облигации, брало под опеку и свое управление с последующим возвратом после санации.

В силу дешевизны рабочей силы и политической бесправности рабочих (только в 1897 г. под давлением С.Ю. Вите в России впервые была законодательно определена граница рабочего дня — 11,5 час.) российская экономика была очень выгодна для иностранного капитала. Уже в 70-е годы более 25% акционерного капитала принадлежало иностранцам. Он занял ключевое положение в горной, металлургической промышленности, нефтедобыче. В результате экономика получила быстрое развитие. Но при этом в производстве нередко использовались старые технологии, прибыли вывозились из страны, хищнически эксплуатировались природные богатства.

Проникновение иностранного капитала в Россию особенно усилилось в 90-е годы. К 1900 г. уже 70% горной промышленности, 72% металлообработки, 31% химического производства принадлежали иностранцам (58% — французскому и бельгийскому капиталу, 24% — немецкому, 15% — английскому). Общая сумма иностранного капитала в отечественной промышленности к 1901 г. исчислялась в 2,075 млрд. фр. или в 778 млн. руб.

Одной из форм привлечения иностранного капитала были **концессии**. Российское законодательство конца XIX в. не предусматривало значительных ограничений на получение концессии, был бы предприниматель дееспособен. Запрещалось иметь концессии лишь белому духовенству, евреям, не проживающим в данной местности, и чиновникам Горного управления.

В целом концессии были исключительно выгодны государству, особенно в условиях отсутствия отечественных капиталов. Типичную картину дает концессионное освоение нефтяных полей в районе Баку в 60—70-е годы XIX века. Участки продавались с торгов за единовременное вознаграждение. Первые нефтепромышленники, получившие концессии на разработку участков, обязывались уплачивать в казну по 10 руб. за десятину (каждый участок занимал одну десятую часть десятины). Через несколько лет ежегодные выплаты были подняты вдесятеро. И все равно это было выгодно как концессионерам, так и государству. К тому же мазут и керосин, которые отправляли в основном за границу, государство обкладывало акцизами в 15-20 коп. за пуд. Не вкладывая практически ничего, государство получало огромные прибыли. Лишь в 1904 г. выдача концессий (как и весь импорт капитала) резко сократилась в связи с войной.

Характерной особенностью промышленного развития России в конце XIX в. стала концентрация и монополизация производства и капитала. К 1879 г. крупных предприятий в России было 4,4%, но они давали 55% всей промышленной продукции. Особенно высока была концентрация в хлопчатобумажной промышленности, машиностроении и черной металлургии, добыче угля и нефти. В конце 90-х годов 5 доменных заводов давали более 25% общероссийской выплавки чугуна; 5 нефтедобывающих фирм — 44,1% всей добычи нефти; 17 шахт — более двух третей всей угледобычи; 8 сахарозаводчиков (54 завода) — 38% всего производства сахара.

Экономическая политика государства содействовала монополизации путем протекционизма. Госзаказы, выгодные производству, отдавались только внутреннему капиталу и преимущественно крупным предприятиям. Именно в это время стали возникать картели и синдикаты. Уже в 80-е годы учреждены сбытовые объединения, действовавшие под вывеской предпринимательских

союзов — “Союз рельсовых фабрикантов” (1882 г.), “Объединение сахарозаводчиков” (1887 г.); в 90-е появились “Союз вагоностроительных заводов”, “Союз бакинских керосинозаводчиков” и др. Они договаривались об условиях закупки сырья и продажи товаров, сроках и формах платежей, определяли количество производимой продукции (квоты), устанавливали цены и пр. Всего к 1900 г. в России было создано порядка 30 синдикатов и картелей, но многие из них создавались на короткий срок и объединяли небольшое количество заводов. Исключение составлял сахарный синдикат, который был под покровительством министерства финансов.

Одна из особенностей в развитии российской промышленности — неравномерное размещение ее по территории страны. В пореформенные годы крупная промышленность сконцентрировалась в пяти районах: Центральном (Москва—Тула), Северо-западном (Санкт-Петербург), Южном (Харьков—Донбасс), Баку и на Урале. Заметное промышленное развитие получили Польша и Прибалтика. На остальной территории господствовали мелкая промышленность и кустарные промыслы. Для соответствующего развития и укрепления единого рынка необходимо было создание транспортной сети.

Для России второй половины XIX века ведущим было создание железнодорожного транспорта: если в 1857 году в России была лишь одна тысяча верст железнодорожных путей, то к 1890 году железнодорожная сеть составляла 30 тыс. верст. Грузооборот вырос за тот же период в 14 раз. За 90-е годы железнодорожная сеть выросла еще на 21,4 тыс. верст.

Поражают темпы строительства железных дорог. С 1866 по 1875 гг. ежегодно вводилось в среднем по 1520 км железнодорожных путей (вдвое больше, чем в СССР в годы строительства БАМа), а в 1892—1900 гг. — по 2740 км ежегодно (столько вводилось за пятилетку в последние годы существования Советского Союза). В 90-х годах была проложена Великая сибирская магистраль — от Урала до Тихоокеанского побережья.

Строительство дорог велось и государством, и частным (акционерным) капиталом, но обязательно при условии государственного гарантирования прибыли. Первое время преобладал частный капитал с привлечением иностранных инвестиций. Частному капиталу предоставлялись значительные ссуды; казенные

заказы на строительство дорог оформлялись по завышенным (обычно вдвое) ценам. Бюджет терял на этом ежегодно до 15 млн. руб. Государство размещало внешние железнодорожные займы, по которым гарантировало выплату процентов и ежегодное погашение. Внутри страны облигации частных обществ распространялись через систему сберкасс с гарантированной выплатой до 5% годовых.

В дальнейшем политика государства по отношению к железнодорожному строительству несколько раз менялась: государственные заказы перемежались с субсидиями частным компаниям. Роль и объем вкладываемых казной средств росли; росли и долги частных железнодорожных компаний государству. Чтобы повысить прибыльность дорог, в 1870—1871 гг. государство передало их эксплуатацию частным компаниям на льготных условиях. Их долги казне вместо сокращения выросли к 1878 г. впятеро и составили 515 млн. руб. С середины 80-х годов государство стало выкупать железные дороги у частных компаний, а новые строить только за казенный счет. Но долги частных компаний государству продолжали нарастать. И только с принятием в 1892 г. разработанного Витте *закона о тарифах* дефицит в финансировании железных дорог был довольно быстро ликвидирован,

Строительство железных дорог являлось не только показателем экономического роста, но и его стимулятором. Оно, поглощая массу рабочих рук, способствовало развитию добывающей, металлургической, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. Железнодорожное строительство стимулировало и развитие сельского хозяйства, так как улучшало возможности обращения и сбыта товаров. Все это в конечном итоге создавало условия для окончательного складывания всероссийского рынка и в целом для дальнейшего развития капитализма.

Несмотря на это разница в уровне развития российского транспорта и транспорта в странах Запада оставалась огромной: если в Англии к концу столетия на 1 кв. км площади государства приходилось 100 км железных дорог, а в Германии — 80 км, то в России — только 1,5 км.

Сельское хозяйство. Сельское хозяйство после реформ 1861 г. еще долго переживало застой. Малоземелье, безлошадье, чересполосица, высокая арендная плата, система обработок — все это подрывало крестьянское хозяйство. А всеисилие общины лишало

его стимулов для развития. Уровень развития помещичьих хозяйств также был невысоким. В силу ее социально-экономических особенностей Россия не могла идти известными истории классическими путями реформирования сельского хозяйства.

“Германский” путь со ставкой на крупных землевладельцев, широко использующих технику и удобрения, оказался в российской практике тупиковым. Привыкшие к роскошной жизни за счет труда крепостных российские помещики после 1861 г. сами оказались на грани разорения, и государство должно было поддерживать их (например, было разрешено дважды закладывать землю в специально созданном Государственном дворянском земельном банке). Лишь немногие из российских помещиков смогли “перестроить” свое хозяйство на буржуазный лад и начать производство сельхозпродукции на продажу. Большинство же из них разорились, продолжая жить на широкую ногу и тратить громадные средства на балы, приемы, охоту и нисколько не занимаясь хозяйством.

Другой, “американский” (фермерский) путь не мог быть реализован по иным причинам. Хозяйства мелких дворян, владевших небольшими поместьями и несколькими крепостными, пришли в упадок сразу же после отмены крепостного права, поскольку, чтобы выжить, эти хозяева должны были сами тяжело работать, к чему не имели ни навыка, ни желания. Выделению же крепких хозяев из крестьянской среды мешал общинный строй русской деревни. Все налоги и подати взимались с общины и юридически именно она являлась владельцем земли. Наиболее работящие и способные общинники вынуждены были платить как за себя, так и за своих более нерадивых односельчан.

Ситуация усугублялась тем, что община часто, а в некоторых местностях ежегодно проводила переделаж земли, чтобы все общинники по очереди пользовались более плодородной и удобной землей. Разумеется, никто не улучшал участок, который через год отойдет другому.

Усилилось расслоение деревни: к концу 90-х годов от 24 до 30 млн. крестьян вели полуголодное, нищенское существование. Причины тому — относительное сокращение крестьянских наделов в связи с большим приростом населения в деревнях (с 4,8 дес. на душу в 60-е годы до 2,6 дес. в 1900 г.) и постоянное падение

цен на сельскохозяйственную продукцию. Отсутствие техники (по-прежнему в большинстве крестьянских хозяйств пользовались деревянной сохой) и химических удобрений задерживало рост производительности труда.

Крепостничество было формально ликвидировано, но остались возможности заставлять крестьян исполнять повинности в качестве платы за “отрезки”, луга, леса. Повсюду оставалась “отрабочная система” — отработка аренды на землях помещика своими орудиями. Отрабочная система преобладала в тех губерниях черноземной полосы, где сильна была барщина до реформы; производительность труда при этом была низкой, однако помещикам отработки были выгодны, так как они платили за это вдвое меньше и не тратились на приобретение инвентаря.

Эта система держалась на крестьянах-середняках. Богатые крестьяне приобретали у помещиков землю за деньги. Беднейшее крестьянство, не имея рабочего скота и инвентаря, предпочитало уходить по найму на сторону — на юг, в города, на шахты. Число батраков достигло к 1890 году 3,5 млн. (20% всего мужского населения рабочего возраста).

Чисто капиталистическая система наемного труда была лишь в Прибалтике, Правобережной Украине, Новороссии, на Северном Кавказе. В 16% губерний европейской России (на Левобережной Украине, в восточной Белоруссии, в некоторых западных русских губерниях) отрабочная и наемная системы существовали параллельно.

В 90-е годы центры товарного сельскохозяйственного производства переместились в Новороссию и Поволжье (зерно), Прибалтику и отдельные губернии центральной России (животноводство). Развивалась узкая специализация отдельных губерний: Правобережная Украина — сахарная свекла, Черниговская губерния — конопля, Новгородская, Тверская — лен, Ярославская и Вологодская — огородные культуры и молоко, Закавказье — шелк и сады. Вокруг промышленных городов начали концентрироваться молочное животноводство и огородничество.

Но ведущим для России оставалось зерновое хозяйство. В середине 90-х годов после некоторого упадка, вызванного снижением цен на хлеб на мировом рынке, начинается подъем сельскохозяйственного производства в стране. Урожайность выросла

с 1860 к 1890 году на 22%, хотя и оставалась на крайне низком уровне: крестьяне собирали по 6 центнеров с гектара, в помещичьих хозяйствах — по 7 ц. Тем не менее валовой сбор увеличился с 2 до 3,3 млрд. пуд. Вывоз хлеба вырос к 1885 г. в 2,6 раза, к 1890 г. — в 3,5 раза и составлял 15—16% валового сбора.

К началу XX века Россия, несмотря на низкую урожайность, занимала первое место в мире по общему объему сельскохозяйственного производства. На ее долю приходилось 50% мирового сбора ржи, около 20% пшеницы и 25% мирового экспорта зерна. Чистые среднегодовые сборы хлебов и картофеля, т.е. валовые сборы за вычетом семян, увеличились к началу века по сравнению с 70-ми годами XIX в. на 46,8%, а в пересчете на душу населения — на 18,9%.

Еще более быстрыми темпами увеличивалось производство сахарной свеклы, льна, других технических культур. Росли поголовье и продуктивность скота.

Тем не менее положение в сельском хозяйстве вызывало озабоченность. Дело в том, что весь прирост продукции приходился на незначительную часть крестьянских хозяйств и помещичьих имений. Помещичьи хозяйства давали примерно 12% валового сбора зерна и 22% товарного хлеба, т.е. основным производителем сельскохозяйственной продукции являлось крестьянство. Но не все, а лишь 15—20% зажиточных хозяйств, на долю которых приходилось 30—40% валового сбора зерна и до 50% товарной продукции. Причем в центральных губерниях России прослойка таких хозяйств была незначительна; здесь преобладали полусредняцкие и бедняцкие хозяйства, не производившие товарной продукции, а если и продававшие хлеб на рынке, то в ущерб собственному питанию. Это явление было названо “оскудением центра” (по аналогии с XVI—XVII вв., когда недостаточность производства сельскохозяйственной продукции в центральных районах России заставляла крестьян переселяться на ее окраины).

Катастрофическим следствием сложившегося положения был массовый голод в неурожайные годы. Но не потому, что в стране в целом не было хлеба, а потому, что в связи с ростом цен на него в такие годы у значительной части крестьян не хватало денег на его покупку. В результате росли долги крестьянства по налогам и платежам, падали темпы роста сельскохозяйственного производства.

В 90-е годы было два неурожайных и четыре голодных года; особенно памятен 1891 год — голод охватил территории, где проживало 40 млн. ч. Ежегодно 5-6 млн. крестьян покидали деревню. Массовый характер стали принимать крестьянские волнения. И это имело под собой очевидное экономическое обоснование.

К началу XX века на огромном российском пространстве было разбросано более 20 млн. крестьянских хозяйств и 130 тыс. помещичьих имений. На каждое крестьянское хозяйство приходилось в среднем чуть больше 6 дес. земли, на каждое помещицье — около 370 дес. При этом помещицьи земли использовались крайне неэффективно — обрабатывалось лишь менее 10% их общей площади.

Усиливалось консервативное влияние общины, а в 1893 г. был запрещен законом выход из общины даже тем крестьянам, которые досрочно выкупили свои наделы. С течением же времени недостатки общинного землевладения становились все более очевидными: община, спасавшая слабых, тормозила деятельность крепких, хозяйственных крестьян; она способствовала уравниванию, но на крайне низком общем уровне, и тем самым препятствовала повышению общего благосостояния деревни.

К концу XIX века крестьянское хозяйство исчерпало те немногие возможности, которые создала для его развития реформа 1861 г.

Торговля и внешнеторговые пошлины. В пореформенный период внутренний рынок вырос с 2,4 млрд. руб. в 1873 г. до 11-12 млрд. к 1900 г. Общее развитие промышленности и транспорта изменило и формы торговли.

С развитием железных дорог и пароходов ярмарочная торговля начинает затихать, уступая место оседлой торговле. Местные рынки окончательно объединяются в единый. Это заметно по стабилизации цен. Если в XVI—XVII вв. разница в цене ржи даже в соседних местностях в 3 раза, а в целом по стране в 4-6 раз была обычной, то к 80-м годам XIX в. цены стали по всей стране примерно одинаковыми.

Для оптовой торговли создавались товарные биржи, преимущественно специализированные на продаже отдельных продуктов — леса, хлеба, строительных материалов и т.д.

Оборот внешней торговли с 1860 по 1890 гг. вырос более чем в три раза. Структура же экспорта оставалась традиционной: сельскохозяйственная продукция составляла 75—80%, в ней более половины занимало зерно. На развитие внешней торговли существенно влияла тарифная политика правительства.

В середине столетия возобладала *фритредерская политика*. Тарифы 1850 г. покончили с жестким протекционизмом. Еще мягче были тарифы 1857 г. Но освобождение крестьян, увеличившее стоимость труда в 60-е годы, и сложности с хлопком на мировом рынке из-за гражданской войны в США привели к установлению в 1869 г. умеренно-покровительственных тарифов. Предприниматели добивались еще больших выгод, настаивая на том, чтобы величина пошлин не зависела от колебаний рубля. Это совпадало и с интересами казны: в ожидании войны и связанных с ней финансовых затруднений в 1876 г. было решено взимать пошлину золотом. Это повысило реальный размер пошлины на 50%. В результате промышленность увеличила производство, но рост этот был нестабилен.

Неурожай 1880 г. снова грозил финансовым кризисом казначейству и вновь в 1881 г. последовало 10%-е повышение пошлин. С этого момента каждый год повышались пошлины на какие-нибудь товары. А в 1885 и 1890 гг. пошлины были подняты одномоментно на все товары на 10—20% и на 20% соответственно. Этот период завершился строго запретительным тарифом И.А. Вышнеградского 1891 г.

В последующее десятилетие велась *тарифная война* с Германией; несмотря на частные незначительные понижения, в целом рост тарифов продолжался. Уже в 1893 г. тариф 1891 г. сохранялся лишь для стран, наиболее благоприятствовавших России; для остальных действовали надбавки на 30% на готовую продукцию и на 20% — на полуфабрикаты. В 1900 г. были увеличены пошлины на предметы роскоши, а в 1903 г. снова проведено очередное общее повышение пошлин.

Естественно, что при таком покровительстве правительства промышленность быстро развивалась, но развитие это носило искусственный характер. Это доказывается большой долей иностранных капиталов и последовавшим общим кризисом 1900 г. В торговле же это проявлялось в том, что многие российские това-

ры (сахар, керосин и др.) продавались на внешних рынках только по *демпинговым ценам*.

Кредитная и финансово-денежная политика. До 60-х годов XIX в. кредит был исключительной прерогативой государства (частные лица предпочитали сбережения в форме кладов). Развитие частного кредита началось после 1857 г., когда правительство понизило процент до 3% по вкладам и 4% по ссудам. Лишь после этого начали создаваться частные кредитные учреждения.

Надо отметить, что еще раньше в России начали появляться иностранные кредитные учреждения. Назвать их банками было бы неверно, это были скорее ломбардные и меняльные конторы, представлявшие иностранные банковские группы — Штиглиц, Юнкер, Якоби, Гинзбург, представитель Ротшильда — Кенгер.

В 1863 г. появилась первая российская частная кредитная организация — “Санкт-Петербургское общество взаимного краткосрочного кредита”. Вслед за ним в 1864 г. возник первый акционерный частный коммерческий банк, а уже к 1877 г. в стране насчитывалось более 30 частных банков, суммарный капитал которых впятеро превышал капитал Госбанка.

Уже в 60-е годы “случился” первый *банковский кризис* в России, связанный с большим количеством денег в обращении, неразвитостью рынка, дефицитом товаров, а также, в известной степени, с национальной психологией. Огромный приток денег в банки не мог быть эффективно использован из-за слабого рынка и отсутствия промышленного развития: значительные суммы затрачивались не на инвестирование, а на “удовольствия”. В этой ситуации банки понизили процент по вкладам, что, естественно, резко сократило приток вкладов и банки стали прогорать.

Два первых десятилетия частные банки и другие кредитные учреждения были заняты спекулятивными финансовыми операциями с обычно сопутствующими этому созданием дутых схем, злоупотреблениями и обманом клиентов, разорениями и банкротствами и только с 1885 г., когда внутренняя кредитная система достаточно окрепла, акционерные банки начали кредитовать промышленное производство. Началось сращивание банковского и промышленного капитала.

Доходы бюджета во второй половине XIX в. складывались на 75% из налогов, причем, ⁸/₉ из них оплачивали трудящиеся (хотя

крестьяне и мещане — основные налогоплательщики — составляли менее 70% населения). Бюджетные расходы направлялись главным образом на содержание армии и флота, царского двора, синода и жандармерии. Дефицит покрывался за счет внешних займов.

Отмена *подушной подати* в 1882 г. была компенсирована повышением косвенных налогов и увеличением обложения государственных крестьян. В 80-х годах наряду с отменой подушной подати стало внедряться *подходное налогообложение*. Был установлен налог на доходы с ценных бумаг, государственный квартирный налог. В 1898 г. утверждено Положение о государственном *промысловом налоге*, просуществовавшее до 1917 г. Основной промысловый налог включал налоги с промышленных предприятий, торговых заведений, складов и сборы со свидетельств на ярмарочную торговлю по фиксированным ставкам, дифференцированным по губерниям. Дополнительный промысловый налог по размеру превосходил основной и зависел от размера основного капитала (0,15%) и прибыли предприятия (3—4%). В целом же этот налог не превышал 20% прибыли.

Продолжали существовать специальные государственные сборы, например, за проезд по законченному к тому времени шоссе Санкт-Петербург — Москва, по 23 другим шоссе и дорогам. Взимались сборы с пассажиров железных дорог, пароходов, железнодорожных грузов, сборы в портах.

Ставка налога на недвижимость в городах к 1900 г. выросла до законодательно установленного максимума — 10% стоимости. Действовали пошлины с имущества, переходящего по наследству или по актам дарения (от 1% до 6% стоимости имущества в зависимости от степени родства). Существовали многочисленные сборы, например, паспортные, в том числе с иностранных паспортов.

Для увеличения государственных доходов в 1863 г. была пересмотрена введенная еще при Петре I система винных откупов и введена система питейных акцизов. Позднее в 1894 г. была введена *государственная питейная монополия*: вся питейная торговля переводилась в руки государства; ректификация, т.е. приготовление спирта для конечного потребления также производилась государством. Самое же производство спирта в первичном виде оставалось за частными заводчиками, но они могли производить

только ограниченное государством количество спирта и обязывались целиком продавать его только государству.

Дефицит бюджета заставлял постоянно увеличивать налоги. Увеличение косвенных налогов (за 90-е годы они выросли на 12%) шло в направлении возрастания акцизов на водку, табак, сахар, введения дополнительных акцизных сборов на спички, керосин, другие товары массового потребления. Увеличивались также поземельный налог, гербовые сборы.

Хроническая инфляция, выгодная помещикам-экспортерам (рост цен, падение реальной зарплаты), создавала неустойчивость и отпугивала иностранный капитал. Золотого запаса не хватало и правительство, с 80-х годов взявшее курс на его пополнение, все пускало на экспорт, часто по демпинговым ценам (знаменательно выражение министра финансов И.А. Вышнеградского, ставшее лозунгом государственной политики: “Не доедем, но вывезем”), повышало ввозные пошлины, с 1877 г. взимая их в золотой валюте, прибегало к иностранным займам в твердой валюте. Все это предпринималось в целях превышения вывоза над ввозом, получения активного платежного баланса, накопления золотого запаса. В результате этих усилий в 1888 г. был ликвидирован дефицит бюджета.

В 1891 г. был введен запретительный тариф: обложение достигло в среднем 33%, а по некоторым товарам — 100% стоимости. Выгоднее стало ввозить капитал. Но чисто монетарная политика, при которой на первое место ставилась финансовая стабилизация, привела к тому, что деньги не вкладывались в реальный сектор. Инвестирование производства остановилось, а неурожай и голод 1891 г. поставили хозяйство страны в очень тяжелое положение.

Ставший в этот момент министром финансов С.Ю. Витте продолжал политику протекционизма и накопления золотого запаса, но вместе с тем льготами и госзаказами стимулировал инвестиции в производство. Этому способствовала и стабилизация рубля: при С.Ю. Витте Госбанк профессионально следил за состоянием рубля и тонко регулировал валютный курс путем *интервенций* и *рестрикций*. В девяностые годы золотой запас вырос втрое. Это позволило провести денежную реформу с переходом к золотому стандарту.

Денежная реформа 1897 г. стала наиболее значительным мероприятием С.Ю. Витте на посту министра финансов. Это тем большая его заслуга, что проводилась реформа против всеобщего мнения как внутри, так и вне государства. К 1896 г. кредитный рубль стоил 2,5 фр. при 4 фр. по номиналу. В результате реформы золотой рубль стал стоить $2\frac{2}{3}$ фр., но при этом не изменились цены внутри страны, т.е. реформа зафиксировала реально сложившееся положение рубля, переводя его обеспечение на золото. По существу проведена **девальвация рубля**: старый кредитный рубль стал обмениваться на золотой по стабильному курсу — 1 руб. 50 коп. за новый рубль.

На основании монетного устава 1899 г. была введена новая денежная система. Основной денежной единицей России стал рубль, содержащий 0,742 г. чистого золота, разделенный на 100 копеек. Главной монетой была золотая, выпуск которой был неограничен; любой владелец золотого слитка мог предоставить его для чеканки монет. Основные монеты в 15 руб. (“империал”, равноценный 40 фр.), 10 руб. (“червонец”), 7 руб. 50 коп. (“полумпериал”) и 5 руб. чеканились непременно из золота 900 пробы. Вспомогательной монетой в платежах служили серебряные монеты достоинством в 1 рубль, 50, 25, 20, 15, 10 и 5 коп. Медная же монета чеканилась достоинством в 5, 3, 2, 1, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ коп.

Государственные кредитные банкноты выпускались Госбанком в размере, ограниченном потребностями денежного обращения, но непременно под обеспечение золотом не менее чем в половинном размере, пока общий объем эмиссии не достигнет 600 млн. руб.; сверх этой нормы кредитные билеты должны были обеспечиваться золотом полностью — рубль кредитный на рубль золота. К началу 1896 г. **золотой запас** оценивался в 659,5 млн. руб., из которых в разменном фонде числилось 75 млн. руб. В течение 1896 г. разменный фонд был доведен до 500 млн. руб., что представлялось достаточным для развертывания обменных (на золото) операций. Номинал кредитных билетов был установлен в 500, 100, 25, 10 руб., а также 5, 3 и 1 рубль.

Держатели банковских билетов любого достоинства получили возможность обменивать их на золото без ограничения суммы. На 1 января 1900 г. на золотую монету приходилось 46,2% всего денежного обращения. Рубль стал самой надежной евро-

пейской валютой и продержался в этом качестве практически до начала Первой мировой войны. В течение всего этого периода в России был бездефицитный бюджет.

Устойчивость российской валюты была оплачена зависимостью от иностранных государств, поскольку валютный резерв создавался в основном из сумм иностранных займов. В конце 90-х годов до 40% расходов бюджета шло на погашение внешнего долга — займов и процентов по ним. До середины 80-х годов российские займы в форме облигаций размещались преимущественно в Германии. Но отношения с ней резко испортились вследствие отказа России заключить политический союз. Следствием этого были начавшаяся торговая война с Германией, понижение там курса российских облигаций и последующий перевод российских займов во Францию, естественно, с *конвертацией* облигаций. Кстати, именно тогда, в 1888 г. обычно моновалютные облигации внешнего российского займа впервые были переведены в *мультивалютные*: их номинал был установлен одновременно в немецких марках и французских франках.

Кризисы. Быстрое развитие капитализма в России, активное включение ее в систему мирового хозяйства вызывало кризисы. Уже в 1873 г. разразился кризис в наиболее молодой — хлопчатобумажной промышленности: производство быстро превысило покупательную способность крестьянства — главного потребителя тканей, составлявшего 90% населения. Последовали четыре года депрессии. Лишь с 1877 г. вновь начался подъем, вызванный русско-турецкой войной и связанными с ней государственными заказами. Важную роль сыграл здесь и перевод ввозных пошлин (1877 г.) на золото: в связи с обесцениванием кредитного рубля пошлины фактически повысились на 40—50%. В результате возросла конкурентоспособность русских товаров, стало выгоднее ввозить капитал. А это — создание новых предприятий и рабочих мест.

В 1882 г. разразился новый кризис в легкой промышленности, перекинувшийся и на другие отрасли, на этот раз депрессия длилась около пяти лет, а наметившиеся были положительные тенденции были приостановлены неурожаем 1891 г. Мощный новый подъем экономики начался лишь с 1893 г.

Кризис назревал в конце века и в сельском хозяйстве. Южные (новороссийские) черноземы еще в начале XIX в. давали баснословные урожаи. Но под влиянием высоких цен на пшеницу и удешевления провоза хлеба к черноморским портам (по вновь отстроенным железным дорогам) хозяева спешили увеличить площадь посевов пшеницы в ущерб качеству обработки земли, при этом сеяли пшеницу по пшенице несколько лет подряд. В результате почвы быстро истощились, последовал ряд неурожаяев в 80-е и 90-е годы. В то же время мировые цены на пшеницу, возраставшие непрерывно до 70-х годов, с этого момента стали также непрерывно падать из-за увеличения на рынках (английском и французском) поставок американской пшеницы, и российское производство зерна оказалось перед кризисом.

Очередной подъем хозяйства в 90-е годы был связан с ростом железнодорожного строительства. За десятилетие с 1890 по 1900 гг. количество предприятий выросло на 20%, число рабочих — на две трети, а объем производства — вдвое. При этом добыча угля выросла в 2,7 раза, железной руды — в 3,5, нефти — в 2,6, производство чугуна — в 3,2, стали — в 2,8 раза. Даже в легкой и пищевой промышленности объемы производства выросли вдвое. Тем не менее отдельные отрасли хозяйства развивались неравномерно, что породило структурные проблемы в экономике.

В конце 90-х годов развился *общий кризис экономики*, несколько иной природы, чем бывшие до этого кризисы перепроизводства в отдельных отраслях. Включившись в мировую гонку вооружений, правительство расходовало на военные нужды огромные суммы, нарушая тем самым нормальную структуру экономики. Среднемировое соотношение тех лет между тяжелой и легкой промышленностью составляло примерно один к четырем. Накануне общепромышленного подъема (30—40-е годы XIX в.) в результате быстрого развития хлопчатобумажной промышленности и сахарного производства в России оно изменилось до 1:5 — русская промышленность имела несколько “облегченный характер”. За годы подъема это соотношение изменилось до 1:3; сложилась, таким образом, обратная диспропорция. За 90-е годы объем промышленного производства вырос на 130%, а доля тяжелой промышленности выросла с 30 до 46,5%. В стране с отсталым сельским хозяйством, нишей деревней и узким рынком сбы-

та был создан мощный сектор тяжелой индустрии, способный раздавить экономику. Вдобавок ко всему российская промышленность сильно зависела от иностранных капиталов и состояния мирового рынка.

Последствия сказались очень быстро: в сентябре 1899 г. в условиях общемирового спада на Петербургской бирже резко упал курс акций ведущих промышленных компаний и даже вмешательство правительства не смогло восстановить равновесия. С 1900 г. началось падение темпов роста, а затем и объемов производства ряда отраслей тяжелой промышленности. При этом текстильная и пищевая промышленность сохраняли высокие темпы прироста, и в целом по промышленности заметного падения производства не ощущалось. Тем не менее этот кризис оказался очень тяжелым для страны и выход из него затянулся почти на десять лет.

В XX век российская экономика вступила в состоянии глубокого затяжного кризиса. Он повлек за собой падение цен на промышленную продукцию и затоваривание. Кризис продолжался в течение четырех лет — с 1900 по 1903 гг. Время наступления кризисных явлений, их продолжительность и размеры падения производства были неодинаковы для отдельных отраслей промышленности. В отраслях, производящих предметы потребления — текстильной, пищевой, винокуренной, табачной, кожевенно-обувной, — спад производства произошел еще в конце 90-х годов. К 1901 г. большая часть предприятий этой группы уже восстановила прежние уровни производства и вступила в фазу оживления и даже развития, хотя и неустойчивого.

В том же году кризис вступил в свой новый этап, охватив главным образом отрасли, производящие средства производства — металлургию, топливную промышленность, металлообработку, и другие отрасли тяжелой индустрии. Общее падение производства наибольшим было в 1901 г., составив 19,9%; в 1902 г. падение уменьшилось до 9,6%, но положение предприятий группы “А” было и в этом году еще очень тяжелым.

За годы кризиса обанкротились и прекратили производство около 3 тыс. предприятий. Массы рабочих разных специальностей и квалификации были выброшены на улицу, лишились заработков. Снизилась покупательная способность населения, со-

кратилась емкость внутреннего рынка. Ухудшало положение то, что кризис в промышленности совпал с сильнейшим неурожаем 1891 г., голодом, охватившим все хлебопроизводящие районы европейской части страны.

Кризис нанес сильнейший удар по денежному рынку, вызвал стремительное падение курсов ценных бумаг. На зарубежных фондовых рынках курсовая цена акций 98 российских обществ металлургической, угольной и ряда других отраслей упала с 1316 до 536 млн. фр. Большие убытки понесли банки, некоторые из них обанкротились.

В условиях экстремальных хозяйственных трудностей Министерство финансов и Государственный банк прибегли к мерам антикризисного регулирования экономики, оказывали поддержку акционерным банкам и промышленным предприятиям, оказавшимся в особо тяжелом положении. Некоторое оживление производства в России наметилось в 1903 г., однако последовавшие события — русско-японская война и первая русская революция — задержали выход из кризиса.

Вследствие войны, революции 1905 г. и кризиса финансовая система пришла в упадок, экономика практически остановилась. Предприниматели и банкиры свели к минимуму новые капиталовложения, иностранные владельцы частично изымали из промышленности и торговли размещенные там капиталы и переводили их за границу, тем самым ограничивая банковский кредит. В результате на смену кризису пришла депрессия, продолжавшаяся почти до 1909 г. В этот период в целом происходил незначительный рост производства, но поочередно разные отрасли резко снижали темпы развития.

Спас царизм от банкротства международный (в основном французский) заем 1907 г. в 2,5 млрд. фр. Результатом стало некоторое оживление в промышленности. Внутренний рынок ожил в силу социальной подвижности крестьянства и быстрого обогащения кулачества. Но этот рынок быстро насытился, а государственные заказы не росли, и в 1908 г. производство вновь остановилось. Правда, этот кризис был кратковременным и локальным и коснулся главным образом металлургии и машиностроения.

Понемногу экономическая обстановка стабилизировалась, обозначились выход из депрессии и наступление нового, послед-

него в истории царской России экономического подъема. Он пришелся на пятилетие 1909—1913 гг.

Кризис 1900 г. наглядно продемонстрировал, что государственный патернализм, насильственное раскручивание экономики имеют свои логические пределы. Государственная помощь, казенные субсидии могут быть важными, но не могут быть долго единственными опорами частновладельческого хозяйства. В пореформенной России воздействие государственной системы на хозяйственное развитие было во многих случаях преобладающим, особенно в отношении больших промышленно-финансовых проектов, многие из которых были под патронажем государственных органов, а часто и на их содержании. Тем самым, несмотря на бурную деловую активность, в стране не создалась естественная по механизму и органичная по структуре экономическая система.

* * *

Подводя итоги экономического развития России к концу XIX в. можно заключить, что в России началась индустриализация, возникла банковская система, появились капиталы. Но вместе с тем, капитализм в России только начал развиваться, да к тому же с сильнейшим перекосом в сторону монополизации и чрезмерного государственного воздействия на экономику. Конкурентной рыночной системы хозяйствования в ее сегодняшнем понимании к концу столетия так и не сложилось.

Несмотря на быстрое развитие промышленности, Россия оставалась в основном аграрной державой; промышленность давала лишь 25% национального дохода. На торговлю и транспорт приходилось около 20%. Основную долю — более 50% — составляла продукция сельского хозяйства. Сельское население составляло по переписи 1897 г. 87,2%; из них собственно крестьяне — 77,1%. Городское население составляло 12,8%, а индустриальные рабочие чуть больше 1%.

Господствующей в России оставалась государственная собственность. Казне принадлежали 40% земель и 66% лесов, железные дороги, крупнейшие металлургические и машиностроительные заводы. Развитию рыночной системы препятствовали министерская неразбериха, страшная бюрократизация и коррумпированность власти. Чиновничество, всегда влиятельное в России,

составляло в конце XVIII в. 13-15 тыс., в середине XIX в. — 61,5 тыс., а к концу XIX в. выросло до 436 тыс. ч.

Население страны, в основном сельское, за последние 40 лет XIX в. почти удвоилось, но покупательная способность его падала. По словам С.Ю. Витте, хотя крестьянин в конце столетия уже не был крепостным помещика, он стал крепостным средневековой общины “под попечительным оком земского начальника”. В итоге экономическое положение его было по-прежнему плохим, а сбережения ничтожно малы. Каждые 10 лет страну поражали неурожаи и голод.

Тем самым, основное противоречие развития российской экономики к концу столетия заключалось в растущем колоссальном разрыве между архаичным сельским хозяйством и развивающейся передовой промышленностью. И главной проблемой стала проблема расширения модернизационного пространства за счет подключения к нему прежде всего аграрного сектора.

Глава 7

Экономическое развитие России в начале XX в.

(до 1913 г.)

Начало XX в. ознаменовалось для России тяжелейшими потрясениями в экономической (кризис, начавшийся в 1899 г. и затянувшийся до 1908 г.), военно-политической (поражение в Русско-Японской войне) и социальной (революция 1905 г.) сферах.

Капитализм в стране только начал входить в силу и для него характерен был ряд особенностей. Несмотря на быстрое развитие промышленности, страна оставалась аграрной с очень ограниченным внутренним рынком. Недостаточная емкость внутреннего рынка толкала Россию на захват рынков внешних. В то же время слабость российской промышленности в технико-экономическом отношении заставляла делать ставку не на захват рынков товарами, а на вывоз капитала: российский капитал вы-

возился в Китай, Манчжурию, Персию, Афганистан, Монголию, Турцию, на Балканы. В свою очередь, в российской экономике значительным было присутствие западных капиталов — до 45% всего акционерного капитала в 1900 г.

Большое влияние на экономическое развитие России в начале века оказали реформы, проводимые П.А. Столыпиным. В отличие от С.Ю. Витте, развивавшего главным образом промышленность и финансы, монархист и крупный землевладелец Столыпин в своей программе (по его собственным словам — программе “государственного социализма”), предполагал осуществление следующих реформ: аграрно-крестьянской, местного самоуправления, судебной, просвещения, страхования рабочих. Цель этих реформ состояла во всемерном укреплении государственности, в модернизации общества, расширении внутреннего рынка, создании условий для формирования новой социальной опоры режима — класса мелких земельных собственников и усиления их политического и экономического влияния. В результате столыпинских реформ объемы производства в России выросли за пять лет — с 1908 по 1913 г. — более чем на 50% .

Аграрная реформа и ее результаты. С 1902 г. после массового голода, разразившегося в 1901 г., начались крестьянские выступления по всей стране. Подъем крестьянских волнений вызвал необходимость проведения аграрной реформы с целью создания условий для капиталистического развития деревни. Основными препятствиями были остатки крепостничества и общинное землевладение.

В 1905 г. землевладение в 50 губерниях европейской России представляло следующую картину: из 395 млн. дес. сельскохозяйственных угодий 155 млн. принадлежало государству и церкви, 124,5 млн. — крестьянам и 14,5 млн. — казакам. В собственности помещиков была площадь в 101 млн. дес. Как видно из этих цифр, в сумме крестьянских земель было больше, чем помещичьих. Однако следует помнить, что в руках помещиков находились лучшие и крупные земельные угодья, в то время как крестьянин обрабатывал лишь небольшой земельный участок. В результате отдача земледелия была крайне мала.

При исследовании последствий участвовавших неурожаев российские специалисты-аграрники пришли к выводу, что общинное владение землей наименее продуктивно по сравнению с другими формами землевладения: урожайность общинных земель была на треть ниже частновладельческих; практически весь товарный хлеб шел от крестьян-однодворцев и из помещичьих хозяйств. И дело здесь не столько в малоземелье крестьянской общины, сколько в использовании отсталых хозяйственных технологий. Община лишила крестьян всякой производительной инициативы.

Активным противником крестьянской общины выступал С.Ю. Витте. Еще в 1898 г. он направил на имя царя предложения по ликвидации общины, но они остались без внимания. В 1903 г. на волне крестьянских волнений Витте добился некоторого ослабления общины: отменяется круговая порука, община теряет также право препятствовать передвижению крестьян. Но эта частная уступка вносила очень незначительные изменения в правовое положение крестьянства. В 1905 г. манифестом были отменены, наконец, выкупные платежи за наделы, выделенные еще по указу 1861 г.

Для подготовки всесторонней программы развития крестьянства по инициативе Витте и под его руководством было создано **“Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности”**, работавшее не только в Петербурге, но по всей территории России с января 1902 г. по март 1905 г. Были подготовлены материалы по развитию индивидуальной (а не общинной) собственности крестьян, по гражданским правам, институту мировых судов и т.д. В силу правительственных интриг Совещание было закрыто как неблагонадежное. Но после него осталась целая библиотека трудов и предложений, в том числе систематизированных трудов провинциальных комиссий. Эти материалы послужили основанием для проведения **“стольпинской реформы”**.

Став премьер-министром, П.А. Столыпин выдвинул три условия обновления России:

- сделать крестьян собственниками, создать тем самым средний класс на селе;
- провести в стране культурную революцию, введя обязательное 4-классное образование;
- создать емкий внутренний рынок и этим стимулировать развитие российской промышленности.

Столыпинская аграрная реформа заключалась в том, что земля переходила в личную (независимо от общины) собственность крестьян в соответствии с фактическим положением; при превышении определенной нормы (по числу едоков) — выплачивалась выкупная сумма по ценам 1861 г., гораздо более низким по сравнению с 1906 г. Одновременно отменялся закон 1893 г. о неприкосновенности общины. Реализация реформы началась сразу после указа 1906 г., хотя этот указ был утвержден Государственной думой и Государственным советом и стал законом только 14 июня 1910 г.

Для перехода к новым хозяйственным отношениям была разработана целая система хозяйственно-правовых мер по регулированию аграрной экономики. Крестьяне могли теперь выделить землю, находившуюся в их фактическом пользовании, из общины, не считаясь с ее волей. Земельный надел становился собственностью не семьи, а домохозяина.

Из общин в основном выходили зажиточные крестьяне и беднота, стремившаяся улучшить свое материальное положение за счет продажи земли. Из двух миллионов выделившихся общинников (не считая 470 тысяч в *беспредельных общинах*, где выделение было обязательным) свои наделы продали 1,2 млн., т.е. 60%.

В 1907—1915 гг. о выделении из общины заявили 25% домохозяев, хотя действительно выделились всего 20% — 2,0 млн. домохозяев, к 1916 г. их было уже 2,5 млн. Широкое распространение получили новые формы землевладения — *“отруба”* и *“хутора”* (отрубом стали называть единый, выделенный хозяину обычно на окраине общинной земли участок, равноценный разрозненным его наделам в разных полях и угодьях при сохранении двора в деревне; если же хозяин переселялся на свой участок со всем хозяйством, это называлось хутором). На 1 января 1916 г. их было уже более 1,2 млн. Всего за годы реформы только в европейской части России было создано около 200 тыс. хуторов и 1,3 млн. отрубов на наделных землях. На хутора и отруба перешли приблизительно 10% крестьянских хозяйств. Именно тогда стало широко распространенным понятие *“кулак”* — крепкий хозяин, живущий не независимо от общины.

Активизировался Крестьянский банк, покупая землю у помещиков и перепродавая ее крестьянам. Банк предоставлял кре-

днты при условии внесения не менее 20% суммы сразу. При этом банк платил большие проценты по своим обязательствам, чем платили ему крестьяне. Разница в платежах покрывалась за счет субсидий из бюджета, составивших за период с 1906 по 1917 г. 1457,5 млрд. руб.

Проводя кредитную политику, банк активно воздействовал на формы землевладения: для крестьян, приобретавших землю в единоличную собственность, платежи снижались. В итоге, если до 1906 г. основную массу покупателей земли составляли крестьянские коллективы, то к 1913 г. 79,7% покупателей были единоличными крестьянами.

Закон 5 июня 1912 г. разрешил выдачу ссуды под залог любой приобретаемой крестьянами наделной земли. Развитие различных форм кредита — ипотечного, мелиоративного, агрокультурного, землеустроительного — способствовало интенсификации рыночных отношений в деревне.

Ссуды Крестьянского банка не могли полностью удовлетворить спрос крестьянина на денежные кредиты. Поэтому значительное распространение получила **кредитная кооперация**, прошедшая в своем развитии два этапа. Сначала, ассигнуя значительные кредиты через государственные банки на первоначальные и последующие займы кредитным товариществам и подготавливая квалифицированные кадры инспекторов мелкого кредита, правительство стимулировало кооперативное движение. На втором этапе сельские кредитные товарищества, накапливая собственный капитал, развивались самостоятельно. В результате была создана широкая сеть институтов мелкого крестьянского кредита, **ссудо-сберегательных банков и кредитных товариществ**, налажился денежный оборот крестьянских хозяйств. К концу 1913 г. количество таких учреждений превысило 13 тысяч, что, конечно же, недостаточно для огромной страны; но это движение было на подъеме.

Кредитные отношения дали сильный импульс развитию производственных, потребительных и сбытовых кооперативов. Крестьяне на кооперативных началах создавали молочные и масляные артели, сельскохозяйственные общества, потребительские лавки и даже крестьянские артельные молочные заводы.

После революции 1905 г. кооперацией были охвачены десятки миллионов сельских семей, в ряде районов — до 70—80% всех

сельских жителей. Кооперативы объединялись в районные и межрайонные союзы с многомиллионными оборотами. Особенно усилилось кооперативное движение в годы войны. В конце 1916 г. в России было 35 тыс. потребительских кооперативов с 11,5 млн. членов, 16 тыс. кредитных с 10,5 млн., 5,7 тыс. производственных артелей и товариществ с 1,8 млн. членов и 2,5 тыс. молочных с 0,5 млн. членов. Кооперация значительно снизила цены на рынках, оказывала помощь различным слоям деревни. На 1 января 1917 г. в стране насчитывалось до 63 тыс. различных кооперативов, объединявших 24 млн. ч. (в среднем — 381 ч. на кооператив).

Частью крестьянской реформы была переселенческая политика. Проводя активное переселение крестьян за Урал, правительство преследовало несколько целей: ослаблялся земельный голод в центральных губерниях, ускорялось хозяйственное освоение Сибири, миллионы безземельных и бунтующих крестьян отправлялись подальше от помещичьих имений.

Строительство десятилетием раньше (1894—1904 гг.) *“Великого Сибирского пути”* (Сибирская железная дорога) непосредственно связывалось его инициатором С.Ю. Витте с переселением. Благодаря этому можно было надеяться на быструю окупаемость дороги. Но предложения о переселении крестьян встретили в то время сначала скрытое, а затем и открытое противодействие со стороны землевладельцев, т.к. переселение объективно вело к удешевлению земель и удорожанию оплаты труда по ее обработке.

В рамках реформы законом были предоставлены льготы переселенцам в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию. Правительство ассигновало немалые средства на расходы по устройству переселенцев на новых местах, на их медицинское обслуживание и общественные нужды, на прокладку дорог. Только в Сибири крупная землеустроительная экспедиция генерала И.И. Жилинского, занимавшаяся землеустройством вдоль строящейся железной дороги, подготовила 722 переселенческих участка, построив сотни мостов, гатей, каналов, водохранилищ, колодцев суммарной стоимостью 2,5 млрд. руб. Переселенцы на длительное время (5 лет) освобождались от налогов, получали в собственность участок земли (15 гектаров на главу семьи и 45 — на остальных членов семьи), денежное пособие — 200 рублей на семью; мужчины освобождались от воинской повинности.

Учитывая голод в стране, переселение приняло значительные масштабы, но начиная с 1910 г. пошло на спад. Практическая организация переселения была ужасна: из 2 млн. 793 тыс. крестьян, уехавших за Урал с 1906 по 1911 гг., около 100 тыс. погибли от голода, 800 тыс. вернулись, 700 тыс. бродили нищими по Сибири. Общая неудача переселения даже заставила Столыпина в 1910 г. совершить поездку по Сибири, после чего политика была пересмотрена (главным образом в направлении ослабления мелочного контроля со стороны государственных чиновников), но в связи с гибелью Столыпина все осталось без изменений.

Тем не менее реформа дала значительный толчок развитию сельского хозяйства. К лету 1917 г. 62,5% крестьянских земель были уже в частной собственности, хотя в общинах оставались до 75% бедных и беднейших крестьян. Единоличные хозяйства по типу фермерских (в России их во все времена устойчиво называли кулацкими) к 1915 г. составляли лишь около 10,3% всех крестьянских хозяйств и занимали 8,8% наделных земель, но давали уже 50% товарного хлеба.

Благодаря реформе наряду с экстенсивным развитием началось и интенсивное: в 1900—1913 гг. посевные площади выросли с 78,8 до 92,6 млн. дес., а валовой сбор хлеба вырос на 80% — с 3 до 5,4 млрд. пуд. Среднегодовой сбор картофеля в 1911—1915 гг. в 6-7 раз превышал сборы 1861—1866 гг. Среднегодовые сборы хлеба и картофеля составляли в 1861—1866 гг. — 3,35 млрд. пуд., в 1896—1900 гг. — 4,85 млрд. пуд., а в 1909—1913 гг. уже 7,009 млрд. пуд. Поднялось и душевое производство хлеба. В 1896—1900 гг. собирали в среднем по 450 кг на человека, а в 1913 г. — до 550 кг. У помещиков и кулаков несмотря на рост экспорта и внутренней торговли накапливались излишки сельхозпродуктов.

За семь лет активного проведения реформы (с 1908 по 1915 гг.) на треть увеличился хлебный экспорт, составив в среднем 25% мирового экспорта зерна, а в урожайные годы — до 40%. Товарность же оставалась низкой — около 26%. Причем 22—28% товарного хлеба давали помещичьи хозяйства, 50% — кулацкие, остальное — мелкие крестьянские хозяйства.

Таким образом, крестьянское хозяйство к 1909—1913 гг. определено преобладало в производстве всего хлеба (88%) и в производстве товарного хлеба (78,4% против 21,6% у помещиков).

Но крестьянство уже выступало резко дифференцированным. Пятая часть сельскохозяйственного населения, наиболее зажиточная (кулаки), давала половину товарного хлеба страны и 63% крестьянского товарного хлеба, середняки и бедняки производили несколько больше хлеба, чем кулаки, но он почти весь шел на собственное потребление, лишь седьмая его часть шла на продажу, главным образом из середняцких хозяйств.

Обследование 1913 г. зажиточных крестьянских хозяйств показало, что в них за счет сортировки семян, лучшей подготовки почвы, применения улучшенных севооборотов и удобрений, различных машин, как правило, урожаи были в полтора-два раза выше средних. Нередко кулаки собирали стопудовые урожаи, чаще по 60-80 пуд. с десятины, бедняки в основном — по 20-30 пуд., а середняки — 43 пуд.

Тем не менее урожайность в России была на одном из последних мест в капиталистическом мире. Россия производила в 1913 г. на душу населения 26-34 пуд. (416-540 кг) хлеба, в то время как США — 48 пуд. (770 кг), Канада — 73 пуд. (1170 кг) (для справки: СССР в 1988 г. — 740 кг.)

С 1901 по 1913 гг. посевные площади увеличились в России в черноземной полосе на 3,9 млн. дес. (на 8,1%), на Северном Кавказе — на 2,2 млн. дес. (47%), в Сибири — на 4,1 млн. (71%). За счет увеличения посевов было получено 500 млн. пуд. хлеба — половина всего общего прироста. Другая половина была получена за счет увеличения урожайности, т.е. за счет интенсификации благодаря росту использования на полях химии и машин.

Ежегодное потребление машин и улучшенных орудий (производство внутри страны и ввоз) за 1895—1904 гг. увеличилось в 2,5 раза, а за 1906—1912 гг. — в 3,4 раза. В 1912 г. было произведено сельскохозяйственных машин на 68 млн. руб. и ввезено на 64 млн. Появились паровые плуги (335 шт.) и тракторы (166 шт.). Наибольший прогресс наблюдался в уборочной технике — 811 тыс. жатвенных машин, 200 тыс. сенокосилок, 550 тыс. конных и 27 тыс. паровых молотилок.

Животноводство из-за нехватки кормов развивалось медленнее.

Возросла роль окраин в сельскохозяйственном производстве. Быстро развивалось товарное земледелие в Сибири, на Северном

Кавказе и на Дону, в Новороссии и на юге Украины, в Казахстане. Во многом это было результатом переселенческой политики правительства. Так, население Сибири увеличилось на 153%. Если до переселения происходило сокращение посевных площадей, то за 1906—1913 гг. они были расширены на 80%, в то время как в европейской части всего на 6,2%. По темпам развития животноводства Сибирь также обгоняла европейскую Россию.

Западная Сибирь специализировалась на производстве масла и мяса. В 1913 г. из Сибири вывезено 6 млн. пуд. масла, в том числе за границу — 4,4 млн. пуд. или 90% его экспорта. Казахстан и Восточная Сибирь вывозили мясо. Дон и Северный Кавказ давали 40% экспорта пшеницы.

В Средней Азии и Закавказье развивались хлопководство, виноградарство, садоводство, а в Грузии и Армении — товарное виноделие, в Западной Грузии осваивалось выращивание чая.

Одним из серьезных препятствий на пути экономического прогресса деревни являлась низкая культура земледелия и неграмотность подавляющего большинства производителей, привыкших работать по общему обычаю. В годы реформы крестьянам оказывалась широкомасштабная агроэкономическая помощь. Специально создавались агротехнические курсы для крестьян, организовывались учебные курсы по скотоводству и молочному производству и внедрению прогрессивных форм сельскохозяйственного производства. Число слушателей на сельскохозяйственных курсах выросло с 2 тыс. в 1905 г. до 58 тыс. в 1912 г., а на сельскохозяйственных чтениях соответственно — с 31,6 тыс. до 1,046 млн. ч.

Все это вовсе не означает, что предвоенную Россию следует представлять “крестьянским раем”. Не были решены проблемы голода и аграрного перенаселения центра. Страна по-прежнему страдала от технической, экономической и культурной отсталости. По расчетам И.Д. Кондратьева в европейской России основной капитал среднего крестьянского хозяйства едва достигал 900 руб., в то время как на ферму в США приходилось 3,9 тыс. руб. Национальный доход на душу сельскохозяйственного населения в России составлял примерно 52 руб. в год, а в США — 262 руб. Но в пореформенный период были созданы социально-экономические условия для сравнительно быстрого превращения

сельского хозяйства в капиталоемкий, технологически прогрессивный сектор экономики.

Заключая оценку столыпинской аграрной реформы, нельзя не сказать о ее изначальной ограниченности: с одной стороны, она никоим образом не затрагивала помещичьего сектора, ограничившись лишь крестьянским. В силу этого реформа была излишне компромиссной и не могла привести к радикальному изменению в аграрном секторе и всем хозяйстве. Всего с учетом хуторов и отрубов, созданных на общинных землях, а также на землях Крестьянского банка и казны, реформа затронула лишь 11% общей площади надельных земель. С другой стороны, реформа была ориентирована только на наиболее работоспособную часть крестьян, она помогла им встать на ноги, однако не могла решить аграрную проблему в целом. Крестьяне-бедняки не могли воспользоваться реформами. Они вынуждены были наниматься батраками или переселяться в города, где работали подсобными рабочими.

Промышленность. Экономический кризис 1901—1903 гг., Русско-Японская война и последовавший политический кризис требовали серьезных перемен в правительственной политике. Реформы Столыпина (на фоне благоприятной конъюнктуры мировых цен на хлеб) вызвали в 1908—1913 гг. бурное развитие экономики, принявшее характер промышленного бума, напоминавшего времена расцвета промышленности в конце 90-х годов XIX в. Здесь сыграли свою роль подготовка империалистических стран к войне, перевооружение армии и необходимое для этого переоснащение производства.

Выполняя обязательства перед союзниками — Англией и Францией, Россия приняла меры по повышению боеспособности армии и флота. Были разработаны большая и малая программы военного судостроения, программа реконструкции портов и перевооружения армии. Ни к началу, ни в ходе войны они не были выполнены. Но частная промышленность получила крупные казенные заказы, которые обеспечили загрузку производства и повлияли на общие итоги предвоенных лет.

Подстегивало промышленность и повышение жизненного уровня занятых в народном хозяйстве; способствовали и не-

сколько подряд урожайных лет, и прилив иностранного капитала, главным образом в горнометаллургическую промышленность.

Темпы промышленного развития в этот период были такими же, как в США, — с 1908 по 1913 гг. промышленное производство выросло в целом на 50,8%. Налицо были признаки индустриализации страны. Однако этот рост не был равномерным. Так, выплавка чугуна выросла в 1,6 раза, производство стали — в 1,7, добыча угля — в 1,4 раза; машиностроение развивалось медленнее, легкая промышленность — еще медленнее. Соотношение темпов роста в пользу тяжелой промышленности уже имело место в период 1890-х годов. Но тогда оно было достигнуто за счет бурно растущих добывающих отраслей и на основе почти целиком экстенсивного развития — хозяйственного освоения новых районов, привлечения растущей массы сырьевых и трудовых ресурсов. Подъем 1909—1913 гг. добавил к этому принципиально новые черты — структурные сдвиги в тяжелой индустрии, отражающие содержание второй технической революции и начало интенсивного развития промышленного производства за счет роста производительности труда (она выросла за эти годы в полтора раза).

В отраслевой структуре промышленности главные новшества выражались в предвоенные годы в следующем. Топливо-энергетическая база производства на основе нефтяной и каменноугольной промышленности уже прошла пик своего роста, и перед Первой мировой войной добыча того и другого видов топлива увеличивалась в России медленнее, чем в 90-е годы. Нехватка топлива и высокие цены на него оказали, однако, стимулирующее воздействие на энергетическое хозяйство. Начался переворот в энергетике, замена пара электричеством. Возникновение и развитие электроэнергетики привело к глубоким преобразованиям в силовом оборудовании промышленного производства. Новые энергетические мощности были экономичнее, производительнее и безопаснее прежней паровой машины. Они ускорили и удешевили развитие промышленности.

В черной металлургии на передовые позиции вышла сталь, оттеснившая по темпам роста изначальные продукты отрасли — чугун и железо. Господствующим становится мартеновский спо-

соб изготовления стали, заменивший бессемеровский; он удешевляет производство, почти вдвое повышает годовую выработку рабочего и доводит объем сталелитейного производства до рекордной цифры предвоенного времени — 4,2 млн. тонн.

Рост производства распространился на все виды металлообработки, но особенно быстро стали развиваться отрасли машиностроения, связанные с обрабатывающей промышленностью, сельским хозяйством и технической реконструкцией народного хозяйства. Новым структурным подразделением машиностроения становится электротехническая промышленность. Почти целиком основанная на германских капиталах, она была как бы импортной отраслью, но именно поэтому оборудованной по последнему слову европейской техники и технологии. Электротехническая промышленность удовлетворяла практически весь спрос внутреннего рынка и послужила базой быстрого развития в предвоенные годы таких необходимых элементов инфраструктуры, как электрическое освещение, электрифицированный городской транспорт, телефонизация.

В связи с ростом городов быстро развивались силикатные отрасли промышленности — кирпичная, стекольная, цементная. В годы подъема они практически удвоили объемы производства.

Наконец, индустриализировались в этот период отрасли химической промышленности — производство неорганических удобрений и ядохимикатов, лесохимическая, анилино-красочная и др., хотя до объемов импортных поставок они не доросли.

Нельзя не отметить и некоторых разрывов в развитии отраслей машиностроительного комплекса, определяющих индустриализацию страны. В России отсутствовало в те годы автомобилестроение, главное новшество второй технической революции на транспорте. Но успешно развивались все сопутствующие ему отрасли — нефтеперерабатывающая, резинотехническая, лакокрасочная и др. Гораздо существеннее слабое развитие, почти полное отсутствие собственного станкостроения, производства вообще любых сложных машин, приборов и аппаратов. Недостаток их внутреннего производства покрывался импортом, который по этим позициям с 1900 по 1913 гг. вырос втрое. Хотя подобная картина довольно типична для стран позднего развития капитализма.

С 1861 по 1913 гг. промышленность России выросла в 12,5 раза (Германии за тот же период — в 7 раз, Франции — в 3 раза). К 1913 г. Россия занимала по общему промышленному производству 5-е место в мире, по добыче угля — 6-е, добыче электроэнергии — 8-е. Причем развитие шло на интенсивной основе. Так, за 1887—1908 гг. выпуск промышленной продукции вырос в 3,7 раза, а число работников увеличилось менее чем вдвое. В то же время страна производила лишь 12,5% от уровня США. Еще больше был разрыв по уровню производства на душу населения. К этому надо добавить технологическую зависимость российской промышленности от внешнего мира.

Явно недостаточным было и развитие транспорта в стране. По общему грузообороту Россия была на 5-м месте в мире. Общая длина железных дорог достигла в 1913 г. 70,2 тыс. км. Тем не менее плотность дорог в Европейской части России была в 7 раз меньше, чем в отсталой Австро-Венгрии и в 11 раз меньше, чем в Германии. Не было достаточно и гужевых дорог. Это создавало дополнительные трудности для равномерного развития хозяйства на обширной территории страны. Доставка пуда зерна от села до железнодорожной станции стоила в ряде губерний дороже, чем доставка морем от Одессы до берегов США.

В то же самое время целые пласты российского промышленного производства оказались вне зоны модернизации. Речь идет о кустарном, ремесленном производстве, которое существовало в России параллельно с фабрично-заводским производством, являясь по сути придатком сельского хозяйства. И хотя крупная фабрично-заводская промышленность (29,4 тыс. предприятий) занимала в целом ведущее место (стоимость ее валовой продукции — 7,3 млрд. руб.), мелкая промышленность по-прежнему имела устойчивые позиции в российской экономике. На 150 тыс. кустарных предприятий работали 600 тыс. ремесленников и кустарей, выпускавших продукции на 700 млн. руб. в год. А в зимние месяцы занимались промыслами еще 3,5–4 млн. ч. В таких отраслях, как хлебопекарная, обувная, строительная, швейная, кожевенная, продукция мелких заведений по-прежнему преобладала.

В отличие от Европы, где фабрики развивались из кустарного производства, постепенно поглощая его, в России они суще-

ствовали независимо. Да и по уровню оснащения это были не архаичные производства, а продолжение фабричного; часто кустари и работали по заказам фабрик. С другой стороны, значительный удельный вес докапиталистических форм промышленности (здесь занято около 8% работающих) был обусловлен спецификой сельскохозяйственного производства, природно-климатическими условиями страны. К тому же и недостаточный уровень развития фабрично-заводского производства на всей территории страны поддерживал устойчивый спрос на изделия кустарей и ремесленников.

Особенности экономического развития России в начале XX в. Одной из особенностей экономического развития России было **наличие огромного государственного сектора**. Его ядро составляли казенные заводы, которые удовлетворяли прежде всего нужды государства. В начале века около 30 крупнейших заводов, главным образом военно-промышленного комплекса, принадлежали различным государственным ведомствам и финансировались из казны. Среди них известные Тульский, Ижевский, Сестрорецкий (стрелковое оружие), Обуховский, Ижорский (корабельные системы и броня), адмиралтейские верфи в Петербурге и Николаеве и множество других.

Все эти предприятия были исключены из сферы рыночной экономики, из стихии свободной конкуренции. Понятий себестоимости, окупаемости затрат, прибыли, проблем сбыта для них не существовало. Единственным заказчиком и покупателем продукции казенных заводов являлось государство, а управлялись они государственными чиновниками. Возникновение таких предприятий было связано не с какими-то новейшими явлениями, обусловленными индустриализацией, а с традиционными экономическими тенденциями, идущими еще от казенных мануфактур Петра I. Кроме предприятий государству принадлежали свыше двух третей железнодорожной сети, огромная площадь земельных и лесных угодий.

Государственное хозяйство в тот период быстро росло: если в 1900 году доходы от него вместе с винной монополией составляли 0,8 млрд. руб., то в 1913 г. — уже 2 млрд. руб., что составляло соответственно 47% и 60% доходов государственного бюджета.

Вместе с тем, несмотря на бурный рост в конце XIX — начале XX в. практически всех отраслей и сфер экономики, главные проблемы индустриализации прежде аграрной России были связаны с недостаточностью собственных капиталов внутри страны и слабостью механизмов межотраслевого перелива капиталов (через банки и фондовые биржи). Возможности их решения виделись правительству и обществу в усилении государственного влияния на экономику.

По сложившейся исторической традиции государство активно вмешивалось во все сферы хозяйственной деятельности частных предприятий; оно стимулировало железнодорожное строительство, развитие черной и цветной металлургии, угольной промышленности; обеспечивало защиту молодой российской промышленности от конкуренции путем установления высоких таможенных пошлин и принудительно регулировало цены; раздавало частным компаниям казенные заказы, предоставляло им кредиты через Государственный банк. Наконец, государство создавало благоприятные условия для привлечения в страну иностранного капитала благодаря финансовой реформе и системе правительственных гарантий. Но все это не способствовало конкурентоспособности и эффективности предприятий, а, кроме того, привело к чрезвычайно высокому уровню *бюрократизации управления страной*.

Другой особенностью экономики этого периода является *монополизация промышленности и банковского капитала*. Начало века характерно созданием в России множества монополий. Поскольку торговая прибыль превышала в то время производственную, то главной задачей монополий было исключение значительных затрат промышленности на посредническую торговлю, исключение дорогих затрат торгового капитала. Отсюда создание множества синдикатов для монополизации, прежде всего, снабженческо-сбытовой деятельности.

Первые сбытовые объединения возникли еще в XIX в. Позднее, в 1900—1908 гг. появились настоящие мощные синдикаты — “Продамет” (60% всей металлургии в 1901 г. и около 80% — в 1912 г.), “Продуголь” (75% всей добычи донецкого угля), “Медь”, “Продвагон”, “Гвоздь” (от 90% до 97% соответствующей продукции). Только в 1905—1907 гг. было зарегистрировано 30 синдикатов.

Значительно меньшей была монополизация в отраслях легкой промышленности. Но и здесь возникали картели и синдикаты. В хлопчатобумажной промышленности заключались узкоотраслевые временные соглашения фабрикантов, некоторые из них превращались в постоянно действующие сбытовые объединения. Существовали два картеля ситцевых фабрикантов — Московский и Иваново-Вознесенский. В пищевой промышленности существовали синдикат “Дрожжи”, соляная монополия “Океан”, сахарная монополия, табачный трест.

В водном транспорте было создано 20 монополий. Типичным было объединение “Ропит” (Русское общество пароходства и торговли), занимавшее монопольное положение в морском транспорте на Черном и Азовском морях.

К 1909 г. в России были монополизированы почти все отрасли. В период промышленного подъема 1909—1913 гг. меняется характер монополизации. Новой чертой этого процесса становится создание монополистических объединений комбинированного характера, соединяющих все процессы производства. Возникают монополии более высокой степени централизации — многоотраслевые промышленно-финансовые объединения (концерны). С конца XIX в. монополистические позиции заняли две крупные комбинированные компании — Товарищество братьев Нобель (концерн “Нобель-Мазут”, безраздельно господствовавший в нефтяной промышленности) и группа Ротшильда под вывеской Каспийско-Черноморского общества.

Монополии, будь то синдикаты, тресты или концерны, сознательно задерживают рост производства; экономически они могут себе это позволить без снижения прибылей. Новым явлением становится повышение цен на продукцию при одновременном снижении объемов ее выпуска: это самый легкий и быстрый способ получения прибылей в условиях владения рынком. Конечно, подобное возможно только в сильно монополизированных отраслях. Так, в 1904—1908 гг. стоимость ежегодно добываемой нефти возросла почти на 180%, хотя ее физический объем сократился почти на 27%. В целом с 1902 по 1912 гг. цена пуда нефти возросла в 6 раз, а добыча значительно сократилась. После создания в 1902 г. синдиката “Продамет” не было построено ни одного крупного металлургического предприятия, а цены на

металл постоянно росли. В 1911 г. заводы юга России сократили производство рельсов на 20%, повысив цены на них на 40%.

Те же процессы шли и в банковской сфере; монополизируясь сами, банки содействовали процессам монополизации промышленности. Типичными монополистами выступали здесь Азово-Донской (1904 г.) и Соединенный банки (1908 г.). Если, например, в 1900 г. 9 петербургских банков контролировали 46,7% суммарного акционерного капитала, то в 1905 г. 10 столичных банков контролировали уже 64,4%. Сращивание банков и промышленности развивалось путем скупки банками акций промышленных и транспортных предприятий, через кредитные операции, посредством “личных уний” — совместного участия в правлениях одних и тех же лиц.

По мере укрепления позиций российских банков меняется и их место в экономике страны — они начинают теснить иностранные капиталы, закрепляя за собой роль основных инвесторов отечественной промышленности. Вступление российских банков на путь финансирования промышленности положило начало *сращиванию банковского и промышленного капиталов* и появлению финансового капитала. Крупные тресты и концерны создавались под эгидой крупнейших банков. Особенно активно этот процесс шел в тяжелой промышленности и в области частного производства вооружения. Так, под эгидой Петербургского международного банка возникли тресты “Коломна-Сормово” и “Наваль-Рассуд”, Русско-Азиатский банк влиял на развитие и политику крупнейшего военно-промышленного концерна во главе с Путиловским заводом.

В этот период заметным явлением становится сращивание государственного аппарата с финансовой олигархией. Создается (как и во всех индустриальных странах) государственно-монополистический капитал. Это существенно влияет на экономическую политику государства, регулирующую развитие хозяйства в интересах тесно связанных государственных и частных монополий. Инструментами взаимного влияния стали создававшиеся в то время при правительстве совещательные органы, определявшие стратегию развития отраслей и сфер народного хозяйства и распределявшие госзаказы, льготы, субсидии — “Совещание по судостроению”, “Съезд по делам прямых сообщений” и т.п.

Таким образом, российская промышленность и банковская сфера, не пройдя периодов свободной конкуренции, проявили тенденцию к монополизации, что в сочетании с государственным давлением на экономику противодействовало созданию в стране конкурентной рыночной системы.

Наконец третья особенность российской экономики связана со *значительной долей иностранного капитала* в промышленном развитии. Особая заинтересованность России в притоке иностранного капитала объяснялась запоздалым развитием промышленности и нехваткой собственных капиталов, а также тем, что наряду с необходимостью инвестирования в промышленность и транспорт бюджет нес тяжелое бремя непроизводительных расходов на содержание армии и флота, полиции, огромного бюрократического аппарата, царского двора. Собственный банковский капитал не мог удовлетворить растущие запросы промышленности; российские банки были вынуждены обращаться за помощью к кредитным учреждениям Запада, которые, учитывая выгодность и огромный потенциал российского рынка, охотно шли им навстречу. Важнейшими условиями предоставления западных кредитов в то время помимо политических условий были - высокий процент и превращение банка-кредитора в одного из акционеров предприятия: гарантия выпуска акций превращалась практически в право владения ими.

К 1914 г. на иностранные компании приходилось от 60 до 90% российской добычи и переработки металлов, нефти, угля. Выплавка чугуна на 12 крупнейших металлургических предприятиях Юга, почти полностью принадлежавших иностранному капиталу, составляла около 70% общего производства. В руках иностранных компаний оказалось 90% добычи платины, что практически лишало Россию, обладавшую богатейшими запасами этого металла, ведущей роли на мировом платиновом рынке. Российская химическая промышленность финансировалась главным образом немецким капиталом. Ему же принадлежали до 90% акций электротехнических и электрических компаний — на сумму 150 млн. руб. К 1913 г. иностранные капиталовложения оценивались в 7,6 млрд. руб., тогда как отечественные вложения составляли 14 млрд. руб., из них 3,6 млрд. руб. — частные.

Иностранный капитал поступал в страну путем непосредственных капиталовложений, в виде государственных займов, по-

купки ценных бумаг на финансовых рынках. Иностранные инвестиции в российскую экономику составляли к 1913 году почти 40% всех капиталовложений. Первое место по вложению капиталов занимала Франция (31%), второе — Великобритания (24%), далее следовали Германия (20%) и Бельгия (13%). При этом разные страны использовали различные модели инвестирования.

Немецкие предприниматели предпочитали создавать в России филиалы действовавших в Германии крупных фирм. Основными сферами их деятельности были электротехника, химические производства, металлургическая и металлообрабатывающая промышленность, торговля. Французские капиталы направлялись в Россию главным образом через банки. Они действовали преимущественно в угольной и металлургической промышленности Донбасса, металлообработке и машиностроении, добыче и переработке нефти. Английские капиталы обосновались в нефтяной промышленности, добыче и переработке цветных металлов.

Таким образом, наиболее передовые отрасли промышленности, определявшие лицо индустриализации, развивались, как правило, с участием иностранного капитала. Приток иностранного капитала сопровождался процессом сращивания его с капиталом отечественным, создавая тем самым реальные предпосылки включения России в мировую экономическую систему.

В то же время широкое проникновение иностранного капитала имело своим колоссальным минусом то, что часть накоплений, которая могла бы умножить национальное богатство страны, расширить возможности собственных капиталовложений в экономику, повысить производительность труда и жизненный уровень населения, уплывала за границу в виде прибылей и дивидендов. А прибыли были огромны. До 1913 г. в российскую экономику было вложено 1343 млн. руб. иностранных инвестиций, из них 54,7% — в горную и металлургическую промышленность. Средняя норма прибыли на иностранный капитал составляла 13%, что втрое больше прибыли, получаемой отечественным капиталом.

Товарооборот и внешняя торговля. Заметно влиял на промышленную динамику постоянно возраставший после 1908 г. товарооборот внутренней торговли в результате повышения уровня жизни в городе и на селе и внешней торговли.

Годовой заработок фабрично-заводских рабочих повысился после 1906 г. почти на треть, и хотя рыночные цены также выросли, но городской спрос на потребительские товары все же заметно увеличился. Аграрная реформа расширила рыночные связи сельского населения. Товарооборот, приходящийся на деревню, также вырос за предвоенные годы. Тем не менее расходы крестьянства на личное потребление оставались “микроскопическими”: население России по-прежнему вело преимущественно натуральное хозяйство. Годовой товарооборот на душу городского населения составлял перед войной 1914 г. 430 руб., сельского — не более 22 руб.

За 1909—1913 гг. внешнеторговый оборот вырос в 1,5 раза. Но структура торговли осталась прежняя: 90% составляли продовольствие и сырье, из них 40% приходилось на хлеб. Вырос вывоз промышленных товаров — нефти и нефтепродуктов, металлов, сахара, тканей, главным образом благодаря демпингу, но в общем товарообороте они составляли не более 10%.

Наибольшее значение имел, конечно, хлебный экспорт. Он не только вырос по сравнению с концом прошлого века — с 418 млн. пуд. в 1900 г. до 647,6 млн. пуд. в 1913 г., но и развивался в условиях благоприятной конъюнктуры мирового рынка, роста хлебных цен. Поэтому ценность вывоза значительно возросла: в пятилетие 1904—1908 гг. экспортная выручка за хлеб исчислялась в 2,546 млрд. руб., а в пятилетие 1909—1913 гг. — в 3,422 млрд. руб. В целом же экспорт хлеба, масла и других продуктов дал стране за 1898—1913 гг. 17,4 млрд. рублей.

Правительство добивалось активного сальдо, поощряя экспорт путем специальных вывозных премий, возврата налогов с товаров, направляемых на экспорт. В силу этого российский экспорт господствовал на рынках Востока — Иран, Китай, Монголия, Афганистан, Турция.

Финансы. В годы экономического кризиса, войны и последовавшей депрессии (1900—1908 гг.) из-за резкого увеличения расходной части бюджета, усиленного востребования вкладов из частных банков, отлива капиталов за границу сильно ухудшилось финансовое положение страны. Министерство финансов впервые со времени денежной реформы 1897 г. было вынуждено рас-

ширить эмиссию не покрытых золотом кредитных билетов. Появилась угроза прекращения размена на золото, утраты достигнутой за предшествующие годы конвертируемости русского рубля. Предотвратить финансовое банкротство и сохранить систему золотого денежного обращения помогла Западная Европа.

Русско-японская война была профинансирована в основном за счет германского займа. За этот заем, кроме обычных процентов и комиссионных, пришлось заплатить еще и большими уступками в русско-германском торговом договоре 1904 г.: Россия снизила таможенные пошлины на многие виды германской продукции.

В 1906 г. России был предоставлен международный заем, самый большой в истории российского внешнего государственного долга — 2,5 млрд. фр. Наибольшую долю этого займа взяла на себя Франция; значительно меньше было участие в нем Англии, Австрии и Голландии.

Последовавший с 1909 г. промышленный подъем позволил улучшить состояние государственных финансов. Дефицитность бюджета год за годом сокращалась. Тем не менее государственный долг составлял к 1914 г. огромную сумму — 10,5 млрд. руб.

Еще со времени С.Ю. Вите большой размах получили в России сберегательные кассы. Система вкладов устанавливалась не только в интересах вкладчиков (как правило, людей малого достатка), но и в интересах правительства - в целях возможно более широкого распространения среди публики долговых обязательств казны. Логика российского министра финансов была проста: коль скоро государство гарантирует сохранность вкладов сберегательных касс, оно должно иметь и преимущественное право ими распоряжаться. По существу сберегательные кассы выступали “насосами” для перекачки внутренних накоплений в распоряжение казны. С 1895 г. они стали официально именоваться “государственными”.

Сеть сберегательных учреждений к 1914 г. состояла из 1026 центральных касс с 1286 отделениями (при учреждениях Госбанка, казначействах, управлениях железных дорог), 5964 почтово-телеграфных, 111 фабрично-заводских и 166 волостных. Городским вкладчикам принадлежало около 56% суммы взносов, а сельским — остальные 46%; причем на селе средний размер вклада был выше — 190 руб., а в городе — 173 руб.

Налоговая система была ориентирована преимущественно на косвенные налоги и сборы — прямые налоги составляли в бюджете небольшую долю, а косвенные более 60%.

Помимо государственных налогов и сборов были установлены и городские. Среди уплачиваемых городу пошлин к 1913 г. на первое место по объему вышли платежи за прописку. К сборам с лошадей, экипажей и собак добавились налоги на “автоматические экипажи” и велосипеды.

Бюджетные расходы направлялись главным образом на подготовку к войне и содержание администрации. Война 1904—1905 гг. потребовала 2,6 млрд. руб. непосредственных расходов. Общие потери составили в результате войны — 120 тыс. ч. погибшими и 5 млрд. руб. Эмиссия и займы привели к резкому росту внутреннего и внешнего долга.

* * *

Несмотря на экономический кризис и войну с Японией, Россия в конце XIX—начале XX вв. развивалась быстрее других стран, включая США: ее экономическое отставание от Великобритании сократилось за период 1885—1913 гг. втрое, от Германии — на четверть. Тем не менее разница в экономическом развитии между Россией и западными странами оставалась еще очень значительной: накануне Первой мировой войны Россия производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания и в три раза меньше Германии, по душевому производству продолжала находиться на уровне Италии и Испании, а по величине душевого национального дохода — между Австро-Венгрией и Японией.

Имел место так же явный структурный перекося: быстрый рост промышленности в большей степени ориентировался не на рыночный спрос, а на государственные заказы, на выполнение правительственной программы перевооружения, на преимущественный рост военно-промышленного комплекса.

Следует отметить и недостаточное к моменту начала войны развитие институтов капитализма. Да и российская буржуазия представляла собой довольно разнородную группу предпринимателей. Часть из них вполне прониклась идеологией западного рынка, другая часть видела в процветании и прибыли средство любой

ценой утвердить русское могущество, а третья, весьма многочисленная, просто паразитировала на государственной деятельности.

Хотя темпы индустриального развития России были достаточно высокими, она как и в конце столетия, оставалась страной аграрной, страной крестьянской. В 1913 г. рабочие составляли 14,6% самодеятельного населения, крестьяне же — 66,7%.

В 1913 г. был собран рекордный для царской России урожай — 5,6 млрд. пуд. Запасы хлеба в стране составили на начало 1914 г. — 900 млн. пуд. К сожалению, война прервала и продолжение реформ, и общее развитие страны.

Глава 8

Экономика России в период Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г.

Как известно, в войне противостояли германский блок государств — Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция и блок стран Антанты, куда входили Англия, Франция, Россия и позднее — присоединившиеся к ним Япония, Италия, Румыния, США и другие страны. Для российской буржуазии, увлеченной идеями панславизма и национализма, начавшаяся война была не только борьбой за экономическое освобождение от германского засилья — всерьез рассматривалась возможность захвата у Турции района Константинополя и проливов для свободного выхода в Средиземное море.

Россия по отношению к ее главному противнику Германии была отсталой и в экономическом, и в военно-стратегическом аспектах. Производство стали в России было в 8 раз меньшим, чем в Германии. Многие виды вооружения в России вообще не производились (минометы, зенитные орудия; пулеметы производились единицами), других не хватало: винтовок и патронов про-

изводилось вдесятеро меньше потребностей армии (0,5 млн. шт. вместо 5 млн.). Огромным было превосходство Германии в артиллерии, да и в остальном вооружении.

В отсутствие своего производства вооружение заказывалось за границей, в основном в США: на эти цели царское правительство затратило 3,2 млрд. руб. золотом.

Экономическое положение в начале войны. Неумение и нежелание государства привлечь национальный капитал к созданию и форсированному развитию современной тяжелой промышленности и инфраструктуры резко осложнили положение Российского государства в первые же дни войны. Оборудование и средства производства для промышленности Россия в мирное время получала главным образом из-за границы: например, в 1912 г. потребность в обновляемых средствах производства оценивалась примерно в 450 млн. руб., а импорт составил около 270 млн. руб., т.е. 37% потребности. Транспортное оборудование было преимущественно российским, зато промышленное — в основном иностранным. В 1912 г. 58% общего объема потребления машин для промышленности было покрыто за счет импорта.

С началом войны металлургия, электротехническая и химическая промышленности, а также производство средств транспорта оказались в значительной степени лишенными источников финансирования и технического обеспечения. Уменьшение поставок топлива в 1915 г. на 20% по сравнению с 1913 г. при одновременном повышении доли его потребления транспортом привело к сокращению предназначенного для промышленности количества угля и нефти на 40%. Наряду с топливным возник и кризис снабжения сырьем: выплавка чугуна в 1915 г. упала по сравнению с 1913 г. на 20%, появились трудности с доставкой иностранного хлопка и прочих видов сырья, а оборонная промышленность в то же время повысила спрос на все его виды.

Российское правительство рассчитывало на быстротечную войну. Военные запасы были рассчитаны на трехмесячную кампанию и мгновенно растаяли. В начале 1915 г. в войну вступила Турция, что привело к серьезнейшим последствиям: закрытие Дарданелл почти полностью отрезало Российскую империю от мирового рынка (с этого момента импорт шел только через Ар-

хангельск и Владивосток). В условиях экономической блокады страна могла опираться только на собственные силы. Но потеря Литвы, Галиции и Польши лишила страну без малого четверти промышленного производства.

Отечественная промышленность “проедала” основной капитал и не восстанавливала его, оборудование изнашивалось, объемы ремонтных работ сокращались. В финансовом плане ориентация русского правительства на иностранное инвестирование в конечном счете вылилось в катастрофическое увеличение государственного долга. По займам, хотя бы и своим союзникам, надо было платить, а война требовала все новых и новых средств.

Отдав на откуп иностранным концессионерам отечественную тяжелую промышленность, правительство страны предопределило трагическое развитие событий 1914—1917 гг. Россия оказалась обреченной на экономический проигрыш в Первой мировой войне еще до вступления в нее.

Усиление государственного давления на экономику. С началом войны экономическая ситуация осложнилась и потребовались более жесткие механизмы государственного регулирования. Причем потребность в усилении государственного влияния проявлялась и сверху, со стороны государственных чиновников, которые через государственные заказы пытались поставить под контроль частные предприятия, и снизу — предприниматели надеялись через участие в политических решениях влиять на распределение госзаказов. За усиление позиции государства выступали и левые партии и политики.

Какими способами могло правительство командовать хозяйством? Набор инструментов государственного регулирования достаточно широк и в большей или меньшей степени применялся в то время всеми воюющими странами.

Основным инструментом государственного регулирования экономики выступал прежде всего *государственный заказ*. Предоставляя госзаказ частному предприятию, правительство не ограничивалось определением объемов выпуска продукции и выплачиваемых за это сумм. Наряду с этим оговаривалось (или негласно предполагалось) нормирование количества и оплаты труда,

прибылей, сырьевое обеспечение и др., вплоть до запрещения партий и политической деятельности.

Другим, наиболее очевидным (и наиболее любимым чиновниками в любой стране) инструментом стало *регулирование цен* — введение фиксированных или предельных цен сначала, в виде исключения, временно, на отдельные виды товаров и сырья с постепенным, но очень быстрым расширением как списка таких товаров, так и длительности действия этих цен; сюда же следует отнести и замораживание заработной платы.

Следующий инструмент — *ограничение свободы торговли*; здесь также возможны градации и по территории (только в прифронтовой полосе, в губерниях, приближающихся к линии военных действий, в губерниях, обеспечивающих основную массу продуктов для армии, и т.д.), и по продолжительности, и по видам товаров.

Еще одним инструментом государственного вмешательства в экономику стали практикуемые со времен средневековых войн *реквизиции продукции* — полные или частичные, с компенсацией и без, повсеместно или в отдельных районах. Следующим шагом здесь выступает концентрация у государства *снабженческо-распределительных функций* — наиболее простой, грубый, но очевидный инструмент управления народным хозяйством.

Наконец, последний из важнейших инструментов, актуальный для таких территориально разбросанных государств, как Россия, — *разрешительная система межрайонного обмена и транспортных перевозок*. Возведение местных торговых барьеров использовалось в Российском государстве еще во времена удельных княжеств, было легализовано во времена монголо-татарского ига и неоднократно использовалось в более поздние времена для экономического воздействия государства при решении политических проблем.

В годы Первой мировой войны российское государство использовало все перечисленные инструменты в самых широких пределах. Организационным каркасом послужили созданные в 1915 г. “*Особые совещания*” по наиболее проблемным направлениям — по обороне, перевозкам, топливу и продовольствию. В их задачу входило распределение ограниченного сырья, топлива, продовольствия, вооружения. Четыре центральных органа дополнялись разветвленной сетью “*особых совещаний*” на местах.

Однако действовала эта система крайне неэффективно. Налаживалась также “общественная помощь” в форме военно-промышленных комитетов: там решались вопросы распределения госзаказов. Но реально через них шли 6—7% заказов; остальные распределялись правительственными чиновниками без всякой координации и контроля.

Как конкретно осуществлялось государственное регулирование в годы войны? Уже в августе 1914 г. циркуляром Министерства внутренних дел предлагалось решать производственные проблемы на местах путем “**таксирования**” (установления цен местными органами власти). Результаты последовали мгновенно — разрушение рыночного механизма цен привело к перемещению товаров с одних рынков на другие, спекуляциям, дезорганизации транспорта. Поскольку цены на сельскохозяйственную продукцию были заморожены, а на промышленную продукцию росли, исчезли стимулы для крестьянства продавать продукты: нарушился товарообмен между городом и деревней.

Государство по-своему оценивало причины и следствия сложившегося в стране тяжелого положения с продовольствием. В феврале 1915 г. был принят закон, позволявший местным властям запрещать вывоз сельскохозяйственной продукции за пределы своих губерний, устанавливая предельные цены и реквизировать продукты (только для армии) по ценам на 15% ниже установленных. Вслед за этим были введены “плановые перевозки” на железнодорожном транспорте.

После опубликования осенью 1916 г. “твердых” плановых государственных цен на сельскохозяйственные продукты рыночные (читай: подпольные) цены в очередной раз подскочили. Повсюду в стране образовался дефицит продуктов (при огромных запасах) и бешеная спекуляция, которую не могли остановить ни губернские границы, ни планы перевозок.

Примерно такие же меры и в той же последовательности проводились государством в добывающей, легкой и других отраслях промышленности; результаты были те же — рост спекуляций, воровства, коррупции и хаос. В результате подобной государственной деятельности в стране на фоне наличия значительных запасов продуктов и сырья и разбалансированности рынка усиливались хаос и разруха.

Следующим шагом правительства было введение государственной монополии на отдельные виды продукции, список которых быстро расширялся. Это, конечно, не могло дать положительных результатов.

Логическим развитием сложившейся схемы государственного управления должно было стать введение централизованного государственного управления по *единому “общеимперскому” плану*, предписывавшему все детали движения продуктов, реквизиций, цен, распределения продукции, работы транспорта и т.д. Тем самым государственный план полностью заменил бы рынок. Правительство готовило предложения по единому плану, а частные планы — работы транспорта, снабжения и реквизиций — были в 1916 г. приняты, но в условиях общей дезорганизации хозяйства выполнялись они на 10—12%.

До начала 1917 г. в стране еще сохранялись запасы продовольствия. Но в начале 1917 г. ситуация резко изменилась: реквизиции (плановые) не срабатывали, транспорт (плановые перевозки) не работал, производство останавливалось. В стране назрела экономическая катастрофа.

Развал хозяйства. С началом войны промышленность стала работать практически только на армию. После мобилизации от 20% до 40% станков не работали, оставшиеся выполняли военные заказы. К 1916 г. производство вооружения достигло огромных для России масштабов — 229,3%, а военного снаряжения — 121,3% от уровня 1913 г. Но и этого было недостаточно для ведения войны. К 1917 г. практически полностью прекратился импорт. В производстве ощущалась острая нехватка металлов: стали не доставало 18,5 млн. т. (при выпуске 4,2 млн. т.), цветных металлов — вчетверо. Значительными были и нехватки из-за территориальных потерь. В первый год военных действий было потеряно 20% промышленности — производства Прибалтики и Польши. Правительство выделяло средства на эвакуацию, они исчезали, но эвакуация не проводилась.

Транспорт работал только для фронта и несмотря на возросшую интенсивность (в 1916 г. в движении было 91,5 тыс. вагонов в сутки по сравнению с 58 тыс. в 1913 г.) не мог обеспечивать вывоз грузов. В результате в Центре разразился голод при нали-

чии на периферии — на Дону, Урале, в Сибири — запасов продуктов. В Петрограде был холод, а в Донбассе завалы угля.

В сложившихся условиях развернулась местная кустарная промышленность — производство обуви, одежды, сбруи. Ее организатором выступал “Земгор” — Всероссийский земский и городской союз.

Всеобщая мобилизация обескровила деревню — осталось менее половины трудоспособных мужчин. Реквизиция лошадей лишила сельское хозяйство тягла. Сократились производство и импорт сельскохозяйственных машин — осталось 20—25% довоенного объема. В 1916 г. посевы сократились до 80% от уровня 1913 г., на столько же сократился и валовой сбор. По переписи 1917 г. из 11,9 млн. крестьянских хозяйств 3,3 млн. были без скота, 1,7 млн. хозяйств — беспосевны. В деревне воцарилась нищета.

Несмотря на тяжелое положение хозяйства, прибыли промышленности выросли вдвое, банков — в 3,7 раза. На месте синдикатов стали создаваться концерны, объединяющие капиталы промышленности и банков. Усилилось сращивание капитала с государственной властью.

Государственные расходы выросли с 4,86 млрд. руб. в 1914 г. до 18,1 млрд. в 1916 г. Дефицит бюджета вырос втрое. Вместе с увеличивающейся эмиссией он привел к обесценению денег и росту цен. Рубль в феврале 1917 г. стоил 27 коп. 1913 г. Цены на продукты выросли в 5-8 раз, на промтовары — в 4-6 раз. Номинальная зарплата тоже выросла (с учетом сверхурочных часов), но лишь в 2-3 раза. Росла и сумма косвенных налогов.

Займы внутренние и внешние составили за войну 42,5 млрд. руб. Долг правительства превысил 80 млрд. руб., составив две трети богатства страны.

Катастрофически ухудшилось положение трудящихся. Длительность труда, чрезвычайные законы, мобилизация мужчин и замена их труда на женский и детский, рост цен, перебои в снабжении (в начале 1916 г. в городах были введены *карточки* на продукты, которые трудно было *“отоварить”*) вели к углублению революционного кризиса. Нарастали революционные настроения в производстве и армии. Повсеместным явлением стали стачки. Одновременно с правительственным кризисом 25 февраля 1917 года началась всеобщая политическая забастовка, пере-

росшая в революцию. В стране установилось двоевластие — назначенное Государственной думой Временное правительство и Советы рабочих и солдатских депутатов.

Экономическая политика Временного правительства. С появлением Временного правительства все — от чиновников до предпринимателей — уповали на единый государственный план и усиление государственного регулирования. Думалось, только таким образом можно наладить функционирование народного хозяйства. Временное правительство не преследовало цель изменить экономический и общественный порядок, его задачей было обновить государственные институты и выиграть войну, оставив проведение структурных реформ Учредительному собранию.

Видный деятель кабинета министров П.И. Пальчинский провозгласил идеи, которые стали по существу экономической программой Временного правительства, но реализованы были только большевиками в эпоху военного коммунизма. Основные ее положения — (1) изъятие всей продукции и обезличение ее с последующим распределением, (2) секвестр предприятий и перераспределение земель (конечно, с компенсацией) в целях наиболее эффективного их использования, (3) принудительный госзаказ, (4) государственное установление цен, зарплаты, уровней потребления, (5) введение всеобщей трудовой повинности. Как видим, здесь все базируется на принуждении.

К тому же, с позиций крестьянина или рабочего, на практике Временное правительство продолжало политику царизма — ни мира, ни земли, ни хлеба; туда, где шла экспроприация земли, направлялись карательные экспедиции. Был, правда, создан Экономический совет для разработки общегосударственного экономического плана. Но ни он, ни Главный экономический комитет наряду с Особым совещанием по обороне не могли ничего сделать; их робкие вмешательства саботировались на всех уровнях. Ведь правительство было центристским и не имело социальной базы.

Была, правда, программа вывода страны из кризиса генерала Корнилова, предусматривавшая демобилизацию 4 млн. солдат и выделение каждому из них по 8 дес. земли с целью создания верной правительству крестьянской опоры, заинтересованной в по-

рядке, а также прекращение всякого вмешательства государства в экономические и социальные процессы. Но после его неудачной летней попытки захвата власти Корнилов был арестован.

Пытаясь привлечь на свою сторону трудящееся население, правительство ввело в столицах 8-часовой рабочий день при 47-часовой неделе, объявило о конфискации удельных и кабинетных земель, не затрагивая при этом собственности помещиков. Но уже с весны 1917 г. крестьяне начали по всей стране самостийный захват помещичьих земель и инвентаря. Создававшиеся повсюду фабрично-заводские комитеты, легализованные в конце апреля, а в мае собравшие конференцию фабзавкомов Петрограда, организовывали контроль за производством и даже ввели самоуправление на нескольких сотнях мелких и средних предприятий.

Разруха росла. В марте 1917 г. правительство ввело хлебную монополию, но из-за отказа кулаков продавать зерно государству вынуждено было почти удвоить закупочные цены. В стране разразился голод, хотя запасов хлеба — по разным оценкам 500-600 млн. пуд. при годовой потребности в 180 млн. было достаточно.

По всей стране шли процессы захвата крестьянами помещичьей земли. Но теперь они уже не довольствовались этим: грабили и сотнями сжигали барские усадьбы, убивали не успевших скрыться владельцев, захватывали инвентарь и скот. Во многих районах крестьянское насилие повернулось и против кулаков, вынужденных возвращать в “общий котел” земли, которые были сочтены общиной “излишками” по отношению к уравнительной норме — “по числу едоков”.

Ухудшалась ситуация и в городах. Предприниматели все чаще прибегали к локаутам, а трудящиеся — к забастовкам. В сентябре сотни предприятий были остановлены под предлогом трудностей в снабжении и беспорядков. Десятки тысяч рабочих оказались выброшенными на улицу. Локауты, сознательный экономический саботаж многих предпринимателей и забастовки окончательно дезорганизовали функционирование производственной системы.

1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена республикой. Но это уже не могло остановить катастрофического ухудшения экономического положения. Оно усугублялось снижением реаль-

ной зарплаты и безработицей. Рост цен шел безостановочно: с июля по октябрь цены на продукты в Петрограде утроились. Вызванная непомерной эмиссией (17,2 млрд. руб. в обращении к октябрю 1917 г. по сравнению с 9,6 млрд. к концу 1916 г. и 1,6 млрд. — в 1913 г.) инфляция приняла катастрофические масштабы.

К осени 1917 г. созрели экономические (сравнительно высокий уровень производительных сил, концентрация производства и обнищание пролетариата, перерастание капитализма в государственно-монополистический) и политические предпосылки пролетарской революции. На фоне всеобщей разрухи и голода весьма привлекательной была экономическая платформа большевиков, которая просматривалась в их лозунгах:

- национализация земель при конфискации помещичьих
- слияние всех банков в единый под контролем Советов
- контроль Советов над производством и распределением продуктов.

Рекомендуемая литература

1. *Барышников М.Н.* История делового мира России. М., 1994.
2. *Бобович И.М.* Экономическая история России 1861—1914 гг. СПб., 1995.
3. *Денисов В.И.* Ярмарки. СПб., 1911.
4. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 4,5. М., 1990.
5. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т.1. М., 1952.
6. *Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н.* История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996.
7. Русская философия собственности. XVIII—XX вв. СПб., 1993.
8. *Черкасов П.П., Чернышевский Д.В.* История императорской России. От Петра Великого до Николая II. М., 1994.

ЭКОНОМИКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Часть 3

**Хозяйство страны в условиях становления
и “выживания” советской власти
(1917—1921 гг.)**

Часть 4

**Новая экономическая политика
(1921—1928 гг.)**

Часть 5

**Период индустриализации
(1929—1941 гг.)**

Часть 6

**Великая Отечественная война
(1941—1945 гг.)**

Часть 7

**Послевоенное развитие СССР.
Замедление темпов роста советской экономики
(1945—1991 гг.)**

Часть 3

Хозяйство страны в условиях становления и “выживания” советской власти

(1917—1921 гг.)

Короткий и противоречивый как по фактическим действиям государственной власти, так и по объяснению ее политики в тогдашней и современной литературе, этот период целесообразно разбить на три характерных временных отрезка.

Первый период — с октября 1917 г. до лета-осени 1918 г. — эмпирические попытки создания социалистической экономической системы хозяйства (“цельный социализм” — по Ленину), которая виделась тогда большевикам как государственный капитализм со значительной долей государственного хозяйства под контролем пролетариата. В основу этой модели была положена германская военно-хозяйственная система, совмещенная с советской властью. Тогдашний исследователь советской экономической политики М.Н. Покровский называл этот период “временем идеализированной революции”. Однако под давлением революционной стихии большевики вынуждены были на ходу менять изначальные экономические установки в части экспроприации производства, кооперативного и профсоюзного движения, роли денег, разверстки, морального и материального поощрения, запретительных мер в отношении торговли и т.п.

В конце концов эти уступки стихийному движению в условиях полной разрухи привели к крайним мерам — установлению собственно военного коммунизма — жестко централизованной социально-экономической системы, когда государство сконцентрировало в своих руках практически все трудовые, финансовые и материально-технические ресурсы, заставляя их работать на принципах военного подчинения. Страна была объявлена единым военным лагерем (позднее, весной 1921 г., В.И. Ленин назвал сложившуюся хозяйственно-политическую систему “*военным коммунизмом*”). Этот *второй период* — с осени 1918 г. до зимы 1919—1920 гг. — совпал с разворачиванием Гражданской войны и интервенции. Экономическое положение в стране было ужасающим, и все мероприятия правительства в этот период оправданно для него носили чрезвычайный, вынужденный характер.

В начале 1920 г. ситуация принципиально меняется. Успешные действия Красной армии сняли непосредственную военную угрозу существованию советского государства. Военные действия, менее напряженные по своему характеру, перенесены на окраины страны — в Западную Белоруссию, Кавказ, Крым, Восточную Сибирь. У правительства появилась возможность перейти от чрезвычайных мер к налаживанию нормальной экономической жизни. Несмотря на это, в 1920—1921 гг. установки военного коммунизма — разверстка, трудовая повинность, запрещение торговли, репрессии — не только не были пересмотрены или смягчены, но, напротив, усилены. Если раньше их воспринимали и объясняли вынужденной реакцией в сложившейся ситуации на классовое сопротивление, саботаж, интервенцию, то в это время под них стали подводить теоретическую базу, представляя их как идеальный механизм создания коммунистического хозяйства. Но именно в это время стали нарастать кризисные явления в хозяйственной и политической жизни страны, заставившие правительство отказаться от механизма военного коммунизма. Этот *третий период* — с середины 1920 г. до середины 1921 г. — последний в истории военного коммунизма.

Глава 9

Великая Октябрьская социалистическая революция и возникновение социалистической системы хозяйства. Первые шаги “диктатуры пролетариата”

В условиях полной хозяйственной разрухи и голода экономические требования большевиков получили поддержку народа:

- централизация и национализация всего банковского дела
- национализация главнейших монополий — угля, стали, нефти, сахара, транспорта
- отказ от уплаты государственных долгов (внутренних и внешних)
- прекращение выпуска бумажных денег (видимо, предполагалось введение натурообмена)

- установление рабочего контроля на производстве с отменной коммерческой тайны
- налаживание товарообмена города и села на основах кооперации
- преобразование налоговой системы в интересах трудящихся
- конфискация всех помещичьих земель и национализация земли.

Эта программа была сформулирована в мае-августе 1917 г., когда большевики еще только боролись за политическую власть, но были далеки от нее. Как видим, в ней речь не идет о полной национализации производства и тем более системы обмена — предполагалось сохранение капиталистических предприятий при установлении рабочего контроля. Нет здесь и всеобщей трудовой повинности. Зато, в отличие от программы Временного правительства, предусмотрены национализация финансовой системы (предполагалось использование банков для контроля за движением товаров) и отказ от “царских” долгов.

Вообще надо подчеркнуть, что цельной программы строительства экономической системы социализма у большевиков долго не было. Политические решения экономической направленности принимались исключительно из прагматических ситуационных целей сохранения власти.

В условиях голода, обесценивания денег, отсутствия земли у крестьян, составлявших большинство населения страны, недоверия и даже ненависти ко всякому правительству большевистские лозунги не могли не получить поддержки обездоленных людей. Нарастала стихия народного протеста и самодеятельности в решении самых насущных проблем — земли, мира, хлеба. Однако по мере приближения большевиков к власти, а тем более после ее захвата и необходимости решения конкретных задач по восстановлению нормальной хозяйственной жизни при обязательном условии сохранения власти, положения большевистской экономической программы несколько изменяются, приближаясь к программе Временного правительства в части усиления принудительных мер со стороны государства.

Основное содержание первых шагов большевистского правительства заключалось в укреплении советской власти в экономике и поиске механизмов централизованного управления хозяйством.

Экспроприация и раздел земли; продовольственный кризис. Февральская революция не ликвидировала помещичьей власти. А пролетарское государство на следующий же день после захвата власти приняло *декрет о земле*. *Частная собственность на землю отменялась*, запрещались продажа, аренда, залог земли. Земля, ее недра, леса и воды стали всенародной государственной собственностью. *Земли нетрудового пользования* — помещичьи, монастырские, церковные и удельные имения — *конфисковались без выкупа*. Их владельцы подлежали выселению.

Это было дорогим подарком крестьянству и смертельным ударом по помещикам—собственникам земли. Крестьяне получили более 150 млн. дес. земли (по 2-3 дес. на семью). Они сохраняли 700 млн. руб. золотом ежегодно благодаря освобождению от аренды. Декрет ликвидировал крестьянский долг — около 3 млрд. руб. Одновременно крестьянам передавался инвентарь помещичьих хозяйств на сумму около 300 млн. руб.

Декрет был ударом и по капиталистам, так как им принадлежали 19 млн. дес., еще 62 млн. дес. были заложены в банках.

Разделение земли было уравнильным между всеми, кто “желает обрабатывать ее своим трудом” — по трудовой или потребительной (по числу едоков) норме, разной в различных местностях. Эта неопределенность была следствием необходимости компромисса с эсерами, контролировавшими в то время местные органы власти на селе.

Однако реализация декрета о земле была передана целиком местным сельским советам. В ходе конфискации частнособственнической земли, “черного передела” крестьянских наделов, организации на новых основах внутридеревенской жизни эсеровские сельские советы пошли дальше — в направлении разрушения государственных налоговых повинностей, твердых цен, отстаивая права мелкого собственника на свободу. В результате государственные заготовки продуктов питания резко упали, над армией и городским населением нависла угроза голода, нормы отпуска продуктов питания в столицах упали до критических размеров. Тенденция натурализации сельского хозяйства становилась угрожающей с точки зрения интересов экономики страны в целом. Но в данный момент стихийные процессы в деревне угрожали самому существованию большевистской власти.

Отъем и раздел помещичьих земель сначала шел стихийно. В целях организации этого процесса в январе 1918 г. закон “О социализации земли” подтвердил основные положения декрета о земле. Но раздел земли предусматривался теперь по числу едоков. Этим положением большевики впервые заявили, что все их действия в аграрной политике проводятся в интересах беднейшего крестьянства и батраков против кулаков.

Между тем, продовольственная ситуация в Петрограде и Москве ухудшалась с каждым днем. Урожай 1917 г. из-за отсутствия в деревне воевавших мужчин был много ниже среднего уровня. К тому же после Октябрьской революции из-под контроля центральных властей вышла богатейшая житница России — Украина. Официально же нехватка продовольствия приписывалась действиям спекулянтов и богатых крестьян, изымавших с рынка свои запасы зерна. Возможность изъятия этих запасов стала для большевистского правительства вопросом жизни.

В апреле 1918 г. у государства осталось 15 млн. пуд. хлеба (при потребности в 180 млн.). Дневная выдача составляла от четверти до осьмушки фунта. Хотя в стране был еще хлеб от урожая 1915—1916 гг., но условия государственных закупок были таковы, что крестьяне не продавали его, надеясь на дальнейшее повышение цен; голод в стране создавался, может быть, и не злобно, но искусственно. Перед большевиками встала дилемма: восстановить подобие рынка в условиях развалившейся экономики или прибегнуть к принудительным мерам изъятия продуктов у крестьян. Вместо тонкой экономической политики по отношению к крестьянству правительство ввело весной 1918 г. **продовольственную диктатуру**.

Декретом от 13 мая 1918 г. широкие полномочия по централизованной заготовке и распределению продовольствия, прежде всего хлеба, давались Народному комиссариату по продовольствию (Наркомпрод). Продавать и покупать хлеб частным образом запрещалось. Была введена карточная система снабжения городов продовольствием.

Новая власть могла опираться только на бедноту. В июне 1918 г. начали создаваться **“комбеды”** (комитеты крестьянской бедноты), которые в тот период разрыва между большевиками и

эсерами, контролировавшими большинство сельских советов, должны были стать “второй властью” на селе и изъять “излишки” сельскохозяйственной продукции у зажиточных крестьян; предполагалось, что часть изымаемых продуктов будет поступать членам этих комитетов. С их помощью уже через месяц 50 млн. га кулацких земель (из 80 млн.) перешло к беднякам. Материальная база кулачества была разрушена.

Месяцем раньше, в мае 1918 г., Ленин направил рабочим письмо “О голоде”, после чего в стране начали создаваться *продотряды* для реквизиций хлеба. Создание “хлеботрядов” для изъятия излишков сельскохозяйственных продуктов практиковалось еще царским режимом в 1916 г. и Временным правительством в 1917 г., тогда их деятельность не дала существенных результатов. Теперь выполнение центральных заданий по изъятию продуктов подкреплялось силой комбедов и продармии. Численность продотрядов составляла в то время 12 тыс. человек, увеличившись позднее до 80 тыс. Из них добрую половину составляли рабочие стоявших петроградских заводов, которым была обещана оплата “натурой” пропорционально количеству изъятых продуктов.

Создание комбедов, организация продотрядов выступает как “поворотный пункт гигантского значения во всем ходе развития и строительства нашей революции”, — писал в то время Ленин.

Национализация; создание централизованного управления хозяйством. Промышленная политика советской власти в первые месяцы после революции прошла путь существенных изменений — от “рабочего контроля” через “совнархозы” до “планирования” и от “частных предприятий под контролем трудящихся” до всеобщей национализации.

Экономическая программа большевиков, как мы видели, не предусматривала национализации всей промышленности, хотя казенные заводы были национализированы сразу. Зато предполагалось усиление *рабочего контроля* за производством: именно рабочий контроль должен был стать по программе большевиков стержнем системы управления экономикой.

26 октября Ленин заявил, что новый режим будет опираться на рабочий контроль за предприятиями. Рабочий контроль дол-

жен был осуществляться всеми рабочими предприятия через выборный заводской комитет. Трудящиеся получали доступ к бухгалтерским книгам, складам, могли контролировать обоснованность найма и увольнений. Декрет о рабочем контроле от 27 ноября узаконивал положение вещей, реально сложившееся на многих предприятиях с лета 1917 г. Однако уже в ходе подготовки декрета о рабочем контроле было ясно, что он не оправдал себя. Органы рабочего контроля очень быстро усвоили логику собственников, руководствуясь во всех своих действиях сиюминутными интересами своих предприятий — обеспечить загрузку завода, но не слишком напряженную — не забываясь об общегосударственных задачах.

Практически же декрет о рабочем контроле вводил заводские комитеты в строго иерархическую систему профсоюзов и местных советов, где заправляли большевики. Это было подтверждено в резолюции Первого съезда профсоюзов (7—14 января 1918 г.). Таким образом, очень быстро рабочее самоуправление было вытеснено из системы управления экономикой.

Поскольку система рабочего контроля себя не оправдала, необходимо было искать другие организационные способы управления экономикой. Ими стали совнархозы (советы народного хозяйства). Идея совнархозов родилась в Петросовете в канун октябрьского переворота. Но только в декабре 1917 г., после дискредитации рабочего контроля, был создан Высший СНХ при Совнаркоме для управления “народным хозяйством и государственными финансами” с большими полномочиями: он должен был разрабатывать общие нормы регулирования экономической жизни страны, а также имел право “конфисковывать, приобретать, секвестровать или в принудительном порядке синдицировать” частные предприятия. На местах создавались губернские и уездные СНХ как органы ВСНХ. К маю 1918 г. были созданы 8 областных, 38 губернских и 69 уездных СНХ, которые послужили школой советского хозяйствования.

В отличие от советов рабочего контроля, создававшихся внизу, на уровне предприятий, и объединявшихся потом снизу-вверх вплоть до Всероссийского совета рабочего контроля (который, кстати, ни разу не собирался как самостоятельный орган), систе-

ма совнархозов создавалась как вертикаль сверху-вниз, обеспечивающая проведение централизованной государственной экономической политики.

В попытках подчинить себе и наладить производственную деятельность хозяйства ВСНХ стремился установить контроль над организациями, еще до революции централизовавшими снабжение и сбыт продукции. Примером может служить “Расмеко” (комитет по распределению металлургической продукции, созданный на базе “Продамета”), преобразованный в исполнительный орган металлургической секции ВСНХ с передачей в его руки задачи установления цен на металлы (позднее на его основе был создан первый и самый крупный промышленный трест — “Гомза”). То же происходило в текстильной (создание под эгидой ВСНХ “Центротекстиля” на базе бывшей со времени Временного правительства “Центроткани”), кожевенной (“Главкож”) и ряде других отраслей. Создавалось впечатление, что российская экономика развивалась двигаясь по пути к компромиссу между старым управлением промышленностью и новой государственной властью при широком государственном контроле.

Изменение политики национализации тесно следовало за процессами поиска схемы централизованного управления народным хозяйством. Давление рабочего контроля, часто некомпетентное, заставляло капиталистов сокращать производство, закрывать предприятия. В ответ на это началась волна “атаки на капитал” — экспроприация предприятий, осуществляемая сначала санкционированием по инициативе с мест. Так, “Общество электрического освещения” оказалось национализировано потому, что его руководство, несмотря на правительственные субсидии, “привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими”; Путиловский завод был национализирован из-за “задолженности в казну” и т.д. По причине “злостного саботажа” уже в ноябре были национализированы многие крупные заводы по всей стране, две трети железных дорог (сначала только казенные). Эта национализация была прежде всего мерой наказания несговорчивых предпринимателей и заранее не планировалась.

Поворот к более решительной национализации произошел в начале 1918 г. после провозглашения в Декларации прав трудя-

щегося и эксплуатируемого народа государственной собственностью всех предприятий, рудников и транспортных средств. Но и после этого национализировались отдельные предприятия, а не отрасли. Исключение составляет лишь национализация торгового флота (в январе 1918 г.). И только с весны 1918 г., после подписания и ратификации Брестского мира, начинается национализация отраслей: в апреле была национализирована внешняя торговля, в мае — сахарная промышленность, в июне — нефтяная.

Управление национализированными предприятиями выводилось из-под рабочего контроля и передавалось главкам создававшегося ВСНХ. На крупные предприятия главком назначались “комиссар” (представитель государственной власти) и два директора — технический и административный. Административный директор, названный позднее “красным”, обычно член партии, часто бывший рабочий или мастер этого предприятия, поддерживал контакты с завкомом. За неимением инженерно-технических кадров “пролетарского происхождения” техническим директором становился бывший инженер или управляющий предприятия.

Июнь 1918 г. — время стремительного развития Гражданской войны и начала вторжения союзных войск. 28 июня 1918 г. принят декрет о национализации всей крупной промышленности — предприятий с капиталом свыше 500 тыс. руб. Спешное принятие неподготовленного декрета о национализации было вызвано главным образом попыткой правительства уйти от выполнения одного из пунктов Брест-Литовского договора, в соответствии с которым, начиная с 1 июля 1918 г. любое предприятие, изъятое у подданных Германии, будет возвращено им, если только это имущество не было раньше экспроприировано государством: в этом случае передача имущества заменялась “справедливой компенсацией”.

В соответствии с декретом о национализации государству было передано около трех тысяч предприятий. Наряду с этим разворачивался процесс стихийной национализации средних и мелких предприятий: заводы передавались безвозмездно в руки государства, предприятия коммунального хозяйства — местным советам. К октябрю 1918 г. национализация промышленности была в основном завершена (хотя отдельные частные предприятия просуществовали до 1920 г.). У частных остались только торговля и мелкие кустарные предприятия.

Финансовая политика. Наиболее просто, ясно и конкретно выглядела до октября финансовая политика большевиков. Она сводилась к двум требованиям: национализации банков и аннулированию долгов царского правительства. После октября политика нового строя в области финансов, так же как и в других областях оказалась подчинена не столько программным, сколько текущим требованиям.

Российская банковская система представляла три уровня. На первом находился Государственный банк, который выполнял все обычные функции центрального банка, но наряду с этим занимался получением вкладов от частных лиц и фирм и выдачей им кредитов. Второй уровень включал около 50 акционерных банков, занимавшихся общими банковскими операциями; среди них были семь “банков-акул”, на долю которых приходилось более половины всех капиталов. Третий уровень составляла сеть специализированных банковских и кредитных учреждений, обслуживавших конкретные отрасли или группы населения.

С первых дней советской власти банки пытались парализовать новую власть с помощью **финансового бойкота**: они отказывались обслуживать предприятия, где контроль захватили рабочие, или вовсе не открывались. Банки проигнорировали декрет от 12 ноября, приказывавший им возобновить денежные операции, после чего 20 ноября войска заняли Госбанк с 1,3 млрд. руб. золотом и 152 млн. руб. ассигнациями. Но и это не заставило сотрудников банков прекратить бойкот. Тогда 27 ноября вооруженные отряды заняли основные банки в Петрограде, а на следующий день — в Москве. Одновременно были выпущены два декрета ВЦИК: первый объявлял **государственную монополию банковского дела**; частные банки вливались в Государственный банк, становясь его конторами. Второй предписывал вскрытие всех частных сейфов, конфискацию золота и драгоценных металлов. Но и после этого банковские служащие продолжали забастовку и только в середине января 1918 г. петроградские и московские банки начали работать под новым руководством.

Специализированные и разбросанные по территории страны небольшие банки просуществовали независимыми еще несколько месяцев и были ликвидированы в течение 1918 г.; последний — московский Народный банк, являвшийся центральным банком кооперативов — был закрыт лишь в декабре 1918 г. В тот же

день декретом объявлялось о ликвидации “всех действующих на территории РСФСР иностранных банков”.

Второй главный пункт большевистской программы выполнить было легче. В феврале 1918 г. были аннулированы акции. Это нанесло удар по иностранному капиталу, который еще оставался в стране. Декретом ВЦИК от 3 февраля были аннулированы все государственные займы. Государственный долг составлял в тот момент более 60 млрд. руб., включая 16 млрд. руб. внешнего долга и 3 млрд. руб. — проценты за год. Владельцы мелких (до 10 тыс. руб.) займов должны были получить на эту сумму облигации займа РСФСР, но он так и не был в то время выпущен; эти суммы так и умерли на кредитных счетах в Госбанке.

Помимо двух общеизвестных требований, финансовая политика большевиков была неясной и расплывчатой. В первые месяцы после революции никто не подвергал сомнению общие принципы буржуазной финансовой системы — сбалансированный бюджет, ограничение эмиссии, увеличение государственных доходов через прямой подоходный налог и косвенное налогообложение предметов роскоши. Все отступления реальности от этих принципов зимой 1917—1918 г. рассматривались как временные. Тем более, что тяжелое финансовое состояние переживали в тот момент все воевавшие страны.

Между тем, финансовое положение государства было очень тяжелым. Уже в 1914 г. дефицит российского бюджета достиг 39% и в три последующих года войны поднялся соответственно до 74; 76 и 81% и это проявлялось во все большей инфляции бумажных денег. После проведения денежной реформы 1897 г. и до 1914 г. российский рубль сохранял стабильную стоимость; эмиссия не превышала суммы золотого запаса 1,6 млрд. руб. За время войны до февраля 1917 г. к ходившим деньгам было добавлено еще 9 млрд. руб. при сокращении золотого запаса. Временное правительство подняло к октябрю 1917 г. уровень выпуска бумажных денег до 16,5 млрд. руб. Большевистское правительство продолжало печатать деньги. Отказ от царских долгов лишил его возможности рассчитывать на какие бы то ни было займы и печатный станок остался единственным источником государственного дохода.

Первое время после революции новая власть не отходила от системы налогов, установленных ранее, при Временном правительстве. Пока экономика в целом находилась в состоянии разрухи, а экономическая политика была направлена на исключение крупных частных доходов, нечего было и думать о серьезной реорганизации налоговой системы. Первая революционная инициатива в области налогообложения принадлежала местным советам, которые, будучи лишены всяких источников дохода, начали взимать “*контрибуции*” с состоятельных граждан. Однако, центральные власти выступили категорически против этого, по-видимому усмотрев в этом посягательства на собственные фискальные права. После очень резкой письменной перепалки между СНК и ВЦИК право местных советов на взимание налогов было признано в Конституции РСФСР. Тем не менее, финансовая и налоговая политика советского правительства к началу Гражданской войны оставалась неопределенной.

Занятость. Перед 1917 г. в условиях мобилизации в армию в России наблюдалась нехватка рабочей силы: создавались бюро труда. На заводы и фабрики набирались неквалифицированные подростки из деревни (“*лимитчики*”); “желтый труд” — 80 тыс. китайцев — использовался на самых тяжелых работах в шахтах и в рудниках; в стране было свыше миллиона пленных австрийской армии (после “Брусиловского прорыва”).

После Февральской революции последовало свертывание военных заказов, началась постепенная конверсия военного производства. Одновременно набирало силу рабочее движение за 8-часовой рабочий день, рост зарплаты. Предприниматели ответили на это локаутами; началось закрытие предприятий: только с марта по август 1917 г. было закрыто 568 промышленных предприятий со 104 тыс. рабочих. Началась массовая безработица.

В царской России было 6 бирж труда и несколько их отделений (корреспондентских пунктов). Первый Закон России об открытии бирж труда в городах с населением более 50 тыс. ч. был принят 19 августа 1917 г. После этого были открыты 42 биржи, управляемые на паритете нанимателями и рабочими. Ограничиваясь в основном регистрацией, существенных результатов в

снижении безработицы они не дали — к началу 1918 г. в стране было зарегистрировано примерно 100 тыс. безработных.

Сразу после революции был введен 8-часовой рабочий день (в рудниках — 6-часовой), оплаченные отпуска, отпуска по беременности для женщин, социальное страхование. Был запрещен детский труд. После октябрьского “Декрета о земле” крестьяне потянулись обратно в деревню. К апрелю 1918 г. все военнопленные были заменены демобилизованными. Началась депортация “желтых”. Страхование (за счет нанимателей) заставляло при локаутах выплачивать “ликвидационные” деньги в размере полуторамесячной зарплаты. Рабочий контроль боролся с закрытием фабрик. Тем не менее в стране нарастала безработица.

После заключения Брестского мира демобилизация дала еще около 10 млн. рабочих рук, из них 1,5 млн. — городских. Одновременно в силу демилитаризации промышленности и закрытия фабрик количество рабочих мест сократилось. В Петрограде, например, их стало меньше на 63%. Та же картина наблюдалась в Москве, Харькове и других промышленных центрах. Начался отток населения на восток — на Урал и в Сибирь. К апрелю 1918 г. число только официально зарегистрированных безработных достигло 344 тыс. Еще столько же не отмечались на биржах. Начались захваты рабочих мест, несогласованные с властью захваты недействующих предприятий с целью их запуска. Но для этого не было ни денег, ни сырья, ни энергии. Правительство увольняло “оборонцев” (женщин, мелкобуржуазные элементы, нечленов профсоюза), организовало переход к 6-часовому рабочему дню, разовые работы. К лету 1918 г. примерно 85% жаждущих хоть какой-нибудь работы получили ее.

Уровень зарплаты на предприятиях отставал от уровня цен в 3-5 раз. Рабочие потянулись в деревни, высококвалифицированные — эмигрировали. В это же время в связи с расширением Гражданской войны и интервенцией началось формирование Красной армии, продотрядов. В результате во второй половине 1918 г. спрос и предложение на биржах уравнились и официальная безработица почти исчезла.

В соответствии с новым законом о биржах они должны были создаваться в городах с населением более 20 тыс. жителей и

находиться в ведении профсоюзов. Вводилось обязательное трудовое посредничество бирж при найме на работу. В мае 1918 г. прошел Второй всероссийский съезд комиссаров труда и страховых касс, ставший первым (и последним) съездом бирж. С его помощью был наведен порядок в деятельности бирж, налажена статистика безработицы. Биржи контролировали отметку безработных, получавших пособие. Налаживалось территориальное перераспределение рабочей силы. К началу осени 1918 г. безработица существенно сократилась (в Москве по сравнению с маем в 6 раз).

* * *

К лету 1918 г. из-за отсутствия сырья было закрыто 37% предприятий; в стране была страшная безработица. Именно в это время Ленин опубликовал развернутую экономическую программу развития страны, где изложил первоочередные мероприятия для перехода к социализму (“Очередные задачи Советской власти”). Важнейшим условием построения социализма он считал повышение производительности труда благодаря совершенствованию организации производства. Другой весомый фактор — индустриализация промышленности и электрификация всего хозяйства. В экономическом механизме приоритет отдавался научному централизованному планированию и материальному стимулированию при строжайшей трудовой дисциплине. Инструментами этого провозглашались хозрасчет, режим экономии, товарные отношения, кооперация, учет и контроль. Для финансирования необходимых мероприятий намечалось перейти от контрибуций с буржуазии к регулярным налогам, провести денежную реформу и превратить государственные банки в единый аппарат хозяйственного учета и контроля.

Несмотря на разруху в этот период началось строительство многих крупных промышленных предприятий и сооружений — Шатурская ТЭС, Волховская, Днепровская ГЭС, Волго-Донской канал. Было принято решение о строительстве Урало-Кузнецкого комбината, об изучении и освоении богатых ископаемыми недр районов Курской магнитной аномалии, Кольского полуострова и Казахстана.

Таким образом, социалистическую экономику этого противоречивого периода можно охарактеризовать как рыночную при сильном централизованном управлении с большой долей национализированного хозяйства. Однако под давлением революционной стихии, за которой вынуждено было следовать правительство, чтобы не потерять власть, повсеместно шли всеобщие процессы национализации промышленных предприятий, конфискации банковских средств, так же как и товаров в частных лавках и на складах для их последующего бесконтрольного распределения между рабочими коллективами.

Глава 10

Хозяйство страны в период военной интервенции и Гражданской войны

Занятые военными действиями в Европе, империалистические страны не могли до 1918 г. направить значительные военные силы против советской республики. По мере согласования Версальского мирного договора такая возможность появилась, и они расширили интервенцию против России. Целью интервенции была, прежде всего, ликвидация большевистской государственной власти. Это способствовало превращению разрозненных выступлений внутренней реакции в гражданскую войну. Давление голода и гражданской войны толкнуло руководство республики на путь чрезвычайных мер.

2 сентября 1918 г. постановлением ВЦИК Советская Россия была провозглашена единым военным лагерем. Введение военного режима заставило отказаться от экономической политики, выдвинутой весной 1918 года. Начался период **военного коммунизма**. Военный коммунизм вводил (1) продовольственную монополию государства — *продразверстку*; (2) национализацию средней и мелкой промышленности (всех предприятий от 5 работающих “с мотором” или 10 “без мотора”); все производство

подчинялось требованиям обороны), (3) *всеобщую трудовую повинность*, (4) запрещение частной торговли. Следствием этих мер была ликвидация рынка, роли денег, экономических отношений.

Кампания по изъятию излишков сельхозпродукции летом 1918 г. закончилась неудачей: было собрано всего 13 вместо запланированных 144 млн. пуд. зерна. При этом основная тяжесть изъятия легла на середняков. В деревнях, объединившихся против города, возникло общее недовольство; во многих районах вспыхнули бунты, на продотряды устраивались засады. Правительство было вынуждено несколько изменить политику в направлении большей поддержки середняков. Это произошло в самый решающий момент Гражданской войны, когда советское руководство почувствовало необходимость привлечь на свою сторону всех возможных союзников в этой отчаянной борьбе. В ноябре 1918 г. комитеты бедноты были распущены и поглощены вновь избранными уже под контролем большевиков сельскими советами. А с января 1919 г. беспорядочные поиски “излишков” были заменены централизованной системой продразверстки.

Продразверстка — это плановое изъятие у крестьян излишков сельскохозяйственной продукции с соответствующей оплатой их по “твердым” (читай, низким) ценам девальвированными деньгами, а фактически — безвозмездное изъятие государством хлеба и других продуктов у крестьян; при этом нормы изъятия “разверстывались” из общегосударственного задания по губерниям, уездам, волостям вплоть до деревень и отдельных хозяйств. Тем самым, восстанавливался принцип коллективной ответственности, на котором основывалось налогообложение царского правительства.

Изъятию подлежали не только зерно и фураж, но и сахар, картофель, мясо, рыба, все виды животных и растительных масел. Задача сельских советов, куда перебрались деятели комитетов бедноты, состояла как раз в том, чтобы в соответствии с разверстанными планами изымать продукты, а заодно и орудия обработки земли, передавать их властям и частично распределять между бедняками. Деревенские бедняки освобождались от разверстки, а иногда им даже выделяли часть конфискованных продуктов.

Взамен изымаемых продуктов крестьянам должны были продаваться промышленные товары. Товары отпускались по волос-

тям или районам для равномерного распределения между всеми гражданами в случае сдачи хлеба всей волостью или районом. Реально товар служил не орудием обмена, а премией бедноте за содействие в выкачивании хлеба из более крепких хозяйств. Потребность деревни в промтоварах удовлетворялась лишь на 15—20%, да и ассортимент их был крайне ограничен. Особенно ощущался недостаток сельскохозяйственного инвентаря. К тому же в отличие от бедняка середняк остался закоренелым индивидуалистом. На продразверстку и дефицит товаров крестьяне отреагировали сокращением посевов (на 35—60%) и переходом к натуральному хозяйству.

Поворот в аграрной политике к беднейшему крестьянству летом 1918 г. совпал с принципиальной направленностью на создание крупных земледельческих хозяйств. Еще по декрету “О земле” высококультурные хозяйства, племенные заводы, птицефабрики должны были преобразоваться в показательные государственные хозяйства — совхозы. К осени 1918 г. существовали несколько сотен крупных хозяйств, включая и коммуны. Для стимулирования этих хозяйств правительство выделяло специальные средства.

В феврале 1919 г. было принято “Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию”. В массовом порядке стали создаваться совхозы, производственные коммуны, ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли). Им бесплатно выделялось имущество помещичьих и кулацких хозяйств. Но несмотря на выгоды, крестьяне шли туда неохотно. Тем не менее удалось создать более 5 тыс. совхозов и 6 тыс. колхозов. К октябрю 1920 г. было уже 15 тыс. коллективных хозяйств, объединявших 800 тыс. крестьян. Хозяйства эти, несмотря на государственную помощь, были крайне слабы (каждое такое хозяйство располагало в среднем 75 дес. пахотной земли, обрабатываемой примерно полусотней человек), а их техника столь примитивна, что они неспособны были производить товарные продукты. Лишь отдельные совхозы, организованные на базе бывших поместий, обеспечивали поставки первостепенной важности (для армии).

Гражданская война заставила промышленность перейти от намечавшегося возврата к мирному производству на организа-

цию снабжения Красной армии. При этом каждое решение диктовалось чрезвычайными требованиями момента. Единственно общим направлением промышленной политики было усиление централизованного контроля, планирования и управления.

Военный коммунизм в индустрии начался с декрета 28 июня 1918 г. о национализации всех крупнейших предприятий. Формальная национализация была завершена в конце 1918 г. (транспорт еще раньше был национализирован и переведен на военное положение), а с 1919 г. внимание властей было переключено на мелкую кустарную промышленность в деревне; такие предприятия исторически играли огромную роль в российском хозяйстве. В программе партии, заинтересованной в увеличении производства любыми путями, подчеркивалась тогда необходимость поддержки кустарей (через госзаказы, кредиты) при условии их объединения в более крупные производственные единицы. Однако позднее, в ноябре 1920 г. вышел декрет, распространявший национализацию на все предприятия с числом рабочих более десяти или пяти при использовании механического двигателя. Таких оказалось около 37 тыс., из них более 30 тыс. не значилось в текущих планах ВСНХ на национализацию.

Оценивая промышленную политику военного коммунизма, надо признать, что она была направлена не столько на национализацию, как может показаться на первый взгляд, сколько на принудительное “трестирование” с целью централизованного управления со стороны государства. Еще в ноябре 1918 г. был создан главный орган оперативного управления в стране во главе с Лениным — Совет рабочей и крестьянской обороны. Наряду с ним появилась система совнархозов, обеспечивавшая управленческую вертикаль — ВСНХ — Главное отраслевое управление (“главк” — Главный топливный комитет (Главтоп), Главметалл, Главэлектро, Главнефть, Главтабак, Главное управление военной промышленности, Центротекстиль, Центролак и т.п.; в 1920 г. насчитывалось 42 главка и центра) — трест — предприятие.

Все предприятия были разделены на 4 группы: ударные (им оказывалась государственная поддержка, главным образом в снабжении сырьем), работающие (без государственной поддержки), длительно остановленные и подлежащие ликвидации. И никакого

хозрасчета — все подчинялось централизованному распределению. К концу 1919 г. было организовано около 90 государственных трестов.

Под влиянием Гражданской войны были отброшены все сомнения, осложнявшие государственную политику в отношении труда: при военном коммунизме трудовая политика заключалась в мобилизации масс на военные усилия и направлении их туда, где в них была наибольшая нужда.

С осени 1918 г. в связи с национализацией основных средств производства спрос на труд в крупных городах даже превышал предложение рабочей силы. При национализации пришлось ради занятости содержать и убыточные предприятия. Принудительное регулирование зарплаты (хотя и ниже прожиточного минимума) привело к падению производительности труда. Экономические стимулы перестали работать. Правительству надо было искать выход из положения. Декретом была введена **всеобщая трудовая повинность**: для рабочего в кодексе законов о труде 1918 г. она компенсировалась правом на получение работы, отвечающей его квалификации, за соответствующую зарплату. Другое дело безработные: им воспрещалось отказываться от предлагаемой работы. Октябрьским декретом биржи труда были преобразованы в местные органы Наркомтруда и стали единственным и обязательным каналом распределения рабочей силы. Были введены **трудовые книжки** (главным образом для представителей буржуазии в возрасте от 14 до 55 лет) с отметкой о том, что их владелец выполняет общественно полезную работу; они должны были предъявляться для получения продовольственных карточек или разрешения на проезд. Таким образом, наряду с сознательным трудом рабочих стал использоваться принудительный труд.

В тяжелейших условиях начала 1919 г. был принят декрет “О всеобщей мобилизации” и очень скоро мобилизации стали не только способом призыва в армию, но и основным способом пополнения трудовых ресурсов. Проводились мобилизации рабочих определенной специальности, главным образом в деревнях. Но и при таких условиях рабочих рук не хватало, т.к. заявки составлялись с завышением. Участились призывы определенных возрастных групп с временным прикреплением к опреде-

ленным местам и последующим возвратом к месту жительства; в течение 1919—1920 гг. было 18 таких призывов. Таким образом, была **национализирована** совокупная **рабочая сила**; также как и средства производства она стала собственностью государства.

Одновременно введено и уголовное наказание за дезертирство. С апреля 1919 г. создавались **исправительно-трудовые лагеря** для тех, кто “не хотел работать без принуждения, недобросовестно относился к делу”. Позднее эта система дополнилась более жесткими “концентрационными лагерями”, куда направлялись лица, обвиненные в контрреволюционной деятельности. В 1920 г. Л.Д. Троцкий предложил поставить это на прочную и долговременную основу, превратив страну в гигантский концентрационный лагерь, точнее систему лагерей, его предложение было принято в резолюции IX съезда ВКП(б).

Введение всеобщей трудовой повинности вместе с ранее введенной продрозверсткой исключали всякие стимулы к эффективному производительному труду. В результате общая производительность труда снизилась вдвое по отношению к 1913 году. И это несмотря на то, что советская власть старалась улучшить условия труда и жизни трудящихся. Сразу после революции были введены 8-часовой рабочий день (в рудниках — 6-часовой), оплаченные отпуска, отпуска по беременности для женщин, социальное страхование. В августе 1918 г. отменена частная собственность на недвижимость в городах и началось массовое переселение людей из трущоб в особняки. Вместе с тем принудительный труд, организованный военно-административными методами через специально создаваемые во множестве организации (“Чрезкомтопгуж”, “Комснегопуть”, “Чрезкомздрав” и др.), способствовал бюрократизации управления.

Продразверстка, хотя и дорогой ценой, дала свои результаты. По сравнению с 1917—1918 (хозяйственный год начинался с октября) и 1918—1919 гг., когда было собрано соответственно 30 и около 100 млн. пуд. хлеба, зимой 1919—1920 гг. огромной армией продотрядов (по разным оценкам от 70 до 150 тыс. человек) было собрано 260 млн. пуд. Но валовой сбор хлеба в результате политики изъятия упал с 3,3 млрд. пуд. в 1917 г. до 2 млрд. пуд. в 1920 г. И все же кризис был преодолен: армия продовольстви-

ем была обеспечена, города были спасены от голодной смерти. Но не от голода.

Государство обеспечивало выдачу продовольственных пайков горожанам в соответствии с разделением населения на пять категорий: 1 — рабочие “горячих профессий” и солдаты, 2 — лица физического труда, 3 — советские служащие, 4 — прочие работники организаций, где не эксплуатировался наемный труд, 5 — иждивенцы. Не попавшие в число этих категорий не получали никаких пайков от государства. Учитывалось и социальное происхождение: иждивенцы, интеллигенция и “бывшие” снабжались продуктами в последнюю очередь, а часто и вовсе ничего не получали. Но и получавшие пайки вряд ли могли на них прожить без дополнительных источников. В Москве, например, рабочий получал в конце 1918 г. на день 225 г. хлеба, 7 г. мяса или рыбы, 10 г. сахара. По разным оценкам граждане получали в официальной распределительной системе от 20% до 55%, остальное доставалось на рынках (несмотря на запрещение торговли) или производилось на подсобных участках. Этим объяснялась неискоренимая сила *“мешочничества”*.

Для покрытия бюджетного дефицита при отсутствии других источников постоянно росла денежная эмиссия, покупательная способность рубля упала к 1920 г. в 13 тыс. раз по сравнению с 1913 г. Наряду с официально признанными денежными знаками (царскими и Временного правительства) ходили местные — деньги, облигации, купоны, боны и т.п. Функции денег стали выполнять предметы первой необходимости — соль, спички, хлеб, ситец, керосин. Происходившее помимо воли большевиков падение покупательной способности денег привело к широко распространенному мнению, что уничтожение денег было преднамеренным актом финансовой политики. В таких условиях в январе 1920 г. был упразднен за ненадобностью государственный Народный кредитный банк.

* * *

Гражданская война и интервенция 1918—1920 гг. унесла несколько миллионов жизней, искалечила российское общество, материальный ущерб России оценивался в 30–35 млрд. руб. золотом.

Производство в стране практически остановилось: к 1920 г. из 50 домен юга работала лишь одна. Производство предприятий крупной промышленности было в 7 раз меньше уровня 1913 г. Страшная разруха в результате провозглашенного большевиками противостояния пролетарского государства всему остальному миру привела к созданию жестко централизованной милитаризованной системы административного управления хозяйством.

Глава 11

Кризис военного коммунизма

С начала 1920 г. военные действия продолжались уже лишь на периферии государства и не несли в себе угрозы его существованию. У советского правительства появилась возможность перейти к налаживанию мирной жизни. Совет обороны — главный орган власти во время войны — был переименован в Совет труда и обороны. Но, пожалуй, этим и ограничивается в то время переход к новым условиям. По-прежнему все решения правительства находились в русле принципов военного коммунизма.

С 1920 г. политика трудового фронта стала всеобщей. В феврале СНК постановил: привлекать в порядке трудовой повинности к выполнению сельскохозяйственных, топливно-гужевых, строительных, дорожных, продовольственных, снегоуборочных и других работ всех граждан. Из мобилизованных на трудовой фронт формировались трудовые армии. На положение трудовых армий переводилась вместо демобилизации и часть боевого состава Красной армии, численность которой превышала в то время 5 млн. ч. Трудовые армии и военизированные трудовые отряды работали во всех отраслях народного хозяйства. Для управления ими был образован еще один чрезвычайный орган — Главкомтруд (Главный комитет по труду с целой системой местных отделений), в задачи которого входили учет, мобилизация и распределение рабочей силы.

Продолжалась национализация мелкой промышленности, в деревне насаждались коммуны и коллективные хозяйства: к 1921 г. их было создано около 17 тыс.

В решениях IX съезда РКП(б) (март-апрель 1920 г.) была поставлена задача составления единого хозяйственного плана, опирающегося в ходе выполнения *на мобилизации, трудов армии, продразверстку, единоначалие и централизацию* — краеугольные положения военного коммунизма.

В 1919—1920 гг. по инициативе Ленина группой специалистов под руководством Г.М. Кржижановского разрабатывался план ГОЭЛРО — первая попытка составления единого для страны хозяйственного плана, ориентированного на перспективу 10–15 лет. Он представлял собой техническое развитие всех отраслей хозяйства на новейшей для того времени технологической базе электрификации. Следует отметить, что это была первая не только в стране, но и в мире практика государственного планирования.

План этот, заложивший основание для дальнейшей плановой деятельности — важнейшего элемента советской машины хозяйственного управления, учитывал только материальные, натуральные потоки и не включал в себя социально-экономических возможностей роста, оценок потребных финансовых ресурсов, соотношения затрат и результатов — эта сторона осталась в плане без внимания. Иначе и не могло быть, ведь план составлялся в период расцвета военного коммунизма, когда товарно-денежное хозяйство практически полностью распалось и возврат к нему казался невозможным. С другой стороны, план ГОЭЛРО делали инженеры; в комиссии просто не было экономистов, да они и не требовались по задачам плана.

С разгромом Врангеля в конце 1920 г. закончилась гражданская война, принесящая вместе с интервенцией огромные потери и разрушения. Фактически к этому времени страна непрерывно воевала в течение более шести лет. За период 1914—1920 гг. погибли 14,5 млн. ч., более 4 млн. стали инвалидами. Страна устала от войн и, казалось бы, должна была с подъемом строить мирную жизнь.

Однако нарастали волнения в деревне. В 1918 г. статистика зафиксировала 245 крестьянских бунтов против большевистской власти. В 1919 г. уже целые районы перешли под контроль вос-

ставших крестьян, организованных в отряды, насчитывавшие тысячи, иногда десятки тысяч человек. Зимой 1920—1921 гг. были организованы десятки “повстанческих армий” в Западной Сибири, Тамбовской, Воронежской губерниях. Наиболее крупным восстанием была “антоновщина” (крестьянская армия под руководством эсера Антонова насчитывала до 50 тыс. чел.) на Тамбовщине. Крестьянские выступления подавлялись, как и при царе, карательными отрядами. В 1919 г. в Красную армию добровольно вступали военнопленные — чехи, австрийцы, венгры, латыши, из которых создавались интернациональные бригады; их и посылали на подавление крестьянских волнений (вместе с частями особого назначения — ЧОН). Начались и выступления рабочих в городах, обычно с экономическими требованиями.

Чем же вызывалось такое противодействие пролетарской власти? Во-первых, отсутствием продуктов, необходимых для жизни товаров и безработицей в городах. Во-вторых, лишением крестьянства (в крестьянской стране) возможности свободно трудиться и распоряжаться результатами своего труда, т.к. практически весь продукт отбирался. И, наконец, милитаризацией и бюрократизацией, пронизывающей все отношения повседневной жизни.

Неслыханный спад производства — в начале 1921 г. объем промышленного производства составлял 12% от уровня 1913 г. В 1920 г. производилось товаров на 150 млн. руб. золотом, в то время как только для обмена на сельскохозяйственные продукты необходимо было производить в 20 раз больше. И это лишь обобщенные показатели. В отдельных отраслях положение было катастрофическим: например, производство железной руды и чугуна упало соответственно до 1,6 и 2,4% от уровня их производства в 1913 г.

Количество рабочих в Москве сократилось наполовину, в Петрограде — на две трети. В феврале 1921 г. остановились 64 крупных завода Петрограда, включая такие гиганты, как Путиловский завод.

Зато гораздо больше стало госслужащих, административных работников. К 1921 г. численность служащих госучреждений по сравнению с довоенным временем увеличилась вдвое; а ведь дореволюционная Россия заслуженно называлась бюрократическим государством. Только система ВСНХ насчитывала более четверти миллиона служащих. Непрерывный рост количества учреждений (ведь ну-

жен учет и контроль всего и вся), их сложность и громоздкость вызвали полную рассогласованность; их содержание требовало колоссальных затрат; затруднялась управляемость хозяйством. Вдобавок произошел отрыв аппарата управления от советской представительской системы, и это сохранилось на все годы советской власти.

Товарность сельскохозяйственного производства сократилась на 92% по сравнению с 1913 г. Ряд причин, таких, как дробление крупных владений, навязываемая сельскими властями уравниловка (всевластие сельских советов по существу восстановило старые формы общинного землепользования), разрыв связей между городом и деревней и, главное, продрозверстка, изымавшая большую часть произведенного продукта и тем самым уничтожавшая всякие стимулы к производительному труду на селе, привели к натуральному хозяйству. Все это завершилось неурожаем 1921 года в наиболее хлебосящих регионах страны и последовавшим голодом, в результате которого погибло свыше 5 млн. ч. (для сравнения: в мировой войне погибло 2,5 млн., от тифа в 1918—1921 гг. — 2 млн., в гражданской войне — более 2 млн. ч.).

В условиях отсутствия продуктов в городах приходилось запасаться ими в деревне. Запрещение “мешочников” вызвало в Петрограде волну демонстраций и забастовок. С 24 февраля в городе было введено чрезвычайное положение. Рабочим разрешили ездить в деревню за продуктами, но можно было провозить не более полутора пудов.

Волнение перекинулось в Кронштадт. Среди военных моряков было много анархистов — флотский экипаж набирали в основном по деревням Центра России и Украины. Основой противоправительственных выступлений стало восстание на броненосце “Петропавловск” 28 февраля 1921 г. Требования восставших были в основном экономическими: уравнивание пайков, прекращение конфискаций, свободный труд ремесленников, не использующих найм; но наряду с этим — свободные выборы, свобода слова и печати, освобождение заключенных, свобода крестьянам распоряжаться землей. Кронштадтское восстание было для правительства опаснее отдельных разрозненных выступлений в селах Тамбовщины из-за концентрации вооруженных и дисциплинированных моряков в непосредственной близости от города—колыбели революции. Поэтому оно было подавлено военной силой наиболее жестоко.

Стала очевидна необходимость резкой смены курса, хотя в отношении путей выхода из экономического кризиса не было единства ни в правительстве, ни в партии, ни у населения. Даже такой апологет военно-коммунистической доктрины, как Л.Д. Троцкий, бывший душой плана проведения всеобщей милитаризованной трудовой повинности в хозяйственном строительстве, пришел к выводу о необходимости отказаться от военного коммунизма и “во что бы то ни стало ввести элемент личной заинтересованности, т. е. восстановить в той или иной степени внутренний рынок”.

X-й съезд партии по существу закончил эпоху военного коммунизма и провозгласил “новую экономическую политику”. Основные ее направления:

- замена продразверстки продналогом
- свобода внутренней торговли
- денационализация (мелких предприятий — до 21 работника)
- предоставление концессий иностранцам.

Но наряду с этим съезд запретил фракционность в партии, предопределив усиление большевистской диктатуры вместо демократии. Этим с самого начала был заложен конфликт между экономическими и политическими отношениями при главенстве последних: провозглашались рыночные отношения в экономике, допускалась частная собственность и одновременно капиталисты объявлялись врагами общества, которые рано или поздно должны быть уничтожены.

Рекомендуемая литература

1. *Богданов А.А.* Вопросы социализма. М., 1918.
2. *Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П.* и др. История России. XX век. М., 1996.
3. *Бруцкус Б.Д.* Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе. // “Экономист”, 1922, №№ 1, 2, 3.
4. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. История Советского Союза от 1917 г. до наших дней. Кн. 1. М., 1995.
5. *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти. ПСС, т. 36.
6. *Ленин В.И.* Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. ПСС, т. 39.
7. *Мау В.А.* Реформы и догмы. 1914—1929. М., 1993.

Часть 4

Новая экономическая политика

(1921—1928 гг.)

Глава 12

Сущность нэпа как системы. Периоды развития

К концу 1920 года основная часть страны была освобождена от военных действий. Это позволяло ставить задачи восстановления хозяйства и построения социалистической экономики.

Разруха в стране была ужасающая. Производство почти остановилось. Объем продукции сельского хозяйства составил в 1920 г. менее половины довоенного уровня, что усугубилось поразившей хлебосеящие губернии засухой. Продукция крупной индустрии сократилась в 7 раз, продукция машиностроения составила только 7%. Если в 1913 г. производилось 27 кг стали и 19 м хлопчатобумажной ткани на душу, то в 1920 г. выпускалось соответственно 1,5 кг и 0,77 м. Вышло из строя 80% железнодорожных путей. Грузооборот составил в 1920 г. 27,8% от уровня 1913 года.

Остановка производства усугублялась сворачиванием товарно-денежных отношений, безудержной эмиссией. Бюджет 1921 г. был сверстан на нищенскую сумму в 1,8 млрд. руб. с дефицитом в 1 млрд. руб., который покрывался эмиссией. Инфляция составляла 1200—1800% в месяц.

К этому времени сложилась классическая система нетоварного производства и директивного распределения продукции государственных предприятий. Главки ВСНХ составляли материальные балансы производства и распределения важнейших видов продукции, устанавливали заводам задания по объему и номенклатуре выпуска, сами распределяли готовые изделия и (с посто-

янно растущими сбоями) обеспечивали предприятия сырьем, материалами, топливом.

Оплату труда тоже натурализовали. На ряде предприятий рабочие вместо зарплаты получали готовую продукцию, которую обменивали на рынке на необходимые им продукты. Снабжение же большинства трудящихся, а также крестьян-бедняков (всего примерно 78 млн. ч.) осуществлялось по карточкам, фактически бесплатно.

С января 1921 г. власти решили сделать бесплатными все товары и услуги трудящимся. Казалось, до полного, пусть пока и нищенского коммунизма оставалось несколько шагов. Но преодолеть разруху не удавалось. Вместо этого в столицах еще раз сократили и без того ничтожные хлебные пайки. В этих условиях и был объявлен поворот в экономической политике.

Провозглашенная “всерьез и надолго” **новая экономическая политика** (нэп) в то время не была до конца понятна не только населению страны, но и ее руководству.

Как же представлялась тогда новая экономическая политика? Было ясно, что необходимо ликвидировать наиболее сковывающие условия — продразверстку и распределение, всеобщую трудовую повинность — и создать стимулы к свободному труду. Принципиальные же вопросы — допущение частной собственности в производстве, существование финансовой системы и, главное, источники финансирования восстановления и развития хозяйства — горячо дискутировались.

В ходе обсуждений становилось ясно, что нэп должен представлять собою рыночную систему с мощным государственным управлением, значительной долей государственной собственности, развитыми механизмами социальной защиты. Понятно, что создание рыночной экономической системы, принципиально противоположной господствовавшей до этого военно-административно-распределительной, **требовало наличия ряда предпосылок**. К ним относятся:

— **определенный уровень промышленного и сельскохозяйственного производства**, обеспечивающий хотя бы минимальное функционирование внутреннего товарного рынка;

— **наличие стабильной финансово-денежной и кредитно-банковской системы** (деньги в 1920 г. не работали, Государственный банк был ликвидирован);

— **развитая инфраструктура рынка** (банки, финансовые компании, товарные, фондовые и трудовые биржи, агентства и т.д.), механизмы которой опираются на сформированную юридическую базу;

— **наличие у государства инструмента отображения и анализа экономики**, позволяющего не только отслеживать результаты рыночных процессов, но прогнозировать и, возможно, планировать их развитие;

— **масса специалистов высшего и среднего управленческого звена**, понимающих законы и правила экономических отношений и умеющих работать в условиях рынка;

— **социально-психологическая настроенность общества** на существование в условиях рыночных отношений.

Всего этого не было в 1920 г., все эти необходимые для нэпа условия надо было создать. Поэтому период с момента провозглашения нэпа в 1921 г. по 1924 г. следует считать временем создания условий для новой экономической политики. И только после этого нэп мог полноценно функционировать как более или менее целостная экономическая система.

Нормальному функционированию нэпа, к сожалению, было отпущено мало времени — менее двух лет (1925—1926 гг.), после чего в силу политических причин он стал постепенно, но довольно быстро свертываться советским правительством. 1927—1928 гг. — период ликвидации нэпа. К 1931 г. исчезли последние элементы экономических отношений этой системы. В стране возобладали централизованное административное управление хозяйством.

Глава 13

Становление нэпа и создание условий функционирования рынка

Новая экономическая политика в сельском хозяйстве. В марте 1921 г. X съезд ВКП(б) принял решение об отмене продразверстки и замене ее прогрессивным *продналогом*. Налог, составлявший в среднем половину прежней разверстки, вводился в форме процента или доли от прогнозируемого объема производства

продукции с учетом количества и качества земли, количества едоков, наличия скота, ожидаемого урожая. Причем налог устанавливался до весеннего сева и был сильно дифференцирован. Так, бедняки платили 1,2% от доходов, середняки уже 3,5%, а кулаки — от 5,6% до 10%; беднота вообще освобождалась от налогов, членам колхозов устанавливалась скидка 20% и т.д. Объявлялась свобода обмена, продажи остального продукта государству или на свободном рынке.

К сожалению, в это трудное время природа внесла свои коррективы в экономическую политику. После обнародования новой налоговой системы сразу увеличилась площадь посевов. Но в 1921 г. второй год подряд была засуха, и ожидавшегося урожая не было. В стране разразился голод. Переход к нэпу пришлось отложить на год. В условиях голода большевистское правительство проводило двойственную политику. С одной стороны, оно помогало голодающим, организовало импортные закупки зерна, ввело общегражданский налог в пользу голодающих, обратилось к международному сообществу. А с другой, в 1922 г., когда голодало около 36 млн. ч., около 5 млн. ч. погибло от голода, Политбюро приняло решение об экспорте 50 млн. пуд. зерна.

В октябре 1922 г. был принят новый Земельный кодекс РСФСР. Крестьяне получили право свободного выхода из общественных хозяйств и выбора форм землепользования. Разрешались, хотя и в крайне ограниченных размерах, аренда земли и применение наемного труда. В деревне пошло на убыль число насаждавшихся властями колхозов и совхозов. Крестьяне-единоличники давали 98,5% всей продовольственной продукции. Государство поощряло развитие простых форм кооперации — потребительской, промысловой, кредитной и др.

Уже в том же 1922 г. новая налоговая система дала свои результаты. Сельское хозяйство начало оживать. С мая 1923 г. был введен **единый сельскохозяйственный налог** в смешанной форме, а с 1924 г. — в денежной форме (по-прежнему дифференцированный).

Были введены льготные условия для приобретения инвентаря. В 1921—1926 гг. было импортировано 20 тыс. тракторов. На эти цели в 1923—1926 гг. было выделено свыше 400 млн. руб. в качестве кредита селу.

Результаты подобной политики появились довольно быстро: уже в 1923 г. в основном были восстановлены дореволюционные посевные площади, в 1924 г. продукция сельского хозяйства составила 75—80% от довоенной, в 1925 г. сельскохозяйственное производство (исключая животноводство) вплотную подошло к уровню 1913 г., а в 1926 г. — превзошло его. По отдельным культурам довоенный уровень был достигнут раньше. Так, валовой сбор зерна уже в 1925 г. почти на 20,7% превысил среднегодовой сбор наиболее благоприятного для России пятилетия 1909—1913 гг.

Изменился и социальный состав села. Если до 1917 г. в деревне было 60% бедняков, 20% середняков и 15% кулаков, то в 1925 г. структура стала существенно иной: 4,4% — сельскохозяйственный пролетариат (включая 1,7 млн. батраков), 24% — бедняки, 67% — середняки и около 5% — кулаки.

Тем не менее декларированного ускоренного развития села не получилось. Причин было много:

— уравниловка в наделах при недостаточности земли (0,5 га на одного взрослого);

— архаизация труда — отсутствие техники (закупленных государством в 1921—1926 гг. 20 тыс. тракторов было явно недостаточно), химических препаратов, селекционных материалов, отработанных агротехнологий;

— община на селе, с которой боролись еще Витте и Столыпин и которая в свое время так и не была ликвидирована; после революции ту же роль стали играть комбеды, сельсоветы и партячейки;

— неравный товарообмен города и села: если в 1913 г. пуд ржи соответствовал 5,7 аршин ситца, то в 1923 г. за тот же пуд можно было приобрести лишь 1,5 аршина. Так государство уже тогда косвенным образом, через цены (пользуясь монополией на производство и внешнюю торговлю) изымало доходы крестьянства, чтобы финансировать индустриализацию;

— недостаточное внимание государства к тозам, колхозам, совхозам.

Новая экономическая политика в промышленности. 9 августа 1921 г. СНК провозгласил переход к хозрасчету. Был ликвидирован “*главклизм*” как система, насаждавшая излишнюю централизацию управления промышленностью. Вместо множества глав-

ков в структуре ВСНХ были созданы два — Главное экономическое управление и Центральное управление государственной промышленности — для управления трестами. Изменилась и роль трестов.

Тресты представляли собой объединения однородных или технологически взаимосвязанных предприятий, получившие полную хозяйственную и финансовую самостоятельность, вплоть до права выпуска долгосрочных облигационных займов. В декрете ВЦИК и Совнаркома положение треста определялось следующим образом: это государственное промышленное предприятие, которому государство предоставляет самостоятельность в производстве своих операций согласно утвержденному для каждого из них уставу и которое действует *на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли*.

Уже к концу 1922 г. около 90% промышленных предприятий были объединены в 421 трест, причем 40% из них были центрального, а 60% — местного подчинения. В тресты объединялись прежде всего крупные и технически оборудованные заводы и фабрики — “Югосталь”, “Донуголь”, “Химуголь”, “Государственный трест машиностроительных заводов” (“Гомза”) и т.п. Тресты сами решали — что производить, где и на каких условиях реализовать продукцию. Предприятия, входившие в трест, снимались с государственного снабжения и переходили к закупкам ресурсов на рынке, на базе *хозяйственного расчета и самофинансирования*. Закон предусматривал, что государственная казна за долги трестов не отвечает.

Созданием трестов государство сократило огромные потери бюджета по содержанию нерентабельных предприятий. Лучшие предприятия включались в тресты, а худшие закрывались. Показателен в этом отношении процесс трестирования шахт Донбасса. Летом 1920 г. техническая комиссия, проинспектировав донецкие шахты, обнаружила, что 959 действующих шахт работали без применения машинной техники: широкое использование трудармий в последние годы военного коммунизма делали применение машин невыгодным. К июлю 1921 г. число работающих шахт сократилось до 687, а к концу 1921 г., после создания треста “Донуголь” под управлением государства осталось 288 шахт, остальные были сданы в аренду или закрыты. Те же процессы

шли и в других отраслях. Так, из 1000 предприятий, находившихся под управлением Главкожа, только 124 были изъяты и объединены в трест, однако эти 124 единицы давали 88% прежнего выпуска продукции.

Почти одновременно началось *синдицирование* промышленности. Синдикаты создавались как добровольные объединения трестов на началах кооперации, занимавшиеся снабжением, сбытом, кредитованием, внешнеторговыми операциями. К концу 1922 г. более двух третей трестированной промышленности было синдицировано, а к началу 1928 г. насчитывались 23 синдиката, которые действовали почти во всех отраслях промышленности, сосредоточив в своих руках основную часть оптовой торговли. Правление синдикатов избиралось на собрании представителей трестов, причем каждый трест мог передать по своему усмотрению большую или меньшую часть своих функций (снабжение, сбыт) в ведение синдиката.

В промышленности и торговле возник частный сектор: некоторые государственные предприятия были денационализированы, другие сданы в аренду; было разрешено создание собственных промышленных предприятий частным лицам с числом занятых не более 20 ч. (позднее этот “потолок” был поднят). Среди арендованных частниками фабрик были и такие, которые насчитывали 200-300 работников. Частных предпринимателей — владельцев торговых и промышленных предприятий, арендаторов, различных посредников и т.п. насчитывалось в 1925 г. 1,3 млн. ч. (1,5% населения страны); преобладающую часть нэпманов составляли мелкие предприниматели, сравнительно крупных торговцев и промышленников было учтено всего 74 тыс. ч. В целом на долю частного сектора в период нэпа приходилось от одной пятой до четверти промышленной продукции, хотя общий размер частного капитала был меньше чем в 1913 г. в 14 раз.

Были изменены тарифы оплаты труда. Вместо всеобщей уравниловки включались механизмы экономического стимулирования.

Серьезнейшей в тот момент была проблема восстановления промышленности и вывода ее на довоенные рубежи. Сложность этой проблемы усугублялась, с одной стороны, массовой безработицей, для ликвидации которой нужно было как можно скорее запускать остановленные предприятия. Но, с другой стороны, у

правительства не было денег на финансирование восстановительных работ. Наряду с этим ограниченность сырьевой базы также не позволяла форсировать ввод остановленных производств. Учитывая это, ВСНХ стремился консервировать многие недействующие предприятия с тем чтобы высвободить финансовые ресурсы и сырье для ограниченного круга наиболее насущных производств. Объективно это вело к повышению концентрации промышленности.

Среднегодовой прирост промышленности составил в 1921—1926 гг. 41%. Крупнейшие государственные капиталовложения направлялись в энергетику и добычу сырья. Частный капитал составлял до трети капиталовложений в производство товаров народного потребления и услуг. Иностраный капитал составлял лишь 0,4% и использовался практически только при получении концессий, которые достигли наибольших масштабов в 1925—1926 гг.

Если в период максимального падения производства в 1921 г. выпуск чугуна составлял всего 3%, стали — 5%, а продукции машиностроения — менее 10% довоенного выпуска, то к концу 1924 г. производство черной металлургии в целом поднялось до 20%, цветной металлургии — до 10—11%, машиностроения — до 37%, а в 1926 г. выплавка стали достигла 67,6%, чугуна — 52,2%, выпуск машиностроительной продукции — около 50% уровня 1913 г.

Выработка на одного работающего в 1921 году была в 2,5 раза ниже, чем в 1913 г. К концу 1924 г. она поднялась до 41%, а к концу 1925 г. подошла вплотную к довоенному уровню.

Конечно, развитие промышленности в России в те годы было несравнимо с европейским уровнем, не говоря уже о США, тем не менее промышленность к 1925 г. уже функционировала в достаточной мере, чтобы мог формироваться рынок товаров.

Финансовая система. Основу любого рынка составляет, как известно, стабильная денежная система, которой в начале 1921 г. практически не было; новая денежная система была разработана группой специалистов “старой закалки” во главе с проф. А.Ю. Юровским и реализована к 1924 г. под руководством наркома финансов Г.Я. Сокольников — большевика с блестящим европейским образованием, происходившего из богатой купеческой семьи.

В октябре 1921 г. был воссоздан Государственный банк, начавший кредитование промышленности и торговли на коммерческой основе. Восстановление товарно-денежных отношений сопровождалось сложным и длительным (примерно двухлетним) процессом денатурализации хозяйственных связей и оплаты труда. В 1922—1923 г. вслед за Государственным банком, ориентированным на роль эмиссионного, начали создаваться специализированные коммерческие банки — Торгово-промышленный банк (Промбанк) для финансирования промышленности, Электробанк для кредитования электрификации, Российский коммерческий банк (с 1924 г. — Внешторгбанк) для финансирования внешней торговли, Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк), Центральный сельскохозяйственный банк и другие. Эти банки осуществляли краткосрочное и долгосрочное кредитование, распределяли ссуды в рамках привлеченных ресурсов, назначали ссудный, учетный процент и т.д.

Была создана многоуровневая кредитно-банковская система. Для кредитования основной массы предприятий разных отраслей хозяйства и районов страны создавались акционерные банки, пайщиками которых были Госбанк, синдикаты, кооперативы, частные лица и даже одно время иностранцы. Для кредитования потребительской кооперации и сельскохозяйственного производства создавались кооперативные банки, организованные на паях общества сельскохозяйственного кредита, замыкавшиеся на Центральный и республиканские сельскохозяйственные банки. Частную промышленность и торговлю кредитовали также общества взаимного кредита.

Для мобилизации денежных сбережений населения восстанавливалась в те годы сеть сберегательных касс. В октябре 1922 г. был выпущен государственный заем в денежной форме, что наряду с развитием системы сберкасс способствовало мобилизации денежных средств населения и укреплению государственных финансов.

На 1 октября 1923 г. (хозяйственный год до 1933 г. начинался с 1 октября) в стране действовали 17 самостоятельных банков, а доля Госбанка составляла в тот момент две трети общих кредитных вложений всей банковской системы. К 1 октября 1926 г. число банков возросло до 61, а доля Госбанка в кредитовании народного хозяйства снизилась до 4%.

Были проведены две **деноминации** денег: в 1922 г. были введены “совзнаки” в соотношении 1 совзнак = 10 тыс. старых рублей и в 1923 г. новый рубль — в соотношении 1:1 млн. старых рублей или 100 совзнаков 1922 г. В основу новых рублей был положен обмениваемый на золото (7,74 г) червонец, равный по номиналу десяти рублям 1913 г. Червонец имел у населения огромную популярность, хотя эта бумажка имела вид непривлекательный: надписи и рисунок были сделаны только с одной стороны. “Живыми” червонцами первично оплачивались только крупные обороты государственных предприятий; в остальном обороте еще находились обесцененные совзнаки (“лимоны” и “лимарды”). В 1924 г. быстро вытеснявшиеся червонцами совзнаки вообще прекратили печатать и изъяли из обращения, заменив выпущенными в дополнение к червонцу казначейскими обязательствами достоинством в 1, 3 и 5 рублей. Формально они не были связаны с червонцем, т.к. их выпускало казначейство, а не Госбанк. Однако было установлено твердое соотношение между казначейским рублем и червонцем — 10 руб. = 1 червонцу, что соответствовало золотому содержанию рубля в 0,774234 г чистого золота.

Обращение совзнаков 1922 и 1923 гг. сохранялось до июня 1924 г.: с марта 1924 г. совзнаки подлежали обмену на новые деньги в соотношении 1 рубль 1924 г. за 50 тыс. совзнаков 1923 г. или 50 млрд. руб. прежних образцов.

Вопреки распространенному мнению, бумажные червонцы никогда не обменивались на золото во внутреннем обороте, хотя подготовка к такому шагу велась: в 1923 и 1925 гг. чеканились советские золотые монеты, в точности соответствовавшие царскому золотому стандарту в 8,6 г золота 900-й пробы, хотя в реальный оборот и не поступали, оставаясь участниками лишь биржевых и банковских операций.

Официально вся масса бумажных червонцев обеспечивалась золотом, платиной, валютой из резервов Госбанка лишь на четверть, однако реальная норма обеспечения в 1924—1925 гг. находилась на уровне 30—40%. В условиях отсутствия непосредственного обмена червонцев на золото их твердый курс внутри страны объяснялся скорее всего не золото-валютными запасами, а бездефицитным бюджетом. Министерство финансов (Г.Я. Сокольников) проводило очень жесткую политику в отношении на-

капливания государственных резервов и недопущения пустой эмиссии. С целью стабилизации рубля специальным правительственным декретом была запрещена внеплановая эмиссия — в то время очень трудный, но необходимый шаг.

В эти годы происходило формирование новой финансовой и налоговой системы, что позволило создать устойчивые и достаточно емкие источники пополнения госбюджета. Если до нэпа основным источником покрытия государственного дефицита служила денежная эмиссия, то с 1921 г. началось восстановление налоговой системы.

К 1923 г. сложилась следующая система налогов. К прямым налогам относились сельскохозяйственный, промысловый, подоходно-имущественный, рентный налоги, гербовый сбор и другие пошлины. Косвенные налоги включали акцизы и таможенное обложение.

Прямые налоги служили орудием финансовой политики — рычагом перераспределения накапливаемых в процессе хозяйствования капиталов. Одновременно они становились существенным фактором роста доходов бюджета. В 1922—1923 гг. прямые налоги давали 43% всех налоговых поступлений в бюджет, в 1923—1924 гг. — 45%, в 1925—1926 гг. — 82%. Крестьяне платили сельхозналог, размер которого зависел от количества и качества земли и скота. Промысловым налогом облагались торговые и промышленные предприятия, а также единоличные ремесла и промысловые занятия. Ставка его равнялась в среднем 1,5% с торгового оборота, варьируясь по отраслям — в пищевой промышленности он составлял от 1,5 до 2%, на предметы роскоши — от 2 до 6%. Сюда же присовокуплялся патентный налог.

Другим важнейшим прямым налогом был подоходно-поимущественный. Им облагались как физические, так и юридические лица — товарищества, акционерные общества и т.п. Поимущественное обложение представляло собой прежде всего налог на капитал. Таким образом, доходы участников акционерного общества облагались дважды: сначала как совокупный доход акционерного общества, а затем как выплаченные дивиденды. Государственные предприятия были освобождены от поимущественного обложения, но платили подоходный налог в размере 8%.

Существовали также более 10 косвенных налогов на определенные продукты. В 1922—1923 гг. эта система подверглась боль-

шим изменениям. Так, в 1922 г. акцизом были обложены табак, спички, пиво, квас, фруктовые воды, кофе, чай, сахар, соль, нефтяные продукты и др. Финансовое законодательство постоянно находило все новые объекты обложения. Особенно страдал от налогов частнопредпринимательский сектор. В 1924—1925 гг. разные виды обложения отнимали у него 35—52% всего дохода.

Одновременно правительство проводило жесткие меры по экономии расходов. Так, штаты государственных организаций и учреждений, финансируемых из бюджета, насчитывавшие в 1921 г. 5,7 млн. сотрудников, в 1924 г. были сокращены до 1,1 млн. ч. В жертву экономии было принесено самое, пожалуй, святое для большевиков — военные ассигнования. В связи с окончанием Гражданской войны значительно сократился личный состав Красной армии. Максимально ограничивались система пайкового снабжения партийной номенклатуры, финансирование партийных ателье, санаториев, продуктовых распределителей. Даже в ассигнованиях на ГПУ учитывалась каждая копейка.

Важнейшей статьей экономии стало сокращение *дотирования* государственной промышленности: она в основном была переведена на *самофинансирование*. Промышленные предприятия с 1923 г. отчисляли в казну 70% прибыли.

К концу 1924 г. был ликвидирован дефицит бюджета. Благодаря грамотной и настойчивой финансовой политике бюджет 1924—1925 гг. был исполнен в точном соответствии доходов и расходов, а в 1925—1926 гг. добились превышения на 100 млн. доходов над расходами в 3,46 млрд. руб.

С выпуском серебряной и медной разменной монеты и обменом совзнаков к середине 1924 г. была создана стабильная финансово-денежная система. На валютном рынке как внутри страны, так и за рубежом червонцы свободно обменивались на золото и основные иностранные валюты по довоенному курсу царского рубля — 1,94 руб. за американский доллар. В 1925 г. российский червонец стоял на Лондонской бирже стабильнее фунта.

Возникновение государственного планирования. Для квалифицированного руководства функционированием рынка государство должно обладать системой модельного отображения экономической ситуации. Подобное отображение, позволяющее анализи-

ровать экономическую ситуацию и своевременно воздействовать на нее, могло быть построено в форме государственного плана развития народного хозяйства, опирающегося на корректную статистическую базу. Практики общегосударственного планирования ни в одной стране мира в то время не было.

Востребованность создания планирующей системы в начале нэпа объясняет, почему частный план создания электроэнергетики в стране перерос в единый общегосударственный план развития народного хозяйства, известный под названием *Плана ГОЭЛРО*. Это был первый официальный документ, в котором получила выражение идея комплексного индустриального преобразования России. В него была заложена идея не просто электрификации как насыщения электрическими машинами всех сфер хозяйства. Идея была в том, чтобы на этой основе перевести экономику на путь интенсивного развития. Именно поэтому в плане ГОЭЛРО предусматривалось первоочередное развитие машиностроения, металлургии, топливно-энергетической базы и химии.

План ГОЭЛРО был разработан в 1920 г. группой ученых и практиков, специалистов в области энергетики под руководством Г.М. Кржижановского. В 1921 г. на базе этой группы была организована Государственная плановая комиссия (Госплан) РСФСР — первый в мире правительственный орган общегосударственного планирования.

Задачей Госплана была организация регулярной разработки государственного плана и его корректировки с учетом выполнения. Наличие проработанного в различных вариантах плана позволяло государству рационально использовать довольно скудные в то время ресурсы при выполнении насущных задач развития народного хозяйства. На основании принятого плана формировались *“контрольные цифры”* развития различных отраслей и сфер народного хозяйства, выполнявшие роль ориентиров, отнюдь не обязательных для выполнения: план не был в то время жесткой системой государственных заданий, обязательных для выполнения, — таким он стал лишь после замены рынка административным механизмом. Начиная с 1925 г. контрольные цифры на год вперед ежегодно принимались правительством.

Грандиозность задач, стоявших в то время перед молодой республикой, а после образования в 1922 г. в границах царской

империи союза республик — перед СССР, заставила сразу же ставить вопрос о необходимости перехода на перспективное планирование на несколько лет вперед. За основу была принята среднесрочная перспектива на пять лет. Но для налаживания регулярного планирования на пятилетний период необходимо было решить ряд методологических и методических задач, разработать инструменты такого планирования, что требовало многих лет практики планирующей системы вкупе с системой государственной статистики.

Товарооборот и кризисы. Рост производства теряет смысл и невозможен при отсутствии товарообмена — между производителем и потребителем, между отраслями, группами населения, между городом и деревней. С переходом от военного коммунизма к его распределением к новой экономической политике прежде всего стал налаживаться обмен — сначала натуральный, а затем — через торговлю. С этой точки зрения в России в начале 20-х годов сложилась парадоксальная ситуация.

Несмотря на декларированный рынок, государство и, в частности, государственные предприятия тяготели к централизованному распределению. Создававшиеся тресты и синдикаты, а именно они составляли в то время основу промышленного производства, были подконтрольны государству (в совете каждого синдиката был представитель государства со значительными полномочиями). Тем не менее рыночная торговля развивалась. Реализация готовой продукции, закупка сырья, материалов, оборудования производились уже с 1922 г. на полноценном рынке, по каналам оптовой торговли. Повсеместно создавались торговые предприятия, оптовые ярмарки.

Сначала стихийно, а затем под контролем правительства стали возрождаться и товарные биржи. В постановлении СТО “О товарных биржах” предполагалось, что биржи “мерами экономического порядка сумеют охватить и упорядочить товарооборот и оказать то воздействие, которое не может быть достигнуто в порядке административном”. Государственным предприятиям и учреждениям предписывалось регистрировать на биржах даже свои внебиржевые сделки, а позднее — и обязательно состоять ее членами.

Частный капитал в оптовой торговле составлял к 1925 г. заметную, но не решающую величину — 18%; в розничной торговле — вдвое больше, к 1926 г. — до 43%. Количество бирж было доведено к тому времени до 104. Значительное развитие вновь получила кооперация.

В условиях нехватки денег и у предприятий, и у населения произведенная продукция не находила сбыта при априорно устанавливаемых ценах, а лавировать с ценами государственные предприятия не умели, да и не были морально готовы к этому, так как правительством провозглашалось приоритетное развитие промышленности. Тем самым, с точки зрения директорского корпуса (в основном государственных заводов и фабрик), государство как бы брало на себя ответственность за сбыт промышленной продукции и финансирование предприятий. В результате готовая промышленная продукция накапливалась на складах производителей, а предприятия не получали оборотных средств.

Особенно типичной была такая картина с продукцией для деревни. Сельскохозяйственный инвентарь, химические удобрения, керосин, так необходимые деревне, предлагались по ценам, не соответствовавшим возможностям крестьян. Цены на промышленные товары выросли в 3,1 раза по отношению к 1913 г., индекс цен на сельскохозяйственную продукцию за тот же период был значительно ниже. Снижать цены промышленные предприятия не хотели. К 1923 г. это явление охватило все народное хозяйство. И несмотря на то, что промышленность производила всего 40% довоенного выпуска продукции, в стране назрел **кризис сбыта**. (Ситуация 1992—1993 гг. со взрывным ростом неплатежей при затоваривании складов готовой продукцией показывает, что подобное явление, по-видимому, типично для перехода от государственно-распределительной системы к рыночному товарообмену.) Другой стороной этого кризиса было снижение государственных заготовок сельскохозяйственной продукции и при отсутствии свободного налаженного рыночного обмена — возрастание трудностей с продовольственным снабжением городов.

Сельскому населению, едва оправившемуся от небывалой засухи и голода 1921—1922 гг., оказалось не по карману покупать остро необходимые товары, которые быстро заполнили все склады и магазины. Экономически возникновение **“ножниц цен”** бы-

ло вызвано тем, что сельское хозяйство, несмотря на засуху, восстанавливалось после войны быстрее промышленности: к середине 1923 г. сельское хозяйство было восстановлено до 70% от уровня 1913 г., а промышленность — только на 39%. Столь большое несоответствие в темпах восстановления вело, с одной стороны, к удорожанию изделий фабрично-заводского производства, а с другой — к удешевлению сельскохозяйственной продукции.

Деревня забурлила и начала задерживать в ответ отсыпку зерна в государственные хранилища по продналогу. В ряде мест вспыхнули массовые крестьянские восстания (в Амурской области — в декабре 1923 г., в центральных и западных районах Грузии — в декабре 1924 г.).

Усмирив повстанцев огнем и мечом, большевики вновь, как и в 1921 г., оказались перед необходимостью в чем-то уступить крестьянской стихии, дабы избежать еще больших осложнений. В 1924—1925 гг. была смягчена в пользу сельских производителей ценовая политика, расширено право на аренду земли и использование наемного труда. Тогда же от натурального налога перешли к денежному обложению крестьян, что давало им большую свободу в развитии хозяйства.

Кризисная ситуация с ножницами цен была постепенно ликвидирована с приходом в ВСНХ Ф.Э. Держинского, который не был профессиональным экономистом, но как политик понимал, что промышленные предприятия необходимо заставить продавать свою продукцию по сниженным ценам, и приложил много усилий для реализации этого механизма. За один 1923/24 хозяйственный год (с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. — хозяйственный год начинался тогда в октябре) индекс оптовых цен промышленности был снижен на 29%. К 1925 г. кризис был преодолен, товарообмен в хозяйстве налажен. Общий товарооборот достиг 75% довоенного уровня.

Но здесь важно обратить внимание на механизм выхода из кризиса. Не вдаваясь в детали, скажем, что **снижение цен** на продукцию предприятий было достигнуто **путем административно-го нажима** на тресты. Этим был создан важный прецедент, тяготевший к принципам военного коммунизма и ставивший материально-ресурсные балансы Госплана выше финансовой сбалансированности рыночного равновесия. После этого правительство

прочно встало на путь административного регулирования хозяйственных процессов.

Очередные сложности в экономике в связи с нарушением товарного и денежного обмена возникли и в 1925—1926 гг. Этот кризис был вызван принятием и началом выполнения летом 1925 г. явно нереальных планов развития промышленности и капитального строительства, приведших к кредитной инфляции. Пересмотр нереальных планов — процесс довольно болезненный, и государству пришлось прибегнуть к использованию государственных резервов. Хотя не обошлось и без частичного изменения планов.

Как вышли из этого кризиса? Предельно сжали экспортно-импортный план, заморозили новостройки. К этому следует добавить стремительный рост косвенных налогов, прекращение отчислений из госбюджета в резервный фонд, повышение закупочных цен на зерно. На ликвидацию кризиса государство бросило все резервы, вплоть до золотых и валютных запасов. Но резервы государства были исчерпаны. В случае еще одного кризиса у государства уже не оставалось средств для выхода из него путем использования только рыночных механизмов, без включения административно-репрессивных мер.

Но и в этом случае показательно то, что правительство действовало исходя из рекомендаций плана без должного анализа рыночной ситуации. Ведь устойчивый дефицит, вызвавший кризис 1925—1926 гг., был результатом не столько недостаточного производства товаров, сколько превышения совокупного платежеспособного спроса над товарным покрытием — а подобным расчетам места в плане не находилось. Да и воздействовать тогда следовало бы не на товарные потоки, что для государства проще, а на финансовые, что гораздо сложнее. С этого момента Госплан стал играть главную роль в управлении хозяйством страны, а с Министерством финансов правительство перестало считаться.

Рост экономической грамотности. Если в условиях полного обобществления, уравниловки и административного распределения всей произведенной массы, порождавших всеобщую незаинтересованность и безответственность, что было атрибутикой военного коммунизма, к руководству в народном хозяйстве привлекались не по профессиональному, а лишь по партийному признаку,

то с приходом провозглашенных при нэпе рыночных отношений на первый план выдвинулось требование профессионализма в экономике. Причем наличие экономических знаний и навыков стало необходимо не только для высшего управленческого звена, но и в не меньшей степени для среднего руководящего звена, да и для руководителей любого уровня, будь то в торговле, промышленности или любой другой отрасли народного хозяйства. Не случайно в это время возник лозунг “учиться у капиталистов”.

После 1921 г. вся страна стала учиться экономике: популярные раньше кружки политграмоты стали замещаться кружками экономической грамотности, учились все и на всех уровнях. Появились научные центры и вузы экономического профиля, существующие, неоднократно поменяв названия, и сегодня. К середине 20-х годов хозяйство стало насыщаться вновь подготовленными специалистами по экономике и управлению хозяйственными процессами.

Социально-психологический настрой общества. В борьбе рыночных и административных механизмов воздействия на экономику многое зависело от поддержки или противодействия широких масс населения страны. Но в обществе не было единодушия в отношении к нэпу, далеко не все слои общества поддерживали рыночные отношения, лежавшие в его основе.

С введением нэпа были ликвидированы трудовые армии, отменены обязательная трудовая повинность и строгие ограничения на перемену места работы. Организация труда строилась на принципах материального стимулирования, пришедших на смену внеэкономическому принуждению военного коммунизма. В промышленности и других отраслях была восстановлена денежная оплата труда, введены тарифы заработной платы, исключавшие уравниловку, и сняты ограничения на увеличение зарплаток при росте выработки.

Условия труда существенно улучшались. Средняя продолжительность рабочего дня в промышленности составляла в 1925—1926 гг. 7,4 часа; число работающих сверхурочно постоянно снижалось — с 23,1% в 1923 г. до 18% в 1928 г.

Быстро улучшались и условия жизни трудящихся. Появились многие льготы, такие, например, как право на ежегодный опла-

чиваемый отпуск (на две недели и более), отпуск по беременности и др. Зарботки работавших были достаточно высокими. Квалифицированный рабочий получал до 300 руб. в месяц, неквалифицированный — до 150, стипендия на рабфаке составляла 25 руб., при том, что приличное демисезонное пальто стоило от 15 до 19 руб.

Главной бытовой проблемой для рабочих в городах было жилье: в силу постоянного роста численности городского населения его хронически не хватало. Люди жили в бараках-казармах, внешний вид и внутреннее обустройство которых мягко говоря оставляли желать лучшего.

Крестьяне стали в среднем лучше питаться, чем до революции, увеличилось потребление хлеба, мяса. Но здесь острое недовольство вызывал товарный голод: ткани, одежда, обувь, керосин — при остром дефиците всего необходимого цены на эти товары были несоизмеримо высоки в сравнении с ценами на сельхозпродукты.

Но вместе с возможностью высоких заработков пришли все более заметная дифференциация доходов и *безработица*, что было явно негативным явлением. Абсолютная численность безработных, зарегистрированных биржами труда, в период нэпа несколько возросла — с 1 млн. ч. в 1924 г. (в основном бывшие конторские работники гипертрофированной при военном коммунизме административной машины; добавила сложности и мобилизация) до 1,7 млн. ч. в начале 1929 г. Но расширение рынка труда было еще более значительным (численность рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства увеличилась с 5,8 млн. ч. в 1924 г. до 12,4 млн. ч. в 1929 г.), так что относительный уровень безработицы за годы нэпа снизился. К тому же безработный на месячное пособие в 27 руб. 56 коп. мог купить два добротных костюма.

Что же касается идеологической поддержки реформ, то в этом отношении для периода нэпа характерна определенная двойственность. С одной стороны, нэп был объявлен государственной политикой, направленной на смычку города с деревней, на создание и использование рыночных отношений, стимулирующих быстрое развитие народного хозяйства. Тем самым провозглашалась по существу *либерализация экономики*, невозможная вне демократизации всех отношений в обществе.

С другой стороны, в политической сфере объявлялись гегемония пролетариата и *война капиталу и капиталистам*. Уже в феврале 1924 г. более тысячи нэпманов были высланы из Москвы “за спекуляцию”. Одновременно было заявлено о недопущении фракционной борьбы в партии и, следовательно, недопустимости какой бы то ни было критики принимаемых партией и правительством решений.

Противодействие рынку имело и социальные корни. Ведь доведенный до рабочих мест *хозрасчет* в той или иной мере ставил материальное положение рабочих в зависимость от стихии частного рынка. При отсутствии демократических институтов воздействия на работодателей именно административное вмешательство государства в экономику освобождало рабочих от последствий неизбежного в условиях рынка хозяйственного риска. Поэтому и сам рабочий класс требовал гарантировать его интересы административным путем. Отдельные слои, главным образом неквалифицированные новички из деревни на предприятиях индустрии, стремились даже к утверждению уравнительности в оплате труда, что и было частично реализовано тарифной реформой 1928 г.

Точно так же и сельский пролетариат, составлявший 35% крестьян, имел гарантии благополучной жизни (например, освобождение от уплаты сельхозналога), создававшиеся не рынком, а государственным вмешательством в экономику, и, конечно, поддерживал не рыночные реформы, а административное управление со стороны государства.

Глава 14

Начало индустриализации и расцвет нэпа

Источники финансирования индустриализации. К 1926 г. промышленность была в основном восстановлена до уровня 1913 г., но на довоенном технологическо-организационном уровне, что объясняло ее отсталость (при неоспоримом социальном прогрессе — условия труда, гарантирование оплаты, отпуска и т.п.). Недопус-

тимыми были диспропорции — между промышленностью и сельским хозяйством (городом и селом), производством и потреблением; недопустимой была и технико-экономическая зависимость от запада (ввоз машин и сырья). Причем все это происходило на фоне завершения в мире второй технической революции с ее механизацией труда и повышением его производительности. Промышленность СССР с восстановленными довоенными технологиями отставала от среднемирового уровня по крайней мере на 15 лет.

Значительные темпы экономического роста в первые годы нэпа во многом объяснялись “восстановительным эффектом”: в промышленности — введением в эксплуатацию уже имевшегося, но бездействовавшего довоенного оборудования, которое не использовалось, так как население в течение семи лет было занято войнами и революционным переделом власти; в сельском хозяйстве — восстановлением заброшенных пахотных земель. Когда иссякли эти резервы быстрого развития, стране понадобились огромные капиталовложения для реконструкции старых заводов, создания новых отраслей промышленности и модернизации сельского хозяйства.

Для нормального развития страны необходима была модернизация производства, так как старые технологии не обеспечивали требуемых темпов развития. Из-за низких темпов росла безработица (в 1925 г. в стране официально зарегистрировано 980 тыс. безработных, которым государство пыталось помочь: выдавало временную материальную помощь, создавало артели и т. д.). Низкой была товарность сельского хозяйства. Назревал кризис в промышленности. Необходима была широкая индустриализация всех отраслей хозяйства.

При всеобщем понимании необходимости индустриализации неоднозначным и спорным был вопрос о путях и темпах ее проведения. Опыт индустриализации других стран давал апробированный путь: рост товарности сельского хозяйства — развитие легкой промышленности — подъем тяжелой промышленности (в ряде стран развитие собственной легкой промышленности подменялось расширением импорта товаров народного потребления), т.е. путь длительного, растянутого на десятилетия, зато сбалансированного экономического развития. Для ускорения к вну-

тренним источникам развития при таком подходе добавлялись обычно ограбление колоний и внешние займы, что неминуемо приводило к необходимости проведения агрессивной внешней политики и экономической зависимости от внешнего мира.

В условиях Советской России подобный путь был неприемлем. Пойти проторенным российским путем привлечения иностранных инвестиций большевики не смогли, хотя и пытались. Еще в 1920 г. на VIII Съезде Советов РСФСР было принято решение о высоких темпах развития тяжелой промышленности и ее финансовом обеспечении. Предполагалось примерно треть всех необходимых средств получить за счет внутренних источников, а остальные две трети — с помощью иностранных концессий и кредитных операций. Этот план провалился, так как иностранные инвесторы отказались вкладывать средства в хозяйство страны советов. Пришлось пересмотреть планы, переключить внимание с тяжелой промышленности на подъем сельского хозяйства и производство товаров народного потребления с целью накопить финансовые резервы для индустриализации. Но к середине 20-х годов вопрос первоочередного развития тяжелой промышленности и источников его финансирования опять встал на повестку дня.

Само нахождение большевиков у власти делало финансовые вливания в российскую экономику бесперспективным для инвесторов при всей их кажущейся (и реальной) эффективности: слишком велик политический риск. Иностранные предприниматели не хотели рисковать своими капиталами в условиях полной непредсказуемости большевистского режима. К тому же они совсем недавно были научены опытом безвозмездной национализации иностранной собственности, произведенной большевиками сразу же после Октябрьской революции. Последние надежды на то, что “заграница нам поможет”, рухнули в 1929 г., когда на Западе разразился масштабный экономический кризис.

Советское государство не могло пойти по общепринятому пути и в силу ряда политических обстоятельств. Доктрина гегемонии пролетариата как “могильщика капитализма” не позволяла рассчитывать на помощь промышленно развитых государств, которые изначально рассматривались как “вражеское окружение”. Неприемлема была и длительная продолжительность индустри-

стриализации путем сбалансированного развития села и легкой промышленности, зарабатывающих инвестиционные средства для подъема тяжелой промышленности: та же доктрина “коммунистического острова в капиталистическом окружении” предполагала быстрое (в считанные годы) вооружение пролетарского государства и готовность вести войну за мировой коммунизм.

Внутренние резервы для индустриализации также были минимальны. Частный капитал, как известно, не допускался не только в крупную, но часто даже в среднюю промышленность, в стране существовала драконовская система налогообложения частных, отсутствие юридических гарантий заставляло население скрывать свои сбережения, держать их не в сберегательных кассах и государственных ценных бумагах, а в тайниках и кубышках, пускать на спекуляцию, т.е. частный капитал не мог достаточно быстро модернизировать отсталую российскую экономику. Государственный же сектор, хотя и признавался приоритетным, был малорентабельным. В 1928 г. прибыльность промышленного производства была меньше, чем до войны, на 20%, железнодорожного транспорта — вчетверо.

Нельзя было рассчитывать и на сельское хозяйство, некогда являвшееся поставщиком экспортной продукции. До революции основными производителями товарного хлеба были помещичьи и крупные кулацкие хозяйства. Теперь они были ликвидированы. Новая власть всячески препятствовала росту крупного индивидуального хозяйства в деревне. Одним из результатов нэпа было дробление крестьянских хозяйств, осереднячивание деревни, что в свою очередь вело к уменьшению производства товарной продукции, так как середняк производил продукты прежде всего для собственного потребления и удовлетворения собственных нужд и почти не был связан с рынком.

Низкая товарность приводила к снижению объема экспорта сельскохозяйственной продукции, а следовательно импорта столь необходимого для модернизации страны оборудования, не говоря уже об импорте товаров широкого потребления. Импорт оборудования во времена нэпа был вдвое меньше, чем в дореволюционной России.

Сельскохозяйственные проблемы усугублялись растущим промтоварным голодом. У крестьян пропадал стимул к расшире-

нию товарного производства: к чему напрягаться, если на вырученные деньги все равно нечего купить.

Единственно остававшийся для большевистского правительства путь ускоренной индустриализации заключался в необходимости финансирования промышленности за счет **неэкономического перераспределения** доходов между отраслями и группами населения.

Столкнувшись с фактическим отсутствием необходимых для модернизации средств, большевистская власть уже с середины 20-х годов пыталась решить эту проблему путем все большей централизации в руках государства финансовых и материальных ресурсов и ужесточения распределительной политики. Однако конкретные формы и методы корректировки экономического курса определились в результате сложной политико-идеологической борьбы среди партийных лидеров.

Постепенно определились две противоположные точки зрения.

За сбалансированное развитие народного хозяйства выступали в руководстве страны Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, А.И. Рыков. Они считали, что война с крестьянством чревата для Советского государства пагубными последствиями, как экономическими, так и политическими. Поэтому развитие экономики следует основывать на союзе пролетариата с крестьянством, обеспечивая им возможность повышения производительности труда, организуя кооперативы, поддерживая формы рыночного обмена города и села.

“Ускоренную” индустриализацию (конечно, без колониальных захватов, на которые пока не было достаточно сил) за счет эксплуатации крестьянства отстаивали Г.Л. Пятаков, Л.Д. Троцкий. Будучи крупным теоретиком социалистической хозяйственной системы, Е.А. Преображенский разработал теорию “изначального социалистического накопления”, предлагая для первичного накопления разорять крестьянство, т.к. частный крестьянин, по его теории, не вписывался в социализм. “Социалистическую индустрию в нашей стране”, — говорил он, — “можно создать только за счет эксплуатации “внутренней колонии” — крестьянства”.

Единственное политически допустимое для большевистского правительства в тот момент решение — ускоренное создание тяжелой промышленности за счет легкой промышленности (това-

ры народного потребления), сельского хозяйства (за исключением сельхозсырья для промышленности) и уровня жизни народа — и было принято на XIV съезде партии в декабре 1925 г. Но тем самым отвергался (неявно) принцип рыночных отношений, на которых и базировался нэп.

Принятые съездом направления социалистической индустриализации — строжайшая экономия, использование прибыли от банковского и предпринимательского дохода, а также средств населения для инвестирования, эксплуатация села. В крестьянах, тяготевших к частному ведению хозяйства, партийные руководители страны видели носителей капиталистических начал, с которыми необходимо бороться, вплоть до уничтожения. Участь хозяина на селе фактически была предпрешена.

Промышленное развитие. Уже в 1926—1928 гг. существенно выросли капиталовложения в промышленное строительство. Если в 1924—25 гг. на развитие промышленности было выделено 429,9 млн. руб., то в 1927—28 гг. — 1,467 млрд. руб.

Было завершено строительство Волховской, Шатурской, Штеровской электростанций. Расширилась добыча угля, руды — в Донбассе, Златоусте, Казахстане. К 1927—28 гг. был достигнут 75%-й уровень довоенной выплавки чугуна.

Началось строительство гигантов машиностроения — в Москве, Сталинграде, Ростове-на-Дону, Саратове. В 1926 г. завершено строительство Турксиба — 1500 км железнодорожной линии, связывавшей Южный Урал (а через него и Центр) со Средней Азией.

В 1925—26 гг. прирост промышленного производства составил 43,2%; в результате развитие промышленности в целом по официальным данным на 8,6% превысило уровень 1913 г.

Вместе с тем по многим позициям отставание от мирового уровня оставалось. Так, несмотря на строительство станкостроительных производств, импорт станков был необходим отечественной промышленности вплоть до Великой Отечественной войны.

Развитие сельского хозяйства. Сельское хозяйство оставалось основной отраслью страны: в 1926 г. там было занято 82,1% всего населения и производилось 56,6% валовой продукции.

К 1927 г. валовая продукция сельского хозяйства достигла 121% от уровня 1913 г. (при этом товарная продукция составляла

почти 50%), но за счет животноводства; по зерну довоенные показатели достигнуты не были. Главные причины — низкие заготовительные цены: на продукцию животноводства они составляли 178% к ценам 1913 г., на технические культуры — 146%, а на зерно — лишь 89% из-за нехватки промышленных товаров для обмена с селом.

Среднегодовой темп прироста сельскохозяйственного производства в 1925—1927 гг. составил 5,1% (по сравнению с 32,8% в промышленности за тот же период); с 1921 по 1928 гг. среднегодовой темп прироста в сельском хозяйстве составил 10%. Тем не менее село существенно отставало от промышленности. Причиной этого было не только общетехническое отставание, но и осреднячивание села: рост материальной обеспеченности широких крестьянских масс (к 1924 г. было покончено с голодом) в условиях сохранившегося недоверия к правительству вел к снижению товарности. Одновременно шел процесс ограничения и вытеснения кулака. В то же время доля общественных хозяйств в общей товарности села была невелика.

Структура товарности сельского хозяйства в 1926—1927 гг. была следующей: колхозы и совхозы давали 6%, кулацкие хозяйства — 20%, а бедняцкие и середняцкие хозяйства — 74%. Но товарность этих последних не превышала 10—11%.

В 1926 г. был существенно снижен сельскохозяйственный налог, середняцкие хозяйства получили 60 млн. неотоваренных рублей. У крестьян скопилось много бумажных денег. И вместе с высокими урожаями в 1926 и 1927 гг. это привело к снижению посевных площадей, а впоследствии и к снижению государственных закупок. К 1927 году постепенное снижение государственных заготовок хлеба достигло критического уровня.

Кооперация. В годы нэпа бурно развивалась кооперация всех форм. К концу 1928 г. непроизводственной кооперацией различных видов, прежде всего крестьянской, было охвачено 28 млн. ч. (в 13 раз больше, чем в 1913 г.). В обобществленной розничной торговле 60—80% приходилось на кооперативную и только 20—40% на собственно государственную. Существовали кооперативное законодательство, кооперативный кредит, кооперативное страхование.

Развивались и производственные кооперативы. В 1928 г. они давали 13% всей промышленной продукции. На селе производственные кооперативы существовали главным образом в форме товариществ по обработке земли (ТОЗ), но были и маслоартели, мелиоративные организации, машинные товарищества. Колхозы — к сожалению, наименее эффективные в производственном отношении сельские объединения — охватили 1,2% хозяйств и давали 1,04% валовой продукции.

Иностранное участие. Одна из принципиальных особенностей нэпа связана с допущением в ограниченных формах (главным образом, в форме концессий) иностранного капитала в народное хозяйство страны. Ряд предприятий был сдан в аренду иностранным фирмам в упомянутой форме концессий. Дореволюционный опыт привлечения частного капитала через концессии пригодился Советской России только на первых порах, когда задачи СССР были те же, что и у России в XIX веке, — быстрое создание собственной мощной индустрии. Иностранные предприниматели были заинтересованы в получении концессий не меньше большевиков.

Тем не менее концессии не получили сколько-нибудь заметного распространения: солидные иностранные предприниматели остерегались вкладывать свои капиталы в Советскую Россию. Наиболее крупные из концессий занимались добычей нефти и угля на Сахалине, марганца — в Грузии, золота, цветных металлов, асбеста — в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке, лесопереработкой — на Севере. Из концессионных заведений в промышленности выделялись лишь единичные — шведские фирмы “СКФ” (изготовление подшипников), “Газоаккумулятор”, “АСЕА” (электромеханическое оборудование), германская фирма “Крупп” (металлообработка), смешанное русско-американское акционерное общество “РАГаз” (газосварка).

В 1926—1927 гг. насчитывалось 117 действующих соглашений такого рода. Они охватывали предприятия, на которых работали 18 тыс. ч. и выпускалось чуть больше 1% промышленной продукции. Однако в некоторых отраслях удельный вес концессионных предприятий и смешанных акционерных обществ, в которых иностранцы владели частью пая, был значительным. Так, в добы-

че свинца и серебра доля таких предприятий составляла 60%, в добыче и переработке марганцевой руды — 85%, добыче золота — 30%, в производстве одежды и предметов туалета — 22%.

Помимо капиталов в СССР направлялся поток рабочих-иммигрантов со всего мира. Например, в 1922 г. американским профсоюзом швейников и Советским правительством была создана Русско-американская индустриальная корпорация (РАИК), которой были переданы шесть текстильных и швейных фабрик в Петрограде и четыре — в Москве, где работали американские рабочие.

Экономический механизм и государственное регулирование.

Экономический механизм в период нэпа представлял собой причудливое сочетание рыночных принципов и административного диктата. Товарно-денежные отношения, которые ранее пытались изгнать из производства и обмена, в 20-е годы стали проникать во все поры хозяйственного организма, стали главным связующим звеном между его отдельными частями.

Хозяйственные успехи нэпа были достигнуты на основе новых, не известных дотоле истории общественных отношений. В промышленности ключевые позиции занимали государственные тресты, в кредитно-финансовой сфере — государственные и кооперативные банки, в сельском хозяйстве — мелкие крестьянские хозяйства, охваченные простейшими видами кооперации.

Совершенно новыми оказались в условиях нэпа и экономические функции государства; коренным образом изменились цели, принципы и методы правительственной экономической политики. Если ранее центр прямо устанавливал в приказном порядке натуральные, технологические пропорции воспроизводства, то теперь, пытаясь косвенными, экономическими методами обеспечить сбалансированный рост, он перешел к регулированию цен.

Однако и здесь государство пыталось действовать административными инструментами. Правительство оказывало нажим на производителей, заставляя их изыскивать внутренние резервы увеличения прибыли, мобилизовать усилия на повышение эффективности производства, которое только и могло теперь обеспечить рост прибыли.

Широкая кампания по снижению цен была начата правительством еще в конце 1923 г. при попытке выхода из кризиса и

ликвидации “ценовых ножниц”, но действительно всеобъемлющее регулирование ценовых пропорций началось в 1924 г., когда обращение полностью перешло на устойчивую червонную валюту, а функции Комиссии внутренней торговли были переданы Наркомату внутренней торговли с широкими правами в сфере нормирования цен. Принятые тогда меры оказались успешными: оптовые цены на промышленные товары снизились с октября 1923 г. по май 1924 г. на 26% и продолжали снижаться далее.

Весь последующий период до конца нэпа вопрос о ценах продолжал оставаться стержнем государственной экономической политики. Повышение их трестами и синдикатами грозило повторением кризиса сбыта, тогда как их понижение сверх меры при существовании наряду с государственным частного сектора неизбежно вело к обогащению частника за счет государственной промышленности, к перекачке ресурсов государственных предприятий в частную промышленность и торговлю. Частный рынок, где цены не нормировались, а устанавливались в результате свободной игры спроса и предложения, служил чутким барометром, стрелка которого, как только государство допускало просчеты в политике ценообразования, сразу же указывала на это.

Но регулирование цен проводилось бюрократическим аппаратом, который, как и в любой административной системе, не нес прямой материальной ответственности за принимаемые решения и не мог в достаточной степени контролироваться непосредственными производителями. Поэтому принятый тогда механизм ценового регулирования со стороны государства не мог быть по-настоящему эффективным в рыночных условиях нэпа.

Большими трудностями и противоречиями сопровождалось развитие биржевой торговли. В обстановке всеобщего дефицита, когда покупатель бежит за продавцом, трудно говорить о реальной рыночной цене товара; торгующие сами по себе не нуждались в биржевом посредничестве и шли на биржу лишь понуждаемые государством. Но и в этих условиях спекуляция процветала: получили распространение “переодетые” биржевые сделки — государственные предприятия-монополисты, заключая непосредственно с покупателем спекулятивную торговую сделку, оформляли ее на бирже, так как регистрационный сбор в этом случае был гораздо ниже.

В неправомерно невыгодные условия были поставлены представители частного капитала — они были выделены в отдельные секции бирж. Тем самым рынок искусственно разделился на два биржевых торга со своими ценами — государственно-кооперативный и частный. Уже к концу 1923 г. котировальными комиссиями бирж фиксировались “двойные цены”. При этом официальный взгляд на государственные предприятия как на предприятия “последовательно социалистического типа” приводил к отрицанию понятия “прибыль”; государственным предприятиям — участникам биржевого торга не было интереса продавать свои товары в конкурентной борьбе, и они навязывали бирже свои “твердые”, а по существу монопольные, цены. Цена частного сектора в этих условиях воспринималась общественностью как спекулятивная. И это привело в дальнейшем к ликвидации бирж и преобразованию их в пункты оптовой торговли.

Глава 15

Конец нэпа

Усиление противоречий. Из многочисленных противоречий, которыми с самого начала был отмечен период нэпа и которые усиливались даже в пору его расцвета, можно выделить три основных.

Первое противоречие нэпа вызвано тем, что *в качестве главного приоритета текущей хозяйственной политики большевики неизменно рассматривали без всяких экономических оснований восстановление и интенсивное развитие крупной промышленности.* Она оценивалась, во-первых, как основная экономическая опора власти, своего рода социалистический оазис в бурной и малоуправляемой стихии мелкотоварного производства, преобладающего в народном хозяйстве; во-вторых, как становой хребет обороноспособности государства, находящегося отнюдь не в дружественном окружении.

Изыскивать ресурсы для развития тяжелой промышленности в условиях сплошной убыточности крупной государственной

промышленности, особенно ее индустриальных отраслей, можно было только за счет материальных средств, извлекаемых из деревни через налоги и искусственную ценовую политику.

Четко выраженный приоритет промышленности перед сельским хозяйством порождал *второе противоречие нэпа* — *неживалентный обмен между городом и деревней*. Оно перманентно грозило власти новыми конфликтами с крестьянством. Кризисы 1923, 1925 и 1927 гг. были вызваны именно им, и каждый такой кризис требовал от государства все больших уступок крестьянству.

Но всеми этими мерами не было устранено *третье из основных противоречий нэпа*, уже внутри села. Оно *порождалось классово ориентированной аграрной политикой советской власти*. В стремлении укрепить социалистическую опору в деревне советская власть поддерживала (отменой или снижением налогов, предоставлением льготных кредитов и т.п.) экономически немощные бедняцкие и середняцкие хозяйства (соответственно 34% и 62% всех крестьянских дворов) и сдерживала развитие крупных сельских производителей — кулаков (удельный вес последних не превышал 4% населения деревни).

Негативные экономические последствия “ограничения кулачества как класса” отягощались и регулярно проводимыми советской властью уравнительными переделами земли, и широко распространившейся практикой добровольного раздела кулаками своих хозяйств в стремлении выскользнуть из-под налогового пресса. Все это влекло за собой дробление крестьянских дворов (в 20-е годы его темпы вдвое превышали дореволюционные), падение их мощности и производительности труда работников. Слабеющие единоличные хозяйства не могли использовать сколь угодно сложную сельскохозяйственную технику (в 1926 г. 40% пахотных орудий составляли деревянные сохи), а треть их не имела даже лошадей — практически единственной тягловой силы в деревне. Не удивительно, что урожаи были самые низкие в Европе.

Прямым следствием аграрной политики большевиков стало снижение со второй половины 20-х годов товарности крестьянских хозяйств. Каждая новая закупочная кампания давала государству меньше, чем предыдущая. Деревня на глазах “архаизировалась”, возвращаясь к натуральному хозяйству. Снижалась и социальная мобильность ее населения. Если до войны около 10 млн.

крестьян ежегодно уходили на сезонные работы (нанимались батраками к крупным землевладельцам, рабочими на заводы и т.п.), то в 1927 г. число отходников не превышало 3 млн. Аграрное перенаселение в стране составляло тогда 20 млн. человек. Во многом это объяснялось замедлением темпов промышленного роста, что постоянно увеличивало армию безработных в городе (в 1924 г. — 1 млн., в основном сокращенных управленческих работников, в 1927 г. — уже около 2 млн. квалифицированных рабочих).

Принятое в конце 1925 г. XIV съездом партии решение об ускоренной индустриализации тем самым было решением о свертывании нэпа, хотя в то время об этом официально сказано не было. Ведь ускоренная индустриализация требовала изыскания дополнительных финансовых ресурсов, которые могли быть получены только путем административного, силового изъятия их у других секторов экономики и перераспределения между отраслями. Следовательно, свободные рыночные отношения должны быть заменены административным управлением всеми сферами народного хозяйства, а без свободы в экономических отношениях не может быть и демократических отношений в обществе.

Уже в конце 1927 г. хлебозаготовки проводились за счет “свертывания” нэпа в сфере оборота, применения методов военного коммунизма. А в 1928 г. Сталин говорил о грабеже села как норме экономической жизни. Он отмечал, что крестьянство, во-первых, платит государству не только обычные прямые и косвенные налоги, но еще и переплачивает, покупая по высоким ценам промышленные товары, а во-вторых, оно недополучает на ценах на свою сельскохозяйственную продукцию. Он называл это “добавочным налогом на крестьянство в интересах подъема индустрии”, данью, чем-то вроде сверхналога, которое государство вынуждено брать.

Свертывание финансово-денежной системы. В 1926 г. страна еще жила в условиях устоявшейся финансовой системы, где сумма денег соответствовала товарной массе и стоимости движимых и недвижимых ценностей. Но при ограниченных ресурсах страны единственный способ, который был в распоряжении тех, кто хотел форсировать построение социалистического “светлого будущего”, состоял в выдаче предприятиям ничем не обеспеченных

денег. Началась накачка деньгами заведомо убыточной государственной промышленности, в основном — военной.

В начале 1926 г. удалось сдержать начавшуюся было раскручиваться инфляцию. Госбанк и Наркомфин сумели ограничить кредитование промышленности и рост денежной массы в пределах 20,3% годовых. Хозяйство было спасено, однако смертельный удар по червонцу был нанесен.

С удалением Сокольников и Юровского из Госбанка и Наркомфина (первого за принадлежность к оппозиции, а второго — как “меньшевика от финансов”; в конце 30-х оба были расстреляны) ускорилась эмиссия, стоимость червонца стала падать, а золота для поддержания курса на валютных биржах не хватало. В этой ситуации оставались только два пути — девальвация червонца или отмена его конвертируемости и ликвидация финансовой системы с заменой ее административным перераспределением средств. Советское правительство пошло по второму пути, и в конце 1926 г. валютные биржи в СССР были закрыты, а обмен червонцев на золото на внешних рынках прекращен. С апреля 1927 г. началось печатание “пустых” денег и кредитование ими промышленности. Уже в мае денежная масса выросла на 10%, а в июле-сентябре — на 20%. Нормальная финансово-денежная система перестала функционировать.

Конец нэпа на селе. XV съезд партии (1927 г.) был посвящен социалистическому переустройству деревни. Предполагалось развитие общественных хозяйств — колхозов. Определенные предпосылки к этому создавались. Так, государство налаживало производство сельскохозяйственной техники, прежде всего тракторов (к 1928 г. в сельском хозяйстве работали 27 тыс. тракторов, из них 3 тыс. — отечественных). Развивалась система контрактации как формы натурального обмена между городом и селом, правда, цена одного трактора соответствовала в 1928 г. цене за 1600 т. зерна (в 1960 г. — 164 т., в 1980 г. — 82 т.). Начали создаваться мощные зерносовхозы и МТС. Однако все это было лишь в зародыше, и требовались годы для широкого развития базы обобществления. В условиях международной обстановки тех лет и борьбы за власть времени для создания общества “цивилизованных кооператоров” у государства не было. Большинство же сельчан в то время было против колхозов.

Вместе с тем XV съезд партии ознаменовал переход к плано-во-распределительной системе управления, приняв директивы пятилетнего плана развития народного хозяйства. В основу плана были заложены высокие темпы индустриализации, наступление на частнокапиталистические элементы города и деревни путем значительного повышения налоговых ставок, поощрительные меры в отношении беднейшего крестьянства и усиление кооперирования деревни.

В 1927 г. был получен хороший урожай, но из-за отсутствия товарообмена с городом крестьяне не продавали продукцию. Государство должно было изменять политику отношения к селу: либо вводить привлекательные для крестьян экономические условия заготовок, либо применять жесткие чрезвычайные меры для изъятия продуктов. Государство большевиков не могло пойти на смягчение экономических отношений города и села (ведь для объявленной ускоренной индустриализации необходимо было перекачивать средства из сельского хозяйства в промышленность), следовательно, оставался только путь репрессий.

Зимой 1927—1928 гг. не были собраны государственные поставки. Для изъятия сельскохозяйственной продукции “временно” были приняты крутые меры: на село посланы 30 тыс. коммунистов (“рабочие отряды”). Сделав свои выводы, государство начало свертывать потребкооперацию, продолжая создавать МТС и колхозы-гиганты.

По существу нэп на селе уже кончился, а коллективизация еще не началась.

В 1928 году крестьяне сократили посевы, многие кулацкие хозяйства “самоликвидировались”, и зимой 1928—1929 гг. разразилась катастрофа. Партия приняла решение о реквизициях на селе.

Перспективный план. Весной 1929 года после многих необоснованных переделок под давлением Сталина XVI партконференцией, а затем V Съездом Советов был принят *первый пятилетний план* развития народного хозяйства на 1928—1933 гг. Задачи плана — укрепить обороноспособность, добиться независимости экономики от импорта, полностью вытеснить частный капитал путем создания государственной крупной промышленности и коллективизации в сельском хозяйстве, начать хозяйственный и культурный подъем республик.

Стержнем плана служила, конечно, ускоренная индустриализация как основа материально-технической базы социализма — планировался рост промышленного производства на 135% за 5 лет. Если за восстановительное пятилетие 1923—28 гг. капитальные вложения в промышленность составили 4,4, в сельское хозяйство — 15 и в транспорт — 2,7 млрд. руб., то в пятилетие 1928—33 гг. соответственно — 16,4; 23,2 и 10 млрд. руб. Изменилась и структура капитальных вложений — 33% в промышленность против 47% в сельское хозяйство — в планируемой пятилетке по сравнению с 20% против 68% — в предыдущей.

Темпы роста народного хозяйства, заложенные в плане, были явно завышены, поэтому для его выполнения требовались напряжение всех сил страны, с одной стороны, и полная замена экономических отношений административными командами, с другой. Необходимо было построение централизованной системы управления хозяйством сверху донизу, опиравшейся на юрисдикцию “диктатуры пролетариата” и уничтожение “чуждых пролетариату элементов” в обществе. Эти переходные процессы, осуществлявшиеся в 1928—1931 гг., фактически завершились к 1932 году.

Чтобы не возникало сомнений в правильности цифр плана и отчетов о его выполнении, в 1929 г. было ликвидировано ЦСУ, а позже в 1933 г. постановлением Политбюро ВКП(б) было запрещено любым ведомствам публиковать какие-либо, кроме официальных изданий Госплана, сведения по итогам пятилеток.

Результаты нэпа. В целом нэповская экономика представляла собой сложную и неустойчивую рыночно-административную конструкцию. Причем введение в нее рыночных элементов имело для большевистского правительства вынужденный тактический характер, а сохранение административных — принципиальный и стратегический. Не отказываясь от конечной цели (создания нерыночной социалистической экономики), большевики прибегли к использованию товарно-денежных отношений при одновременном сохранении в руках государства “командных высот”: национализированных земли и недр, крупной и большей части средней промышленности, транспорта, банковской системы, монополии внешней торговли.

С точки зрения Ленина (хотя мысли Ленина этого периода отрывочны и хаотичны), существо нэповского маневра заключалось в подведении экономического фундамента под “союз рабочего класса и трудового крестьянства”, иначе говоря — предоставление известной свободы хозяйствования преобладавшей в стране многомиллионной массе мелких товаропроизводителей с тем, чтобы снять их острое недовольство властью и обеспечить политическую стабильность в обществе. Как не раз подчеркивал большевистский лидер, нэп являлся обходным, опосредованным путем к социализму, единственно возможным после провала попытки прямого и быстрого слома всех рыночных структур в период военного коммунизма.

Нэп сыграл свою решающую роль в восстановлении хозяйства после разрухи, вызванной революцией и Гражданской войной, в создании индустриальных основ народного хозяйства России и других республик СССР. В 1922—1927 гг., то есть за семь лет, производство валовой продукции промышленности выросло более чем в четыре раза, а сельского хозяйства — примерно в два раза. В промышленности прирост производства продукции шел невиданными темпами: 1921 г. — 42,1%, 1922 г. — 30,7%, 1923 г. — 52,9%, 1924 г. — 14,6%, 1925 г. — 66,1%, 1926 г. — 43,2%, 1927 г. — 14,2%. Подобные темпы, даже принимая во внимание восстановление после разрухи, были рекордными за всю историю страны и уже, видимо, никогда не повторятся.

Народное хозяйство развивалось не строго планомерно, хотя и сбалансированно с точки зрения равновесия всех секторов экономики. Но к концу активного развития нэпа (1926—1927 гг.) в силу различных экономических и, главным образом, политических действий советского правительства назревал кризис в промышленности и сельском хозяйстве, усиливались безработица и социальная напряженность в обществе.

Экономическая эффективность развития оставляла желать лучшего. В промышленности в 1928 г. создавалось прибыли на 20% меньше, чем до войны в царской России, на железнодорожном транспорте — в 4 раза меньше, в обеих отраслях вместе — в 2 раза меньше. Проблему накопления капиталов для индустриализации обостряло также то обстоятельство, что законодательно блокировался перелив внутренних частнокапиталистических

средств в крупную и среднюю промышленность: частный капитал сюда просто не пускали. Свободные частные средства уходили поэтому на рынок золотого червонца, и государству было все труднее удерживать искусственно заданный его уровень.

Безработица не сокращалась, достигнув 1,5 млн. ч. Реальная зарплата практически не росла. С осени 1928 г. в городах начали вводить карточки на хлеб.

Надо еще раз подчеркнуть, что нэп был свернут не только желанием Сталина и его ближайшего окружения. Новая (читай: рыночная) экономическая политика не успела проникнуть во все экономические отношения в хозяйстве страны, покончила далеко не со всеми учреждениями (даже экономическими, не говоря уже о политических) и традициями эпохи военного коммунизма. В стране существовали мощные административные и социальные силы, которые не только не были заинтересованы в продолжении и развитии нэпа, но были его активными противниками.

С нэпом в промышленность пришел хозрасчет, но он сочетался с сильным административным давлением; государство ограничивало действие рыночных отношений. Не была разработана, несмотря на большую пропаганду, система внутризаводского хозрасчета — его заменяла традиционная система норм, тарифов, расценок, связывавшая заработок не с конечными результатами труда, а с распоряжениями администрации.

Нэп требовал компетентного использования хозяйственных рычагов, а в управленческом аппарате (чем выше, тем больше) доминировали кадры, привыкшие и умеющие действовать только административными способами, приказным порядком.

В сохранении нэпа не были заинтересованы и те 30-35% крестьян, которые были освобождены от налога и непосредственно от государства получали разного рода льготы и гарантии. Сохранился в деревне и административно-командный стиль управления. Сельсоветы и волисполкомы свою основную задачу видели в сборе сельскохозяйственного налога и выполнении различных распоряжений вышестоящих органов, стремясь контролировать всю деревенскую жизнь, но нисколько не заботясь о помощи крестьянам в подъеме хозяйства, организации хозяйственного и культурного строительства.

С ликвидацией нэпа и переходом к административному управлению было покончено с безработицей, с 1929 года был введен семичасовой рабочий день, а затем пятидневная неделя. В эти годы были заложены организационно-экономические основы материально-технической базы социализма — ликвидирована многоукладность в народном хозяйстве, началась коллективизация в сельском хозяйстве, выравнивание производственного развития территорий. Появились новые отрасли производства, необходимые для усиления обороны страны.

В свою очередь ликвидация нэпа (частной собственности и рыночных отношений), усиление административного управления привели к развалу финансово-экономической системы; исчезли оценки и стимулы экономической эффективности функционирования хозяйства, возникла экономическая разбалансированность между секторами экономики, что привело к замедлению темпов индустриализации, отставанию (практически развалу) сельского хозяйства, снижению обеспеченности населения продуктами и товарами народного потребления, появлению отрицательных экономических (рост незавершенного строительства, снижение общественной производительности труда) и социальных (разобщение города и села) явлений.

Рекомендуемая литература

1. *Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П.* История России. XX век. М., 1996.
2. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. История Советского Союза от 1917 г. до наших дней. Кн. 1. М., 1995.
3. *Канторович В.Я.* Советские синдикаты. М., 1927.
4. *Ленин В.И.* Письмо Г.Я. Сокольникову. ПСС, т. 54.
5. *Мау В.А.* Реформы и догмы. 1914—1929. М., 1993.
6. *Сарабьянов В.Н.* Основные проблемы НЭПа. М.-Л., 1926.
7. *Сокольников Г.Я.* Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1995.
8. *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти. 1917—1927. М., 1996.

Часть 5

Период индустриализации

(1929—1941 гг.)

К концу 20-х годов советская экономика фактически достигла предреволюционного уровня, а в некоторых направлениях и превзошла его. Но в сопоставлении с передовыми западными странами, ушедшими с того времени далеко вперед, Россия существенно отставала от мирового развития. Попытки догнать его, оставаясь субъектом мировой политики, диктовали стратегию форсированной индустриализации. Суть ее была изложена Сталиным на пленуме ЦК ВКП(б) в конце 1928 г., и с учетом последующих уточнений можно сформулировать ее основные черты:

1) сконцентрировать максимально возможные материальные, финансовые и людские ресурсы на нескольких ключевых участках, которые должны были служить на последующих этапах опорной площадкой для технической реконструкции сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, транспорта и других отраслей;

2) широко использовать достижения мировой науки и техники, чтобы выиграть время. При этом импорт машин и оборудования служил для развертывания собственной машиностроительной базы мирового уровня с тем, чтобы в последующем осуществить техническую реконструкцию других отраслей за счет отечественного производства средств производства;

3) быстро распространять передовой опыт и лучшие достижения в области технологии и организации труда при помощи директивного планирования.

Начало индустриализации было положено еще в период нэпа. Именно тогда были заложены гигантские стройки флагманов российской промышленности, во многом определявшие ее лицо в последующие десятилетия. Однако тогда же стало ясно, что ускоренный рост отраслей промышленности, ориентированных на усиление обороноспособности страны, а не на производство продукции народного потребления, в условиях отсутствия достаточных финансовых ресурсов и развитых экономических связей с внешним миром мог быть реализован лишь в системе неэкономического, административного управления хозяйством.

Надо было сломать рыночный, экономический механизм нэпа и создать вместо него административную систему управления. Поскольку подобная система создавалась впервые в мире, ее строительство шло методом проб и ошибок и заняло несколько лет. Но уже к 1932 году необходимая система централизованного административно-планового управления была создана и позволила стране обеспечить независимое развитие хозяйства на индустриальной базе и создать к концу тридцатых годов производственную и военную машину — одну из самых мощных в мире.

Глава 16

“Великий перелом” в деревне

(1929—1933 гг.)

Коллективизация и раскулачивание. В 1928 г. был получен неплохой урожай, в 1929 г. — очень хороший. Но посевы сильно сократились, и заготовка хлеба усложнилась. Товарное зерно могли дать только крепкие, в основном кулацкие хозяйства. К тому же действовавшая промышленность была не в состоянии обеспечить запросы сельского хозяйства. В этой ситуации у государства было три варианта действий. Один — признать предыдущие ошибки и пойти на уступки зажиточному крестьянству, но уступки теперь нужны были большие, а это противоречило “антикулацкой” линии советской власти. Другой — закупки продуктов за рубежом, но это сокращало бы возможности индустриализации. И третий вариант — форсирование кооперации в деревне (не останавливаясь перед необходимостью репрессивного нажима) и создание мощного колхозного сектора. Правительство, конечно, избрало третий путь.

С июня 1929 г. была узаконена обязательность продажи государству “хлебных излишков” зажиточными крестьянами: начался “*великий перелом*”. Осенью 1929 г. проводилась еще более жесткая, чем в предыдущие годы, реквизиция. У “кулаков” было экспроприровано 3,5 млн. т зерна, вопреки данным ранее гарантиям свободной продажи. В соответствии с решениями пар-

тии частная собственность подлежала искоренению и главным на селе должно было стать общественное хозяйство, в основном колхозы, которые должны были ориентироваться на производство товарной продукции и командовать которыми государству было легче, чем миллионами частников.

Была объявлена *массовая коллективизация*. 5 января 1930 г. был принят график ее проведения, в соответствии с которым в основных зерновых районах (Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье) сплошная коллективизация должна была быть завершена уже к осени 1930 г., а в остальных зерновых районах — к концу 1931 г. В незерновых районах создавались артели — также с обобществлением земли, скота и сельскохозяйственной техники. Для организации колхозов партия направила из города 25 тыс. кадровых рабочих в качестве председателей колхозов (“двадцатипятидесятники”, в большинстве репрессированные в 1932 г.).

В последнем квартале 1929 г. в колхозы вошли 2,4 млн. хозяйств — вдвое больше, чем за все 12 предшествовавших лет. К концу пятилетки было создано 211,5 тыс. крупных колхозов.

Процесс коллективизации сопровождался *раскулачиванием*. 27 декабря 1929 г. провозглашена ликвидация кулачества как класса. В соответствующем постановлении ЦК ВКП(б) предлагалось в районах сплошной коллективизации отменить аренду земли и запретить применение наемного труда, конфисковывать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке сельхозпродукции и семенные запасы. Средства производства и имущество должны передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взноса за бедняков и батраков, за исключением той части, которая шла в погашение долгов кулацких хозяйств государству и кооперации; конфискованные жилые постройки должны передаваться на общественные нужды сельсоветов и колхозов.

Государство создало экономические (сосредоточение производства сельскохозяйственной продукции в социалистическом секторе — колхозах и совхозах), политические (изоляция кулаков как носителей враждебного сельским пролетариям буржуазного начала) и организационные (передача административной власти в деревне местным исполкомам из состава бывших комитетов бедноты) предпосылки раскулачивания. В результате раскулачи-

вание проводилось государством при полной поддержке неимущего и малоимущего крестьянства.

Были выделены три категории кулаков. Представители первой (63 тыс. хозяйств) — те, кто “занимался контрреволюционной деятельностью” — подлежали расстрелу, а их семьи — высылке с конфискацией имущества. Кулаки, отнесенные ко второй категории (150 тыс. хозяйств), которые “не оказывали активного сопротивления советской власти, но являлись эксплуататорами” — подлежали аресту и выселению в отдаленные районы Сибири и Казахстана, их имущество также конфисковывалось. Отнесенные к третьей категории — “лояльные к советской власти” — переселялись из районов коллективизации на необработанные земли в пределах той же области, как правило, на неудобья и в болота. Списки кулаков первой категории готовились ОГПУ, второй и третьей — местными властями. Окончательное решение принимали “тройки” — представители партии, исполкома и ОГПУ.

Только в отдаленные районы страны по официальной статистике было выселено на спецпоселение 391026 семей (свыше 1,8 млн. ч.). По неофициальным же данным было выселено не менее миллиона семей (около 5 млн. ч.). Одновременно пострадали 80—90% середняков как “подкулачники”.

Раскулачивание привело в конечном итоге к дезорганизации села, массовому забою скота, растаскиванию посевного материала. Тем не менее в 1932 г. колхозы и совхозы дали 84% государственных закупок зерна. Это позволило увеличить заготовки хлеба с 10,8 млн. т в 1928 г. до 18,8 млн. т в 1932 г.

Развал сельского хозяйства. Государство принимало меры по укреплению государственных хозяйств и колхозов. В 1928/1929 хозяйственном году бюджет выделил сельскому хозяйству 1,3 млрд. руб. (в предыдущем году — 714 млн. руб.). В село была направлена техника: с 1926 по 1929 гг. — 5 тыс. тракторов, в основном в совхозы.

В 1931 г. в колхозах введен *трудодень* как условная единица соизмерения затрат труда отдельных членов колхоза и определения их доли в конечных результатах деятельности хозяйства. Трудодень соответствовал единице простого неквалифицированного

труда, затраченного в течение дня. В соответствии с общей суммой заработанных в течение года трудодней каждый получал в конце года *натуроплату* от колхоза (денежная форма оплаты труда в колхозах была запрещена). Поскольку аграрный сектор рассматривался лишь как сфера, откуда можно и нужно изымать максимум средств для финансирования индустриализации, из колхозов забиралось все, и выплата колхозникам по трудодням была чисто символической; существовали они за счет приусадебных участков.

В 1932 г. принят Примерный устав сельскохозяйственной артели. Артели составляли в то время 95% всех колхозов, хотя наряду с ними существовали и коммуны и ТОЗы. Создавались и постоянные производственные бригады, за которыми закреплялись основные фонды.

Возросли масштабы технической реконструкции сельского хозяйства. Начали создаваться *машино-тракторные станции* (МТС), концентрировавшие у себя всю сельскохозяйственную технику. За 1931 г. было создано 1040 МТС. За 1928—1932 гг. сельскому хозяйству было поставлено 100,5 тыс. тракторов, множество других машин. Совхозы занимали в 1932 г. 10% всей посевной площади и содержали 51,5 тыс. тракторов.

Государство оказывало колхозам большую поддержку, им предоставлялись существенные налоговые льготы. Зато для единоличников были увеличены ставки сельскохозяйственного налога, введены взимаемые только с них единовременные налоги.

2 марта 1930 г. опубликована статья Сталина “Головокружение от успехов” о перегибах в коллективизации, после чего две трети крестьян тотчас вышли из колхозов. Однако это было временное отступление государства: планы коллективизации продолжали действовать, частные хозяйства по-прежнему продолжали давать налогами и ограничениями.

В 1930 г. был получен великолепный урожай — 83,5 млн. т (120% от урожая 1929 г.). Заготовлено (правда, в условиях массовых реквизиций) 22 млн. т зерна — вдвое больше, чем в любом из предыдущих лет нэпа.

Зерно предназначалось для экспорта в Германию: в соответствии с Рапальским договором 1922 г. СССР должен был поставлять в Германию сельскохозяйственную продукцию — зерно и

технические культуры — в обмен на техническую и военную помощь. В апреле 1931 г. был подписан новый советско-германский торговый договор, в соответствии с которым:

— Россия должна была поставлять сельскохозяйственные продукты и золото, которого с этого момента стали добывать непомерно много, отправляя на Север и Колыму кулаков;

— Германия должна была поставлять машины (с 1931 по 1936 гг. половина всей ввозимой техники шла из Германии).

На закупку же оборудования в других странах использовалась валюта, выручаемая от продажи за рубеж все того же зерна. Потребность в оборудовании росла в связи с возросшими темпами индустриализации. Росла и потребность в товарной сельскохозяйственной продукции. Между тем в мировой экономике разразился кризис, цены на зерно резко упали. Однако сталинское руководство и не думало пересматривать установку на непосильный для страны индустриальный скачок. Вывоз хлеба за границу все возрастал.

Посевные площади расширились в 1928—1932 гг. с 113 до 134,4 млн. га (на 19%), но валовой сбор снизился. Причины — часто практикуемый повторный сев по предшественнику, сокращение поголовья скота (недостаточность органических удобрений), социально-экономические причины (раскулачивание и реквизирование, отсутствие стимулов), слабая агротехника и организация работ.

К концу 1931 г. снизилось поступление зерна: в восточных зерновых районах был неурожай. У многих крестьян изымался весь хлеб, включая посевной материал. На Украине несмотря на посредственный урожай (69 млн.т) изъяли 22,8 млн.т. Насильственное изъятие зерна (до 80%), включая и семенной материал, полностью расстроило сельскохозяйственный цикл (при нэпе из всего урожая изымалось 15—20%, 12—15% шло на семена, 25—30% — на корм скоту, 30% — на собственное потребление). Назрела **кризисная продовольственная ситуация**.

Заготовки 1932 г. шли очень тяжело. Для их ускорения 7 августа 1932 года был издан Закон “Об охране социалистической собственности”, вводивший за хищение колхозной и кооперативной собственности расстрел с конфискацией имущества, который при смягчающих обстоятельствах мог быть заменен лише-

нием свободы на срок не менее 10 лет. Начались многотысячные аресты “за колоски” (“подрыв советской власти” — 58 статья УК).

В результате полного изъятия зерна зимой 1932—1933 г. разразился страшный голод, охвативший наиболее урожайные, питавшие экспорт зерновые районы — Украину и Кубань, от которого погибло от 4 до 5 млн. ч. В отличие от 1921 г. голод замалчивался не только за рубежом, но и внутри страны, что не позволяло привлечь помощь из других районов страны и из-за рубежа: воинские подразделения следили за тем, чтобы никто не уходил из сел и информация о голоде не распространялась. Но даже во время голода правительство продолжало отправлять хлеб за границу. По официальным данным, в 1932 г. в Западную Европу было вывезено около 1,8 млн. т зерна, в 1933 г. — около миллиона.

Катастрофически сократилось в этот период поголовье скота: лошадей — с 33,5 до 19,6 млн. голов, коров — с 30,7 до 21 млн., свиней — с 26 до 11,6 млн. голов. Массовое сокращение поголовья прекратилось только в 1934 году.

После этой катастрофы была пересмотрена организация заготовок (но не принципы): созданы Комитет по заготовкам (Комзаг) и политотделы на селе. С января 1933 г. законом “Об обязательных поставках зерна” система *контрактации* (выдачи крестьянам семенной и денежной ссуды при условии сдачи ими государству продукции по фиксированным ценам) была повсеместно заменена системой *твердых обязательств* сдачи зерна государству по государственным ценам; в случае невыполнения заданий накладывались штрафные санкции. Год спустя другой закон — “О закупках хлеба потребительской кооперацией” — предлагал крестьянам оставшееся после обязательных заготовок государства продавать кооперативам. Одновременно в этом законе был и “пряник” для крестьянства: хозяйства, продавшие хлеб кооперативам по закупочным ценам, получали право на приобретение дефицитных промтоваров на сумму, втрое превышающую стоимость проданного хлеба, а дефицитным в то время было все.

Оставшимся 5 миллионам частников в 1934 г. на 50% увеличили нормы обязательных поставок, увеличили ставки налога и ввели единовременный налог, что в сумме превышало уровень их платежеспособности — все они были вынуждены вступать в кол-

хозы или уходить из деревни на стройки индустрии. Таким образом была завершена коллективизация. Последние единоличные хозяйства исчезли к 1937 г.

Весь колхозный урожай забирало государство, и колхозникам часто ничего не доставалось. Но работа в колхозе давала право на небольшой — до 0,5 га — приусадебный участок. Вечером, после рабочего дня в колхозе крестьянин шел обрабатывать свой огород, который его кормил. Но приусадебное хозяйство было жестоко обложено налогами. Каждый двор сдавал обязательные поставки молока, яиц, мяса, шерсти, кож, не считая еще и денежного налога. Налог, например, на фруктовые деревья был столь велик, что многие вырубали свои сады.

Тем не менее приусадебный участок позволял крестьянину существовать. Но если колхозник не вырабатывал за год положенного количества трудодней в колхозе, он исключался из колхоза и терял право на приусадебный участок. Позднее наказание за это усилилось до ссылки на 5 лет с семьей в “отдаленные места Советского Союза”.

Таким образом, за 5 лет (1929—1934 гг.) путем репрессий было развалено сельское хозяйство: валовой сбор зерновых составлял в лучшем случае 85% от уровня 1928 г., количество скота — 60%. В законодательном порядке 35 млн. жителей деревень были лишены возможности покинуть деревню и принуждены трудиться в “общественном” хозяйстве. Крестьяне-колхозники стали людьми второго сорта. На селе воцарился полицейско-бюрократический режим.

Глава 17

Индустриализация

Первая пятилетка. С началом индустриализации возникла проблема планирования пропорций развития хозяйства. В период восстановления народного хозяйства методы разработки планов были относительно просты, так как речь шла о постепенной загрузке ранее имевшихся мощностей. Для обоснования плановых заданий применялись простые инженерные расчеты, для вы-

явления тенденций — методы экстраполяции в сочетании с экспертными оценками. При переходе к форсированной индустриализации методы экстраполяции и ориентация на довоенные пропорции перестали “работать”. Индустриализация и предполагала в первую очередь изменение структуры хозяйства, ориентацию на совершенно иные пропорции. В плане к тому же надо было учитывать осуществление долготлетних строительных и модернизационных программ, а также увязывать отраслевые инвестиционные и производственные планы. Все это следовало планировать в условиях ориентации на динамичные темпы развития экономики при крайне ограниченных финансовых и материальных ресурсах.

К 1928 г. Госпланом под руководством Г.М. Кржижановского был разработан проект пятилетнего плана, ориентированного на весьма высокие темпы развития хозяйства — 15-25% в год — при сбалансированном обмене между городом и селом. Такие темпы развития не устраивали партию. Под руководством В.В. Куйбышева, сменившего Кржижановского во главе Госплана, при поддержке В.М. Молотова, Я.Э. Рудзутака, К.В. Ворошилова был разработан другой вариант плана, с гораздо более высокими темпами роста — 135%; он и был принят после корректировки Сталиным в сторону еще большего увеличения темпов. Окончательный вариант предусматривал рост промышленного производства на 136%, производительности труда на 110%, снижение себестоимости на 35%.

Гигантские стройки, начатые еще в период нэпа в 1927—1928 гг. (ДнепрогЭС, Турксиб, Сталинградский тракторный завод и др.) планировалось завершить к 1930 г. Всего предполагалось строительство более 1200 заводов. Тяжелая промышленность занимала 78% всех капиталовложений в народное хозяйство, их суммарный объем с 8,4% должен был возрасти до 16,2% валового национального продукта.

Первая пятилетка началась успешно: в 1928—1929 гг. промышленный рост составил 23,7% вместо 21,4% по плану. Под влиянием первых успехов уже с мая 1929 г. начался пересмотр плановых заданий, сначала — по цветным металлам, стали, химии, хлопку. В начале 1930 г. и этот план был пересмотрен, причем очень существенно, в сторону увеличения:

- добыча угля — 120-150 млн. т вместо 75 млн. т по первоначальному плану;
- производство чугуна — 17-20 млн. т вместо 10 млн. т;
- добыча нефти — 45-46 млн. т вместо 22 млн. т;
- производство тракторов — 450 тыс. шт. вместо 53 тыс. шт. и т. д.

В июне-июле 1930 г. съезд ВКП(б) принял решение о выполнении пятилетки в четыре года. “Плановый утопизм” отрицательно сказался на экономическом развитии. Правда, намного возросли капиталовложения в промышленность, однако денежный рост не был подкреплён материальными ресурсами. В результате уже к осени 1930 г. экономика вступила в “*мини-кризис*”: уменьшилось валовое производство тяжелой промышленности, сократилось число занятых на стройках, упала производительность труда. На 1 июня 1931 г. было прекращено ассигнование 613 из 1659 основных строившихся объектов тяжелой индустрии.

В последующие три года (1931—1933 гг.) кризис продолжался. Не выполнялись в срок крупные промышленные проекты, снижались темпы производства. Все сильнее становилось давление инфляции, росли цены на свободном рынке. Резко возросла к 1932 г. себестоимость промышленного производства и строительства.

Летом 1931 г., столкнувшись с трудностями по обеспечению строек рабочей силой, ВСНХ впервые в широких масштабах применил принудительный труд: на строительство Кузнецка было направлено несколько тысяч высланных кулаков и их семей. В дальнейшем принудительный труд стал применяться на многих стройках индустрии.

Ситуацию в экономике обострили продовольственный кризис и кризис торговли с зарубежными странами. В годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. цены на сельскохозяйственную продукцию падали быстрее, чем на промышленные изделия, поэтому, хотя экспорт зерна в 1930—1931 гг. вырос, он не мог покрыть стоимость запланированного импорта: внешняя задолженность за 1931 г. почти удвоилась. К тому же попытка бывших царских генералов при поддержке японских войск создать “независимое” буферное государство в Сибири в 1931 г. вызвала наращивание военного производства, что также усилило напряженность в народном хозяйстве.

Стремительный рост бюджетного дефицита, падение темпов промышленного роста, длительные задержки в выплате зарплаты, жесточайший кризис в сельском хозяйстве в конечном итоге привели к “отрезвлению” высшего партийно-хозяйственного руководства: летом 1932 г. начались перемены в экономической политике. Прежде всего были сокращены капиталовложения (на 10—13% в разных отраслях). Госплан наряду с высокими темпами развития стал добиваться в планах сбалансирования ресурсов. Начала восстанавливаться роль Наркомфина в сбалансировании бюджета и стабилизации денежного обращения. Планы стали много реалистичней. Хозрасчет в условиях введенного всеобщего финансового контроля вновь стал на некоторое время одним из главных факторов государственного сектора экономики. Но, к сожалению, не надолго; уже в 1935 г. капиталовложения снова стали расти сверх всякой меры.

Смена экономического механизма. Несмотря на рост эффективности, частный сектор с началом индустриализации стал искусственно вытесняться из всех отраслей советской экономики. В результате государственный сектор охватил практически 100% всех средств производства и рабочей силы. Это позволило государству свободно манипулировать всеми производственными ресурсами.

При колоссальных объемах нового строительства капитальные вложения должны были расти вдвое каждый год. Уже к 1930 г. 40% капитальных вложений были заняты в незавершенном строительстве; ресурсов стало не хватать. Появилось административное их распределение, которое сначала в виде исключения, потом, по мере нехватки, очень быстро распространилось на все.

В связи с переходом к *директивному централизованному планированию* перестраивалась вся система управления народным хозяйством. На базе государственных синдикатов, которые фактически монополизировали снабжение и сбыт, создавались производственные объединения, весьма смахивающие на главки первых послереволюционных лет и положившие начало “ведомственной экономике”. На рубеже 1930—1932 гг. совнархозы были преобразованы в *наркоматы*: к концу 30-х функционировал уже 21 промышленный наркомат. Промышленность оказалась поделенной между отраслевыми сверхмонополиями. Их произ-

водственные программы состыковывались методами директивного планирования.

Управление производством строилось путем прямого централизованного регламентирования сверху всего и вся вплоть до норм оплаты труда рабочих. Предприятия потеряли свободу хозяйствования. В распоряжение центральных органов стала отчуждаться практически вся продукция и подавляющая часть доходов. В 1930 г., например, в госбюджет отчуждался 81% прибыли предприятий, а в 1932 г. — уже вся плановая прибыль и большая часть сверхплановой. Предприятия в сущности бесплатно получали соответствующие фонды сырья и материалов по карточно-нарядной системе. Так же происходило и распределение готовой продукции.

Таким образом, вместо торговли и финансовой системы очень скоро была создана система *материально-технического снабжения*, ставшая инфраструктурной основой советского народного хозяйства на долгие шестьдесят лет, вплоть до начала 1990-х годов.

В газетах создавался миф о безденежной социалистической экономике, где непосредственный обмен заменит торговлю. В 1932 г. XVII партконференция осудила хозрасчет как пережиток капитализма. *Экономическая ответственность предприятий была заменена административно-партийной, а финансово-экономические отношения предприятий — фондовым распределением.* Тем самым рыночные отношения не только были отменены, но всякое упоминание о них каралось.

Смена экономического механизма потребовала отстранения старых кадров; многие из них были объявлены “врагами советской власти” и лишены гражданских прав. По стране прокатилась волна судов над технической и экономической интеллигенцией (1928—1929 гг. и 1932—1933 гг.). Одновременно шло создание новой “красной” технической интеллигенции.

Стимулы и антистимулы; социалистическое соревнование. По мере свертывания нэпа развивалась уравниловка, исчезали нормальные стимулы к производительному труду, причем и в городе, и на селе. Повсеместно создавались колхозы-гиганты, коммуны на заводах, доходы распределялись поровну между работниками.

Отсутствие экономической заинтересованности требовало создания новых стимулов к эффективному труду. Появились раз-

личные формы соревнования, положительные результаты которого всячески поощрялись (денежные и материальные премии, пропаганда в средствах массовой информации). Широкое распространение получили такие формы соревнования, как ударничество — от индивидуального к бригадному, далее к сквозным бригадам, к предприятиям-ударникам внутри отрасли, во всей стране; “непрерывка”, “догнать и перегнать” капиталистические страны по объемам производства и производительности труда.

Появилось новое движение — *“встречное планирование”*, когда рабочие заранее брали на себя обязательства перевыполнить и без того напряженные планы; при этом вскрывались внутренние резервы, развивалась рационализация, должна была расти производительность труда. К соревнованию привлекались остатки хозрасчетных отношений (в 1929—1931 гг. хозрасчет еще не был строго запрещен): создавались хозрасчетные бригады, заключались договора администрации предприятий с бригадами по встречным обязательствам. Однако эта форма просуществовала недолго.

Вопреки всем лозунгам и призывам производительность труда в 1928—1930 гг. снизилась на 28%. Правительство, как и в других случаях, отреагировало наиболее доступным для него способом — усилением репрессий против народа. С 1932 г. введены *внутренние паспорта*, куда вписывалось место работы; была введена также система *пропуски* (практически действующая и поныне).

С 15 ноября 1932 г. неявка на работу без уважительной причины влекла за собой немедленное увольнение, лишение продовольственных карточек и выселение из квартиры (почти вся жилплощадь в городах была государственной).

Завершение первой пятилетки. В начале 30-х годов вводятся в строй Сталинградский (150 тыс. тракторов ежегодно) и Харьковский тракторные заводы, Горьковский и Московский автомобильные, Свердловский “Уралмаш”, Ростовский-на-Дону завод сельскохозяйственного машиностроения. Пушены первая очередь Урало-Кузнецкого комбината, ДнепрогЭС и сопутствующие ему производства. Создавались целиком новые отрасли промышленности — тракторостроение, автомобилестроение, химическая промышленность, станкостроение, производство самолетов и моторов к ним, отрасли оборонного комплекса.

В марте 1933 г. было заявлено, что пятилетний план выполнен досрочно за четыре года и три месяца. При этом Сталин оперировал цифрами плана 1928 г., а не пересмотренными и утвержденными в 1930 г. или, еще менее выполнимыми, цифрами отдельных годовых планов.

Каковы же общие результаты пятилетки?

Рост производства тяжелой промышленности, добычи сырья и топлива был большим, хотя и не достигал плана: по углю — 64,4 млн. т (вместо 75), по чугуну — 6,2 млн. т (вместо 10), по электроэнергии — 13,5 млрд. кВт.ч (вместо 22) и т.д. Полученные результаты были ближе к тем первым наметкам плана, которые были подготовлены под руководством изгнанного из Госплана Г.М. Кржижановского, чем к окончательно утвержденным плановым заданиям, и уж тем более далеки от цифр пересмотренного в 1930 г. плана (например, по электроэнергии — выполнение, по отчету Сталина, — 13,5 млрд. кВт., по последовательному нарастающим планам — 12-22-35 млрд. кВт.).

Огромные капиталовложения были направлены в промышленность, правда, в ущерб уровню жизни; капиталовложения в социальную и культурную сферы игнорировались. Производство товаров народного потребления составило не более 70% от предусмотренного планом.

Огромная инфляция — до 300% в розничных ценах на промышленные товары — привела к снижению на 40% покупательной способности трудящихся (главным образом крестьян и рабочих, т.к. для руководства и ИТР создавались *специальные льготы распределители*).

Но самая главная проблема — отсутствие роста производительности общественного труда. Производительность труда фактически снизилась на 8% за пятилетие (вместо планировавшихся 110% роста).

Одним словом, в целом наблюдается в этот период типично экстенсивное развитие хозяйства в условиях *кризиса перенакопления*.

С другой стороны одновременно с этим в результате структурной перестройки производства сократилась зависимость от импорта — удельный вес импорта промышленного оборудования снизился за 1928—1931 гг. с 32,5% до 17,8% (в 1913 г. импорт составлял около 64%).

По всем историческим меркам это был блестящий результат. Капиталистическая индустриализация ни в одной стране мира не показывала подобных темпов несмотря на то, что развитие промышленности во всех крупных капиталистических странах опиралось на внешние источники финансирования (грабеж колоний, займы, контрибуции) и происходило в благоприятных внешнеполитических условиях. Достижения Страны Советов производили особенно ошеломляющее впечатление на фоне “Великой депрессии” во всем остальном мире.

В то же время в промышленность группы Б вкладывалось меньше средств, чем намечалось. Среднегодовой темп прироста первого подразделения составлял 28,5%, второго лишь 11,7%. Заметным стал рост незавершенного строительства.

Индустриальное развитие значительно изменило географию промышленности. Началось создание производства на окраинах страны и новых производств в освоенных ранее районах — машиностроение на Украине, машиностроение и химия в Белоруссии, нефтепереработка в Азербайджане, цветная металлургия в Грузии, Армении и Казахстане, хлопчатобумажное производство в Ашхабаде и Фергане, сельскохозяйственное машиностроение в Ташкенте.

Пространственное размещение производства, создание гигантских территориально разобщенных комбинатов требовали развития транспорта. За эти годы проложено 5,3 тыс. км новых железных дорог (более половины из них — на востоке страны), 12,8 тыс. км автомобильных дорог с твердым покрытием.

С переходом к индустриализации частный капитал был вытеснен не только из промышленности, но и из торговли. В 1926/27 хозяйственном году частник занимал 4,6% опта, в 1929/30 г. его доля снизилась до 0,6%, а к 1931 г. частник полностью исчез даже в розничной торговле. (Напомним, что с 1929 г. в стране была введена карточная система, просуществовавшая до 1934 г.). Таким образом, оптовая торговля была заменена фондовым, а розничная — карточным распределением. В обоих случаях вводилось строгое прикрепление потребителя к поставщику, что исключало выбор и возможность воздействия на производителя с целью повышения качества продукции.

Вторая пятилетка (1933—1937 гг.). По мере завершения первой пятилетки все более остро вставал вопрос о дальнейшем развитии. Основная политическая задача второй пятилетки — окончательная ликвидация капиталистических элементов, ликвидация причин, вызывающих классовые различия и эксплуатацию. Экономическая задача — завершение реконструкции народного хозяйства, создание новой технической базы для всех отраслей экономики, завершение коллективизации и механизация сельского хозяйства. Рычаг — растущие капиталовложения, особенно в группу А.

Предложения Сталина к плану второй пятилетки, предполагавшие 19%-й ежегодный прирост, не прошли на XVII съезде ВКП(б). Был избран более умеренный вариант, хотя и он был чрезвычайно напряженным (16%-й прирост). Выполнение такой программы требовало усиления административной вертикали. Принята трехзвенная управленческая система в промышленности: все управленческие отрасли сосредотачивались в наркомате, непосредственное управление — в главке, которому предоставлялись хозяйственные права. Предприятие обязано лишь исполнять предписания сверху.

Положение в промышленности ухудшалось, и на первый план в отсутствие стимулов выдвигались различные способы искусственной мобилизации масс. Летом 1935 г. возникло *стахановское движение* в угледобыче (Стаханов, Изотов), в производстве обуви (Сметанина), в автомобилестроении (Бусыгин). Движение быстро приобрело характер рекордомании, выбивавшей производство из ритма, нарушавшей технологию. Сопутствующее движению увеличение норм выработки вызывало недовольство рабочих масс.

Одновременно развергивались волны репрессий (московские процессы — август 1936 г., январь 1937 г., март 1938 г.), представлявшие как борьба с саботажем в народном хозяйстве и армии.

Во второй половине 1937 г. стал явным кризис в экономике — *кризис перенакопления* с сопутствующими ему последствиями — ростом незавершенного строительства, падением уровня жизни, производительности труда, переизбытком рабочей силы. Предлагалась серия антикризисных мер, несогласованных и противоречивых: председатель Госплана Н.А. Вознесенский (из молодых технократов) предлагал пересмотреть систему статистики, децентрализовать управление народным хозяйством (в виде экс-

перимента, например, наркомат тяжелой промышленности был разделен на 17 самостоятельных наркоматов). Однако руководство страны остановило эти реформы.

В период второй пятилетки были достигнуты высокие результаты в ряде отраслей: производство стали, например, выросло с 5,9 млн.т. до 15,7 млн.т.; электроэнергии — с 14 до 36 млрд. кВт.ч. Созданы новые производства — специальных сплавов, синтетического каучука и др. Темпы прироста промышленности за пятилетие составили от 40% до 85% (по разным отраслям). Производительность труда выросла за тот же период на 64%, главным образом в результате давления со стороны системы управления и профсоюзов.

Безусловный рост промышленного производства в СССР происходил на фоне последствий мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. По общему объему промышленного производства СССР вышел на второе место в мире и первое в Европе.

В соответствии с развитием промышленности необходимо было реконструировать и транспорт — пути и подвижной состав. В целях централизации управления вместо межведомственного согласования транспортных вопросов с 1934 г. в НКПС была введена армейская система.

Гораздо скромнее были в то время успехи сельского хозяйства. Колхозы (243 тыс.) и совхозы (4 тыс.) к середине 30-х годов объединяли 93% всех крестьянских дворов, 99% посевных площадей, давали 98,6% валовой продукции. Товарность колхозов достигла 40% (вместо 10—15% у частных хозяйств); по существу у колхозов забирался весь произведенный продукт.

В 1935 г. был принят новый Устав сельскохозяйственной артели. Земля передавалась в бессрочное и бесплатное пользование колхозам и совхозам; вводился принцип распределения по труду. Одновременно фиксировались размеры приусадебных участков, которые, собственно, и давали жить крестьянству.

Производство технических культур (для нужд промышленности и на экспорт) выросло к 1937 г. на 30—40%. Производство зерна, несмотря на 17%-й прирост посевных площадей, не достигло довоенного (1913 г.) уровня. Среднегодовой сбор зерна составлял (кроме урожайного 1937 г.) 70 млн. т (с 1909 по 1913 гг. собирали в среднем по 72,5 млн. т). Животноводство также не достигло уровня 1913 г., а после неурожая 1936 г. снова пострадало поголовье скота (уровень 1928 г. был достигнут только в 1953 г.).

Среди основных результатов второй пятилетки следует выделить как положительные, так и отрицательные. К положительным можно отнести:

— рост и перевооружение промышленности, хотя и не всех отраслей: металлургия, тяжелое машиностроение — развивались; легкая, деревообрабатывающая промышленность — практически не менялись;

— отмена карточек в городах (в сельской местности их вообще не было: с 1935 г. торговля размежевалась на государственную в городах и кооперативную на селе) с 1 января 1935 г. — на хлеб, муку и крупу, с октября — на остальные продукты, а с января 1936 г. — на все прочие товары;

— новый устав колхозов, разрешавший увеличение приусадебных участков;

— частичная амнистия *спецпереселенцев*; частичная либерализация избирательного режима, в результате которой некоторым категориям *лишенцев*, т.е. лиц, временно (обычно на 10-15 лет) лишенных гражданских прав (а они составляли в то время 4% населения страны), были возвращены избирательные права;

— всеобщее 4-классное, а в городах — семилетнее образование.

Но нельзя не отметить и отрицательных результатов, среди наиболее болезненных следует назвать:

— ухудшение положения в сельскохозяйственном производстве; к этому времени была завершена коллективизация последних 5 млн. хозяйств на селе;

— сокращение внешней торговли;

— усиление репрессивных мер — массовые аресты председателей колхозов; тогда же был принят Закон “Об ответственности семей репрессированных”.

В 1934—1937 гг. отмечен рост зарплаты рабочих и служащих (в городах), что позволило пропагандистской машине, а в дальнейшем и историкам коммунистического толка, говорить о росте реальных доходов населения, не принимая во внимание инфляции, не учитывая тяжелейшего положения сельских жителей, не упоминая положения репрессированных и их семей. На самом деле реальные доходы населения после 1928 г. снизились и весьма значительно.

Еще в 1929 г., когда в городах были введены карточки на все виды продовольственных и промышленных товаров, цены на рынках резко подскочили. И уже к 1932 г. рыночные цены превыша-

ли карточные в 8 раз, в 1933 г. — в 12-15 раз. Государство не хотело терять прибыль и стало продавать часть продукции в специальных коммерческих магазинах: сначала понемногу, затем больше (в 1931 г. всего 10%, в 1932 г. уже 39%). В среднем за период карточек государственные цены с учетом этого выросли в 4 раза. Когда в 1935—1936 гг. карточки отменили, цены на все товары поднялись (к 1928 г.) в 5,4 раза при росте зарплаты в 1,5-2 раза.

Третья пятилетка (1937—1941 гг.). Основная задача военизированного государства в тот период заключалась в повышении военно-экономического потенциала и укреплении обороноспособности. Для этого планировалось форсировать военную промышленность, создать государственные резервы, расширить промышленную базу на востоке страны, включая освоение башкирской нефти — “Второго Баку”.

Одновременно ставилась задача подъема сельского хозяйства. Планировалось завершить механизацию сельского хозяйства, увеличить его производство в 1,5 раза и на этой основе развить пищевую и легкую промышленность.

При планировании третьей пятилетки был выдвинут совершенно нереальный лозунг “Догнать и перегнать развитые капиталистические страны по производству на душу населения”. Производство сельскохозяйственной продукции планировалось увеличить за пятилетие на 52%, а промышленной — на 92%. При сложившихся уровне производственного аппарата и системе административного управления хозяйством эта задача не могла быть решена даже в условиях трудового энтузиазма первых лет индустриализации. Тем более, что в конце 30-х годов массовый энтузиазм сменился массовыми же репрессиями.

За счет увеличения капитальных вложений завершалось строительство новых предприятий-гигантов — Магнитогорского комбината, “Запорожстали”, “Азовстали”. Но стали стране все равно не хватало. Не хватало и электроэнергии — начали строить каскад волжских ГЭС, Усть-Каменогорскую ГЭС на Иртыше. Промышленность развивалась очень неравномерно — добывающие отрасли росли, производство машин и оборудования (автомобилей, паровозов, электровозов) — практически не увеличивалось.

Медленно росла производительность труда, плохо внедрялась новая техника, не хватало квалифицированных кадров. Не

было заинтересованности в производительном труде, все заметнее становилась текучесть кадров.

Какие меры предпринимались правительством для улучшения экономической ситуации? Прежде всего вернулись к прерванным экспериментам по разукрупнению наркоматов: НКТП разбили на 6 самостоятельных, НКМаш — на 3, НКЛегпром — на 4. Провозглашались механизация труда, оптимальная организация труда и зарплаты. Развивалось социалистическое соревнование — в декабре 1938 г. введены звание Героя социалистического труда, медали “За трудовую доблесть” и “За трудовое отличие”; поддерживалось движение многостаночников. Создана система Государственных трудовых резервов — производственно-технические училища (ПТУ), ремесленные училища (РУ), фабрично-заводские училища (ФЗУ).

Но наряду с этим, как и прежде, принимались меры по ужесточению дисциплины — в декабре 1938 г. принято постановление по борьбе с летунами и прогульщиками; в 1939 г. — установлен обязательный минимум трудодней для колхозников, невыполнение которого грозило исключением из колхоза, т.е. утратой всех средств к существованию; в 1940 г. — страшный “Указ о переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений”. В эти годы КЗОТ был практически заменен уголовным законодательством.

Тем не менее промышленный рост и при этих условиях не отвечал плановым цифрам. Фактически с 1937 по 1941 гг. промышленный рост составил лишь 3—4%, производительность труда (в условиях репрессий) выросла на 6% в год.

На этом фоне значительно выросло производство военной продукции. Военный бюджет с 1934 по 1939 гг. увеличился в семь раз. В этот период правительство начало активные военные действия, которые потом не прекращались практически до конца коммунистического режима. В тридцатые годы это были *сдвиг западных границ* по договоренности с Германией, бои с японцами в Монголии (летом 1939 г.), “странная” Финская война (1939—1940 гг.). Соответственно росли численность армии и затраты на ее содержание. Если в 1936 г. общая численность армии и флота составила 1,1 млн. ч., в 1938 г. — 1,5 млн. ч., то

1 января 1941 г. — 4,2 млн. ч. На 22 июня 1941 г. в Вооруженных Силах СССР служило свыше 5 млн. ч. С 1937 г. по 1940 г. расходы армии и флота увеличились с 17 до 57 млн. руб.

Развитие сельского хозяйства также не соответствовало плановым цифрам. Особенно тяжелое положение сложилось в животноводстве. В июне 1939 г. принято постановление о системе обязательных мясопоставок в соответствии с размерами земельных угодий. Вынужденный этой мерой рост поголовья не привел к увеличению поставок мяса государству. Последовало новое постановление (апрель 1940 г.) — “Изменения в политике заготовок”: плановые нормы сдачи сельхозпродукции стали исчислять с гектара. Была введена дополнительная оплата за повышение урожайности.

В 1940 г. посевные площади на 27% превысили уровень 1913 г., а валовой сбор зерна — лишь на 11%. Урожайность зерновых составила в 1940 г. 7,7 ц с гектара. по сравнению с 8,2 ц с гектара в 1913 г.

Частнопредпринимательский сектор в сельском хозяйстве демонстрировал более высокие результаты, чем общественное хозяйство. Так, единоличные и подсобные крестьянские хозяйства, на которые в 1940 г. приходилось всего 13% посевных площадей и которые практически не имели тракторов и другой сельскохозяйственной техники, производили тем не менее 65% картофеля, 48% овощей, подавляющее количество фруктов и ягод, 12% зерна.

Итоги десятилетия индустриализации. Хотя естественный прирост населения в 30-е годы снизился, население страны выросло с 1913 по 1940 гг. на 31,5 млн., в значительной степени за счет присоединения западных территорий, и составило 190 млн. ч. В процессе урбанизации создано 250 новых городов: в городах проживало к 1940 г. 60 млн. ч. против 25 млн. в 1913 г. Тем не менее, население страны оставалось преимущественно сельским: 67,5% советских граждан проживали на селе (население города и деревни сравнялось только в 1961 г.)

К концу 30-х годов в стране создана мощная промышленность, причем не зависящая от импорта, если не считать отдельных высокотехнологичных производств. За годы трех пятилеток было построено и введено в действие 9 тыс. государственных предприятий. Сократилось отставание от развитых стран по про-

изводству промышленной продукции на душу населения: если в 20-е годы разрыв был в 5-10 раз, то в конце 30-х годов — в 1,5-4 раза. Причем рост тяжелой промышленности шел неведомыми доселе в истории темпами. Правда, уровень организации и технологичности производства существенно уступал общемировому.

Все эти годы шло бурное строительство, вводились новые мощности, но на четверть снизилась фондоотдача; расход материалов на единицу конечного продукта вырос на 25-30%. Возникли диспропорции — между тяжелой и легкой промышленностью, транспортом и отраслями материального производства, денежными доходами и их товарным покрытием.

Самый тяжелый результат индустриализации — разорение села, разрушение производительных сил деревни. Сельское хозяйство совершенно преобразилось по своей организационно-экономической структуре: вместо частных хозяйств созданы колхозы, совхозы, МТС. Но по валовым и тем более относительным показателям оно не достигло довоенного уровня сельскохозяйственного производства царской России. Если накануне коллективизации на 150 млн. ч. населения 50-55 млн. крестьян-единоличников ежегодно производили 72-73 млн. т зерна, более 5 млн. т мяса, свыше 30 млн. т молока, то в начале 40-х годов на 200 млн. чел. 30-35 млн. колхозников производили 75-80 млн. т зерна, 4-5 млн. т мяса и те же 30 млн. т молока.

Индустриализация и сопутствующий ей рост городов, а также неравноправные отношения между городом и деревней вызвали мощную волну миграции из села в город — с 1926 по 1939 г. она составила свыше 30 млн. ч. Чтобы как-то остановить этот поток, в конце 1932 г. в СССР были введены система прописки и паспорта. Их получила тогда лишь треть населения — в основном горожане. Колхозникам, лишенным паспортов, теперь разрешалось жить только в своей деревне. Даже гостить у своих городских родственников они могли не более 5 суток. Нарушителей ожидали огромный штраф и высылка. Такое положение сохранялось почти 50 лет — до 1982 г. Тем не менее отток жителей из деревни продолжался, особенно среди молодежи. Молодые крестьяне пользовались правом по оргнабору пойти на завод или на стройки индустрии. Таким образом деревню покинули в 30-е годы более 50 млн. ч.

Экономическое управление народным хозяйством было заменено административным, увеличив количество и усилив роль бюрократии. Государство любой страны управляет через бюрократию. Но, начиная с некоторого порога, администрация, во все времена и во всех странах, начинает работать сама на себя: верхи пишат — низы отвечают; реальная жизнь при этом игнорируется. В России еще в XVIII—XIX вв. сложилась мощная бюрократическая система государственного управления хозяйством. В собственности государства оказались практически все сферы и все управлялось чиновниками — помимо значительной доли промышленности также и мелкие кустари, и крестьянство были в зависимости от государственных чиновников.

Временное правительство сделало ряд шагов к ослаблению роли государства, но после Октябрьской революции все опять оказалось в руках чиновников. Ленин, осознав опасность бюрократии, при переходе к нэпу существенно сократил ее: к лету 1922 г. в центральных органах вместо 35 тысяч осталось лишь 8 тыс. чиновников, а в губернских СНХ из 235 тыс. осталось только 18 тыс. работников.

В 30-е годы сформировалась модель экономики, дожившая с небольшими изменениями до 80-х годов. Из пятилетки в пятилетку устанавливались одни и те же *приоритеты — преимущественное развитие тяжелой и военной промышленности, невыполнимые плановые показатели, краткосрочное административное распределение материальных ресурсов, игнорирование социальной сферы*. Эта модель опиралась на экстенсивное развитие и сопровождалась ростом инфляции в условиях дефицита. В системе управления был воссоздан непомерный бюрократический аппарат.

Необходимо отметить огромные успехи образования и распространение всеобщей грамотности в 30-е годы. Еще в 1926 г. 43% советских граждан в возрасте от 9 до 49 лет и большинство людей старших возрастов были неграмотны, а к 1939 г. часть грамотного населения в возрасте старше 9 лет составила 81,2% (мужчин — 90,8%, женщин — 72,6%).

В стране была ликвидирована безработица. Более того, трудиться должны были все: за тунеядство судили как за уголовное преступление. С 1940 г. введена семидневная рабочая неделя с 8-часовым рабочим днем (до этого была крайне неудобная так на-

зываемая **непрерывка** — пятидневная рабочая неделя с плавающим выходным).

Реальная зарплата за десять лет, несмотря на номинальный рост, упала на 40%. Если в 1922/23—1927/28 гг. уровень цен повысился на 30%, то в 1929—1940 гг. розничные цены выросли в 6,4 раза. За тот же период цены на продукцию тяжелой промышленности увеличились в 1,4 раза. Жизненный уровень значительных низкооплачиваемых групп городского населения снизился.

Несоизмеримо более низкими оставались и доходы колхозников. Закупочные цены практически не менялись с 1930 по 1956 гг., а цены на промышленные товары за десять предвоенных лет значительно выросли. С 1933 г. были разрешены приусадебные участки, и это стало большим подспорьем в хозяйстве. С 1937 г. крестьяне потеряли право на передвижение по стране, восстановленное только в середине 60-х годов.

С разрушением товарности стимулы заменялись принуждением. Уже в 1932 г. была создана система прописки и гражданских паспортов с отметкой в них места работы, а в 1938 г. введены **трудовые книжки** (в нацистской Германии они были введены тремя годами раньше — в 1935 г.). Нарушения трудовой дисциплины считались уголовно наказуемыми преступлениями и жестоко карались. Так, опоздание на работу более чем на 20 минут с 1939 г. считалось прогулом. А за прогул, как минимум, суд направлял на исправительно-трудовые работы по месту работы сроком на 6 месяцев с вычетом 25% заработка.

30-е годы печально известны разгулом массовых репрессий. В тюрьмах и лагерях страны на начало 1937 г. содержалось около 5 млн. ч. С середины 1937 г. до конца 1938 г. было арестовано около 7 млн. ч. Из них около миллиона было расстреляно, более 2 млн. умерли в заключении. Это позволяет говорить о геноциде большевистского правительства по отношению к своему народу.

В системе ГУЛАГа и “великих строек” содержалось в конце 30-х годов по разным оценкам от 9 до 35 млн. ч. География концентрационных лагерей охватывала всю страну — Приуралье, Сибирь, Казахстан, Колыма, Норильск, Воркута. Каналы, дороги на Севере, производства в необжитых и труднодоступных местах строились силами заключенных.

---

* * *

Резюмируя описание довоенного развития экономики страны, следует отметить следующие основные моменты:

— в тридцатые годы создана индустриальная база промышленности, составляющая основу экономики до наших дней;

— в ходе индустриализации были нарушены все нормальные пропорции хозяйства (например, соотношение между тяжелой и легкой промышленностью, производством средств производства и предметов конечного потребления и др.);

— полностью развалено сельское хозяйство;

— практически парализована финансовая система и заменена системой распределения материальных ресурсов; экономические отношения ликвидированы и всякие попытки их восстановления сурово карались;

— милитаризация экономики вышла за экономически разумные пределы - армия с 900 тыс. ч. в 1929 г. выросла к 1941 г. до 5 млн.;

— была создана и доведена до “совершенства” система административного управления хозяйством с репрессивным уклоном.

Рекомендуемая литература

1. *Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П.* и др. История России. XX век. М., 1996.
2. *Верт Н.* История советского государства 1900—1991 гг. М., 1992.
3. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. История Советского Союза от 1917 г. до наших дней. Кн. 1. М., 1995.
4. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1952.
5. *Секушин В.И.* Отторжение: НЭП и командно-административная система. Л., 1990.
6. Советская историческая энциклопедия. М., 1966.
7. *Тимошина Т.М.* Экономическая история России. Уч. пос. М., 1998.

Часть 6

Великая Отечественная война

(1941—1945 гг.)

Самостоятельной, сравнительно хорошо развитой и сильно милитаризованной экономике СССР накануне войны противостояла более развитая и еще более милитаризованная экономика Германии (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительные характеристики производства важнейших видов промышленной продукции в СССР и Германии накануне Великой Отечественной войны

Ежегодное производство продукции	СССР в 1940 г.	Германия в 1939 г.
Уголь, млн. т	166	385
Электроэнергия, млрд. квт-час.	48	58
Нефть, млн. т	31	6
Кокс, млн. т	21	45
Сталь, млн. т	18	22
Прокат, млн. т	13	16
Медь, млн. т	116	311
Алюминий, млн. т	50	195
Цинк, млн. т	70	193
Металлорежущие станки, тыс. шт.	58	116
Автомобили грузовые, тыс. шт.	136	65
Автомобили легковые, тыс. шт.	94	281
Трактора, тыс. шт.	32	28

Для правильной оценки роли экономической базы в ходе столь тяжелой войны целесообразно выделить три самостоятельных периода в развитии военных действий. Первый период (лето 1941 г.—весна 1942 г.) — первый удар немецких армий и массовое отступление советских войск до Москвы; второй (лето 1942 г.— лето 1943 г.) — наступление немцев на юге и юго-востоке до Сталинграда и контрнаступление, битва на Курской дуге; третий (осень 1944—1945 гг.) — повсеместное наступление советских войск, война с Японией. В каждый из периодов экономика страны выполняла специфические задачи.

Глава 18

Первый период войны

(лето 1929 г. — весна 1942 г.)

Экономика страны в период немецкого наступления 1941 г. Первый удар немецких войск застал Красную армию, как и всю страну, врасплох. В первые же часы войны приграничные округа понесли тяжелейшие потери, от которых они уже не смогли оправиться. Тысячи единиц боевой техники были уничтожены или выведены из строя в местах хранения, так и не вступив в бой.

Тщательно спланированное немецкое наступление в северо-восточном направлении (на Ленинград), в юго-восточном направлении (на Киев — Одессу) и в восточном направлении (на Смоленск — Москву) с первых дней войны привело к колоссальным потерям в технике и людях.

22 июня была объявлена мобилизация мужчин в возрасте от 23 до 36 лет, что позволило вдвое увеличить численность армии. Уже к 1 июля она получила пополнение — 5,3 млн. ч. Возникла проблема их вооружения, снаряжения и обмундирования. Большая часть оружия, обмундирования, снаряжения находилась на складах, расположенных возле западных границ, и была потеряна в первые же дни войны. Поэтому промышленные наркоматы получили задание изготовить и поставить армии сверх плана по 2 млн. пар галифе и гимнастеров, по 1 млн. шинелей, телогреек,

армейских валенок и ушанок, 500 тыс. пар сапог, 900 тыс. котелков и другое имущество, не говоря уже о вооружении.

Сразу после начала войны, 22 июня 1941 г. Президиум ВС СССР принял указ “О военном положении”, предусматривавший введение трудовой повинности и регулирование работы промышленных предприятий. На следующий день вводится мобилизационный план по производству боеприпасов.

Первый период войны привел к потере наиболее развитых в индустриальном отношении, жизненно важных для экономики страны регионов, где проживало 40% населения СССР и производилось 33% валовой продукции всей промышленности страны.

Объем промышленного производства в ноябре 1941 г. составил только 52% от того же периода 1940 г.; валовой сбор зерна сократился примерно в 1,7 раза. 11 миллионов мужчин были мобилизованы в армию.

Перед экономикой в этот период встали две задачи:

— перестроить структуру производства на военные рельсы, восполнить потерянное в результате боевых действий и оккупации производство;

— эвакуировать с оставляемой врагу территории все, что возможно.

Был выдвинут лозунг “все для фронта, все для победы”, проведена мобилизация всего оставшегося городского населения на трудовой фронт. Было сокращено производство предметов потребления — масла, сахара, рыбы, обуви, тканей. Повсеместно включались внутренние резервы, режим строжайшей экономии, дефицитные материалы заменялись суррогатами.

Как и следовало ожидать в таких чрезвычайных обстоятельствах, были ужесточены условия трудовых отношений. 26 июня принят указ “О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время”, введивший сверхурочные работы и отменивший отпуска и нерабочие дни. Одновременно новый импульс получило социалистическое соревнование. Женский труд составлял 53%; значительную долю составлял и подростковый труд — повсеместно создавались ремесленные училища.

Было введено нормированное снабжение городского населения — около 77 млн. ч. получали продуктовые и промтоварные карточки. Развивались общественное питание (хотя весь суточ-

ный паек рабочего умещался в поллитровой банке) и подсобные хозяйства при предприятиях (*“подхозы”*). Практически все население обрабатывало личные огороды.

В восточных районах страны расширялись производственные мощности старых заводов и фабрик, одно за другим вступали в строй эвакуированные предприятия. Многие мирные фабрики и заводы переходили на выпуск военной продукции. В результате в октябре-ноябре нижняя точка спада была пройдена и с декабря начался постепенный рост производства оружия и боевой техники.

В целом экономика на первом этапе войны выполнила свои задачи: значительный потенциал людей и техники был сохранен, ушедших на фронт мужчин повсюду заменили женщины и подростки, эвакуированные предприятия в кратчайшие сроки начинали производить необходимую фронтую продукцию.

В начале декабря немецкие войска были остановлены на всех фронтах, а контрнаступление под Москвой было первым неожиданным и ощутимым ударом по непобедимой дотоле немецкой армии.

Организация управления в военное время. Совместным постановлением Президиума Верховного совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1 июля 1941 г. был создан *Государственный комитет обороны* (ГКО) в составе 8 ч. во главе со Сталиным, который сосредоточивал в своих руках всю полноту власти в государстве; все граждане, все партийные, советские, комсомольские и военные органы обязаны были беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО. Работа вновь созданного чрезвычайного органа не была регламентирована какими-либо документами. Комитет собирался нерегулярно и не в полном составе. Заседаний ГКО в обычном понимании, т.е. с определенной повесткой дня, секретарями и протоколами, не было. Процедура согласования с Госпланом, наркоматами и ведомствами вопросов снабжения армии, в том числе организации новых производств, была упрощена до предела. Этому способствовало стремление руководителей всех уровней, центральных и местных работников, простых людей ценой любых усилий быстрее сделать все необходимое для фронта, для победы.

По мере необходимости при ГКО создавались различные временные советы и комиссии, такие, например, как Транспортный комитет (для координации перевозок морским, железнодорожным и речным транспортом), Оперативное бюро (для контроля и наблюдения за работой всех наркоматов оборонного комплекса, тяжелой промышленности, а позднее — всей промышленности и транспорта).

Не создавая собственного разветвленного аппарата на местах, ГКО руководил страной через существовавшие аппараты ЦК партии, Совнаркома, через местные партийные и советские органы. В наиболее важных отраслях народного хозяйства действовал институт уполномоченных ГКО, обладавших неограниченными правами и отвечавших за выполнение заданий Комитета.

20 июля 1941 г. в целях координации деятельности всех казенных органов наркоматы внутренних дел и госбезопасности были объединены в единый Наркомат внутренних дел (НКВД) СССР; сюда же была включена и военная контрразведка. Вся эта мощная структура, ведавшая политической и научно-технической разведкой, контрразведкой, тюрьмами, колониями, лагерями, строительством и эксплуатацией крупных народнохозяйственных объектов, оказалась в единых руках наркома Л.П. Берия.

Усилившиеся в годы войны централизация управления, концентрация всех властных функций в руках узкого круга лиц несли в себе как положительные, так и отрицательные моменты. С одной стороны, повышалась оперативность принятия решений, не было необходимости в многочисленных согласованиях, что очень важно в военной обстановке. С другой стороны, гигантская бесконтрольная власть таила в себе потенциальную опасность произвола, беззакония, что, к сожалению, нередко имело место.

Эвакуация. Под ударами противника Красная армия вынуждена была отступать, оставляя в оккупации значительные территории. На занятой немцами в 1941 г. территории производилось до войны 68% чугуна, 58% стали и алюминия, 65% угля, 40% железнодорожного оборудования, 84% сахара, 38% зерна, 60% поголовья свиней, 38% крупного рогатого скота.

Уже 24 июня 1941 г. был создан *Совет по эвакуации* — сначала людей, промышленных и продовольственных ресурсов, а не-

сколько позже и оборудования. Из-за всеобщей неразберихи и чрезвычайной напряженности транспортных потоков в первый период войны эвакуация стратегически важных промышленных предприятий в глубь страны осложнилась. Вывозилось все, что можно было вывезти, без определенного плана и графика; то, что вывезти не удавалось, уничтожали на месте. Совет по эвакуации определял места, куда должны были переводиться предприятия, брал на учет производственные, административные, складские и другие помещения, пригодные для размещения эвакуированных предприятий, давал задания НКПС о выделении необходимого числа вагонов.

О колоссальных масштабах и трудности этой деятельности можно судить хотя бы по тому, что для перевозки оборудования такого завода, как, например, “Запорожсталь”, понадобилось 8 тысяч вагонов — порядка ста составов. Всего в 1941 г. было эвакуировано 12 млн. ч., 2593 промышленных предприятия, из них 1523 крупных. Кроме того, было вывезено около 2,4 млн. голов крупного рогатого скота, 5,1 млн. овец и коз, 200 тыс. свиней, 800 тыс. лошадей. Вывозились и запасы продовольствия, культурные ценности.

Поражали темпы эвакуации. За 15—20 дней оборудование монтировалось на новом месте, за 3—4 месяца предприятие выходило на довоенную мощность. В результате героического труда уже к декабрю 1941 г. прекратилось падение промышленного производства, а с марта 1942 г. валовое производство стало заметно нарастать.

Глава 19

Второй и третий периоды войны

(лето 1942 г. — 1945 г.)

Зимой 1941—1942 гг. немцы передислоцировали свои ударные дивизии, и с весны 1942 г. началось новое развернутое немецкое наступление на юге и юго-востоке — на Керчь — Севастополь — Харьков — Ростов-на-Дону и далее к югу — на Кавказ и к северо-востоку — на Сталинград.

В этот период перед экономикой встала новая задача: не только сделать все возможное для бесперебойного снабжения армии, но и ликвидировать перевес противника (табл. 3) в современных видах оружия (танки, самолеты, минометы), создать условия для освоения новой, более совершенной военной техники, а также обеспечить возможность накопления необходимого количества резервов этой техники для наступления и стратегического маневра.

Потери оружия и боевой техники были велики. Советские войска каждый день войны теряли в среднем 30 самолетов, 68 танков, 224 пушки и миномета и 11 тыс. единиц стрелкового оружия. В период стратегических операций эти средние цифры возрастали в несколько раз. Эти потери должны были восполняться советской оборонной промышленностью с постоянным увеличением доли наиболее современных видов оружия.

И эти дополнительные задачи были решены производственной системой: уже в конце 1942 г. СССР опережал Германию и ее союзников в выпуске вооружения, производя 2 тыс. танков и 2,5 тыс. самолетов в месяц. И в заключительной фазе Сталинградской битвы (конец 1942 г.), и в танковом сражении на Курской дуге (лето 1943 г.) Красная армия имела превосходство перед противником в количестве и качестве вооружения (таблица 3). Победа в этих сражениях создала перелом в ходе войны.

Таблица 3. Соотношение поставок вооружения в СССР и Германии в годы войны, %

Годы	Танки и САУ		Орудия и минометы		Боевые самолеты	
	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия
1942	41,6	100,0	103,4	100,0	88,2	100,0
1943	106,5	100,0	181,8	100,0	278,3	100,0
1944	189,7	100,0	320,7	100,0	743,4	100,0

Огромная задача по снабжению армии продовольствием по-прежнему лежала на сельском хозяйстве, которое оказалось в тя-

желейших условиях. На фронт было направлено все тягло — трактора и лошади. Ушли мужчины; 70% трудодней выработывали женщины (до войны — 38%). Тем не менее сельское хозяйство давало необходимую продукцию — в значительной степени за счет освоенных еще перед войной новых зерновых районов — Среднее Поволжье, Южный Урал, Сибирь.

Наряду с объективными трудностями условия труда колхозников ужесточались со стороны правительства: в апреле 1942 г. был “несколько” повышен обязательный минимум выработываемых трудодней для колхозников.

Третий период войны определен коренным переломом в ходе военных действий: после битвы на Курской дуге начался разгром фашистских войск Красной армией и освобождение оккупированных территорий. В этот период экономика могла работать с меньшим напряжением. Перед народным хозяйством ставится задача постепенного перевода производства на выпуск мирной продукции.

Наибольшего выпуска советское производство достигло в 1944 г. Тогда же началась реэвакуация предприятий, эвакуированных в начале войны в восточные районы страны, но уже не в тех чрезвычайных условиях, что были при эвакуации. Процесс реэвакуации начался и среди населения и становился все шире по мере того, как война уходила на запад.

Восстанавливалось сельскохозяйственное производство в освобожденных после оккупации районах. Уже к 1945 г. посевные площади в освобожденных районах достигли 69%, а по зерновым культурам 75% довоенного уровня. Восстанавливаемым колхозам государство давало льготы.

Глава 20

Итоги Великой Отечественной войны

Экономические результаты. Результаты войны достаточно хорошо известны. Прежде всего — это огромные человеческие жертвы: погибло на фронте, угнано в плен, погибло мирных жителей около 27 млн. ч. — шестая часть активного населения стра-

ны (по некоторым оценкам западных исследователей — свыше 37 млн. ч.). Из них только 8,668 млн. составили потери армии, флота и пограничных войск; две трети людских потерь пришлось на мирное население страны.

Потери экономического потенциала также ужасно велики: разрушено 1710 городов и поселков, 31 850 предприятий, 65 тыс. км ж.-д. путей, 4100 ж.-д. станций, 13 тыс. мостов. Прямой ущерб оценивался в 678 млрд. руб., что соответствует сумме капитальных вложений в экономику СССР за четыре предвоенных пятилетия. Если же учесть расходы на ведение войны, потери от прекращения экономической деятельности на оккупированных территориях, общая сумма превышает 2,5 трлн. руб.

Огромные потери понесло в годы войны и сельское хозяйство. Особенно пострадали сельскохозяйственные территории, бывшие местом военных действий, — Украина, Северный Кавказ, Кубань, Поволжье, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, Центр европейской России.

Более других отраслей сельского хозяйства пострадало животноводство. С 1941 г. к 1945 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 54,5 до 24,2 млн. голов (для сравнения, в голодном 1931 г. оставалось более 25 млн.), свиней — с 27,5 до 8,8 млн. (в 1931 г. — более 10 млн.), овец и коз — с 91,6 до 70,2 млн. (71 млн. в 1931 г.), лошадей — с 21 до 9,9 млн. голов (17,7 млн. в 1931 г.).

Вместе с тем необходимо отметить, что в целом советская экономика выдержала колоссальную военную нагрузку, а централизованная административная система управления в экстремальных военных условиях показала себя наилучшим образом. Уже в ходе войны, несмотря на колоссальные потери, производство важнейших видов продукции не только достигло довоенного уровня, но и превзошло его, что и позволило выиграть затяжную войну экономически.

Необходимо также отметить вызванную войной мобильность населения, а также изменение всей географии промышленности — вынужденное перебазирование ее на Урал, в Сибирь, на Север.

Успешному завершению войны способствовало развитие новых промышленных зон на Востоке. Там уже в первые годы войны было развернуто металлургическое производство, особенно качественных сталей. Добыча угля сдвинулась на Урал и в Караган-

ду, Северно-Печерский район. Началось использование саратовского газа. Многие предприятия, передислоцированные на Восток, Урал и в Сибирь, так и остались там, создав новые узлы производственной инфраструктуры практически по всей территории страны, существенно изменив географию народного хозяйства.

Помощь союзников. Значительная и очень нужная, особенно в условиях первого этапа войны, материальная помощь была получена от стран-союзниц по *ленд-лизу* (так называлась система передачи США займы или в аренду вооружения, боеприпасов, стратегического сырья, продовольствия, товаров и услуг странам антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны).

Сразу после объявления войны начались переговоры о военной и экономической помощи с Великобританией и США. 16 августа 1941 г. был заключен экономический договор с Великобританией о торговле и кредитах. А 1 октября подписано тройственное соглашение СССР, Англии и США о поставках военного снаряжения, вооружения и продовольствия (примерно 400 танков, 500 самолетов, другой техники — ежемесячно). Поставки начались сразу: уже в ноябре в боях под Москвой участвовали английские самолеты и танки.

К сожалению, поставки оружия и боевой техники в Советский Союз были ниже запланированных. Великобритания в октябре—декабре 1941 г. поставила 48,7% обещанных танков, 55% танкеток, 83,6% самолетов. США с октября 1941 г. по июнь 1942 г. свои обязательства по поставкам бомбардировщиков выполнили на 29,7%, истребителей — на 30%, средних танков — на 32,3%, легких танков — на 37,3%, грузовиков — на 19,4%.

Поставки западной помощи продолжались и в последующие годы войны. В основном это было вооружение — танки, самолеты, военное оборудование, горючее и материалы для производства и обслуживания военной техники. Наряду с этим поставлялось также большое количество военной одежды, обуви, продовольствия. Следует отметить, что значительная часть западной помощи была получена в самый тяжелый период войны, и это помогло несколько ослабить нагрузку на советскую производственную систему, обеспечив ей возможность эвакуации, конверсии и налаживания производства на новых местах.

Всего по ленд-лизу было поставлено кроме прочего военного снаряжения, оборудования и другой продукции 13 тыс. танков, 22 тыс. самолетов, 427 тыс. грузовиков, 2,6 млн. т нефти, 720 тыс. т цветных металлов и др.

Поставки в СССР по ленд-лизу на сумму 9,8 млрд. долл. (в страны Британского содружества, в основном в Великобританию, — 30,269 млрд. долл.) составили менее 4% общей массы продукции, произведенной за время войны на территории Советского Союза. Но эта помощь была предоставлена в тяжелый момент военно-стратегического кризиса.

Рекомендуемая литература

1. *Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П. и др. История России. XX век. М., 1996.*
2. *Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза от 1917 г. до наших дней. Кн. 1. М., 1995.*
3. *Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917—1991. М., 1994.*
4. *Экономическая история СССР и зарубежных стран. / Ред. И.Н. Шемякин и др. М., 1978.*

Часть 7

Послевоенное развитие СССР. Замедление темпов роста советской экономики

(1945—1991 гг.)

Прежде чем рассматривать конкретное развитие хозяйства СССР в послевоенные и далее 50—80-е годы, остановимся на некоторых общемировых процессах, влиявших на экономику того периода. В середине двадцатого столетия обострились по крайней мере две всеобщие проблемы — *демографическая* и *экологическая*.

Демографическая ситуация в силу существенного улучшения медицинского обслуживания привела к сокращению смертности и взрывному росту населения в странах третьего мира (в отдельных регионах Африки, Азии и Америки). Это заставило изыскивать возможности для увеличения производства продуктов питания: в 50—60-е годы в этих регионах прошла “зеленая революция”, позволившая перевести аграрное производство на *интенсивную основу*. В результате проблема недостаточного питания в странах третьего мира была преодолена. Голодавшие прежде страны, такие, например, как Мексика, Индия, стали экспортерами сельскохозяйственной продукции.

Экологическая проблема, вызванная, с одной стороны, истощением в мире источников легкодоступного сырья для промышленного производства, а с другой, заметным вредным воздействием на природу антропогенной деятельности, также была решена *переходом с экстенсивной на интенсивную модель экономического роста*. Переход этот в разных странах происходил с разной скоростью и в разные годы: наиболее развитые страны перешли к интенсивному хозяйствованию раньше — в 30—40-е годы, другие страны позже — в 50—60-е годы. И только стран социалистического содружества процессы интенсификации практически не коснулись. В этих странах по-прежнему главенствовал крайне неэффективный механизм экстенсивного хозяйствования. Особенно проявилась эта разница в

связи с энергетическим кризисом. Развитие социалистического хозяйства целесообразно рассматривать на фоне этих общемировых процессов.

Первое десятилетие после войны в СССР продолжалось экстенсивное развитие, которое в сложившихся социально-политических обстоятельствах при богатых природных возможностях страны можно было считать нормальным явлением. Однако, экономическая ситуация неуклонно ухудшалась, что стало заметно к шестидесятым годам. Позднее, в семидесятые годы в СССР и странах социалистического содружества стала очевидной необходимость смены экономического механизма. Ведь механизм централизованного административного управления хозяйством не содержит элементов, стимулирующих интенсификацию. Следовательно переход от экстенсивного к интенсивному хозяйствованию связан с принципиальной сменой экономического механизма и, как показала жизнь, политической системы.

Последовавший за окончанием Великой Отечественной войны период целесообразно разбить на четыре самостоятельных — послевоенное восстановление хозяйства (1946 г.—начало 1950-х годов), нормальное экстенсивное развитие (начало 1950-х—середина 1960-х годов), период торможения экономики (от середины 1960-х до середины 1980-х годов) и разрушение советского планового хозяйства (1985—1991 гг.). Границы между этими периодами совпадают со сменой лидеров в политическом руководстве страны: первый период — завершение правления Сталина; второй — когда у власти стоял Н.С. Хрущев; третий — время правления Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и К.У. Черненко; четвертый — время М.С. Горбачева.

Глава 21

Послевоенное восстановление хозяйства

Послевоенная ситуация, определявшаяся большими фактическими военными потерями, социальной мобильностью общества, некоторым смягчением за годы войны мер государственного принуждения (особенно на селе), наконец, более спокойной международной обстановкой после Потсдамского соглашения, позволяла ставить вопрос об изменении сложившейся перед вой-

ной модели экономического развития. Актуальной стала проблема — как развиваться дальше? Можно было рассматривать два варианта дальнейшего развития.

Один вариант — перейти в процессе демилитаризации хозяйства к экономике, ориентированной на потребности рынка и производство товаров народного потребления, тем более что в мирных условиях после признанной военной победы больше не было жесткой потребности в преимущественном развитии тяжелой промышленности. Эту линию поддерживали А.А. Жданов (тогда секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б)), Н.А. Вознесенский (председатель Госплана СССР), П.А. Доронин (первый секретарь Курского обкома ВКП(б)), М.И. Родионов (председатель Совета министров РСФСР) и ряд других деятелей. В основе этого варианта лежала мысль о том, что СССР представляет собой необъятный рынок в условиях послевоенного кризиса в капиталистических странах. Но этот вариант предполагал большую открытость государства по отношению к другим странам.

В подготовленном в 1946 г. проекте новой Конституции страны предлагалось допустить существование мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей, “основанного на личном труде и исключающего эксплуатацию чужого труда”. В предложениях и откликах на этот проект звучали идеи о необходимости децентрализации управления экономикой, ликвидации специальных судов военного времени, военных трибуналов. (Конечно, ни проект Конституции, ни проект Программы ВКП(б), работа над которым завершилась в 1947 г., не публиковались и все обсуждения их велись в узком кругу ответственных работников).

Другой вариант развития предполагал возврат к жесткому централизованному управлению, репрессивной внутренней политике. За этот вариант выступали Г.М. Маленков, Л.П. Берия, министерства и директорат ВПК, которых поддерживали видные экономисты — Е.С. Варга, С.Г. Струмилин, разрабатывавшие научно-теоретическое обоснование подобной экономической политики. Они утверждали, что капиталистический мир самостоятельно справится с кризисом без расширения рынков сбыта своих товаров, а имея атомную бомбу, будет диктовать свои условия Советскому Союзу и странам народной демократии.

Ряд объективных обстоятельств — неурожай 1946 года, смерть А.А. Жданова в 1948 г., а также пропагандистские манипуляции международной напряженностью — привели к приоритету ускоренного развития ВПК и, следовательно, сохранению модели 30-х годов. Поэтому одной из основных задач наряду с восстановлением народного хозяйства стало создание в связи с угрозой агрессии атомного оружия, а заодно и атомной энергетики.

Восстановление промышленности. По данным ЦСУ, валовая продукция промышленности в 1945 г. составила 92% к уровню 1940 г., причем по группе “А” — 112% и по группе “Б” — лишь 59%. Вызванный демилитаризацией промышленности перевод предприятий на выпуск гражданской продукции и связанная с этим их перепрофилизация привели уже в следующем, 1946 г. к существенному падению темпов роста промышленного производства, объем которого сократился на 17% и составил только 77% к уровню 1944 г. С целью ликвидации спада правительство вновь ужесточило производственные нормы и ввело правила по более жесткому закреплению рабочих на производстве.

При разработке IV пятилетнего плана на 1946—1950 гг. — плана восстановления руководство страны фактически вернулось к довоенной модели развития экономики и довоенным методам проведения этой политики. Главным приоритетом объявлялась тяжелая промышленность, развитие которой должно было осуществляться за счет легкой промышленности, сельского хозяйства и непромышленной сферы: тем самым продолжалась предвоенная политика перекачки средств из аграрного сектора в промышленный (отсюда, например, беспрецедентное повышение налогов на крестьянство в послевоенный период).

1947 г. ознаменовался ликвидацией “группы Вознесенского” в Госплане, планировавшей спокойные, с точки зрения Сталина, темпы и пропорции на годы восстановления промышленности. Ободренное экономическими результатами восстановления промышленности правительство увеличило показатели пятилетки. Партия вновь, как и перед войной, нагнетала милитаристскую истерию в обществе и призывала к напряжению всех сил для развития тяжелой промышленности и ВПК. В экономике преобладали волюнтаристские решения, критика которых абсолютно ис-

ключалась. Так, в 1948 г. был опубликован “*Сталинский план преобразования природы*”, включавший наряду с циклопическими лесозащитными полосами такие проекты, как Кара-Кумский канал, плотина в Беринговом проливе, чтобы не пропускать льды и холодное течение к сибирским берегам, и т.п. Только недостаток свободных ресурсов и смерть Сталина не позволили начать реализацию их всех в полном объеме.

В этот период началось сооружение “*великих строек коммунизма*” (в основном руками заключенных), завершенное в 50—60-е годы, — строительство каскада ГЭС на Волге, Днепре и других реках, Кара-Кумского канала, в результате чего позднее погибло Аральское море, и др.

Для формального восстановления довоенного уровня понадобилось всего три года; в 1948 г. валовая продукция промышленности составила 118% к уровню 1940 г. Этот показатель, конечно, нивелирует различные темпы восстановления отраслей тяжелой и легкой промышленности.

Говоря о послевоенном восстановлении хозяйства, нельзя не затронуть вопрос об экономической помощи союзников по антигитлеровской коалиции и *репарациях* с поверженной Германии. Все аспекты этой помощи до сих пор не ясны, информация о ней ограничена и противоречива. О размере материальной помощи, полученной СССР по ленд-лизу, можно судить по объему импорта, который в 1945 г., по официальным данным, составил 14,805 млрд. руб. Поставки, например, паровозов по ленд-лизу еще в ходе войны позволили почти полностью покрыть их потери, а производственные возможности морского, автомобильного и воздушного транспорта по этой же причине превысили предвоенный уровень.

Еще более существенную роль в структуре внешних источников послевоенного восстановления сыграли репарации на сумму 4,3 млрд. долл., в счет которых вывозилось промышленное оборудование из Германии, а также — Румынии, Венгрии, Финляндии и Манчжурии. В IV-й пятилетке репарационные поставки обеспечивали примерно 50% поставляемого оборудования для объектов капитального строительства в промышленности. Так, в отрасли путей сообщения на 1 января 1946 г. поступило 20598 единиц оборудования, из них 6519 единиц — металлообрабатывающего.

Из Германии вывозились передовые линии и целые производства, развитие которых в СССР до войны отставало от мирового уровня либо находилось на зачаточном уровне (оптика, радиотехника, электротехника и др.). Для нужд Наркомата электропромышленности были демонтированы и поставлены в СССР заводы немецких фирм “Телефункен”, “Лоренц”, “Осрам”, “Кох и Штерцель”, “Радио-Менге” и др. Вместе с оборудованием ввозилась и техническая документация.

Вместе с тем ввозилось из поверженных стран больше, чем советская промышленность могла “переварить”. Вследствие борьбы ведомств, а иногда и элементарной некомпетентности эффективность использования этих богатств была невелика. Уникальные технологические линии растаскивались по разным предприятиям, часть оборудования использовалась не по назначению. Не хватало складских помещений, оборудование хранилось на открытых площадках, ржавело, приходило в негодность. И только в отраслях военно-промышленного комплекса отдача от репараций, конечно, была выше и они значительно усилили свой потенциал.

С точки зрения отраслевой структуры следует отметить рост в эти годы гидроэнергетики — началось строительство очередного каскада гидроэлектростанций на Волге, Каме, в Закавказье.

Важно отметить, что в ходе послевоенного восстановления промышленности в условиях “железного занавеса”, несмотря на репарационные поступления и значительные капитальные вложения, в основном воспроизводились довоенные технологии тридцатых годов (например, металлургия воссоздавалась без кислородного дутья, электропечей, автоматизации, возможности освоения новых марок сталей и профилей проката). Т.е. уже при инвестировании закладывалось отставание промышленного производства от мирового уровня на 15—20 лет, особенно в области товаров и услуг конечного потребления. Это отставание, в силу неэффективного научно-технического прогресса и отсутствия в административной системе механизма использования достижений науки в народном хозяйстве, в дальнейшем не сокращалось и сохранилось, за редкими исключениями в отдельных отраслях, до начала 1990-х годов.

Низкая квалификация рабочих (из деревни) и отсутствие необходимых стимулов вели к снижению производительности тру-

да. Реакция власти на это была та же, что и раньше, — усиление репрессий, с одной стороны, и искусственный подъем стахановского движения, рекордомания и пересмотр норм — с другой.

Развитие сельского хозяйства в послевоенные годы. В аграрном секторе ситуация была совсем плохой. В 1945 г. посевные площади составили 75%, а валовой сбор зерновых культур (амбарный урожай) был почти вдвое меньше, чем в 1940 г. — 47,3 млн. т. По сравнению с предвоенным временем понизился и уровень материальной обеспеченности колхозников: если в 1940 г. для распределения по трудодням выделялось в среднем по стране около 20% зерновых и более 40% денежных доходов колхозов, то в 1945 г. эти показатели сократились соответственно до 14% и 29%. Оплата выглядела чисто символической.

В 1946 г. в стране была жестокая засуха, особенно свирепствовавшая в зерновых районах европейской части Союза и наиболее сильно на Украине. В результате — страшный неурожай: было собрано всего 40 млн. т зерна (при среднегодовом сборе перед войной — 70 млн. т). Во многих местах собирали по 2—3 ц. с гектара, т.е. столько же, сколько посеяли. Но даже в этих условиях государство заставляло колхозы и совхозы сдавать 52% урожая, т.е. больше, чем в годы войны. Изымалось семенное и продовольственное зерно, предназначенное к выдаче на трудодни. В сельских местностях страны в очередной раз разразился голод. Точных данных о количестве жертв голода 1946—1947 гг. нет, но, по оценкам, оно составило в охваченных голодом районах РСФСР, Украины и Молдавии около 1 млн. ч. Несмотря на это экспорт зерна продолжался, составив в 1946 г. 1,23 млн. т.

В эти годы усилилось давление на колхозы со стороны МТС и их политотделов. МТС вновь, как и до войны, получили право распределять плановые задания между колхозами: вышестоящие партийные и государственные организации через систему МТС диктовали колхозам сроки и объемы посева и уборки культур, производили обязательные заготовки сельскохозяйственной продукции и т.д. Вероятно и укрупнение колхозов в 1953 г. было проведено с целью упрощения контроля за хозяйствами через МТС.

Государство не выделяло на восстановление сельского хозяйства необходимых средств, как на промышленность. Вместо того,

чтобы помочь деревне вырваться из кризиса, сталинское руководство в очередной раз завинтило гайки по отношению к крестьянству.

За годы войны государство смягчило отношение к сельским жителям, использовавшим хотя и негласно, колхозные земли для личных посевов и выпаса скота. Началось с отъема личных земель, “незаконно присвоенных колхозниками”, и возврата их колхозам. Это мгновенно разрушило установившееся было доверие к государству. 4 июня 1947 г. был принят указ “О посягательстве на государственную и колхозную собственность” (аналогичный закону “о колосках” 1932 г.), предусматривавший от 5 до 25 лет лагерей за малейшие хищения.

В том же году было запрещено торговать на колхозном рынке, пока районом и областью не выполнены обязательные поставки сельскохозяйственной продукции. При этом с довоенных времен сохранились закупочные цены, при которых после войны покрывалась в среднем лишь седьмая часть себестоимости выращивания продукции: низкие заготовительные цены возмещали лишь одну десятую затрат на производство зерна, одну двадцатую — мяса, одну пятую — молока. Продукты забирались у колхозов практически бесплатно; нередко они при этом еще и оставались должны государству за семена, удобрения и химические препараты, агротехнические работы. Денежные долги колхозов переводились в кредит с последующим списанием. Чисто символическими были и выплаты по трудодням. Колхозники и их семьи жили в ту пору, как и прежде, преимущественно за счет личных приусадебных участков, с которых к тому же взимались небольшие налоги деньгами и натурой.

В довершение в 1947 г. была проведена денежная реформа, ликвидировавшая треть сбережений населения страны, а сельские жители, хранившие деньги не в сберегательных кассах (их в деревнях просто не было), а в “чулке”, потеряли более половины всех денежных сбережений.

Деревня была обескровлена — число трудоспособных колхозников к началу 1946 г. составляло две трети от довоенного, в основном это были женщины. Практически отсутствовала техника: оставшиеся сельскохозяйственные орудия и инвентарь были в МТС, с которыми приходилось рассчитывать продукцию. Не было и тяглогового скота — все было отдано армии. Большинство

хозяйств не было электрифицировано. Даже в 1953 г., через семь лет после войны, когда по всей стране вводились в строй электростанции, электроэнергией пользовались только 15% колхозов.

К концу сороковых годов кризис сельскохозяйственного производства стал настолько очевиден, финансово-экономическое положение колхозов так ухудшилось, что необходимы были неотложные реформы в сельском хозяйстве. Планировавшийся довоенный уровень по валу и урожайности не был достигнут к 1950 г. ни по зерну, ни по животноводству, ни по техническим культурам; подошли вплотную к планам лишь по хлопку и сахарной свекле. И только в 1952 г., по официальным данным, производство зерна достигло довоенного уровня. Правда, в последние годы выяснилось, что вместо объявленных тогда 8 млрд. пуд. зерна было собрано всего 5,6 млрд. пуд., при том, что колхозы и совхозы вынуждены были сдать и часть семенного фонда. Тем не менее экспорт зерна продолжался: в 1950 г., например, он составил 2,8 млн. т.

В послевоенные годы проводилась коллективизация в присоединенных перед войной территориях — Прибалтике, Западной Украине и Молдавии, развалившая сельское хозяйство и там.

В 1950 г. отвечавший за аграрную политику в стране А.А. Андреев, осуществлявший в 30-е годы коллективизацию на Кавказе, был заменен “крупным знатоком” сельского хозяйства — Н.С. Хрущевым. Основное содержание реформ, предложенных тогда Хрущевым, сводилось к следующему: укрупнение колхозов как базы для создания многоотраслевых, технически оснащенных хозяйств; сокращение натуроплаты; ликвидация “звеньев” как минимальных организационных единиц и создание агрогородов. Ни одно из этих мероприятий не могло вывести сельское хозяйство из кризисного состояния; их реализация привела бы лишь к ухудшению положения на селе, что и подтвердилось в дальнейшем.

Весной 1950 г. после дискуссии о сельскохозяйственной политике колхозная администрация положила конец самостоятельности звеньев, в очередной раз вызвав недовольство крестьянства и дезорганизовав сельскохозяйственные работы. Тогда же были приняты меры по укрупнению колхозов, видимо с тем, чтобы усилить политический и экономический контроль на селе: за полтора года

количество колхозов сократилось с 252 до 94 тыс. Эти меры сопровождались новым и значительным уменьшением индивидуальных наделов крестьян и сокращением натуроплаты в колхозах.

Все это привело к *оттоку сельских жителей* в города — 8 млн. за период 1946—1953 гг. Несмотря на драконовские законы, всеми правдами и неправдами колхозники стремились покинуть село (напомним, что колхозники не имели паспортов и могли получить их только в крайних случаях с разрешения колхозного руководства и поселкового Совета; основные пути выезда и невозвращения в село — служба в армии, учеба в вузах, участие по набору в “стройках коммунизма”). Количество сельских жителей сокращалось, несмотря на возврат с фронта: если в 1947 г. насчитывалось 66 млн. сельских жителей, то в 1950 г. — 62 млн.

Денежная реформа 1947 г. и уровень жизни населения. В годы войны наряду с резким возрастанием производства военной продукции производство потребительских товаров сократилось, уменьшился розничный товарооборот. Для покрытия возрастающего дисбаланса выпускалось в обращение большое количество денег. В результате эмиссии произошло перераспределение сбережений между городом и деревней в пользу последней. Кроме того на временно оккупированных территориях гитлеровцы пускали в оборот фальшивые деньги, что также увеличивало их излишек в обращении.

В послевоенные годы наблюдалось растущее обесценение денег; на фоне карточной системы в условиях дефицитности продуктов и товаров народного потребления расцветала спекуляция. Для изъятия излишков денег в обращении (по официальной версии прежде всего у спекулянтов) и в связи с отменой карточной системы в 1947 г. была проведена *конфискационная денежная реформа*. При ее подготовке осенью 1946 г. было проведено сближение пайковых и коммерческих цен — повышение первых и снижение вторых. Были существенно подняты пайковые цены практически на все товары, распределяемые по карточкам. Так, цена 1 кг черного хлеба подскочила с 1 руб. до 3,4 руб., 1 кг мяса — с 14 до 30 руб., сахара — с 5,5 до 15 руб. Одновременно почти на 30 млн. ч. был сокращен контингент населения, снабжавшегося по карточкам. В результате поползли цены на рынках, особенно на продовольственные товары, возросли масштабы спе-

куляции. Повышение пайковых цен было скомпенсировано увеличением мало- и среднеоплачиваемым рабочим и служащим заработной платы (“хлебная надбавка”).

Реформу, намеченную первоначально на 1946 г., не удалось провести тогда из-за сильного неурожая; зато в том же 1946 г. была достигнута сбалансированность государственного бюджета, превышение доходов над расходами.

Денежная реформа заключалась в обмене наличных денег на новые в соотношении 10:1 и дифференцированной переоценке денежных сбережений: мелкие вклады в сберкассах (до 3 тыс. руб.), составлявшие 80% всех вкладов, не подлежали переоценке; вклады, превышавшие 3 тыс. руб., переоценивались сверх этой суммы до 10 тыс. руб. — в соотношении 3:2, а от 10 тыс. до 100 тыс. руб. — в соотношении 2:1; сбережения свыше 100 тыс. руб. обменивались, как и наличные, — 10:1. Денежные средства колхозов и кооперативов на счетах обменивались в соотношении 5:4. Облигации массовых займов обменивались на облигации нового займа в соотношении 3:1, а облигации свободно реализуемого займа 1938 г. — 5:1; облигации займа 1947 г. переоценке не подлежали. Зарплата осталась прежней, но выплачивалась новыми деньгами.

Реформа, конечно, способствовала стабилизации финансовой системы в стране, но пострадали от нее в подавляющем большинстве не спекулянты — они своевременно переводили свои сбережения в золото, драгоценности и т.п., а люди, не хранившие денег в сберкассах: техническая интеллигенция, получавшие надбавки рабочие вредных производств и, больше других, сельские жители — ведь на селе сберкасс не было.

Одновременно с денежной реформой были отменены карточки в городах. Коммерческие цены также были отменены, на продукты питания устанавливались бывшие пайковые цены (кроме хлеба и круп, на которые цены были ниже пайковых), а на промышленные товары — в 3-3,5 раза ниже. В целом после отмены карточной системы государственные розничные цены в 1948 г. стали на 17% ниже предреформенных, а рыночные снизились более чем втрое. Конечно, наблюдался большой приток вкладов населения в сберкассы.

Отмена карточек не была подготовлена созданием достаточных резервов продуктов и промтоваров (кроме Москвы и Ленинграда).

На периферии в первые же дни и недели после отмены пришлось вновь вводить карточки, спецталоны, заборные книжки и т.п.

С 1947 г. до 1954 г. ежегодно (обычно 1 марта) объявлялось **снижение розничных цен** на товары массового потребления. Было проведено семь снижений, включая и то, что было проведено вместе с денежной реформой; суммарный выигрыш населения от этого составил около 30 млрд. руб. Номинальная заработная плата постоянно росла. Все это позволяет некоторым исследователям говорить об этом периоде как о “золотом веке” развития советской экономики.

На самом деле в 1948—1954 гг. розничные цены с уровня 1947 г., втрое превышавшего довоенный уровень 1940 г., снизились в 2,2 раза. К тому же ежегодные снижения цен почти не затрагивали товары первой необходимости и касались в большинстве случаев тех промышленных товаров, которые в силу несбалансированности планов не находили спроса. Все это проводилось на фоне ограничения зарплаты и повышения норм выработки, ежегодных массовых займов, как правило, в размере месячной зарплаты (государственный долг по займам составлял за тот же период более 20 млрд. руб.) и практического самообеспечения крестьян, а их было в то время 44% от всего занятого населения. Таким образом, плоды даже такого относительного снижения цен одна часть населения получала за счет другой.

С другой стороны, низкие объемы производства товаров конечного потребления и услуг создавали дефицит и условия для скрытого перераспределения доходов (спекуляций). В результате росла реальная стоимость жизни. В городах уровень жизни 1928 г. (едва дотягивавший до уровня 1913 г.) был достигнут только в 1954 г.

Результаты развития экономики к концу сталинского периода.

К началу 50-х годов. страна подошла восстановив более или менее довоенную экономику и воссоздав административно-репрессивную систему управления. Но появились новые проблемы, вызванные и пережитой войной, и нараставшими напряжениями в социально-экономической системе.

В общем объеме людских потерь в период войны 76%, т.е. около 20 млн. ч., пришлось на мужчин, из них больше других по-

страдало поколение, родившееся в 1901—1931 гг., т.е. наиболее дееспособная часть мужского населения. Это породило тяжелую демографическую проблему: соотношение женщин и мужчин в 1946 г. составляло в среднем по стране 1,27:1; в деревне демографическая ситуация складывалась еще более неблагоприятно — 2,7:1. Тем не менее относительно высокий уровень рождаемости в стране, который рос в течение 1946—1949 гг. (за исключением 1948 г.), а затем стабилизировался, позволил в конце концов восполнить демографические потери войны. Уже к началу 1953 г. численность населения СССР достигла уровня 1940 г.

В сельском хозяйстве темпы роста производства были чрезвычайно низки, почти нулевые, а уровень жизни на селе откатился к уровню конца прошлого столетия. В доход государства забиралось из сельского хозяйства больше, чем возвращалось ему. Цены на зерно, мясо, молоко не всегда покрывали даже расходы колхозов на доставку этих продуктов к железной дороге. К 1953 г. по сравнению с 1940 г. вдвое выросли поставки селу удобрений, почти в полтора раза выросли энерговооруженность и основные фонды колхозов, тем не менее сельскохоззяйственное производство сокращалось. Промышленность хронически недополучала сырье.

С 1947 г. в хозяйстве наблюдались те же циклы, что и в 30-е годы: сначала быстрый рост инвестиций (1947—1948 гг. — до 22% от величины национального дохода), затем “перегрев” экономики (1949—1950 гг.), рост незавершенного производства, растущее количество долгостроев, прогрессирующее замедление темпов, ухудшение общеэкономических характеристик, рост инфляции. Практически неконтролируемый рост незавершенного строительства неминуемо вел к расстройству организации промышленности и всего хозяйства.

Наконец, эти годы можно назвать апогеем концлагерей. К началу пятидесятых годов количество заключенных в лагерях было максимальным за все десятилетия (8—9 млн. ч., не считая 1,5 млн. немецких и 0,5 млн. японских военнопленных), так как тем, у кого оканчивались сроки, их автоматически продлевали: правительство не могло отказаться от столь необходимой ему практически даровой рабочей силы. Это помогало держать в повиновении и остальное общество и при отсутствии экономиче-

---

ских стимулов поддерживать определенный уровень производительности труда.

Возврат к модели развития 30-х годов вызвал значительные экономические потрясения, резко ухудшившие в 1951—1953 гг. все хозяйственные и социальные показатели. Таким образом послевоенный период явился закономерным итогом реализации политической и экономической модели, принятой в конце 20—начале 30-х гг., и временно прерванной войной.

В результате, в начале 50-х годов в стране назревал кризис экономики и социальной системы.

Глава 22

Развитие экономики в хрущевские годы

(1954—1964 гг.)

Попытки изменения сталинского механизма управления страной.

Вплоть до 1953 г. страна жила в условиях чрезвычайного перенапряжения всех сил. Во время индустриализации, войны и послевоенного восстановления преимущественно чрезвычайные административные методы управления хозяйством были оправданы как относительно временные, соответствующие ситуации. В 1953 г. закончилась война в Корее, грозившая в любой момент перерасти в мировую. Закончилось и послевоенное восстановление. Исчезли основания для сохранения чрезвычайных мер административного централизма.

В исключительных условиях чрезвычайные методы обеспечивали выполнение любой ценой узкого круга задач, как правило, в области тяжелой промышленности и создания вооружения, все прочее отбрасывалось как мешающее главному. А в мирной жизни главным становится все. Но за 40 лет административного управления привычка к исключительному в экономике засела в умах; ненормальная, чрезвычайная ситуация стала восприниматься как норма и в руководящих кругах, и в обществе. Ведь 40 лет — продолжительность жизни по меньшей мере двух поколений.

После смерти Сталина появилась реальная возможность если не принципиально изменить сложившийся репрессивный механизм сверхцентрализованного управления хозяйством и обществом с его чрезвычайщиной по любому поводу, то по крайней мере смягчить его. Эти изменения связаны с именем Н.С. Хрущева. Первые его шаги были связаны с устранением наиболее вопиющих дисбалансов в хозяйстве и обществе. С раскрепощением сельского хозяйства страна моментально наполнилась продуктами. Далее последовали разрушившие систему страха критика “культы личности”, ликвидация ГУЛАГа, реабилитация безвинно осужденных и развитие “оттепели”. Сокращение армии вызвало разворачивание жилищного строительства в городах. Закончился же этот славный период пустыми полками магазинов, расстрелом народной революции в Венгрии (1956 г.) и расстрелом мирной рабочей демонстрации в Новочеркасске (1962 г.).

Изменению политики способствовало принятие в 1961 г. новой программы партии. На фоне главной программной идеи — движение к казавшемуся близким коммунистическому будущему (планировалось создать материальные условия коммунизма за 20 лет — к 1980 г.; партия выдвинула лозунг “Наше поколение будет жить при коммунизме”) — ставка на материальный интерес выглядела бы досадным “пережитком капитализма”. Во времена Хрущева получила развитие другая тенденция, тяготеющая к уравнительному принципу распределения благ: повышение минимальной зарплаты, рост выплат и пособий из общественных фондов потребления, что, безусловно, решило ряд проблем для малообеспеченных групп населения, но привело к падению престижа высококвалифицированного труда.

Этот период, так же, как и другие, для полного понимания целесообразно разделить на отдельные частные периоды — период хозяйственного подъема (1953—1958 гг.) и период замедления развития (1959—1964 гг.). Естественно, выделение этих периодов в экономике также взаимосвязано с политическими явлениями: в данном случае первый период совпал с борьбой Хрущева за полноту власти, а второй — с его реально единовластным правлением государством.

Подъем сельской экономики (1954—1958 гг.). После смерти Сталина за власть в стране реально боролись две силы, две по-

литические фигуры — Г.М. Маленков, бывший тогда председателем Совета министров, а с 1945 г. по 1952 г. курировавший сельское хозяйство и, конечно, знавший его состояние, и Н.С. Хрущев — первый секретарь ЦК КПСС.

Программа Маленкова, если судить о ней по его докладу на Верховном Совете в августе 1953 г., складывалась из трех составляющих — социальная переориентация экономики (и прежде всего преимущественное развитие промышленности товаров народного потребления), изменение политики в отношении деревни, разрядка в международных отношениях. Особое внимание уделялось в докладе, послужившем основанием для принятия Верховным Советом соответствующего закона, обоснованию нового курса в аграрной политике.

В соответствии с принятым законом коренным образом изменялась система налогообложения села: вводился принцип *твердого налогообложения* с 1 га приусадебного хозяйства независимо от его доходности. Общая сумма налога снижалась при этом с 9,5 млрд. руб. до 4,1 млрд. руб. Во-вторых, приусадебные участки теперь разрешалось увеличить (примерно в 5 раз). И, наконец, все старые долги колхозников перед государством списывались. После этого выступления имя Маленкова стало очень популярным среди крестьянства (“Пришел Маленков — поели блинков”).

Но путем аппаратных игр Хрущев перехватил инициативу у Маленкова и, будучи первым секретарем ЦК КПСС, конечно, выиграл политическую борьбу.

Хрущев начал свою самостоятельную деятельность с сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Основные решения пленума, подтверждающие и развивающие постановление Верховного Совета (кстати, это был единственный случай в истории страны, когда не ЦК партии, а Верховный Совет был инициатором серьезной перестройки), были направлены на ликвидацию кризиса в сельском хозяйстве:

- повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию;
- списание огромных долгов с колхозов;
- повышение оплаты труда в колхозах и совхозах;
- снижение налогов с приусадебных участков и отмена обязательных поставок продуктов с них.

Заготовительно-закупочные цены с 1953 г. по 1960 г. в несколько приемов были подняты — на зерно в 7 раз, мясо — в 12, молоко — в 4 раза, что позволило резко повысить доходы колхозников и их материальную заинтересованность в расширении производства.

Положительные результаты появились очень быстро. Доходы колхозников росли с 1954 г. до 1958 г. Этот период считается самым успешным за всю историю советской деревни. Средний темп прироста валовой продукции сельского хозяйства составлял в те годы 9,2%. Хотя, надо признать, прирост по целому ряду показателей был получен в основном за счет увеличения продуктивности приусадебных участков, а не общественных хозяйств.

Приостановилось бегство сельского населения из деревни. С 1954 г. по 1956 г. в СССР впервые за послевоенный период наблюдался прирост сельского населения.

Следующим мероприятием (февральский пленум ЦК КПСС 1954 г.) было решение об *освоении целинных и залежных земель*, предполагавшее увеличение на 30% всех сельскохозяйственных земель. Естественно, освоение столь большой массы новых земель потребовало значительного развития сельскохозяйственного машиностроения, агрохимии, других отраслей промышленности и машиностроения, связанных с обслуживанием сельскохозяйственного производства. Столь огромное приращение пахотных земель с 1956 г. и по 1963 г. давало постоянный рост валовых сборов сельскохозяйственной продукции.

После первого хорошего урожая на целине в 1956 г. было принято решение о ликвидации МТС (они преобразовывались в РТС — ремонтно-технические станции) и продаже сельскохозяйственной техники колхозам. Это поставило в тяжелые условия и МТС, и колхозы: расплатиться за технику сразу колхозы без государственных дотаций не могли и вынуждены были использовать для этого все свои накопления в течение нескольких лет. Ухудшилось материальное положение механизаторов, понизился и их социальный статус — из сельской элиты они превратились в обыкновенных колхозников.

Начиная с 1956 г. вновь наблюдается поэтапное наступление на крестьянство; курс на материальную заинтересованность колхозников, на подъем личных подсобных хозяйств претерпел на-

столько серьезные изменения, что от него через несколько лет по сути уже ничего не осталось. С марта 1956 г. запрещалось увеличивать размер приусадебных участков колхозников и даже рекомендовалось сокращать их.

Общее экономическое развитие страны в 1954—1958 гг. Борьба за власть между Маленковым и Хрущевым после смерти Сталина заставляла каждого из них искать способы привлечения поддержки населения. Один из них связан с выделением значительных дотаций определенным производственным секторам: производству товаров широкого потребления — со стороны Маленкова и продукции сельского хозяйства — со стороны Хрущева. Принятый в августе 1953 г. по инициативе Маленкова бюджет на 1953 г. предусматривал большие дотации на производство товаров широкого потребления, цены на которые были значительно снижены, и в пищевые отрасли (в конце 1953 г. хлеб стоил втрое дешевле, чем в 1948 г.). Как и следовало ожидать, снижение цен сопровождалось ростом дефицита. Пересмотренные в связи с этим планы впервые в советской истории предусматривали рост производства ширпотреба (13%) выше роста выпуска средств производства (11%). Правда, несколько позднее, в сентябре Хрущев, перехватив инициативу, настоял на очередном пересмотре этих планов в пользу дотаций сельскому хозяйству, для предотвращения полного его краха.

Тем не менее 50-е — начало 60-х годов по праву считаются самым успешным периодом в развитии советской экономики с точки зрения как темпов экономического роста, так и эффективности общественного производства. Можно было бы назвать его последним периодом *нормального экстенсивного развития* в том смысле, что основные ресурсы такого развития — природное сырье, капитальные вложения и экономически активное население — еще позволяли в этот период обеспечить прирост производства; в последующие годы эти ресурсы стали катастрофически сокращаться. Средние темпы экономического роста — 6,6% в 50-е годы — были наиболее высокими за всю историю СССР (исключая периоды восстановления после войн или разрухи). Вместе с тем уже в конце 50-х годов отчетливо обозначился спад темпов экономического развития.

С завершением в начале 50-х годов восстановительного периода был создан достаточный инвестиционный потенциал, позволивший в дальнейшем обеспечить (в русле общемировых процессов того времени) высокие темпы экономического развития. Во второй половине 50-х годов повысилась эффективность использования основных средств, быстро росла производительность труда во многих отраслях. Повышение эффективности производства способствовало значительному росту внутрихозяйственных накоплений, за счет этого стало возможно более полноценно финансировать непроектную сферу. На осуществление социальных программ была также направлена часть средств, полученных в результате сокращения расходов на оборону.

В целом промышленность в начале 50-х годов развивалась, как и прежде, за счет постоянного роста капитальных вложений, ввода новых мощностей. Среди научно-технических достижений этого периода необходимо отметить создание атомной бомбы (1953 г.), пуск первой атомной электростанции в г. Обнинске (1954 г.) и запуск первого спутника Земли (1957 г.). Провозглашенная Хрущевым политика освобождения общества от сталинских репрессий (*“оттепель”*) вызвала подъем энтузиазма, что вылилось в кратковременный рост производительности труда во второй половине 50-х — начале 60-х годов как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Тем не менее прирост производства был несопоставим с ростом капитальных вложений.

Следует отметить что *“оттепели”* в социально-политических отношениях после XX съезда партии (февраль 1956 г.) соответствовала *“оттепель”* в экономике. Это проявилось прежде всего в отмене уголовного права в трудовых отношениях (хотя это и не было завершено при Хрущеве). В этот же период усилилось значение профсоюзов (во многом чисто популистское).

В середине 50-х заметен рост благосостояния населения. С 1956 г. сокращен рабочий день, введены сокращенные рабочие дни на два часа перед выходными и праздниками; для подростков 16-18 лет установлен 6-часовой рабочий день; увеличены отпуска по беременности до и после родов — до двух месяцев. Тогда же были увеличены пенсии, поднята зарплата низкооплачиваемым работникам. Был прекращен выпуск массовых займов, отменена плата за обучение в школах, техникумах и вузах. Зара-

ботная плата в 1953—1958 гг. повышалась в среднем на 6% ежегодно. Росло и потребление — овощей и фруктов — в 3,4 раза, молочных продуктов — на 40%, мяса — на 50%, рыбы — на 90%.

В 1957 г. принято постановление об увеличении жилищного строительства — темпы его резко подскочили: началась массовая застройка городов дешевым жильем. “Хрущобы” существенно разрядили жилищную проблему в городах. Впервые заметно возросла обеспеченность жильем: в городах она увеличилась за 1957—1960 гг. на 40% в расчете на душу населения. Начал меняться и жилищный стандарт — вместо комнат в коммуналках на отдельные квартиры.

В 1957 г. борьба двух группировок в руководстве страной закончилась победой Хрущева, соединившего в одном лице партийную и государственную власть. Не прошло и двух лет с этого момента, как началось заметное падение темпов экономического развития.

Период замедления экономического развития (1959—1964 гг.).

Провозглашенная Хрущевым экономическая политика была полна противоречий. Ее главные направления: повышение уровня потребления; высокие темпы экономического развития и крупные капиталовложения в тяжелую промышленность не могли быть совмещены по времени и реализованы совместно. Любая из них противоречит двум другим. Поэтому в реализации должно было выиграть какое-то одно направление. И им стало в конце концов преимущественное развитие тяжелой промышленности и ВПК.

С получением полномочия Хрущев начал волюнтаристскую политику “большого прыжка вперед”. Она опиралась на быстрое развитие химической индустрии, электроэнергетики и массовое обновление станочного парка. Рост добычи нефти и газа изменил структуру топливно-энергетического баланса, хотя и с опозданием на 20 лет по отношению к развитым промышленным странам. Развивалось техническое и экономическое сотрудничество с другими странами, особенно в рамках СЭВ (*Совет экономической взаимопомощи* социалистических стран).

Начало 60-х годов — годы триумфа советской космической техники: в 1961 г. первый полет человека в космос (Ю. Гагарин), в 1965 г. — первый выход человека в открытый космос (А. Лео-

нов). О неудачах и катастрофах в то время не принято было сообщать, поэтому освоение космоса представлялось запрограммированной цепью грандиозных успехов техники Советов.

За семилетку 1959—1965 гг. с пуском Кременчугской, Волжской и Братской электростанций высоких показателей в развитии достигла тепло- и гидроэнергетика, значительно увеличились темпы роста химической промышленности (в то время партия к известному с 30-х годов ленинскому лозунгу — “Советская власть есть диктатура пролетариата плюс электрификация всей страны” добавила *“плюс химизация”*), более чем вдвое выросла добыча нефти и вчетверо — добыча газа; быстро развивалось и машиностроение.

В то же время в промышленности отмечались те же отрицательные явления, что и в конце 1940-х—начале 1950-х годов:

- значительное увеличение капиталовложений и быстрый рост кредитов, превышавших возможности государственного бюджета;

- резкий и неконтролируемый рост отраслей, производящих средства производства;

- увеличение дефицита, связанное со снижением интенсивности развития отраслей, производящих предметы потребления.

Плановые задания по развитию промышленности выполнялись лишь с учетом ежегодных *“корректировок”* в сторону снижения. Темпы роста сократились с 13—14% в 1958 г. до 8—10% в начале 1960-х годов. Снизились показатели эффективности работы промышленности — темпы роста производительности труда, фондоотдача.

В сельском хозяйстве также произошло заметное снижение темпов роста — с 7,6% в 1953—1958 гг. до 1,5% и ниже в начале 1960-х годов; вместо планировавшихся на семилетку 1959—1965 гг. 70% прирост сельскохозяйственного производства составил всего 12%—14%. “В силу ряда неблагоприятных факторов”, как заявляло правительство, планы развития сельского хозяйства существенно не выполнялись.

Управленческие реформы Хрущева. Основные принципы экономической доктрины не пересматривались ни Хрущевым, ни его преемниками. Возникавшие трудности и проблемы эконо-

мического развития объяснялись недостатками руководства и управления — излишней бюрократизацией, сверхцентрализацией и т.п. Отсюда и все реформы Хрущева носили характер реорганизаций и были направлены на борьбу с бюрократизацией управления и предоставление большей самостоятельности республикам и регионам, ни на йоту не затрагивая существа экономических отношений.

Первые реорганизационные шаги были связаны с расширением прав местных органов управления — в районе, области, республике (январь 1954 г.): они касались упрощения местной бюджетно-финансовой отчетности, планирования, принятия решений по сельскому хозяйству, народному образованию, здравоохранению и культуре. Следующим шагом было упрощение структуры министерств и других звеньев управления, сокращение управленческого аппарата (октябрь 1954 г.): были упразднены около 10 тыс. главков, отделов, трестов и т.п. Наконец, в мае 1955 г. были расширены функции и права союзных республик — в области планирования, капитального строительства, бюджета, труда и заработной платы и т.д. Все эти мероприятия по децентрализации управления подготовили главную реорганизацию 1950-х годов — перестройку системы управления промышленностью и строительством по территориальному принципу.

Административная реформа управления народным хозяйством была начата в 1957 г. — вместо 10 промышленных министерств-монстров были созданы территориальные органы управления народным хозяйством — *совнархозы*. Уже не министерствам, а территориальным совнархозам подчинялись предприятия. Считалось, что это позволит наладить взаимодействие расположенных рядом предприятий. Госплан — главный и влиятельнейший орган хозяйственного управления — был реорганизован и разбит на две части — Госэкономкомиссию (краткосрочное и текущее планирование) и собственно Госплан для перспективного планирования: две эти функции были разорваны, причем преобладать стала первая. Одновременно неслыханного влияния достигла система материально-технического снабжения во главе с Госснабом.

После трех-четырёх лет благоприятной конъюнктуры в промышленности темпы ее роста стали замедляться. Совнархозы стали обнаруживать свои отрицательные стороны — замедлились

научно-технический прогресс, внедрение новых товаров и технологий. Появились центробежные явления — области стремились выделиться в самостоятельные экономические районы.

С целью выправить положение очередными организационными мерами в 1962 г. были созданы отраслевые комитеты, призванные концентрировать у себя совершенствование производства, а в дальнейшем все более перетягивавшие на себя с совнархозов функции (и, главное, деньги) по развитию и расширению производства и капитального строительства. В 1963 г. для координации совнархозов и комитетов были организованы Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), а чуть раньше (1962 г.) и четыре общесоюзных комитета — Госплан, вернувший себе прежние функции, Госкомитет по материально-техническому снабжению (Госснаб), Госкомитет по ценам (Госкомцен) и Госкомитет по науке и технике (ГКНТ). Тем самым была создана огромная и мощная бюрократическая надстройка над совнархозами.

В целом экономическая политика конца 50—начала 60-х годов характеризовалась непродуманными мероприятиями и множественными перегибами. Причины их, как и прежде, заключались в попытках совместить противоречивые цели. С одной стороны, необходимость мобилизации производительных сил порождала принуждение, а с другой — для достижения положительных результатов было необходимо поднять активность трудящихся. В результате, как и следовало ожидать, последовали — непродуманные реформы во многих областях хозяйства и управления, спад производства и кризис середины 60-х годов.

И лишь в конце своего правления на фоне экономического и политического кризиса Хрущев повернулся к идее более глубокой экономической реформы; но времени на ее подготовку и реализацию у него уже не было.

Перегибы в хозяйственной политике и кризис середины 1960-х.

В этот период партией по инициативе Хрущева провозглашались различные, порой авантюристические инициативы. Например, в 1957 г. был выдвинут лозунг “Догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения” (мяса в 1956 г. на одного американца производилось 102 кг, а на жителя СССР — только 32 кг). Страна не обладала необходимыми для этого воз-

возможностями, а в условиях партийно-административного управления это не могло привести ни к чему кроме показухи: стремясь отчитаться о выполнении заданий, многие обкомы давали команду резать скот, включая и основное стадо. В результате значительно сократилось и без того недостаточное поголовье скота.

Не менее авантюристичной была и попытка повсеместного выращивания кукурузы. Она не дала ожидаемого результата в силу отсутствия подходящих климатических условий, необходимой агротехники и селекционных материалов. Это можно рассматривать как классический пример безответственного политико-административного воздействия на экономику.

С 1959 г. возобновилась борьба против приусадебных участков. Чтобы крестьяне лучше трудились в колхозе, участки стали сокращать или даже вовсе отбирать. Снова непомерно выросли налоги. Потоки сельских жителей опять хлынули в города.

К числу экономических перегибов следует отнести ликвидацию МТС и продажу техники колхозам, очередное укрупнение колхозов. Как только в 1957 г. был остановлен рост зарплат на селе, рост валовой продукции сельского хозяйства тотчас сократился вдвое. Объяснялось же это частными технологическими просчетами, ошибками в селекции и агротехнике.

Особенное место в ряду партийных инициатив занимает освоение целинных и залежных земель. Само по себе расширение посевных площадей в тот период, думается, было оправдано. Однако метод кампанейщины в этом серьезнейшем деле привел к огромным потерям, и относительно высокие урожаи давали весомую прибавку лишь в течение первых трех-четырех лет с 1956 г. Валовые сборы продолжали сокращаться. В 1963 г. перед лицом неурожая срочно на золото (1 млрд. долл.) закупили пшеницу в Канаде и Австралии — 12 млн. тонн — после чего начались регулярные закупки зерна за рубежом.

Хрущев пытался внести перемены и в социальные процессы. Улучшение жилищных условий за счет дешевого массового строительства, повышение заработной платы, пенсий, упорядочение условий увольнения с предприятия, реабилитация политических заключенных — все это, конечно, улучшало социальный климат в обществе. Вместе с тем такие внедряемые сверху мероприятия, как школьная реформа (обязательное производственное обуче-

ние для большинства молодежи после восьмого класса), реформа русского языка и ряд других, вызывали раздражение.

Наконец, провозглашение явно нереальных плановых заданий на семилетку 1959—1965 гг. (“Догнать и перегнать США как по абсолютному, так и по душевому производству”), принятие в 1961 г. новой программы партии и обещание построения материальной базы коммунизма в течение ближайших двадцати лет — все это на фоне снижения темпов развития производства, неурожая и всеобщего дефицита подорвало доверие к Хрущеву и правительству, а чрезмерная централизация управления ликвидировала остатки стимулов к производительному труду.

Если при Сталине проводилась политика систематического снижения розничных цен за счет ограбления деревни, то с конца 50-х годов цены оказались замороженными. Закупочные цены стали быстро обгонять розничные, и государство было вынуждено выделять растущие год от года дотации сельскому хозяйству, чтобы удержать розничные цены на продукцию, прежде всего животноводства, на прежнем низком уровне. В 1962 г. государство, не выдержав такой нагрузки, вместо выделения дотаций повысило цены на сельскохозяйственную продукцию.

Повышение оптовых цен (на 20—30%) в 1962 г. впервые перенесли на розничные цены (повышение на 30%), одновременно заморозив заработную плату. Это привело к возникновению стачек на многих предприятиях и расстрелу демонстрации в Новочеркасске.

Повышение цен, появление новых дефицитов было отражением нарастания кризисных явлений в экономике страны в целом.

Осенью 1963 г. разразился новый кризис — из магазинов исчез хлеб. Целина без грамотного земледелия исчерпала себя и перестала давать урожай, в Нечерноземной зоне после освоения целины забросили зерновое хозяйство, а в Черноземной зоне был неурожай.

Неурожай 1963 г. (собрали всего 40 млн. т) окончательно подорвал экономику страны. Таким образом, отставка Хрущева в 1964 г. была в большей степени результатом кризиса экономики, который усугублялся недовольством чиновников (из-за постоянных перестановок в управленческих структурах), партийного аппарата (по новой программе партии он должен был регулярно

переизбираться), военных (сокращение обычных войск в угоду ракетным), чем заговора в партийно-правительственных кругах.

Подводя итоги экономического развития во втором периоде хрущевского правления, мы наблюдаем возврат все к той же довоенной модели. Неконтролируемый рост тяжелой и добывающей промышленности, чрезмерное увеличение капитального строительства, давление на сельскохозяйственный сектор. Массовый приток низкоквалифицированной рабочей силы из села вел к общему снижению производительности. Итогом подобной политики стало снижение общих темпов экономического роста, увеличение товарного дефицита в результате снижения темпов производства предметов потребления и растущей несбалансированности доходов и расходов населения.

Глава 23

Период торможения экономики

(середина 1960—середина 1980-х годов)

Отставка Хрущева и замена его на посту главы партии и государства Л.И. Брежневым означала по существу успех консервативных сил. Причем если до 1972 г. это был “просвещенный консерватизм”, то после него начались явный застой в политике, идеологии и стагнация в экономике.

В первые годы брежневской власти шла борьба за установление той или иной модели управления между резко консервативной группой (М.А. Сулов и “днепропетровская группа” — А.П. Кириленко, К.У. Черненко, В.В. Щербицкий, Д.А. Кунаев и другие) и “либералами-технократами” во главе с А.Н. Косыгиным. Брежнев выступал за частичную децентрализацию при неизменности административного управления; его приоритеты — тяжелая индустрия, оборонный комплекс. Косыгин предлагал частичное введение рынка, экономических регуляторов; его “конек” — легкая промышленность и производство товаров народного потребления.

Чехословацкий кризис, американская агрессия во Вьетнаме, ряд других событий и обстоятельств дали преимущество резко консервативной линии: к 1973 г. в руководстве страной укрепился реакционный консерватизм.

Главным требованием консерваторов с самого начала брежневского правления была стабильность партийных и государственных структур, даже при низкой эффективности хозяйствования. Это требовало свертывания подготовленных при Хрущеве реформ, но, конечно, постепенного, для сохранения очень шаткого консенсуса старых и новых сил. Этим объясняется сохранение некоторых старых тенденций — проводимая идеологически общая линия на повышение уровня жизни народа с одновременными попытками поддержания высоких темпов развития промышленности.

Добиться всего этого без реформ было невозможно, но и потерять в ходе реформ завоеванную стабильность аппарата — недопустимо. Партийно-государственное руководство приняло решение продолжать готовившиеся еще при Хрущеве реформы, но при жестком их контроле и тщательном подборе кадров для управления их реализацией. Лучший способ провалить любую программу при ее внешней поддержке — поручить выполнение заведомому ее противнику. Именно такой была сплошь и рядом политика правительства в отношении к реформам. Например, руководство реализацией подготовленной еще при Хрущеве экономической реформы в 1965—1968 гг. было поручено одному из ее противников — А.В. Бачурину, поставленному для этого заместителем председателя Госплана СССР, ответственным за реформы.

Реформа 1965—1968 гг. Реформа началась с упразднения совнархозов и восстановления производственных министерств, число которых постоянно увеличивалось и достигло к началу 80-х годов около 100 союзных и 800 республиканских. В добавление к ним были воссозданы и укреплены четыре мощных комитета — восстановленный в первоначальном виде Госплан, Госснаб, Госкомцен и Госкомитет по науке и технике. Именно эти комитеты концентрировали в своих руках основную часть экономического управления народным хозяйством.

Одновременно реформа предоставила предприятиям некоторую самостоятельность: число утверждаемых планом “наверху”

показателей было сведено к минимуму (осталось всего пять обязательных показателей — объем натурального выпуска, валовая продукция, *реализованная продукция*, фонд зарплаты и объем централизованных капитальных вложений); остальные показатели предприятия устанавливали самостоятельно. Впервые после 1931 г. был введен ряд экономических показателей (*прибыль, рентабельность*), хотя тогдашний *хозрасчет* не подразумевал рынка и самоуправления предприятий. Для стимулирования эффективного использования основных фондов была введена *плата за фонды*. Наконец, часть доходов стала оставаться у предприятий; из них (по нормативам по отношению к прибыли) формировались различные *фонды материального стимулирования* — *фонд материального поощрения, фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства* — и *фонд развития производства*; напомним, что раньше у предприятия забирали весь доход.

Были попытки отдельных предприятий воспользоваться предоставленными реформой возможностями для действительно самостоятельной политики, дававшие поразительные для того времени результаты. Наиболее известны Щекинский химкомбинат в Тульской области (впоследствии объединение “Азот”), где при сокращении численности работающих резко увеличилось количество и качество выпускаемой продукции, и Львовский телевизионный завод — в промышленности, совхоз под руководством Худенко в Казахстане, где на порядок увеличилась производительность труда и уровень жизни работников, ряд других предприятий в разных отраслях хозяйства.

Наиболее успешными результаты экономической реформы 1965 г. были в первые два-три года. В 1965—1970 гг. объем промышленного производства вырос на 50%, а сельскохозяйственного — на 21%. Однако уже к концу 1960-х годов вновь начался спад темпов развития, который привел к глубокому экономическому кризису.

В целом попытки провести экономическую реформу при одновременном свертывании демократизации в социально-политической сфере оказались безуспешными. Противоречивость реформ, сопротивление им со стороны партийно-государственного аппарата не могли дать положительного результата: фонды уже через несколько месяцев не работали на стимулирование эффек-

тивного производства, число планируемых показателей постепенно, но очень быстро выросло до прежнего уровня, ведомственность в еще большей чем раньше степени сковывала инициативу предприятий. В условиях отсутствия рыночных отношений и ограниченной финансовой системы наибольшую значимость в управлении народным хозяйством получила система материально-технического снабжения во главе с Госснабом.

Остановка экономического развития. Экономика страны в начале 70-х годов была достаточно развитой, но плохо сбалансированной и технологически отсталой. Тяжелая и сырьевые отрасли промышленности, а также военно-промышленный комплекс, представлявший собой совершенно замкнутую технологическую группу, развивались относительно успешно. Зато гражданские отрасли машиностроения, не говоря уже об отраслях, работающих на народное потребление, существенно отставали в своем развитии и от ВПК, и тем более от общемировых тенденций. Причем это отставание постоянно нарастало.

К 1970 г. СССР, к примеру, вшестеро превосходил США по уровню добычи железной руды и во столько же раз отставал в производстве предметов потребления. Гипертрофия добычи ресурсов и первичной их обработки определяла огромную энергоемкость производства. Так, на Западе для производства 1 кг конечного продукта расходовалось 4 кг исходного природного материала, а в СССР — 40 кг.

Хронически отставал аграрный сектор экономики. Страна, имея более половины мировых площадей черноземов, не могла прокормить население, создать надежную базу для развития индустрии и сферы услуг.

Отказ от радикальных преобразований, торможение реформ привели к кризису, очевидному уже к середине 70-х годов. И если бы не *энергетический кризис* во всем мире (мировые цены на сырую нефть в течение полугода выросли на порядок) и совпавшее с этим освоение нефтяных и газовых богатств Сибири, экономический, а вслед за ним и политический кризис в России разразился бы именно тогда.

Энергетический кризис, многократное подорожание энергоносителей заставили развитые государства мира быстро осуществ-

вить структурную перестройку промышленности, перейти на новую организацию производства, освоить ресурсосберегающие и так называемые “высокие” технологии. Советский Союз, напротив, с кризисом еще более утяжелил свою экономику, доля добывающих производств в ней еще более возросла.

За счет продажи углеводородного топлива была временно снята необходимость реформ: опасность кризиса в народном хозяйстве отодвинулась и агония политической системы задержалась на десять-пятнадцать лет — до 1985 года.

Основную массу доходов приносил экспорт топлива из Сибири. И хотя точную картину экспорта представить невозможно (с середины 70-х годов вся информация по экспорту была засекречена), к 1980-му г. экспорт нефти доходил до 200 млн. т, газа — до 79 млрд. кубометров, угля — до 33 млн. т в год.

Наряду с этим с **1972 г. СССР твердо стал нетто-импортером зерна**. До этого его ввоз частично компенсировался экспортом. Ежегодно закупалось зерна на 15—16 млрд. долл.

Нефтедоллары использовались, помимо закупок продовольствия, для импорта машин и оборудования, причем в условиях безответственного административного управления закупки эти производились бессистемно и далеко не самых лучших технологий: на отрезке с 1972 по 1976 гг. импорт машин вырос в 4 раза. Но поскольку в условиях напряженнейшей работы в различных отраслях экономики импорт шел не на замену физически или морально устаревшего оборудования, а на создание новых производств, наряду с которыми продолжали работать с полной нагрузкой и старые, вместо роста эффективности народного хозяйства это привело к старению оборудования, снижению общей производительности труда, усилению инфляции и всеобщего дефицита. В этом заключалась одна из особенностей социалистической системы хозяйствования: невероятно трудно добиться разрешения на создание нового производства, но еще сложнее остановить и ликвидировать действующее, хотя бы и неэффективное предприятие.

Другая особенность хозяйствования, о которой уже не раз говорилось, высочайшая монополизированность социалистического производства, достигшая к концу 80-х годов своего апогея: например, из 5885 ассортиментных позиций в машиностроении 5120 производились на единственном предприятии.

Совершенно независимо от индустриальной политики развивалось, вернее стагнировало, сельское хозяйство. После отставки Хрущева политика в отношении деревни вновь смягчилась. С июля 1964 г. колхозникам, как и рабочим в городах, стали платить заработную плату и установили небольшую пенсию. Крестьяне получили обратно свои приусадебные участки. И хотя общая площадь их была невелика — менее 3% всех посевов, здесь в конце 70-х производилась треть всей сельскохозяйственной продукции.

Отток населения из деревни еще более усилился, когда в 1970 г. колхозникам разрешили “в виде исключения” получать паспорта. И только в 1974 г. правительство решило выдавать паспорта всем гражданам страны старше 16 лет, независимо от места их проживания — в городе или в сельской местности. Закончился затянувшийся более чем на 100 лет процесс уравнивания в правах сельских и городских жителей, начавшийся с высочайшего императорского указа 1861 г.

Выдача паспортов закончилась 31 декабря 1982 г. Она подвела итог грандиозному переселению из села в город, особенно активному в последние 50 лет. Если в 1932 г. крестьянство составляло две трети населения страны, то в 1982 г. — менее четверти (в сельской местности было выдано лишь 50 млн. паспортов). Ввиду оттока большого числа людей из сельской местности и отсутствия стимулов к производительному труду там стали возникать трудности, вызванные нехваткой рабочих рук. В результате получила большое распространение практика “шефской помощи” городских предприятий колхозам и совхозам по разверстке партии. Это в свою очередь заставляло предприятия в городе содержать резерв рабочей силы.

Постоянно сокращалось потребление, жизненный уровень падал. В условиях всеобщего дефицита в 1977 г. были введены продовольственные карточки или талоны на некоторые виды продуктов питания, а позднее и на промышленные товары. Широкую практику приобрело распределение товаров народного потребления и “внутренние распродажи” на предприятиях.

Проводившиеся каждые три-четыре года реформы управления выродились в косметический камуфляж. Для повышения “веса” предприятий в их противостоянии министерствам создавались промышленные, производственные, научно-производст-

венные объединения (ПО, НПО). Для повышения комплексности развития разрабатывались комплексные целевые программы (“Продовольственная программа”, например), создавались территориально-промышленные комплексы (Красноярский ТПК, Братско-Усть-Илимский ТПК и др.). Все это делалось исключительно формально и не могло изменить сложившейся кризисной ситуации в экономике.

В 1979 г. принято совместное постановление ЦК КПСС и СМ СССР “Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности и качества работы”. Судя по названию, предпринята еще одна реформа управления экономикой. Однако все свелось к декларациям и призывам. В основе лежало усиление системы нормативов, пронизывавших всю работу народного хозяйства, — *“нормативная чистая прибыль”*, *“нормативная стоимость обработки”*; даже цены на все виды продукции и услуг устанавливались также нормативно. Предполагалось, что таким образом можно снизить издержки и повысить эффективность. На деле множество одновременно действовавших цен лишь разбалансировали сложившиеся связи.

Этот период (как и все предыдущие периоды падения экономики) характеризовался организацией показушных “массовых” движений — “За качество”, “За экономию и бережливость” и т.п. Заметным полезным движением был, пожалуй, лишь *“бригадный подряд”*, результатом которого можно считать появление Закона о трудовом коллективе. Однако и бригадный подряд не получил широкого распространения в силу двух обстоятельств: с одной стороны, дифференциация в оплате труда в подрядных бригадах противоречила социалистическим принципам уравнительности; а с другой, дирекции нерешительно шли на увольнение высвободившихся работников, так как резерв рабочей силы был необходим для выполнения неожиданных распоряжений партийных и государственных властей (отправка людей и техники на сельскохозяйственные работы, строительство социально-бытовых объектов, выполнение множества внеплановых и, следовательно, неоплачиваемых работ).

Продекларированная в ходе реформ самостоятельность предприятий и фактическая их зажатость советской планово-распределительной системой на фоне постоянного и все возрастающе-

го дефицита привели к появлению в 70-е годы масштабной подпольной индустрии. Наряду с плановой централизованной экономикой укрепляются *“цеховики”*, разрастается *“теневая экономика”*, дающая возможность производства и продажи продукции в соответствии с доходами и предпочтением потребителей.

В 70-е годы ключевая роль в управлении советским обществом, определении характера и темпов его развития переходит к *“новому классу”*, классу управляющих, *“номенклатуре”*. Сформировавшийся еще в сталинский период высший слой партийных и хозяйственных функционеров был наделен огромной властью и привилегиями. Но в то время любой самый высокопоставленный представитель номенклатуры был лишен личной безопасности, испытывал постоянный страх за свою судьбу и судьбу своей семьи, свою карьеру. После смерти Сталина *“правлящий класс”* обретает стабильность, освобождается от страха за жизнь, а с приходом к власти Брежнева — и от многих моральных запретов.

Основу номенклатуры составлял высший слой партийных функционеров. В 60—70-е годы ряды *“нового класса”* расширяются за счет верхушки профсоюзов, ВПК, привилегированной научной и творческой интеллигенции. Его общая численность достигает 500-700 тыс. ч., а вместе с членами семей — порядка 3 млн., т.е. 1,5% населения страны. В рамках номенклатуры уже в начале 70-х годов возникли многочисленные корпоративные структуры со своими интересами и рычагами власти. По мере роста возможностей все острее становилась для номенклатуры потребность в настоящей собственности не только на предметы потребления, но и на промышленные и сельскохозяйственные предприятия и землю.

У многих высокопоставленных руководителей накопились уже не предметы потребления, а капиталы. Источниками обогащения стали всевозможные злоупотребления, систематические взятки, приписки, протекционизм, *“зоны вне критики”* наряду с упоминавшимся уже *“цеховым”* бизнесом. К концу брежневской эпохи *“новый класс”* через систему привилегированного образования, назначений, выдвижений по службе пытается создать систему передачи власти или хотя бы привилегий по наследству.

Следующим закономерным шагом перерождения советской правящей элиты стал фактический переход номенклатуры от ро-

ли управляющих социалистической собственностью к положению ее реальных хозяев; этот процесс пошел, все ускоряясь, с начала 80-х годов.

Итак, начиная с середины 70-х и особенно в 80-е годы кризис охватил большинство функциональных узлов экономики. Кризис топливно-сырьевых и инвестиционных секторов стал результатом форсированного режима их функционирования, что, в свою очередь, было следствием структурных дисбалансов народного хозяйства, его технологической отсталости и износа производственного аппарата. Деградация потребительского сектора была предопределена установленной с первых дней советской власти системой приоритетов, которая диктовалась гонкой вооружений и необходимостью наращивания производства сырья. Это тормозило рост уровня и качества жизни.

Таким образом, *кризис советской социально-политической и экономической системы*, задержавшийся благодаря нефtedолларам на фоне мирового нефтяного кризиса по меньшей мере на пятнадцать лет, в начале 80-х годов выразился в резком падении темпов производства: в промышленности — с 8,4% в 60-х годах до 3,5% (по данным Конгресса США — 1,5%) в 80-х; в сельском хозяйстве соответственно — с 4,3% до 1,4%. Если же опираться не на официальную статистику, а на исследования наиболее передовых экономистов того времени (например, А.Г. Аганбеяна), то в 70-е годы в стране к тому же вообще не было роста производительности труда, а в первой половине 80-х годов она снизилась примерно на 8%.

Эти отчаянно низкие экономические показатели стали закономерным результатом всей экономической политики (скорее ее отсутствия) советского правительства, ориентированной на преимущественное производство танков и ракет; уровень эффективности капиталовложений был крайне низким — средний срок сооружения каждого из 800 крупных машиностроительных заводов составлял 13 лет; для повышения эффективности не было никаких стимулов. Наконец, одно немаловажное обстоятельство, которое обычно не учитывается: в то время, как в передовых промышленных странах начиналась информационная революция, Советский Союз рассматривал увлечение информатикой как своего рода заразную болезнь, отставая в этой области даже в отношении базовых технологий.

Стал очевиден ряд крайне отрицательных долгосрочных тенденций. Наиболее серьезными проблемами стали демографические, связанные с одновременным сокращением рождаемости и прекращением перетока сельского населения в города, и экологические, вызванные не только неэффективными технологиями, но и выработкой сырья на богатых месторождениях в обжитых районах и необходимостью освоения новых, как правило, менее богатых и удобных для добычи. Обе тенденции крайне отрицательно сказались на экономическом развитии страны. Требовались постоянно нарастающие капитальные вложения для поддержания действующих производств и ввода новых. Экономика не могла больше выдерживать напряжения в рамках действовавшей экономической модели.

Эпоха экстенсивного развития закончилась. Необходимо было переходить к интенсивному развитию, требующему принципиальной смены экономической модели.

Глава 24

Разрушение централизованного планового хозяйства. Распад СССР

(1985—1991 гг.)

К началу восьмидесятых годов в Советском Союзе сложилась *военная экономика* в ее крайнем проявлении: в общем объеме продукции машиностроения производство военной техники составляло более 60%, а доля военных расходов в валовом национальном продукте достигла 23%; к концу 80-х эти цифры составляли соответственно 80% и 28%. Но военная экономика — это не просто бремя огромных расходов на оборону, но и (1) акцент на тяжелую промышленность, (2) игнорирование сферы потребления, (3) изолированность народного хозяйства страны, (4) крайняя централизация и бюрократизация управления им, (5) значительная, хотя и мало заметная в условиях дефицита инфляция, (6) призывы к массовым жертвам, (7) мания преследования.

Для политического состояния общества в этот период характерна оторванность высшего руководства страны от населения, почти династически передававшего власть от одного старца другому (к началу 80-х годов средний возраст членов Политбюро ЦК КПСС достиг 70 лет). Наследовавший Брежневу Ю.В. Андропов, за плечами которого были подавление Будапештского восстания (1956 г.) и руководство КГБ (1967—1982 гг.), придя к власти в 1982 г., начал проводить мероприятия, направленные на укрепление дисциплины, но не успел многого сделать. Сменивший его К.У. Черненко уже ничего серьезного для реформирования хозяйства и общества не предпринимал (если не считать грандиозной и столь же опасной программы мелиорации и переброски северных рек).

К середине 80-х положение в стране стало таким, что никакие экономические изменения в этих условиях были невозможны без радикальных политических реформ. Вероятно, ощущение возможной потери власти верхушкой партии привело к руководству в 1985 г. М.С. Горбачева, наиболее молодого и радикально настроенного из членов Политбюро.

Несмотря на всеобщее понимание невозможности дальнейшего экономического развития без радикальных изменений всей системы хозяйственного управления, в обществе и даже среди экономистов не было полной ясности в том, каким же должен быть новый экономический механизм; не было и однозначного представления о путях перехода к новой экономической системе. Период 1985—1990 гг. стал временем вызревания радикальных экономических реформ, направленных на создание рыночного механизма, открывающего возможность интенсивного развития экономики.

Столь радикальные преобразования в экономическом механизме — переход от планово-административной системы к рынку — привели к мощнейшим политическим потрясениям, закончившимся распадом СССР, к тяжелейшему системному кризису.

Реформы 1985—1990 гг.: “Гласность”, “Ускорение”, “Перестройка”. Понимая неизбежность реформ и будучи убежден, что реформы, проведенные “сверху”, могут вывести страну из кризиса сохранив руководящую роль коммунистической партии, Горбачев провозгласил *“Гласность”* с целью некоторой демократиза-

ции общества. Но процесс дозированной сверху гласности быстро вышел из-под контроля: ведь признать, сделать общим достоянием то, что раньше официально скрывалось, значило признать наличие не только отдельных проблем, но *общего кризиса системы*, который проявлялся как *кризис экономический, кризис партии*, ставшей копией министерской бюрократии, и *кризис идеологии*.

Призыв к изменениям тотчас вызвал реакцию масс, подготовленных 20 годами застоя, и сопротивление со стороны власти, раньше скрываемое. Этим противостоянием определялись глубина и темп преобразований.

Все началось с раскрепощения памяти. Ведь долгие годы страна жила в условиях дозированной сверху информации. Даже очевидные вещи не находили объяснения, а просто замалчивались. Но прошлое и настоящее настолько переплетены, что любое признание ошибок прошлого тотчас вело к неприятию действующего порядка. Именно поэтому признание прошлых действий шло крохотными шагами (примером может служить история с признанием факта существования Советско-Германского пакта о ненападении и секретных приложений к нему; другой пример — постепенное, шаг за шагом в течение чуть ли не месяца, признание высшими руководителями страны дисбаланса государственного бюджета, действительной суммы военных затрат и т. д.). Тем не менее “Гласность” расшевелила самосознание общества.

Но социально-политические реформы не могут автоматически дать экономического эффекта, и партия взялась за экономику. Еще весной 1985 г. Горбачев провозгласил ускорение социального и экономического развития (что, строго говоря, не может быть выполнено одновременно) и призвал активизировать *“человеческий фактор”*. Зазвучали призывы мобилизовать “скрытые резервы”, добиваться максимальной загрузки оборудования, укреплять трудовую и плановую дисциплину. Результат этой кампании, совершенно не затрагивавшей производственных отношений, конечно, был нулевой.

На предприятиях распространялось *рабочее самоуправление*. Стали создаваться выбиравшиеся собранием трудовых коллективов *советы предприятий*, которые получили право избрания и увольнения директоров. По всей стране, начиная с Рижского автозавода, прокатилась кампания по выборам новых директоров.

В конце концов эта волна сошла на нет, также не дав экономического результата.

Столь же безрезультатной (но одновременно катастрофичной) была **антиалкогольная кампания** (1985 г.). Сокращение производства и продажи спиртных напитков на государственных предприятиях привело, с одной стороны, к ликвидации тысяч гектаров виноградников, с другой — к росту подпольного самогоноварения. А все вместе принесло значительный ущерб государству и никаких улучшений обществу. Все это показало несостоятельность традиционных кампаний и необходимость радикальной реформы.

Первой попыткой такой реформы было провозглашение **“Ускорения”**, направленного на преимущественное развитие научно-технического прогресса, на повышение роли машиностроения и соответственно доли выделяемых ему капиталовложений; инициатором этой программы выступал А.Г. Аганбегян. Но, как показала практика последующих лет, это только стимулировало непроизводительные капитальные вложения. Развитие машиностроения и других отраслей промышленности, как и прежде, шло за счет потребления и социальной сферы. Мало того, несмотря на решения самого высокого уровня, действующая система централизованного планового распределения инвестиций привела не к увеличению, а к сокращению доли средств, выделенных машиностроению. В результате **“Ускорение”** ничего не дало.

Более радикальным было провозглашение **“Перестройки”**, ставившей задачу изменения форм собственности. В основе программы лежали предложения Л.И. Абалкина по развитию двух тенденций — роста самостоятельности предприятий (и соответственно сокращения власти комитетов и министерств) и **создания и расширения частного сектора**. Чтобы представить себе уровень радикальности этих предложений, напомним, что к этому времени частная собственность отсутствовала в стране не только как таковая, но даже как термин в хозяйственном праве.

Сама идея перестройки, не вполне еще ясная и конкретно сформулированная, большинством структур воспринималась вполне положительно, с надеждами на ослабление тотального контроля сверху и сохранение контроля над нижестоящими организациями, на получение свободы для перераспределения прибыли, узакон-

нивания доходов (в том числе и теневых или, скажем, не всегда и не в полной мере подлежащих налогообложению). Если учесть, что системы налогообложения как таковой не существовало, а прибыль просто забиралась в бюджет по дифференцированным нормативам (в некоторых организациях до 95%), то надежды на хозрасчет привлекали практически всех.

Шаги перестройки. Еще в 1986 г. был принят Закон “Об *индивидуальной трудовой деятельности*”, открывший возможность совершенно легально заниматься многими видами производства товаров и услуг, не требующими специализированных площадей и оборудования. Подчеркнем, что речь не могла еще идти о привлечении наемного труда. В те годы индивидуальная трудовая деятельность (вне государственных предприятий) не стала массовым явлением и в силу сложившегося менталитета граждан, привыкших работать только на государство, и по причине значительных налогов, не говоря уже о незащищенности от местной администрации и криминальных элементов. Именно тогда в стране появился *рэкет*, до тех пор бывший неким диковинным явлением западного общества.

Реформирование экономики затронуло сначала лишь предприятия. В 1987 г. был принят Закон “О государственном предприятии (объединении)”, который объявлял свободу предприятиям с ориентацией на самоокупаемость. Формально — никаких планов, министерских команд; только долговременные нормативы, но и ограниченность централизованных капитальных вложений. Основными формами хозяйствования были провозглашены две *модели хозяйственного расчета* — предприятия сами могли выбирать любую. Первая основана на нормативном распределении прибыли предприятия и формировании фонда зарплаты в зависимости от роста объемов производства. Вторая базировалась на нормативном распределении дохода предприятия и остаточном принципе формирования величины фонда оплаты труда.

В реальности же все сохранилось — и обязательные планы, и зависимость от министерств. В планировании на смену прямым директивным заданиям пришел *госзаказ*, который также носил обязательный характер и наряду с конкретными показателями содержал агрегированные задания в стоимостном выражении;

госзаказ составлял 90% всего выпуска продукции (т.е. много больше, чем ранее). Экономическая ситуация в целом ухудшилась, так как сфера обмена сузилась до 10% продукции, не подлежащей госзаказу.

Изменений в деятельности ведомств и министерств не произошло. Ведь именно на них, и прежде всего на Госплан СССР, возлагалась ответственность за проведение реформы. Поэтому проводился в жизнь бюрократический вариант, подчиненный действовавшему пятилетнему плану. Экономические нормативы, разрабатывавшиеся Госпланом с министерствами, основывались на заданиях и пропорциях плана.

Именно сохранение пятилетнего плана как догмы с его чрезмерными инвестициями, с одной стороны, и некоторое расширение возможностей предприятий в самофинансировании без соответствующего повышения их ответственности, при сохранении основных функций вышестоящих органов управления, с другой, способствовали усилению **материально-финансовой несбалансированности**, расстройству денежного обращения, ускорившемуся спаду производства.

В сфере материального обеспечения большая часть ресурсов распределялась по-прежнему по централизованно определяемым лимитам; были введены также лимиты потребления продукции, “имеющей важное народнохозяйственное значение”. Что касается провозглашенных договорных или свободных рыночных цен, то их применение сдерживалось различными инструкциями и постановлениями, а иногда и просто запрещалось как “спекуляция” с изъятием полученной прибыли в бюджет.

В целом не изменились взаимоотношения предприятий с банками и финансовыми органами. Наблюдался рост просроченной задолженности из-за **неплатежей** — за 1988 г., например, в четыре раза, в том числе поставщикам — в девять раз (спустя три года рост неплатежей приписывался результатам деятельности “демократов”).

Расширение частной собственности шло и за счет **кооперативов**, создание которых на основании Закона “О кооперативной деятельности” (1988 г.) было разрешено в 30 видах деятельности. Честная работа кооперативов была крайне затруднена противодействием со стороны местной власти, производства (невозмож-

но было легально достать никаких материалов), враждебности населения к частнику, воспитанной многими поколениями. К тому же налог забирал до 65% прибыли. Зато этот закон открыл возможность дельцам теневой экономики отмывать ранее нелегально полученные деньги. Для них объективно необходимый закон создавал все возможности, одновременно возводя тысячи препонов просто инициативным людям, не имевшим ни скопленных ранее миллионов, ни властно-номенклатурной поддержки.

Закон о кооперации вместе с остальными действиями правительства ухудшил экономическую ситуацию: резко (в 1989 г. на 10%) увеличились выплаты в условиях дефицита (производство выросло лишь на 1,7%). Все это привело к развитию *бартерных* отношений между предприятиями, резкому сокращению темпов развития производства, к падению уровня жизни. И это при том, что по-прежнему огромное количество продовольствия и товаров народного потребления закупалось за рубежом. Например, в 1989 г. страна закупила за рубежом 600 тыс. т мяса, 240 тыс. т сливочного и 1200 тыс. т растительного масла, почти 5,5 млн. т сахара, до 500 тыс. т цитрусовых, не говоря уже об огромных закупках зерна.

Усилилась тенденция к *натурализации хозяйственных связей*. Производителей интересовали не столько цена и рентабельность их продукции, сколько возможность получить в порядке прямого обмена определенные виды продукции и услуг. Предприятия, как и прежде, автоматически получали кредиты Госбанка под восполнение оборотных средств и на выплату зарплат. Деньги в этих условиях выполняли просто расчетные функции, но отнюдь не формировали рынок товаров.

Советская финансово-кредитная система не могла поставить заслона затратному хозяйствованию. Росли товарные запасы на складах, увеличивались неплатежи. Обычной стала практика проведения *взаимозачетов* долгов по окончании года. К 1990 г. начались *распад хозяйственных связей* и *кризис денежного обращения*. Все это вело к росту материально-финансовой несбалансированности в народном хозяйстве и в конце концов привело советскую экономику на грань коллапса.

Правительство, как всегда, шло по пути кампаний и администрирования.

В целях повышения качества продукции на большинстве предприятий наряду с внутренним контролем была введена **“госприемка”** по образцу и подобию контроля оборонной продукции: работники госприемки имели право не принимать некачественную продукцию и наказывать материально лиц, ответственных за брак. Введение госприемки вызвало сильнейшее противодействие, так как она не повлияла на улучшение качества, но привела к сокращению заработков, лишению премий.

В конце 80-х в условиях отсутствия государственной системы обеспечения, главным образом в результате сокращения органов хозяйственного управления и научно-исследовательских организаций в стране появилась **безработица**. Реорганизация министерств и сокращение служащих дезорганизовало связи между предприятиями, поскольку в советской системе именно министерства и организации Госснаба обеспечивали снабжение и сбыт всей продукции.

Стремление преодолеть узкие рамки заданных моделей расчета толкало некоторые предприятия к переходу на **аренду**. В роли арендодателя выступали министерства. В конце 1989 г. вышел Закон “Об аренде и арендных отношениях”, появилась форма **аренды с последующим выкупом**; это уже вело к постепенной смене собственности государственной на коллективную. Началось **разгосударствление** сначала только небольших и средних предприятий. С 1988 г. аренда (до 50 лет) была разрешена и в сельском хозяйстве.

Летом 1990 г. были приняты “Основы гражданского законодательства СССР”, вводившие в оборот понятие **ценных бумаг**, и Закон “О собственности в СССР”, впервые после нэпа установивший равенство **трех видов собственности — государственной, коллективной и отдельных граждан**.

Тогда же были приняты новый Закон “О предприятиях” и на его основе — Положение СМ СССР “Об **акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью**”, которые позволяли реорганизовать предприятие на основе договоренности трудовых коллективов с вышестоящими органами отраслевого управления. Еще с 1987 г. развивалась система управления предприятиями со стороны министерств “на праве **полного хозяйственного ведения**”. После выхода нового закона акционерная форма использовалась рядом предприятий, но наиболее активно — мини-

стерствами и ведомствами для их реорганизации в “рыночные структуры” (концерны, холдинги). В тех экономических условиях **акционирование** стало формой перераспределения собственности бюрократией, создав предпосылки для спонтанной **номенклатурной приватизации**.

Наконец, в 1991 г. был принят Закон “Об общих началах предпринимательства граждан в СССР”. Он фактически впервые допустил возможность **применения наемного труда** на негосударственных предприятиях.

В итоге можно констатировать, что за период после 1985 и до 1990 г. включительно произошла “революция умов”, но за эти 5–6 лет не была решена ни одна из насущных задач — ни проблема политического плюрализма, ни проблема создания рыночной экономики. А кризис тем временем нарастал, начался фиксируемый даже советской статистикой спад промышленного производства.

В целом реформа была ориентирована на ограниченный круг целей и осуществлялась некомплексно. Единственным результатом стало изменение хозяйственного механизма предприятия. Но наряду с этим сохранились отраслевые структуры, система централизованного планирования и материального снабжения. Главное — не изменились реально структура, функции и практика деятельности банков, кредитно-денежных учреждений и бюджетно-финансовой системы. Собственный отрицательный опыт реформирования привел к осознанию того факта, что нужны не просто иные методы экономического управления, а принципиально иной механизм функционирования экономики — рынок и соответственно иная социально-экономическая модель развития общества. **На повестку дня встал вопрос о приватизации государственной собственности и полной либерализации экономических отношений.**

Одновременно выявились вся глубина кризиса и невозможность быстрых изменений в хозяйстве. Ощущалась необходимость широкомасштабных программ. И они разрабатывались в этот период и предлагались правительству.

“Программа решительных мер” Ю.Д. Маслюкова (тогда — председателя Госплана СССР) — типично бюрократическая программа резкого увеличения поставок товаров народного потребления (уже в 1990 г. — на 12%) в рамках стандартной плановой

системы и оптовой торговли, которая должна была бы заменить централизованное материально-техническое снабжение.

“Программа построения рыночного хозяйства” Л.И. Абалкина (умеренно-радикальная) предусматривала создание рыночной экономики в течение 5 лет — 1990—1995 гг. Ее основные элементы:

- реформа ценообразования и социальных компенсаций;
- закрытие всех убыточных предприятий или их преобразование в арендные, кооперативные, акционерные общества;
- создание нового экономического механизма, ликвидация неприбыльных колхозов и совхозов;
- оздоровление финансов и антимонопольная политика.

“Программа 400 дней” Г.А. Явлинского и более известная, подготовленная при его участии **“Программа 500 дней”** С.С. Шаталина, обязательными условиями которых провозглашались наличие **федеративного договора** между республиками, широкомасштабная **приватизация государственной собственности** и освобождение цен.

Однако правительство не проявило склонности к радикализму — была принята программа Н.И. Рыжкова, ориентированная на **“планово-рыночную экономику”**. Это и понятно (хотя непонятно — как можно совместить план и рынок). Правительство представляло себе масштаб потрясений, которые вызвали бы радикальные реформы. Другими причинами были идеологические шоры, сопротивление аппарата — 18 млн. ч., каждый из которых имел фактические или потенциальные выгоды от обладания властью и дополнительные доходы, обусловленные существованием дефицита в экономике. Но, возможно, самой главной причиной была апатия населения, которое в течение 70 лет учили презирать все, что движет рыночной экономикой.

Распад политической и экономической системы Союза. К началу 90-х годов экономика Советского Союза находилась в глубочайшем кризисе, накапливавшемся еще с начала 70-х. Материально-финансовая несбалансированность углублялась с каждым днем, на всех товарных рынках ощущался тотальный дефицит, усиливалась натурализация хозяйственных связей. В декабре 1990 г. месячная **инфляция** перешла 10%-ю отметку. **Дезинтеграция промышленности** подталкивалась ослаблением союзной сис-

темы отраслевого управления, шла **регионализация** экономических отношений.

Серьезнейшая причина кризиса, помимо естественных трудностей перехода к рыночной экономике, заключалась и в просчетах финансовой и ценовой политики 1988—1990 гг. Разбухание денежной массы, рост доходов населения при сохранении административного контроля над ценами привели к подрыву денежной системы, бегству от рубля, натурализации обмена и развитию бартера. К 1988 г. на сберегательных книжках населения скопилось почти 300 млрд. руб., а товарные запасы составляли 81 млрд. руб. Село, как и в 1929 г., оказалось наиболее переполненным деньгами в результате постоянных дотаций (только за 1990 г. аграрно-промышленный комплекс получил дотаций на сумму около 100 млрд. руб.); в этих условиях сельхозпредприятия просто не были заинтересованы в наращивании объемов производства.

Все процессы реформирования происходили на союзном уровне, оставляя республиканским органам роль исполнителей. Такая организация работы, безусловно, повлияла как на выработку, так и на содержание мероприятий реформы, привела к затягиванию сроков их осуществления, а на определенном этапе способствовала усилению центробежных сил в союзной экономике.

Первые со времени начала перестройки выборы в Верховный Совет СССР состоялись еще в 1989 г. в условиях сохранения реальной власти у прежней номенклатуры, непонимания населением степени грядущего преобразования страны и общества, всей глубины политического и экономического кризиса и перспектив выхода из него. В период работы этого состава Верховного Совета СССР развернулась борьба за выяснение истинного положения дел и выработку общих направлений развития страны. Результативность работы Верховного Совета СССР была крайне низкой.

Заметно иначе работал избранный годом позже Верховный Совет РСФСР, провозгласивший независимость России. Он обсуждал и принимал более радикальные законы, необходимые для формирования рыночных отношений. В период параллельного существования Верховных Советов СССР и РСФСР (1990-й и первая половина 1991 гг.) сложилось **противостояние двух Советов** (союзного и российского) и принимаемых ими законов, причем ведущую роль в этих процессах играл Верховный Совет РСФСР.

На уровне Союза экономическая деятельность правительства была сосредоточена в основном на денежном обращении (конфискационная политика была направлена на изъятие денег) при неизменности экономических отношений по существу. В январе 1991 г. были неожиданно изъяты из оборота и заменены новыми 50- и 100-рублевые купюры старого образца. 1 апреля 1991 г. под руководством В.С. Павлова была проведена *денежная реформа*, в ходе которой были пересмотрены все цены. В результате цены на все товары выросли в 2-5 раз; зарплата же увеличилась лишь на 20—30%. Правда, при этом впервые после 20-х годов были официально введены в оборот понятия различных видов цен — наряду с государственными допускались также *договорные, кооперативные, цены черного рынка*.

Все это, конечно, не способствовало ни развитию хозяйства и повышению уровня жизни, ни установлению объективных отношений как между предприятиями, так и между регионами и союзными республиками. В результате в апреле 1991 г. после Ново-Огаревского совещания Советский Союз перестал существовать де-факто. Хотя формально продолжали существовать Верховный Совет СССР и его президент. Роль организатора рыночных отношений взяла на себя Россия, одновременно приняв на себя все международные обязательства и долги Союза.

Летом 1991 г. была выдвинута подготовленная под руководством Г. Явлинского и профессора Гарварда Г. Аллисона *программа “Согласие на шанс”*, предлагавшая проведение политической и экономической реформ в 1991—1997 гг. Политическая часть программы предполагала подписание республиками союзного договора и новой конституции, создание экономического союза с единым правовым режимом, таможенным пространством, денежным хозяйством, условиями функционирования предприятий. Экономическая программа включала создание единых органов управления, приватизацию, структурную перестройку промышленности и конверсию оборонных производств с помощью западных кредитов. Однако все закончилось лишь обсуждением этой программы в прессе. Вместо нее 18 октября 1991 г. был денонсирован Союзный договор 1922 г. и подписан руководителями восьми союзных республик Договор об экономическом сообществе, положивший начало *Союзу Независимых Государств* (СНГ).

Все, что изложено далее, относится к экономической истории уже другого государства — Российской Федерации.

Рекомендуемая литература

1. *Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П.* История России. XX век. М., 1996.
2. *Верт Н.* История советского государства 1900—1991 гг. М., 1992.
3. *Гайдар Е.Т.* Сочинения. Т. 1, 2. М., 1997.
4. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. История Советского Союза от 1917 г. до наших дней. Кн. 2. М., 1995.
5. *Мау В.А.* Экономика и власть. 1985-1994. М., 1995.
6. *Ослунд А.* Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996.
7. *Сакс Дж.* Рыночная экономика и Россия. М., 1994.
8. *Тимошина Т.М.* Экономическая история России. Уч. пос. / Ред. Н. Чепурин. М., 1998.
9. *Шмелев Н.П., Попов В.В.* На переломе. Экономическая перестройка в СССР. М., 1989.
10. Экономика переходного периода. М., 1995.

Раздел III

**ПЕРЕХОД
К ИНТЕНСИВНОМУ
РАЗВИТИЮ ЭКОНОМИКИ**

Часть 8

**Становление рыночного хозяйства
(1991—1996 гг.)**

Часть 9

**Российская экономика
в конце XX в.**

Часть 8

Становление рыночного хозяйства

(1991—1996 гг.)

Глава 25

Формирование рыночных механизмов в России

Развитие политического и экономического кризиса привело к путчу против Президента СССР в августе 1991 г. и “параду суверенитетов” союзных республик. Объявила суверенитет и Россия, став независимым государством, после чего движение к рынку ускорилося. Уже в 1991 г. были приняты ключевые для рыночных отношений законы РСФСР — “О собственности”, “О предприятии и предпринимательской деятельности”, “О конкуренции”. И если раньше можно было говорить лишь о реформировании сознания, то с этого момента началось по существу создание рыночной экономики в стране. Именно с конца 1991 г. можно вести отчет при анализе хода и результативности экономической реформы в России.

В то же время, вплоть до 1994 г. нельзя было говорить о рынке, так как не было ни соответствующей инфраструктуры, ни достаточно полной нормативной базы и преобладала государственная собственность на средства производства. К 1995—1996 гг. эти необходимые рыночные условия были в основном созданы, за исключением законов и механизмов землевладения.

Накануне реформ. Российские парламент и Совет министров, противостоявшие союзным органам власти, получали в 1990—1991 гг. полную общественную поддержку в принятии любых основополагающих для современной экономики законодательных

актов. В тот момент российские власти могли принять любое самое радикальное решение (например, об отказе перечислять налоги в союзный бюджет), и это решение автоматически воспринималось общественным сознанием как правильное. Это происходило и в силу того, что носителем зла в то время считались Верховный Совет и Правительство СССР, и потому, что реальная власть российского парламента и правительства была ограничена несколькими гектарами на Краснопресненской набережной столицы.

Реально не ощущая ни отрицательных, ни вообще каких-либо последствий провозглашаемых рыночных реформ, население боготворило российские власти и любую их экономическую политику. Именно поэтому после крушения союзного правительства российские власти не только уже имели довольно внушительную базу экономического законодательства, отвечающего западным стандартам, но оказались способны предпринять такой болезненный для абсолютного большинства населения шаг, как либерализация цен.

Экстремально тяжелое состояние экономики СССР требовало чрезвычайно быстрых и решительных мер. Перед Российским правительством во главе с президентом Ельциным, когда оно взяло на себя ответственность за судьбу страны, открывались два варианта дальнейших действий.

В соответствии с первым из них нужно было сначала стабилизировать экономическую обстановку при помощи традиционных советских методов — ужесточения снабженческо-сбытовой системы, сбалансирования цен путем их очередного повышения, расширения сферы карточного распределения потребительских товаров. И только после этого можно было приступать к подготовке условий по либерализации экономики и проведению рыночных реформ. Примерно такую последовательность действий предусматривала для экономики СССР “Программа 500 дней”.

Второй вариант предполагал быстрое проведение рыночных реформ в сочетании с некоторыми мерами, направленными на стабилизацию ситуации, — ограничением бюджетного дефицита, рестриктивной денежной политикой и т.п. Институциональные реформы должны были бы проводиться одновременно с мероприятиями по макроэкономической стабилизации.

Первый вариант был более понятен руководителям всех уровней и народу, воспитанному в полном доверии к государству и ожидавшему от него быстрейшего преодоления хозяйственных трудностей. Однако для реализации этого варианта требовались политические и организационные механизмы, которые смогли бы осуществить “административную стабилизацию”. Но их-то и не было: в наследство от СССР Россия получила ослабленные государственные институты, распавшуюся властную вертикаль.

Второй же вариант был малопонятен и населению, и хозяйственным руководителям. Ясно было лишь, что он связан с болезненными шагами. Экономика страны должна была очень быстро перейти в совершенно новую ситуацию. Чувствовалось, что этот путь будет сопряжен с обязательным скачком цен.

После некоторого колебания президент Ельцин сделал выбор в пользу второго варианта, и в ноябре 1991 г. было сформировано новое правительство, состоявшее в основном из молодых ученых-экономистов. Первым вице-премьером, определявшим экономическую стратегию (в роли премьер-министра выступал сам президент), а также министром экономики и финансов стал Е.Т. Гайдар, вице-премьером по социальным вопросам был назначен А.Н. Шохин, председателем Комитета по управлению государственным имуществом — А.Б. Чубайс. Они хорошо знали теорию рыночной экономики и основные направления западной экономической мысли, но почти никто из них не имел опыта хозяйственной деятельности и государственного управления крупного масштаба. Зато новые министры не имели и устойчивых связей с какими-либо группами интересов в производственной сфере.

Основными задачами правительства объявлялась макроэкономическая и финансовая стабилизация одновременно с переходом к рыночным отношениям и приватизацией государственной собственности во всех сферах экономики. В число стандартных мероприятий в подобной ситуации входили либерализация цен на основные товары и услуги, ужесточение кредитной, финансово-денежной политики, выход из товарного дефицита, отказ от множественности курсов рубля и постепенная стабилизация валютного курса, структурная перестройка и т.д.

Уже тогда проявился первый конфликт между демократической формой принятия решений и потребностями быстро транс-

формирующейся экономики в оперативном управлении. В результате на том же Съезде народных депутатов осенью 1991 г. было принято постановление о предоставлении президенту дополнительных полномочий в области принятия решений, связанных с реализацией реформы. Начиная с 1 декабря сроком на один год указы президента приобретали статус законов, если в недельный срок их соответствии Конституции не было подвергнуто сомнению Верховным Советом (именно благодаря этому решению через десять месяцев появился указ, утверждающий концепцию вачерной приватизации, которая противоречила принятому за год до этого закону о приватизации).

Всем казалось тогда, что основная политическая борьба в стране завершена, и президент России, исходя из первичной важности проведения экономических преобразований, приостановил реформу политической системы. Как оказалось позже, это было большой ошибкой. Отсутствие разграничения полномочий между ветвями власти, характерное для советской системы, оказалось вскоре важнейшим препятствием на пути экономических реформ.

Начало реформ (1991—1993 гг.). Октябрь 1991 г. На Съезде народных депутатов РСФСР Б.Н. Ельцин официально известил о начале экономической реформы: с января 1992 г. государство отказывается от контроля за ценами. Конечно, реформы были недостаточно подготовлены, но оттягивать их далее стало невозможно — *государство обанкротилось* и не могло, как прежде, снабжать население и предприятия товарами и кредитами по твердым ценам.

Ноябрь 1991 г. Борис Ельцин подписал указ, законодательно подтвердивший сказанное на съезде. Одновременно вышел указ, заложивший основы последующей жесткой *налоговой системы* России: налог на прибыль был установлен в размере 40%; введен налог на добавленную стоимость в размере 28%.

Тогда же был подписан указ о *либерализации внешнеэкономической деятельности* в России, согласно которому экспортом и импортом было разрешено заниматься всем желающим. Именно этому указу Россия обязана наполнением магазинов и всенародной любовью к накоплению наличных долларов. Именно этот указ сделал состояние многим богатейшим людям сегодняшней России. В их число получили возможность попасть и чиновники

— на импорт и экспорт наиболее прибыльных товаров указ сохранял квоты и лицензии. Тем же указом введен *плавающий курс рубля* и разрешена деятельность обменных пунктов. Указ был подписан во многом под давлением западных кредиторов, которые считали либерализацию внешней торговли и валютного регулирования важнейшим средством поощрения экспорта и восстановления кредитоспособности России.

29 ноября 1991 г. — Указ президента “О приватизации” — уже в 1992 г. планировалось приватизировать от 50 до 70% предприятий в разных отраслях.

2 января 1992 года. *Либерализация цен* вступила в силу: государство, как и было обещано, перестало контролировать цены почти на все товары и услуги (за исключением энергоносителей, транспорта, хлеба, молока и водки, ряда тарифов). Тогда же Центробанк отменил ограничения на рост кредитных ставок. Начала действовать разработанная Гайдаром стратегия “*шоковой терапии*”, встретившая полное понимание Запада. Устранение жесткого контроля за ценами со стороны государства в условиях сохранения всеобщей монопольности производства в стране сразу же привело к небывалому росту абсолютно всех цен: к концу 1992 г. цены выросли примерно в 100—150 раз (при росте средней зарплаты в 10—15 раз).

Была ликвидирована почти вся система централизованного распределения ресурсов, что вкупе с либерализацией цен ударило по деятельности товарных бирж; доходность большинства бирж складывалась в основном за счет искусственного разрыва в ценах: брокеры скупали товары по низким, контролируемым государством ценам, а продавали их по высоким рыночным. Либерализация цен привела к кризису товарных бирж, их число стало резко сокращаться.

Конец января 1992 г. “Шоковая терапия” в России закончилась. Первые же мероприятия нового правительства вызвали резко отрицательную политическую реакцию со стороны вице-президента А.В. Руцкого и председателя ВС Р.И. Хасбулатова, вокруг которых начали спланиваться различные социальные силы, не приемлющие курс проводимых реформ. Под их влиянием, спустя всего три недели после отпуска цен, на заседании правительства президент отметил “определенный перекус” в реформе.

Вновь началась инфляционная накачка экономики с попытками сдержать рост цен административными методами. Правда, на том же заседании был одобрен указ о *свободе торговли* (“каждый имеет право торговать чем угодно и в любом месте”), следствием которого стало изобилие коммерческих палаток.

После либерализации цен усилился кризис неплатежей: и слабые, и сильные предприятия, лишившись оборотных средств, которые раньше беспрепятственно поступали из Госбанка, были опутаны сложными взаимными расчетами с поставщиками и потребителями, что создавало для них дополнительные трудности в процессе адаптации к рыночным отношениям.

В дальнейших планах правительства была либерализация цен на энергоносители. Это побудило к сплочению части директорского корпуса, оппозиционно настроенной к новому курсу. Если осенью 1991 г. основная масса директоров смутно представляла себе последствия либерализации, то к весне 1992 г. руководители госпредприятий стали понимать, что освобождение цен на энергоносители вместе с кризисом неплатежей реально угрожает им банкротством. Вместе с опасавшимися банкротства промышленниками и лидеры профсоюзов были готовы поддержать инфляцию, которая была, по их мнению, меньшим злом, чем ожидающаяся безработица. В этом и тех, и других поддержали Съезд народных депутатов и многие средства массовой информации. Правительство Гайдара, вынужденное считаться с этим, пошло на компромиссы. Так, весной 1992 г. промышленным и сельскохозяйственным предприятиям были даны *льготные кредиты*, что означало отступление от объявленного курса на стабилизацию, снижение инфляции, сокращение бюджетного дефицита.

К началу лета 1992 г. в стране сформировался мощный проинфляционный блок “Гражданский союз”, в который входили представители ВПК, АПК, партии левоцентристского толка, профсоюзные организации. С июня 1992 г. начался “период временного отступления”, период социального маневрирования президента. В состав правительства были включены сторонники государственного регулирования экономики, руководители крупнейших предприятий ВПК и энергетических монополий — В.А. Шумейко, Г.П. Хижа, В.С. Черномырдин: правительство стало коалиционным.

Регулирование финансовой сферы является важнейшим элементом экономической (вообще всей) политики любого современного государства. Все крупные преобразования опираются на фундамент национальных финансов. Нагляднее всего продемонстрировал роль Госбанка В.В. Геращенко — сторонник увеличения денежной массы в обращении, который после отказа от жесткого монетаризма в июне 1992 г. кардинально изменил экономическую политику государства фактически силами одного только Центробанка.

Август 1992 г. В русском языке появилось слово “*ваучер*”. Каждый гражданин получил право приобрести госсобственность на сумму 10 тыс. рублей. Началась массовая *ваучерная приватизация*, передавшая большинство предприятий в частные руки и разгрузившая бюджет.

В результате летнего ослабления жесткой кредитно-денежной политики под напором сил хозяйственников осенью 1992 г. ускорился рост цен (средне-месячный уровень инфляции в сентябре-ноябре достиг 21%) и произошло обвальное падение курса рубля (второе за три месяца). *Инфляционный взрыв* стал результатом соревнования в популизме Правительства РФ и Верховного Совета во главе с Хасбулатовым. Разбухание социальных выплат малоимущим слоям населения за счет бюджета, устанавливаемых как Верховным Советом, так и указами президента, привело к полному провалу макроэкономических прогнозов.

Декабрь 1992 года. Егор Гайдар уходит в отставку. Съезд народных депутатов назначает главой правительства В.С. Черномырдина. Российское правительство начинает кардинально меняться: за полгода экономистов-теоретиков сменили производственные генералы, за исключением министра финансов, которым стал молодой экономист Б.С. Федоров, всеми силами пытавшийся реализовать программу макроэкономической стабилизации.

На рубеже 1992—1993 гг. в стране шла острая борьба между двумя ярко выраженными группами интересов по вопросу о роли инфляции и путях ее преодоления. Сторонники политики “дешевых денег” ратовали за продолжение мощного государственного финансирования народного хозяйства через кредитную и бюджетную систему. Сторонники антиинфляционного варианта — представители бизнеса, сумевшие приспособиться к рынку,

— были заинтересованы в макроэкономической стабильности. Борьба между этими группировками в первой половине 1993 г. привела к неустойчивому экономическому положению, что выразилось в колебании уровня инфляции от 12 до 35% в месяц.

Значимым шагом на пути осуществления единой кредитно-денежной политики стало ежегодное соглашение между правительством и Центробанком об экономической политике, впервые подписанное в мае 1993 г. Оно окончательно перевело отношения между правительством и Центробанком в русло тесного оперативного сотрудничества.

На смену явной денежной эмиссии пришла политика “мягкого инфляционизма”, суть которой состояла в выборочной поддержке национальных предпринимателей. Государство стало фактически подавлять конкуренцию во многих отраслях, устанавливая протекционистские преграды во внешней торговле. Все это в конечном счете также усиливало инфляционность российской экономики, поскольку бизнес, защищенный от конкуренции и тесно связанный с государством, мог получать льготные условия как по части доступа к бюджетному финансированию, так и в части монополистической по сути политики ценообразования.

Июль 1993 г. Реформы в очередной раз замедлились. Центробанком без согласования с Минфином внезапно был проведен обмен денег, выпущенных в оборот до 1993 г., на новые. Официальной целью было изъять из обращения банкноты достоинством в 5 тыс. руб., которые в 1992 г. эмитировались из-за просчета правительства в такой спешке, что не имели достаточной степени защиты от подделки. Неофициальной — отсечь денежную массу, которая обращалась в бывших союзных республиках. Это было некое подобие конфискационной денежной реформы; обмен производился в такие короткие сроки, что среди населения поднялась паника, и это подорвало появившееся было доверие к правительству.

Август 1993 г. Другим, не менее тяжелым ударом по реформам было принятие Верховным Советом государственного бюджета с 25%-м дефицитом. Одновременно увеличивались объемы государственного кредитования на III квартал.

Сентябрь 1993 г. Противоречия между властями зашли в тупик и достигли критического состояния. Законодательная власть

стала олицетворять все консервативные силы в обществе, препятствующие реформам. В результате президент Ельцин 21 сентября 1993 г. издал указ о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета (формальной причиной было его несогласие с принятым бюджетом). Политическая обстановка еще более усложнилась, депутаты отказывались покидать здание парламента, в итоге была применена военная сила и “Белый дом” взят штурмом. Это ознаменовало начало нового этапа в экономической и политической жизни России.

Развитие реформ после сентября 1993 г. С устранением политического соперника после роспуска Верховного Совета РСФСР в сентябре 1993 г. для исполнительной власти исчезла необходимость социального лавирования. В правительство вернулся Е.Т. Гайдар в качестве вице-преьера и министра финансов. Был ликвидирован принятый Верховным Советом федеральный бюджет, ориентированный на масштабную кредитную экспансию Центробанка, обусловленную радикальным увеличением бюджетного дефицита. Сам Центробанк, лишенный поддержки Верховного Совета, был поставлен под жесткий контроль правительства, что исключило впоследствии возможность рецидивов масштабного кредитования стран СНГ и фактически поставило крест на идее “рублевой зоны”. Тем более исключалось прямое кредитование Центробанком промышленных предприятий.

То же относится и к политике отношений с регионами. Если раньше правительство и Верховный Совет, заигрывая с регионами, наращивали льготы субъектам Федерации, то с осени 1993 г. с отменой советов резко возросла собираемость налогов с регионов. В результате состояние бюджета заметно улучшилось.

25 сентября 1993 г. в результате решительной позиции Е. Гайдара была отменена практика выдачи льготных кредитов — закончился период “дешевых денег”, а Центробанк поднял ставку рефинансирования, установив с ноября 1993 г. позитивную реальную процентную ставку. Борьба вокруг “дешевых денег” уступила место борьбе вокруг защиты отечественного производителя от иностранной конкуренции.

В течение октября-ноября была проведена почти полная либерализация сельскохозяйственного сектора, включая цены на

зерно. Президент издал указ о *частной собственности на землю*. В эти месяцы стали заметно снижаться темпы инфляции, что, казалось, означало некоторую макроэкономическую стабилизацию.

Временное придание указам президента статуса федеральных законов позволило в этот период относительно быстро создать правовую базу как для развития новых институтов, так и для упорядочения уже существовавших. И, наконец, *новая Конституция* лишила российский парламент функций контроля за исполнительной властью.

“Второе наступление реформ” после принятия Конституции закончилось очень скоро. Партии демократической ориентации не сумели набрать достаточного количества голосов и оказались в Думе в меньшинстве; Е.Т. Гайдар и Б.С. Федоров предпочли уйти в отставку; в правительстве усилились позиции промышленных центристов во главе с В.С. Черномырдиным. Аграрно-коммунистическое большинство в Думе воскресило политику социального лавирования. В первой половине 1994 г. вновь потекли централизованные ресурсы в поддержку АПК. Начались подачки директорам предприятий и профсоюзам (чего стоит, например, разрешение в конце 1994 г. предприятиям, имеющим задолженность по платежам в бюджет, резервировать на своих счетах на цели выплаты зарплаты от 30 до 50% поступающих средств). Тем не менее развитие реформ продолжалось, хотя и медленно и не всегда последовательно.

Май 1994 г. Отменены *квотирование и лицензирование экспорта* (сохранились только *спецэкспортеры*; этот институт был отменен лишь в марте 1995 г.). Либерализация экспорта позволила России увеличить валютные поступления и очень понравилась МВФ. Правда, почти одновременно были существенно повышены ввозные пошлины.

Июль 1994 г. Ваучерная приватизация окончена. Указ президента провозглашает второй — денежный — этап приватизации. Убыточные предприятия предполагалось не просто продать (хотя бы и иностранцам) на радость госбюджету, но продать так, чтобы покупатели могли и захотели осуществить необходимые для этих предприятий крупные инвестиции. Однако в силу недоверия к стабильности правительственной политики этот процесс не набрал ожидаемых масштабов.

Осень 1994 г. Завершилась революция в бюджетном деле: Центробанк больше не кредитует бюджет, дефицит покрывается заимствованиями Минфина у частного капитала — российского и иностранного.

Завершение ваучерной приватизации, принятие нового таможенного тарифа, сопровождавшегося отменой экспортных квот, и **“черный вторник”** (11 октября 1994 г., когда рубль упал на 27% по отношению к доллару, после чего был снят председатель Центробанка РФ), за которым последовали некоторое укрепление банковской системы, отказ от эмиссионного кредитования бюджетного дефицита, — вот основные результаты 1994 года. **Основные институты рынка в стране к этому времени были созданы.** Необходимо было их дальнейшее усиление и развитие.

Июль 1995 г. Введен **валютный коридор** (до конца года — 4300-4900 руб. за доллар США). Курс рубля перестал быть свободным. Это позволило власти накопить валюту и переключить внимание спекулятивного капитала на ценные бумаги.

Октябрь 1995 г. Правительством РФ была принята **Комплексная программа стимулирования отечественных и иностранных инвестиций** в экономику России. Широко разрекламированная программа, направленная на создание благоприятного инвестиционного климата, государственную поддержку инвестиционной деятельности и снижение транзакционных издержек инвесторов, не дала практических результатов.

Весна 1996 г. МВФ полностью признал российские реформы и в подтверждение этого принял решение о выделении России кредита по программе “расширенного доступа” (330 млн. долл. ежемесячно). И хотя поступления этого кредита часто задерживались и были обусловлены множеством ограничений, они позволили стабилизировать финансовое состояние хозяйства и, на какое-то время, вызвали доверие западных инвесторов. В декабре 1996 г. Минфин провел первую продажу **“евробондов”** на западном рынке, переведя стрелку с внутренних заимствований (ГКО, ОФЗ, ОГСЗ) на внешние.

Январь 1997 г. Либерализация рынка ГКО; расширение допуска на него нерезидентов. “Горячие деньги” устремляются в Россию. К середине лета доля нерезидентов на рынке ГКО достигла 30%.

Ноябрь 1997 г. Постоянно нараставший бюджетный кризис перерос в кризис всей финансовой системы, прежде всего, *межбанковского кредита*.

Май 1998 г. Обвал на финансовых рынках. Доходность ГКО стремительно растет, достигнув сначала 70–80%, потом 100% и более. Все денежные средства, в том числе и из производственного сектора идут на финансовый рынок; растет “пирамида” государственных обязательств.

17 августа 1998 г. Пирамида государственных обязательств рухнула. Решение правительства С.В. Кириенко о либерализации валютного курса, моратории на 90 дней на выплаты по ГКО нерезидентам привело к девальвации рубля (к середине ноября покупательная способность рубля упала в 2,7 раза). По существу это *дефолт* (одностороннее решение о реструктуризации внутреннего долга).

1999 г. В тяжелейших условиях после августовского кризиса 1998 г. начинает расширяться внутреннее производство, прежде всего импортозамещающей продукции. *Впервые после 1989 г. официальная статистика отметила годовой рост ВВП на 1,5–2%.*

Глава 26

Основные направления развития рыночных реформ

26.1. Политика цен и инфляция

После либерализации цен на большинство товаров в январе 1992 г. их уровень резко подскочил, что само по себе не могло быть неожиданным. Вопрос в том, почему рост цен оказался настолько резким, что значительно превысил соответствующие показатели в других постсоциалистических странах? Почему рост цен не ограничился первыми месяцами 1992 г., а продолжился дальше, раскрутив механизм инфляции?

Под инфляцией понимается процесс обесценивания или снижения покупательной способности денег. По формам проявления различают два основных вида инфляции — открытую и подавленную. **Открытая, или ценовая инфляция** проявляется в росте общего уровня цен. **Подавленная, или скрытая** возникает в условиях, когда государство в той или иной степени осуществляет административный контроль за ценами, препятствуя их повышению, и проявляется в усилении дефицита. Подавленная инфляция — неизменный спутник любой плановой экономики с административно устанавливаемыми ценами на товары. Но уровень подавленной инфляции, глубина и длительность этого процесса различны в разных социалистических странах.

В механизме ценообразования административной системы в СССР цены устанавливались и изменялись по решению государственных органов — Госплана, отраслевых министерств, Госкомитета по ценообразованию. В этой жесткой системе предприятия иногда могли влиять на уровень цен, “конструируя” для своей продукции (в ходе “торга” с вышестоящими органами) приемлемую для себя калькуляцию затрат, либо за счет ассортиментных сдвигов в сторону более дорогих видов продукции. Эти операции легче проходили у предприятий с широким спектром выпускаемой продукции и с быстрым ее обновлением (например, в машиностроении), нежели в монопродуктовых отраслях. В экономике СССР с преобладанием в ее структуре добывающей и тяжелой промышленности, а так же со значительной долей ВПК подавленная инфляция была много сильнее, чем в других странах социализма. Да и практический опыт планового управления накапливался здесь дольше. Поэтому и значительно большим оказался уровень скрытой инфляции, так называемый, **“инфляционный навес”**.

Скрытая инфляция, так же, как и снижение реальных доходов населения, стали заметны в СССР с 60-х годов, но особенно сильны стали эти процессы в 80-х. С апреля 1991 г. после “павловской” реформы ценообразования были официально признаны договорные цены, это касалось предприятий, работавших на потребительский рынок. Регулирование же цен на продукцию ВПК, сырьевых и инфраструктурных отраслей оставалось жестким. Уровень цен в этот момент существенно вырос. Сыграло свою роль и резкое повышение в декабре 1991 г. заработной платы и цен на сырье.

Либерализация цен (в январе 1992 г.) привела к усилению неплатежей. Последовавший *дефляционный шок* после отпускания цен (до лета 1992 г.) захватил все предприятия. Реальная денежная масса сократилась до 12-15% от ее долиберализационного объема. Начались распадение связей, невыплата зарплат, отсутствие сбыта.

Либерализация цен поставила перед предприятиями проблему самостоятельного формирования стратегии и тактики ценообразования. Централизованное регулирование цен оставалось менее чем у четверти предприятий. Большинство предприятий заложили в основу ценообразования привычный старый затратный способ: фактические издержки плюс “нормальная” прибыль. В условиях инфляции и роста налогов уровень рентабельности обычно завышался. Несмотря на широкий разброс в ценовой политике, уже к марту-апрелю 1992 г. сложились некоторые тенденции в стратегиях ценообразования промышленных предприятий.

Стратегии эти были очень негибкими и диктовались устойчивыми инфляционными ожиданиями. При выходе за пределы платежеспособного спроса предприятия обычно не снижали цены, а работали на склад или несколько тормозили производство, ожидая, когда уровень цен станет приемлемым. Кредитная эмиссия, рост зарплат на время расширяли рамки платежеспособного спроса, что давало импульс для сбыта. Тем самым подстегивалась инфляция и периодически возникал ажиотажный спрос, что порождало новую волну издержек, а затем и цен. Подобный стереотип ценового поведения опирался на уверенность в получении относительно дешевых кредитов и другой государственной помощи.

В июле-октябре 1992 г. положение начало выправляться: была проведена частичная санация взаимных неплатежей, началась выплата долгов работникам; одновременно росла и эмиссия, начался рост физических объемов производства. Но с октября 1992 г., после либерализации цен на энергоносители — опять заметна дефляция, хотя и несколько иной природы — в результате задержки банками нижнего уровня выплаты централизованных кредитов, выдаваемых Центробанком (например, на финансирование конверсионных программ); банки направляли эти деньги в коммерческий сектор. В результате этого возник повторный дефляционный эффект, и платежный кризис снова обострился.

Значительное влияние на ценовую политику оказывала и монополизация. Широкое распространение получили в этот пери-

од *картельные соглашения* между производителями, часто устанавливавшие минимальный предел цен. Стала заметным явлением ценовая дискриминация. Еще весной 1992 г. выявилось существование трех уровней цен на одну и ту же продукцию. Самый низкий уровень цен предприятия держали для узкого круга своих традиционных потребителей. Цены для новых или эпизодических партнеров—государственных предприятий устанавливались выше (в 2-2,5 раза), но ниже биржевых. Но наиболее высокие цены выставлялись для новых негосударственных структур. В этом проявлялись приверженность руководителей старым связям и специфическое отношение к негосударственному сектору.

Только к концу 1993 г., после начала массовой приватизации, когда исчезли надежды на значительную государственную помощь и сложилась рыночная инфраструктура, изменилось ценовое поведение предприятий. У значительной доли предприятий установилась ориентация на рыночные цены аналогов, что свидетельствует о формировании рыночного мышления под воздействием зарождающейся конкуренции, хотя сохранялся и затратный принцип ценообразования.

Если высокие темпы инфляции характерны для периода спада производства, то снижение темпов роста оптовых цен должно в принципе свидетельствовать о постепенном прекращении промышленного спада и начале фазы депрессии, предшествующей оздоровлению и подъему. Именно так произошло в начале 1994 г. В феврале динамика цен упала с 19% до 16%, а в марте — до 11%. В середине апреля отпускные цены на некоторые товары даже снизились. Например, стройматериалы подешевели на 1%, а грузовые автомобили — на 2,3%. Однако это изменение динамики происходило на фоне своеобразной макроэкономической политики — резкого принудительного сокращения денежной массы путем создания кредитной государственной задолженности по платежам населению и промышленности. В этих условиях динамика цен не может достоверно отображать изменения в производстве. В 1994 г. высокими темпами росли цены на нефтепродукты, общий же индекс цен остался неизменным; перелома в динамике темпов производства не произошло.

Динамика цен на потребительском рынке имела ту же тенденцию: сначала резкий скачок до состояния гиперинфляции (в ре-

зультате либерализации цен в условиях огромного “*инфляционного навеса*”), затем постепенное затухание до вялотекущей инфляции с отдельными всплесками. Это обусловлено состоянием оптовых рынков и динамикой доходов, и прежде всего — заработной платы.

Общий рост цен даже при спаде производства неизбежно должен был вызвать со временем кризис сбыта и определенное затоваривание, приводящее рано или поздно к замедлению общей динамики оптовых цен. Правда, сюда вклинивалось влияние импортных товаров, определяемое курсом рубля и таможенной политикой государства. Курс рубля к доллару несколько стабилизировался к началу 1994 г. Тогда же было отложено намечавшееся повышение таможенных пошлин. В результате валютные риски импортеров несколько снизились, и на розничном рынке импортных товаров наступило даже некоторое затоваривание.

Другой фактор, определявший динамику потребительских цен, — это спрос. Недостаточно жесткая эмиссионная политика (как, например, в 1993 г.) очень быстро вызвала ускорение инфляции на потребительском рынке. И наоборот, ужесточение денежной политики и сдерживание роста заработной платы, вплоть до образования государственной задолженности по ней (особенно заметно с 1994 г.) постепенно “успокаивали” конъюнктуру на розничном рынке.

Положение с ценами принципиально изменилось после августа 1998 г. Значительное количество средств, замороженных в финансовой системе (обвал банков, прекращение выплат по ГКО), привели к общему снижению покупательной способности населения и особенно невозможности приобретения резко подорожавших импортных товаров. Вкупе с сокращением бюджетного дефицита в результате подорожания нефти на внешнем рынке и умеренной эмиссией это позволило в 1999 г. сократить инфляцию до 40% (что, конечно, чрезвычайно высокий показатель по мировым меркам) и подготовило основу для ее дальнейшего снижения.

26.2. Положение предприятий в ходе экономической реформы

Экономические отношения начального этапа перехода к рынку (1992—1993 гг.) характеризовались неготовностью руководства многих предприятий к работе в рыночных условиях и, как след-

стве, к убыткам и падению эффективности производства; все надежды на решение проблем связывались с государственным финансированием.

Помимо этого имелся и ряд объективных причин, способствовавших возникновению проблем с выполнением предприятиями своих обязательств:

- политическая и экономическая нестабильность в стране;
- разрушение единого экономического пространства в рамках бывшего СССР;
- ранее сложившиеся структурные перекосы в экономике страны — в результате особенно тяжелое положение в базовых и высокотехнологичных отраслях;
- отсутствие необходимых оборотных средств, связанное с резким (исчисляемым в десятки раз) ростом цен на потребляемую продукцию;
- отсутствие соответствующего условиям переходного периода налогового законодательства;
- оторванность собственника от контроля за деятельностью руководства предприятия;
- отсутствие необходимого в условиях экономики переходного периода законодательства о несостоятельности и неплатежеспособности.

Часть перечисленных проблем в 1992—1993 гг. была в той или иной форме решена, либо делались попытки их разрешения. Это *взаимозачет* 1992 г., направленный на пополнение оборотных фондов предприятий, меры по улучшению системы сбора налогов и обязательных платежей, попытки перестройки системы государственного управления экономикой с отраслевого на функциональный принцип, законодательное установление жестких санкций за нарушение договорных обязательств, введение вексельного обращения и т.д. Но в целом большинство указанных проблем решено не было.

В конце 1993 г. начался новый этап развития экономических отношений в рамках переходного периода, характеризующийся своими особенностями.

Во-первых, началась *структурная перестройка экономики*. При этом наблюдается тенденция перехода общего кризиса экономики в структурный кризис производства в конкретных отрас-

лях: это машиностроение, оборонные предприятия, тяжелая промышленность, некоторые высокотехнологичные отрасли и сельское хозяйство.

Во-вторых, на передний план вышли проблемы неплатежей между предприятиями. В результате предприятия электроэнергетики, нефтедобычи, транспорта, сельского хозяйства, предприятия, занимавшиеся поставками товаров северным регионам, предприятия оборонных отраслей, осуществлявшие поставки для государственных нужд, были вынуждены отпускать своим партнерам продукцию без гарантий ее оплаты.

В-третьих, государство попыталось решить проблему **платежной дисциплины** без осуществления дополнительной денежной эмиссии, рыночными механизмами (в том числе выпуском государственных обязательств). Такой подход дал определенные плоды: темпы инфляции снизились, предприятия активизировали взимание дебиторской задолженности, началось применение процедур банкротства.

В-четвертых, в процессе приватизации изменились организационно-правовая форма и собственник большинства бывших государственных предприятий. Началось формирование рынка ценных бумаг приватизируемых предприятий, начали создаваться условия для формирования стратегических собственников и привлечения инвестиций в новообразованные АО.

Дальнейшее развитие этих процессов и влияние на экономику страны зависят от экономической политики государства, его способности ограничить дефицит бюджета в разумных пределах, стабильности политической ситуации, привлечения инвестиций к предприятиям, а также возможностей осуществления структурной перестройки экономики, направленной на производство пользующейся платежеспособным спросом продукции.

Тем не менее все эти проблемы не были решены в полной мере до конца 1990-х годов. По-прежнему недопустимо велики объемы неплатежей, бартера и взаимозачетов, неэффективны процедуры банкротства и санации неблагополучных предприятий, а рынок акций замер в ожидании поступления инвестиционных средств. И все же можно констатировать, что промышленное производство в целом прошло пик своего падения где-то в 1993—1994 гг., после чего началось постепенное сокращение отрицательных приростов,

а на рубеже 1998—1999 гг. пройден нулевой рубеж и с 1999 г. началось нарастание темпов роста промышленности. Что же касается взаимоотношений предприятий между собой, с государством, банковской и другими сферами рынка — можно с уверенностью констатировать, что к концу 1990-х годов основные элементы хозяйственного механизма в сфере производства созданы. Хотя остались проблемы с недостаточным развитием сферы малого бизнеса, неудовлетворительна система налогов, отношений с местной властью.

Независимость предприятий. В дореформенный период предприятие было включено в иерархическую систему отраслевого управления, поэтому его функционирование регулировалось отраслевыми промышленными министерствами и их главными управлениями (главками), а также центральными экономическими ведомствами — Госпланом, Госснабом и др.

Произвол бюрократических структур, деятельность которых регулировалась не законами, а подготовленными ими самими положениями и инструкциями, отсутствие их реальной экономической ответственности за принятые решения — все это породило сильные противоречия во взаимоотношениях предприятий и органов управления. Стремление освободиться из-под мелочной опеки последних, расширить реально свою хозяйственную самостоятельность стало лейтмотивом деятельности предприятий в конце 80-х годов.

В отраслевом управлении в то время шли два взаимосвязанных процесса: изменение характера взаимоотношений предприятий и вышестоящих уровней, а также реорганизация управленческих и производственных структур.

Прежде всего резко изменилась роль отраслевых структур в распоряжении финансовыми ресурсами: они потеряли права по их перераспределению, по установлению уровня собственных средств предприятий, по формированию и расходованию фонда заработной платы. Сократилось и участие министерств в финансировании инвестиций. Столь же существенно сократились возможности отраслевых органов и в формировании производственной программы.

Изменился “тон” общения с аппаратом, уменьшилась зависимость предприятий. Они были заинтересованы в переходе на

договорные отношения с вышестоящими организациями. Последние могли бы выполнять ряд полезных функций, например, участвовать в сбыте, причем не только дефицитной продукции, развивать дублирующие производства для смягчения монополизма поставщиков, помогать в реализации оборудования и запасов.

С началом реформ правительства Гайдара и распадом СССР в стране произошла реорганизация системы власти и управления. Было создано объединенное Министерство промышленности РФ с разбиением на отраслевые департаменты. Последние пытались на первых порах вмешиваться в деятельность предприятий, в новую систему складывающихся горизонтальных и вертикальных связей. В 1993 г. на смену непопулярному Министерству промышленности пришел Комитет по промышленной политике с соответствующими комитетами, департаментами, координирующими деятельность отраслевых комплексов. Из-за задержек оплаты госзаказов связи предприятий с департаментами Комитета сохранялись лишь по линии предоставления льготных кредитов, но с осени 1993 г. их выделение резко сократилось.

Практически начиная с 1992 г. в промышленности вместо министерств создавалась система корпораций, концернов и иных объединений. Горизонтальные и вертикальные связи в них, между ними и с предприятиями стали основой формирования отраслевых промышленных организаций переходной экономики.

Следует отметить, что экономический кризис и вакуум власти к концу 1991 года усилили роль органов местной власти автономных республик, областей, краев, городов. Они реально помогали в обеспечении сырьем, контролировали механизм уплаты налогов и привлекали предприятия льготным налогообложением; от них зависела во многом политика приватизации.

Промышленный спад. С 1992 г. условия деятельности государственных предприятий резко изменились. Практически перестала существовать прежняя иерархическая структура отраслевого управления, централизованного планирования и распределения продукции. Были либерализованы цены и установление хозяйственных связей, в том числе и на внешних рынках. Существенно сократилась сфера бюджетного финансирования и льготного кредитования, инвестиционная деятельность перестала быть задачей

государственных структур при ужесточении кредитно-денежной политики. Резкая смена экономических условий стала для государственных предприятий своеобразным шоком. Они были поставлены перед необходимостью самостоятельно определять не только тактику, но и стратегию своего развития.

С началом реформ сбыт продукции достаточно неожиданно для руководителей стал одной из острейших проблем многих предприятий. Предприятия были вынуждены перейти к самостоятельному формированию рыночной политики, в том числе и уровня цен. Финансовые трудности потребителей, отсутствие гибкой рыночной стратегии у производителей породили в конце первого полугодия 1992 г. сбытовой кризис, охвативший значительную часть промышленности. Резко ускорился промышленный спад.

Интересно проследить нарастание начавшегося в 1990 г. устойчивого промышленного спада при различных политических и экономических условиях по среднегодовому изменению индекса прироста производства:

- правительство Тихонова (до сентября 1985 г.) — +1,2%
- правительство Рыжкова (до января 1989 г.) — +2,0%
- правительство Рыжкова (до января 1991г.) — -3,5%
- правительство Павлова (до августа 1991г.) — -12,9%
- правительство Силаева (до декабря 1991г.) — -19,8%
- правительство Гайдара (до ноября 1992г.) — -10,0%.

Достигнув минимума в августе 1992 г., производство начало было расти, но начавшие приспосабливаться к новым экономическим условиям директора с осени 1992 г. снова стали уповать на государственную поддержку. И она не замедлила проявиться, в очередной раз отбросив рыночные отношения: спад снова усилился.

К осени 1992 г. стало очевидным, что цели финансовой стабилизации не удалось достичь по целому ряду причин. Практически от тактики “шокотерапии” произошел переход к тактике “компромиссов”. В чем это выражалось? В период осень 1992 г.—осень 1993 г. (в конце 1992 г. премьером правительства России вместо Е.Т. Гайдара был назначен В.С. Черномырдин) расширилась практика *скрытого государственного финансирования* некоторых отраслей, регионов, крупных предприятий путем дотаций, льготного кредитования, налоговых и таможенных льгот. Это привело к усилению (с периодическим ускорением) инфляции,

постоянному удорожанию кредитов, сворачиванию долгосрочного кредитования, а также к постоянному снижению курса рубля по отношению к твердым валютам.

Выборочное вмешательство государства в хозяйственную деятельность, сопровождавшееся ухудшением платежного оборота (замедление расчетов, трудности платежей в СНГ) и общим падением платежной дисциплины у предприятий, создало в итоге перманентный, периодически обостряющийся кризис неплатежей. Возобновилась практика непосредственного регулирования экономики на государственном и особенно на региональном уровне; власти широко использовали регулирование цен, манипулировали налогообложением, оказывали прямое административное воздействие на предприятия.

С осени 1993 г. ситуация начала изменяться. В этот период перед предприятиями встали вопросы конкурентоспособности продукции, снижения издержек, грамотной ценовой политики. В 1994 г. экономические условия деятельности предприятий были неоднородны. Ужесточилась кредитная политика. После январского скачка инфляция постепенно замедлялась, к лету уровень ее стабилизировался на 4—5% в месяц. Оставались довольно стабильными и темпы ежемесячного падения курса рубля. Однако стабилизация воспринималась как временная, что и подтвердилось осенью.

Уже к середине 1994 г. резко обострился платежный кризис, и даже рост кредитных вложений в народное хозяйство не смог его существенно облегчить. К этому моменту имели просроченную задолженность поставщикам около половины предприятий. Начались быстрое падение курса рубля и рост цен, который к концу года составлял 14—15% в месяц.

Совокупный спрос на продукцию промышленности в условиях продолжающегося спада, относительного замедления роста денежных доходов населения и сдерживания бюджетных расходов продолжал сокращаться. На рынках многих товаров ощущалась нарастающая конкуренция, в том числе со стороны импортных товаров, более дешевой в рублевых ценах продукции некоторых стран СНГ. В результате спад промышленного производства в целом превысил уровень 1993 г., хотя и стал замедляться во втором полугодии.

В период 1995—1998 гг., когда все свободные денежные средства уходили на более прибыльный финансовый рынок, темпы падения промышленного производства хотя и не увеличивались, но не было и их заметного сокращения. Ситуация стала меняться только в 1999 г. в результате резкого обесценивания рубля (в августе-сентябре 1998 г.) и бездефицитного исполнения бюджета.

Неплатежеспособность предприятий; банкротства. На рубеже реформ финансовое состояние предприятий все время ухудшалось, что проявилось как в текущем финансовом обороте, так и в изменении уровня и структуры издержек. На большинстве предприятий еще летом 1991 г. был отмечен рост дебиторской задолженности, в основе которой лежала неплатежеспособность потребителей.

Причин, приводивших к росту себестоимости продукции предприятий было много. Прежде всего это связано с решениями союзного правительства и законодательных органов. Был введен ряд платежей и отчислений, относимых на себестоимость продукции (резко возросшие отчисления на социальное страхование, новые платежи в Пенсионный фонд, Фонд занятости); на предприятия была также перенесена тяжесть мер по компенсации и социальной защите населения в связи с реформой розничных цен 2 апреля 1991 г.

В начале 1992 г. была изменена система налогообложения. Начался безудержный рост цен на сырье и комплектующие. Финансовое состояние предприятий резко ухудшилось. Усиление инфляции на фоне кризиса денежного обращения и ожидания обещанных российским руководством реформ толкало предприятия к закупкам сырья, материалов, комплектующих (а также товаров наиболее высокой инфляционной стоимости) впрок по любым ценам. После взрывного роста цен имеющиеся собственные оборотные средства не обеспечивали текущих потребностей и предприятия не могли их ничем компенсировать. Правда, как правило они этого и не пытались делать, предпочитая использовать прибыль на другие цели, главным образом на потребление. “Простейший” способ выживания — наращивание собственной задолженности поставщикам, принудительный коммерческий кредит (в период инфляции выгодный при любых условиях), переход к бартерным отношениям — “бартеризация экономики”.

Бартер имел место и в советской планово-распределительной системе хозяйства. Он существовал там как “бартер дефицита”: дефицит на товарных рынках приводил к развитию бартерного обмена, когда один дефицитный товар менялся на другой столь же дефицитный по договорному соглашению, а формально совершались две независимые сделки купли-продажи по государственным ценам. В результате резкого скачка цен, сопровождавшего начало реформ в 1992 г., перестала работать практически вся финансово-денежная система России. Кризис неплатежей привел к тому, что бартер стал всеобщей формой простого товарообмена.

Со второй половины 1993 г. денежный механизм с трудом, но заработал, рост цен замедлился и бартер стал сокращаться; предприятия стали работать за деньги. Этот период — полтора года — был периодом “временного расцвета” отечественной промышленности. Однако после введения в 1995 г. “валютного коридора” борьба с инфляцией путем ограничения денежной массы привела, с одной стороны, к перетоку денежных средств в финансовый сектор, а с другой — к их недостатку в сфере производства. И переход к бартеру стал для предприятий единственным средством выживания. А с конца 1996 г. в отдельных отраслях и регионах объем бартера превысил 90%. С этого времени можно говорить о “бартерной экономике”.

В бартерном обмене участвуют различные товары и их эквиваленты. По степени ликвидности их можно разбить на три категории. К первой относятся все виды налоговых зачетов, электроэнергия, газ, коммунальные платежи и зачеты по железнодорожным перевозкам; они абсолютно ликвидны, не требуют складов (так как оформляются только на бумаге) и в сущности являются неким подобием денег. Ко второй категории относятся все виды топлива, цветной и черный металлы, продукты питания, товары народного потребления; все они достаточно ликвидны, но требуют особых условий хранения и перевозки. К третьей категории относятся все остальные товары; помимо складов они требуют определенных усилий на реализацию.

Наличие бартера, а тем более его широкое использование, конечно же существенно искажает экономические отношения и затрудняет переход к эффективной экономике.

Логика (и практика) рынка говорит о необходимости применения к неплательщикам процедур банкротства. В нашей стране

этот механизм пока не набрал должных оборотов. Примечательно, что основным фактором, сдерживающим применение законодательства о банкротстве, помимо выгоды этого для обеих сторон является негативное отношение органов исполнительной власти, руководства и работников предприятий к механизмам банкротства, сформировавшееся как из-за поверхностного понимания проблемы, так и из-за насаждавшегося в годы советской власти отрицательного отношения к этому явлению.

Тем не менее сразу после принятия Закона «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (1992 г.) началось рассмотрение арбитражными судами дел о несостоятельности предприятий: в 1993 г. было рассмотрено немногим более 100 дел, в 1994 г. — 240, в 1995 г. — 1108, в 1996 г. — 2618, в 1997 г. — более 5 тыс. дел.

Задолженность в результате неплатежей неуклонно росла в течение 1993—1994 гг. и достигла своего пика в октябре 1994 г. Начиная с этого момента, неплатежи в целом снижаются.

Предприятия и банки. В условиях командно-административной системы предприятия были распределены для кредитно-кассового обслуживания между определенными отделениями Госбанка и не имели возможности обратиться в другие отделения. Кредиты выдавались в соответствии с утвержденными финансовыми планами. Ставки процента устанавливались централизованно, но могли индивидуализироваться решением административных органов (обычная ставка долгосрочного кредита — 1%).

После 1991 г. ситуация изменилась. Ставки по краткосрочным кредитам от 25% в 1991 г. поднялись в начале 1992 г. до 50% и продолжали расти, достигнув 200% к лету 1993 г. Долгосрочные кредиты также подорожали, хотя ставки по ним были несколько ниже, но получить их стало практически невозможно; банки в принципе старались не выдавать их ни под какой процент.

В тот же период началось «сращивание» производственной и банковской сфер, однако процесс этот имел односторонний характер: предприятия вкладывали средства в банки, последние же не проявляли заинтересованности участвовать в развитии производства.

Ситуация с кредитованием производства, когда инвестиции в реальный сектор не шли ни при каких условиях, стала посте-

пенно меняться только с начала 2000 г.: Центробанк стал активно снижать ставку рефинансирования (за первые три месяца чetyрехжды — с 55 до 25%) с тем, чтобы сравнять ее с уровнем рентабельности в производственном секторе. Одновременно начала вводиться система рефинансирования кредитования коммерческими банками реального сектора по ставкам рефинансирования государственных ценных бумаг.

Предприятия на внешнем рынке. Расширение самостоятельности подтолкнуло предприятия к активной работе с иностранными партнерами. Еще в конце 80-х многие из них получили право непосредственного выхода на внешние рынки, создания совместных предприятий. С началом реформ это приняло массовый характер. По мере усиления спросовых ограничений внутри страны кризис сбыта стал толкать предприятия на внешние рынки, где они пытались найти потребителей, чтобы остановить спад производства. Однако здесь многие предприятия встретили немало трудностей, обусловленных рядом объективных факторов.

Главная трудность — неконкурентоспособность отечественной продукции обрабатывающих отраслей. Уровень качества изделий часто вообще закрывает дорогу на внешний рынок или позволяет реализовать их лишь по бросовым ценам. Либерализация вызвала такой рост цен на сырье и комплектующие, что, несмотря на заниженный курс рубля, существенно ослабила выгодность экспорта.

Некоторые виды высокотехнологичной российской продукции не защищены патентами. В условиях быстрой обновляемости продукции за рубежом для наших предприятий существует лишь возможность разовых или краткосрочных продаж.

В начале реформ в направлении сдерживания экспорта действовали и введенные тогда экспортные тарифы и обязательные валютные отчисления.

Возникла чисто информационная проблема — трудности в установлении контактов с потенциальными зарубежными партнерами. Необходимы были информационные посредники.

В результате всего этого Россия потеряла рынки постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, ряда стран Азии и Африки, экономики которых по технологическому уровню были адаптированы к советскому производству.

26.3. Создание кредитно-банковской системы

Созданный после распада СССР в 1991 г. Центральный банк России (ЦБ) унаследовал от Госбанка СССР все особенности советской банковской системы, которые пришлось с трудом изживать в ходе банковской реформы, — слабый механизм монетарной политики, закрытую централизованную структуру, систему поддержки неэффективных предприятий (с целью искусственного подъема производства и снижения безработицы), отсутствие клиринговой системы, общереспубликанскую структуру.

Коммерческие банки, получившие в то же время свою независимость, несмотря на либерализацию финансовой системы, также унаследовали от старых условий массу проблем: отсутствие опытного банковского персонала, монопольное превосходство государственных сбережений над сбережениями частных лиц, зависимость от сложившихся еще во времена “черного рынка” криминальных структур, тяжелые долги.

Образование коммерческих банков. Можно выделить три волны образования коммерческих банков. Первая — банки, образовавшиеся до 1990 г. Прежде всего это созданные еще в 1987 г. “специализированные” банки (для кредитования тяжелой промышленности, сельского хозяйства и малого бизнеса), которые представляли к 1990—1991 гг. тяжеловесную банковскую бюрократию. Обладая огромной и солидной (крупные государственные предприятия) клиентурой, они были наименее приспособленными к рыночным отношениям и не задумывались о возможности банкротства. Эти монстры, не способные (и не желающие) переходить к рыночным решениям, оказались через несколько лет в довольно тяжелой ситуации.

Другой тип российских коммерческих банков — “карманные банки”, созданные по Закону “О кооперации” (1988 г.) из финансовых отделов госпредприятий для перекачки государственных средств, были изначально слабыми и плохо управляемыми и в 1994—1995 гг. начали лопаться.

Наконец, “нулевые банки”, появившиеся в 1988—1989 гг. преимущественно для использования денег партийной элиты, хотевшей обеспечить свое финансовое будущее. После 1990 г. они

стали бурно развиваться по западным образцам. И хотя многие имели к 1994 г. долги и тяжелые потери в результате неудачных валютных операций, небольшое число именно этих банков получили спустя пять лет наибольшую мощность.

Тем не менее общее число появившихся до 1990 г. банков по российским меркам было невелико — “всего” полторы сотни. Половина из них перестала существовать уже в первое десятилетие.

Вторая волна — начиная с 1990 г. — связана с реформированием государственных банков, когда на базе специализированных банков за год образовалось более 800 самостоятельных банков. Довольно большое число из образовавшихся тогда банков просуществовало очень недолго и уже в 1993 г. было присоединено к более удачливым в качестве филиалов.

Наконец, третья волна приходится на 1992—1994 гг., когда среди образующихся банков снова преобладают “новые” (1400 против полутора десятков отделившихся от структур бывших специализированных банков). В 1994 г. под воздействием мер по обузданию инфляции в сочетании с ужесточением регулирования закончился период бурного экстенсивного роста, а в 1995 г. лишились лицензий первые жертвы кризиса рынка межбанковских кредитов (МБК). С начала 1996 г. количество банков начало сокращаться со скоростью примерно 10% в год. Если по международным меркам такая динамика говорит о банковском кризисе, то в России — это показатель перехода банковской системы в новую фазу: сокращение общей численности кредитных организаций происходило на фоне роста совокупных активов банковского сектора. Доля *нерезидентов* в них составляла 6%.

Доля государства в активах банков была крайне невелика. При огромном числе кредитных организаций участие государства в их капитале было сконцентрировано всего в нескольких специфических банках — Сбербанке, группе банков, обслуживающих внешнеэкономические связи, и специализированных кредитных институтах (Российская финансовая корпорация, Банк развития предпринимательства). К этому надо добавить полсотни банков, созданных при участии Пенсионного фонда и его региональных отделений. Гораздо выше косвенное участие государства в банковском капитале через государственные предпри-

тия, являвшиеся акционерами банков; здесь совокупная доля государства составляла 7%.

Кризис банковской системы (август 1995 г.). К концу периода экстенсивного роста банков в стране сложилась система, где на рынке сосуществовали гигантские по российским меркам банки с огромной филиальной сетью и солидной клиентской базой и банки новые, иногда полностью умещавшиеся в портфеле своего председателя правления. Набор услуг, предлагавшихся ими, был, естественно, весьма ограниченным. В условиях низкой конкуренции банки позволяли себе задерживать перевод платежей, используя средства клиентов в спекулятивных операциях. Высокая инфляция позволяла им таким образом формировать ресурсную базу, не испытывая острой необходимости в привлечении срочных депозитов. Зато чрезмерно расширился сегмент межбанковского кредитования, многократно упрощавший спекулятивные операции.

Условия существования банков в 1991—1995 гг. — высокие темпы инфляции, накачка экономики дешевыми централизованными деньгами и перманентный рост курса доллара — создавали благоприятную почву для развития рынка межбанковского кредита как источника не только доходов банков, но и средств для клиентского кредитования.

Легкая жизнь банков по сути закончилась весной 1995 г., когда Центробанк на деле, а не на словах прекратил кредитование правительства, ужесточил резервные требования для коммерческих банков, а чуть позже ввел валютный коридор.

24 августа 1995 г. на рынке межбанковского кредита наступил кризис, хотя признаки его проявления появились гораздо раньше — если не с самого начала развития межбанковских кредитов, то весной 1995 г., когда с серьезными трудностями столкнулся Межрегионбанк. Этот кризис подвел черту под первым периодом развития банковского сектора в России — периодом бурного экстенсивного роста в условиях либерального банковского законодательства.

Дальнейшее развитие банковской системы связано с попытками проведения в стране политики финансовой стабилизации. Снижение темпов инфляции после 1995 г. было достигнуто в значительной степени мерами денежно-кредитной политики.

Монетарная стабилизация опережала макроэкономическую и протекала на фоне продолжения спада в *реальном секторе*. А структурный характер кризиса в экономике препятствовал росту капиталовложений и, соответственно, спросу на кредиты со стороны реального сектора.

В 1994 г. финансовая стабилизация фактически началась с ограничения эмиссии на покрытие бюджетного дефицита и прекращения выделения централизованных кредитов. Но бюджетная политика не была последовательной. Предложив основным агентам экономических отношений придерживаться правил финансовой дисциплины, жить по средствам, государство не смогло те же правила игры применить к себе: ограничить расходы бюджета получаемыми доходами сменявшие друг друга правительства (В.С. Черномырдина, С.В. Кириенко, Е.М. Примакова) были не в состоянии. В то же время инфляционный механизм наполнения доходной части бюджета перестал работать, а налоговая система оказалась неспособной поддерживать высокие расходы.

Но нарастание долга в стагнирующей экономике имело пределы, ситуация в сфере государственных финансов приобрела характер кризиса. Бюджетный кризис препятствовал снижению номинальных ставок, поскольку федеральное правительство и местные власти предъявляли растущий спрос на кредитные ресурсы. Это создало для банков новый рынок — государственных долговых обязательств (ГДО). Сюда и стали направляться все ресурсы банков вместо кредитования предприятий. Объем размещенного в виде различных обязательств (ГКО, ОФЗ) государственного долга в течение 1995 — 1996 гг. вырос в 20 раз.

С 1997 г. сюда начали привлекаться иностранные кредиторы. На какой-то момент это позволило ослабить напряжение в бюджетной сфере, но одновременно породило новые проблемы. Поэтому, как только обострилась ситуация на азиатских рынках, начался отток средств нерезидентов и из России. Невозможность в этих условиях снижения ставок по ГДО (высокие ставки отражают и скрытую инфляцию, связанную с нарастанием задолженности по зарплате, других неплатежей, с бартеризацией экономики) привела к тому, что уже с декабря 1997 г. ежемесячные обязательства по погашению их текущих выпусков стали превышать доходы от размещения новых: бюджетный кризис перешел в фи-

нансовый, охватив все основные финансовые рынки. День 14 августа 1998 г. был последним днем торгов ГДО, а 17 августа правительство объявило о замораживании выплат по ним. Это поставило в тяжелейшие условия все банки, так или иначе связанные с обслуживанием государственных обязательств; многие из них были закрыты, некоторые ликвидированы. Российский финансовый рынок замер и начал оживать только к концу 1999 г.

Становление денежной системы. 1 июля 1992 г. была ликвидирована система множественных валютных курсов. С этого момента в качестве официального признается курс, фиксируемый в результате торгов на Московской межрегиональной валютной бирже (ММВБ). В течение 1993 г. были отменены последние осколки этой системы — дотационные импортные коэффициенты.

С середины 1995 г. в целях сокращения инфляции и стабилизации финансового рынка указом президента был введен “валютный коридор”, в рамках которого курс доллара определялся по-прежнему по результатам торгов на ММВБ.

16 мая 1996 г. президент Ельцин подписал Указ “О мерах по обеспечению перехода к конвертируемости рубля”, в котором одобрены предложения правительства и Центробанка о принятии Россией обязательств, налагаемых на страны-члены МВФ 8-й статьей Устава Фонда в области режима конвертируемости национальной валюты по текущим валютным операциям. С этого момента Центробанк самостоятельно определяет официальный обменный курс рубля, учитывая и биржевые торги, и межбанковский рынок.

26.4. Создание фондового рынка

За свою недолгую историю фондовый рынок в России успел пройти три качественно различных этапа.

Первый этап — 1993 г.—первая половина 1994 г. — ваучерная приватизация. Единственной массовой и ликвидной ценной бумагой в то время был *ваучер*. Первыми участниками рынка были российские брокерские компании. Тогда же здесь впервые появились западные инвестиционные фонды в качестве *портфельных инвесторов*. Активность рынка достигла пика к концу лета— началу осени 1994 г.

Ситуация после либерализации в 1992—1993 гг. характеризовалась быстрым ростом курса доллара и низкой ставкой Центробанка: шла долларизация хозяйства и гипертрофия валютного рынка. Выгодными были только экспортно-импортный сектор хозяйства и банковский, работавший на спекуляциях валютой и извлекавший прибыли из разницы между ставками Центробанка и межбанковского кредита, которые были ниже темпа инфляции.

В 1994 г. на фоне относительно небольшого и стабильного роста валютного курса (с середины 1993 г. до конца 1994 г. курс доллара вырос всего на 20% при инфляции 12—15% в месяц) Центробанк резко повысил ставку — с 80% (в апреле 1994 г.) до 220% (в октябре 1994 г.). Это резко сократило экспортно-импортные операции, но не отразилось на финансовом рынке: сохранялась разница между кредитными и депозитными ставками, равная 1,5. Финансовый рынок слабо контролировался государством. Все это создало условия для расцвета финансовых компаний и *“пирамид”*.

На рынке был избыток рублевых средств. Но ни предприятия, ни население не могли их использовать, так как инвестиционные проекты были неэффективны, а никаких ликвидных бумаг на рынке не было. Единственной возможностью массового вложения средств были финансовые компании.

Многие из действовавших тогда финансовых компаний были сначала крупными торговыми компаниями (МММ, “Олби”, “Эрлан”). Но они быстро поняли, что гораздо прибыльней работать на финансовом рынке, где при слабом контроле государства они могут безответственно обещать и не выполнять своих обязательств. При этом с рынка вытеснялись добросовестные услуги и товары, не способные конкурировать с недобросовестными.

Банки также были втянуты в этот процесс. Но они могли ориентироваться лишь на ограниченные суммы (в силу последующего нарушения показателей, контролируемых Центробанком), в то время как “пирамиды” могли привлекать средства неограниченно. Это видно по затратам того времени на рекламу. С конца 1993 г. по объему рекламы вперед вышла реклама финансовых услуг, а внутри этой группы — финансовые пирамиды.

Конец известен: в июне 1994 г. рухнула “МММ”, за ней — все остальные пирамиды. Они похоронили рынок предьявитель-

ских бумаг, в том числе и финансирование инвестиционных проектов через акции — “Дока-хлеб”, АВВА и др.

Второй этап — с лета 1994 г. до середины весны 1995 г. — характеризовался спадом: падение “пирамид”, неразвитость инфраструктуры, уход зарубежных инвесторов (в связи с резким падением мексиканского песо и приходом в ГКИ Полеванова, высказывавшегося за национализацию ранее приватизированных предприятий). Зато появились российские инвесторы — банки, торговые и промышленные компании.

Осенью 1994 г. зафиксирован всплеск инфляции (кстати, отвлечение средств населения на “пирамиды” повлияло на спад инфляции в первой половине 1994 г. и увеличение доли сбережений). Средства перетекли на валютный рынок.

Чтобы удержать денежный рынок, правительство и Центробанк пошли на увеличение операций по государственным ценным бумагам с высокой доходностью. В результате с конца 1994 г. государственные бумаги были наиболее стабильны и одновременно наиболее доходны. Но упал рынок корпоративных бумаг, невыгодны стали производственные инвестиции.

Третий этап — очередной, хотя и не быстрый рост. Со второго квартала 1995 г. Центробанк перестал кредитовать Министерство финансов, оба договорились о неинфляционных источниках финансирования бюджетного дефицита и ввели валютный коридор. (Следует отметить, кстати, что стабилизация валютного курса началась задолго до введения валютного коридора, и Центробанк скорее просто не давал доллару опуститься.) В результате снизилась доходность традиционных секторов банковской деятельности, банки вынуждены были искать новые возможности и нашли их на рынке акций приватизированных предприятий. Этот сектор вместе с государственными облигациями и вексельными бумагами и определял состояние медленно растущего фондового рынка до конца 1997 г., когда вся его деятельность сосредоточилась только на государственных бумагах, вплоть до “дефолта” 17 августа 1998 г.

Последующие годы характерны лишь тем, что на фондовом рынке появились новые игроки — *наевые инвестиционные фонды*, объединявшие средства индивидуальных инвесторов, и управляющие компании. Не располагая пока значительными капитала-

ми, они представляли развитую структуру формирования “длинных денег” для инвестирования в реальный сектор экономики.

26.5. Приватизация

Никакой рынок не может существовать без развитого института частной собственности. Вопрос о переходе от государственной собственности к частной был одним из кардинальных еще на этапе перестройки. В то же время ни одно явление реформирования экономических отношений не было столь непонятным и неоднозначным, на чем немало спекулировали заинтересованные лица. Номенклатура, активная часть директората предприятий преподносили экономически малограмотному населению как равнозначные процессы *приватизации* и *разгосударствления*, создавая в целом безразличное или отрицательное к ним отношение.

Приватизация — это процесс продажи (передачи) частному сектору (физическим и негосударственным юридическим лицам) полностью или частично имущества (активов) госпредприятий. Синоним этого — “денационализация”. Приватизация является формальной (внеэкономической) предпосылкой для экономической реализации частной собственности в процессе перехода от плановой системы хозяйства к рыночной.

Разгосударствление — также весьма важный для того периода освобождения предприятий от диктата государства (в лице министерств) процесс модификации управленческой модели госпредприятия без отчуждения имущественных прав, полного или частичного изменения юридического статуса.

В широком смысле эти процессы направлены на постепенное самоустранение государства как субъекта отношений собственности, не свойственных ему в системе рыночно-конкурентного хозяйства, и на формирование новых экономических и правовых механизмов и институциональных структур как условия экономической реализации института частной собственности.

До начала 1990-х годов все изменения форм собственности ограничивались арендой и различными формами хозрасчета; несмотря на принятие союзных законов “Об индивидуальной трудовой деятельности”, “О кооперации”, “Об аренде”, полноценные частные предприятия на их основе так и не появились. Лишь с дека-

бря 1990 г. после принятия в России Закона “О предприятиях и предпринимательской деятельности” в промышленности начали создаваться первые акционерные общества, как правило, с преобладанием государственной собственности. Это было в большинстве случаев “сменой вывесок”. Одновременно в 1990–1991 гг. пошел процесс спонтанной **номенклатурной приватизации**. Эти процессы часто шли вразрез с союзным законодательством и всегда в интересах управленческой номенклатуры. Основным результатом этой деятельности к концу 1991 г. стал лишь сдвиг в социальном сознании: идея приватизации, чаще в форме коллективной собственности, стала поддерживаться уже трудовыми коллективами. При этом предприятия, директорский корпус ориентировались на приватизацию “в узком кругу”, а не на именные приватизационные вклады, как это предписывалось законом и программой приватизации. Требования дополнительных льгот трудовым коллективам, естественно, должны были тормозить такие способы приватизации, как аукцион и конкурс.

Пришедший в Госкомимущество А.Б. Чубайс стал настаивать на проведении быстрой и подлинной приватизации, ведущей к возникновению личных прав собственности вместо фактической собственности номенклатуры, давно распоряжавшейся всем государственным имуществом и всячески стремившейся удержать его в своих руках. Чтобы избежать прямых сделок между чиновниками и покупателями, реформаторам следовало разработать такие правила приватизации, которые учитывали бы высокую степень коррумпированности государственного аппарата. В основу этих правил были положены открытые конкурсы (**тендеры**), где напрямую сталкивались бы спрос и предложение.

Политическая обстановка и сложившееся соотношение социально-политических сил обусловили изменения первоначально принятого закона о приватизации; 29 декабря 1991 г. была выдвинута программа приватизации, основанная на идее **ваучерной приватизации** с предоставлением весьма существенных льгот трудовым коллективам. В программе определялись не только нормативы и процедуры приватизации, но и общие суммы бюджетных доходов от этого мероприятия в 1992–1994 гг. Правда, непомерно высокая инфляция съела эти доходы. Со второй половины 1992 г. началось развертывание массового процесса акционери-

рования и приватизации при жесткой регламентации этого процесса сверху.

По каким правилам проводилась приватизация? Предложенный правительством (*первый*) вариант предполагал, что работники предприятий должны получить 25% капитала бесплатно, в виде *привилегированных акций* (без права голоса). Этот шаг предпринимался с целью привлечения работников в ряды активных сторонников приватизации. Работники становились бы индивидуальными собственниками. Они могли также выкупить дополнительно к этому еще 10% обыкновенных (голосующих) акций предприятия за 70% их номинальной, тогда очень низкой, стоимости. После этого директорам предоставлялось право купить 5% акций по номинальной стоимости.

Между тем приватизация не шла; в течение первой половины 1992 г. в стране продолжались напряженные споры по вопросу о сущности и путях проведения приватизации, несмотря на то, что закон и программа приватизации уже были приняты. Было важно установить наиболее точное соотношение акций при их распределении между государством и трудовыми коллективами, чтобы ускорить процесс. Сложность проблемы усиливалась тем, что на свою долю претендовали директора предприятий, чиновники отраслевых министерств, представители региональных властей, “новые” предприниматели, наконец, все население в целом.

Директора и рабочие многих предприятий не были согласны с правительственным вариантом приватизации; они требовали выделения им большей доли собственности. Их представителями был разработан и принят *второй* вариант приватизации, по которому всем работникам данного предприятия гарантировалось право выкупа обыкновенных акций, составляющих 51% уставного капитала, по цене, в 1,7 раза превышающей балансовую стоимость акций. Это давало работникам предприятия возможность иметь большинство голосов.

Под давлением “Промышленного союза” (директорской фракции в Верховном Совете) помимо второго появился и *третий* вариант приватизации, в соответствии с которым дирекция могла выкупить 20% обыкновенных акций по номиналу, если $\frac{2}{3}$ работников не возражали против этого. Позже им предоставлялось право покупки еще 20% акций со скидкой 30% от номинальной сто-

имости. Но этот вариант мог использоваться лишь для ограниченного круга предприятий с численностью занятых более 200 человек и фиксированными активами от 1 до 50 млрд. руб. Таким образом, трудовые коллективы могли в известной степени выбирать — по какому варианту приватизировать свои предприятия.

Летом 1992 г. правительством была выдвинута идея использования *приватизационных чеков (ваучеров)* в качестве центрального пункта экономической реформы. Все граждане России, в том числе и дети, имели право на получение одного чека с номинальной стоимостью в 10 тыс. руб., уплатив за его получение 25 руб. К 31 января 1993 г. почти 97% российских граждан получили ваучеры, которые должны были быть использованы на приватизационных аукционах и конкурсах для приобретения государственной собственности до середины 1994 г.

Ваучеры не были персональными; их можно было вкладывать в акции приватизированных предприятий, но можно было и продавать, передавать другому лицу, накапливать. Предполагалось, что в будущем люди смогут получать проценты от прибыли приобретенных на ваучеры предприятий, но для большинства этого не произошло, поскольку реального роста в экономике не наблюдалось.

В 1993 г. по всей стране начали создаваться *чековые инвестиционные фонды (ЧИФы)* для работы с ваучерами населения в ходе приватизации — всего было зарегистрировано около 650 фондов. Предполагалось, что ЧИФы будут стремиться к реальному инвестированию капиталов в производство и перерастут в инвестиционные. Однако на практике ЧИФы были заинтересованы лишь в сиюминутном росте своих дивидендов, а не в развитии производства. После завершения ваучерной приватизации многие фонды тихо и незаметно ушли с рынка, продав или погасив ваучеры, так и не сумев использовать их соответствующим образом.

Как выглядела структура российских предприятий накануне приватизации? На начало 1991 г. в стране насчитывалось, по разным оценкам, от 150 до 320 тыс. мелких (до 200 занятых), 22 тыс. средних (200-1000 занятых), 8700 крупных (1000-10000 занятых) предприятий, включая 2700 оборонных, и около ста предприятий-гигантов (свыше 10000 занятых). На начало 1993 г. в Госкомимущество РФ было зарегистрировано около 205 тыс. госпредприятий

на самостоятельном балансе, подлежащих приватизации, и, конечно, ни в 1993 г., ни в 1994 г. программа приватизации полностью не выполнялась. К середине 1995 г. были приватизированы только 120 тыс. предприятий. При этом по первому варианту приватизировалось только 16% предприятий, по второму варианту — свыше 75% предприятий, а по третьему — всего около 1%.

К концу 1995 г. доля приватизированных предприятий составляла 52,5%. Если добавить к ним предприятия, созданные вне приватизационного процесса, частный сектор составил к этому времени около двух третей народного хозяйства, создав экономическую базу необратимости реформ. По состоянию на 1 июля 1997 г. 71,8% российских предприятий относились к частной форме собственности.

Массовая приватизация с использованием ваучеров закончилась к середине 1994 г. Оставшуюся собственность государство хотело продавать с максимальной выгодой и не в массовом порядке, а постепенно, на аукционах, чтобы поступления бюджету от продажи акций шли равномерно по определенному графику. Но намеченная схема работала плохо, темпы денежной приватизации были очень низкими, а доходы нерегулярными.

В 1995 г. начали практиковаться *залоговые аукционы* пакетов госсобственности крупных предприятий, а с 1996 г. — конкурсы на право *доверительного управления* государственными пакетами акций.

Суть залоговой схемы в том, что государство получает низкопроцентный кредит под залог акций, затем, после окончания срока залога, продает эти акции на рынке и возвращает кредит. Если государство не возвращает кредит залогодержателю, он имеет право сам продать пакет и взять себе не только сумму, равную кредиту, но еще и одну треть от разницы между продажной ценой акций и суммой кредита.

Суть же конкурсов на доверительное управление другая. Государство получает деньги за право доверительного управления предприятием в течение трех лет — одновременно и безвозмездно. Стимулом для потенциального участника конкурсов является как вознаграждение в сумме 30% от величины дивидендов по акциям, которыми он управляет в течение трех лет, так и возможность продления договора на новый срок без дополнительной оплаты.

При всей неопределенности границ процесса приватизации его завершение можно считать полным, когда создана полноценная экономическая и юридическая система новых отношений собственности, обеспечивающая стабильное воспроизводство этих отношений через новую систему хозяйства и новую институционально-правовую среду; наконец, когда достигнута экономическая эффективность на микро- и макроуровнях.

Однако переходом в частную собственность предприятий отнюдь не ограничивались процессы приватизации в 90-е годы; по всей стране осуществлялась *приватизация жилья*. В июле 1991 г. был издан Акт “О приватизации жилья в России”, в соответствии с которым граждане и их семьи, живущие в государственных квартирах, могли по желанию приобрести по чисто символическим ценам законные права собственности, включая право продавать, отдавать в наем или завещать свои квартиры. Всего к началу 1995 г. в стране было приобретено в собственность почти 11 млн. квартир. Одновременно с этим в городах возник рынок жилья, что явилось несомненным признаком развития рыночной экономики.

Наиболее сложной в техническом и экономическом отношении оказалась *приватизация земли*, хотя частное владение землей вызывало одобрение у большинства населения страны. Противниками приватизации были руководители колхозов и совхозов, чиновники агропромышленного комплекса, стремившиеся сохранить в своих руках функции по управлению сельским хозяйством и распоряжению государственными субсидиями. Приватизация земли осложнялась огромными масштабами аграрного сектора, высокой степенью монополизации снабженческо-сбытовых и перерабатывающих организаций АПК и т.д. На местах почти не существовала полноценная регистрация земельных площадей, отсутствовали земельные инспектора для ее проведения. Тем не менее еще в начале 1990 г. стали возникать *семейные фермы* как один из видов арендного хозяйства. К концу 1990 г. их насчитывалось более 4400.

Земельная реформа столкнулась с мощным противостоянием аграрного лобби среди народных депутатов. В 1990 г. был принят Закон “О крестьянском (фермерском) хозяйстве” и Закон “О земельной реформе”, по которым крестьяне могли выходить из колхозов и совхозов со своей долей общественной земли и акти-

вов. Но за общим собранием колхоза оставалось право определять, какую часть земли и активов следует выделить индивидуальному хозяйству, что приводило на практике к произволу местных властей. Позже в эти законы были внесены поправки, запрещающие продавать землю в течение десяти лет. В апреле 1992 г. Съезд народных депутатов проголосовал против частной собственности на землю. И лишь после сбора 1,9 млн. подписей среди населения, организованного движением “Демократическая Россия” в декабре 1992 г., съезд одобрил ограниченное право на продажу земли.

И все же правительство пыталось проводить земельную реформу. В декабре 1991 г. оно приняло постановление о реорганизации колхозов и совхозов в любую стандартную форму ассоциаций. Большая часть колхозов была преобразована в форму партнерства. К концу 1993 г. 95% колхозов и совхозов произвели необходимые преобразования, что позволило зафиксировать иную юридическую и экономическую сущность крестьянских ассоциаций (товариществ).

Вторым шагом в осуществлении земельной реформы было дальнейшее развитие семейных ферм, их переход от арендной формы к частному хозяйству. Становление фермерских хозяйств шло с большим трудом. Многие из них ликвидировались. В числе причин — нерешенность вопросов продажи земли, ипотеки (залога), кредитов и пр. Несмотря на то, что Конституция 1993 г. зафиксировала право частной собственности на землю, в *Земельном кодексе* это положение в 1990-е годы еще не нашло своего законодательного закрепления.

Третьим направлением в продвижении земельной реформы явилось дальнейшее развитие личных подсобных хозяйств. Произошла массовая приватизация этих земельных участков, тем самым увеличилось количество частных собственников земли.

В целом же приватизация в сельском хозяйстве двигалась гораздо медленнее, чем в других секторах экономики.

26.6. Занятость

Еще в дореформенный период многие предприятия, особенно крупные предприятия оборонного комплекса, имевшие в условиях приоритетного развития возможность держать избыточ-

ных работников, столкнулись с необходимостью сокращения персонала. Первые сокращения в 1991 г. затронули служащих и инженерно-технических работников. Эти сокращения шли в первую очередь за счет вакансий, затем лиц пенсионного возраста и лишь затем — трудоспособного.

С началом реформ, когда возникли спросовые ограничения и ужесточились финансовые, все настоятельнее становилась необходимость сокращения персонала на большинстве предприятий. Вместе с тем по-прежнему определенная их часть продолжала страдать от дефицита трудовых ресурсов, но лишь отдельных специальностей и высокой квалификации.

Проблема занятости в 1990-е годы имела явно региональный характер. На периферийных предприятиях картина была совсем иной, чем в крупных центрах. Здесь значительно реже случаи добровольного ухода и выше уровень сокращений. В малых городах, как правило, меньше предприятий, они часто относятся к одной отрасли, там меньше развит частный сектор, больше трудностей с жильем.

На предприятиях, где пытались (чаще по социальным мотивам) обойтись без сокращений сотрудников, практиковалось сокращение рабочего времени: сокращенная рабочая неделя (работали 3-4 дня), длительные вынужденные отпуска (неоплачиваемые или с выплатой минимальной зарплаты), закрытие всего завода на несколько летних месяцев. На других заводах временно приостанавливалась оплата труда или зарплата выплачивалась частично. При этом работники лишь формально числились на предприятии, а на самом деле были заняты другой деятельностью, фактически уходя в “теневую экономику”. Следствием подобных микропроцессов стало расширение *скрытой безработицы*. С макроэкономической точки зрения этим консервировалась низкая эффективность труда.

До конца 1990-х годов проблема безработицы, составлявшей по официальным данным 12—14%, а с учетом скрытой безработицы — гораздо больше, так и не была решена.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что уже перед началом реформ началось прогрессирующее ухудшение финансового состояния предприятий, которое под воздействием “шоковых мер” и специ-

фической реакции на них постсоветских предприятий привело российскую экономику к финансовому кризису и инвестиционному спаду. И только с 1999 г. начался очень медленный в условиях недостатка инвестиционных ресурсов экономический подъем.

В связи с этим необходимо ответить на два вопроса. Почему экономический кризис конца XX столетия оказался столь тяжелым и продолжительным? Каким потенциалом обладает Россия для выхода из кризиса?

Рекомендуемая литература

1. *Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П.* История России. XX век. М., 1996.
2. *Гайдар Е.Т.* Сочинения. Т. 1, 2. М., 1997.
3. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. История Советского Союза от 1917 г. до наших дней. Кн. 2. М., 1995.
4. *Лившиц А.Я.* Экономическая реформа в России и ее цена. М., 1994.
5. *Мау В.А.* Экономика и власть. 1985-1994. М., 1995.
6. *Ослунд А.* Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996.

Часть 9

Российская экономика в конце XX в.

Глава 27

Особенности постсоветского кризиса 1980—1990-х годов

Затянувшийся более чем на десятилетие экономический кризис породил к концу 90-х годов множество объяснений этого катастрофического явления. Наиболее распространено мнение, что кризис в экономике России возник в результате реформ и имеет, следовательно, “очистительный” характер; в ходе кризиса разрушаются старые формы и уклады и из их обломков создаются новые, способные к саморазвитию. Но изучение исторического развития советской экономики показало, что кризис этот, возникший задолго до начала либерализационных реформ в России, стал заметен еще в конце 1970-х годов, и с середины 1980-х уже зафиксирован статистически. Сами рыночные реформы, также как и выделение из СССР независимой России, стали результатом кризиса советской экономики. А недостаточная комплексная проработка реформ и ошибки при их реализации, конечно, затянули выход из кризиса.

С другой стороны, кризис экономики дополнялся кризисом политическим, в результате чего и распался СССР, и кризисом партии, идеологии, что отразилось на социальных отношениях в обществе. Все это заставляет говорить о *системном*, а не о сугубо экономическом *кризисе*. В этом его сходство с кризисом в России конца XIX столетия. Тогда тяжелейший кризис в экономике (общее падение производства составило в 1901 г. 19,9%) сопровождался кризисом военным (Русско-Японская война) и вызвал кризис политический (революция 1905 г.). Тот кризис продолжался, включая годы

депрессии, без малого 10 лет — с 1899 по 1908 г. и завершился лишь после получения страной огромного международного займа.

Итак, в России к концу 1990-х годов наблюдается системный кризис экономики. Охарактеризуем его основные черты.

Первое. Кризис приобрел всеобщий характер, охватывающий практически все ключевые функциональные элементы экономической системы — производственные, финансовые, денежно-кредитные и социально-потребительские.

Еще в советский период, начиная с середины 1970-х годов и особенно в 1980-е, кризис охватил большинство функциональных узлов экономики. Кризис топливно-сырьевых и инвестиционных секторов стал результатом форсированного режима их функционирования, что в свою очередь было следствием структурных дисбалансов народного хозяйства, его технологической отсталости и износа производственного аппарата. Деграция потребительского сектора была предопределена той системой приоритетов, которая диктовалась гонкой вооружений и необходимостью наращивания производства сырья. Это тормозило рост качества жизни.

Общая модель структурной перестройки состоит в том, что параллельно с отмирающими производствами, которые заведомо не вписываются в рыночные условия, формируется достаточно мощный слой предприятий (как правило связанных с экспортом, что позволяет преодолевать ограничения сжимающегося внутреннего спроса), которые обладают потенциалом для устойчивого саморазвития. Если их масса достаточна, чтобы сформировать замкнутые воспроизводственные циклы, образуется структурное ядро новой экономики.

Производственный сектор. Становление рыночных механизмов в постсоветский период, завершение периода крупномасштабного спада производства (1991—1994 г.) и снижение инфляции (1995—1998 г.) не привели к созданию в экономике структурного ядра новой индустриальной системы, которое могло бы стать опорой для обеспечения подъема всей экономики. Отсюда вместо ожидавшегося подъема затянувшееся до 1999 г. состояние депрессивной стабилизации, которая сменила трансформационный спад.

В производственном секторе на фоне двукратного падения производства в 1992—1996 г. доля убыточных предприятий в промышленности возросла в 6 раз и достигла 43%, а в сельском

хозяйстве — 80%. В 1996—1997 гг. лишь 3—5% предприятий можно было отнести к группе активно развивающихся; еще 12—15% увеличивали производство за счет накапливания неплатежей.

Государственные финансы. Несмотря на усилия по бюджетной стабилизации, положение в сфере государственных финансов за годы реформ ухудшилось. Хотя реальные расходы в 1992—1998 гг. сократились на 55—60%, бюджетный дефицит не снизился, а даже возрос и достиг к 1997 г. 10% ВВП (с учетом выплат по государственному долгу); в итоге государство перестало нормально выполнять свои социальные обязательства — возникла задолженность по финансированию конечных расходов госучреждений образования, здравоохранения, обороны и др.

Денежная и кредитная системы. Хотя в 1996—1997 гг. наметилось некоторое расширение реальной денежной массы, уровень монетизации российской экономики оставался в 90-е годы критически низким. Ситуация усугублялась тем, что 40% денежной массы (в середине 1997 г.) находилось в форме скрытых сбережений населения и не участвовало в обслуживании производственно-хозяйственного оборота. В результате усилилась натурализация хозяйственных связей, бартеризация экономики.

Начиная с 1995 г. кризис распространился и на банковскую сферу. Это проявилось в росте банковских рисков, снижении ликвидности банков, сокращении реальных банковских активов.

Домашние хозяйства. Социальное расслоение населения, рост бедности и нищеты сужают массовый потребительский спрос и препятствуют включению новых механизмов социальной активности. Так, доля расходов на продукты питания в потребительских расходах населения возросла за 1991—1996 гг. с 38 до 47%. Все более острой социальной проблемой стала безработица, уровень которой в 1997 г. приблизился к 10% численности экономически активного населения.

Второе. Нарушилась структурная целостность народного хозяйства: возросли разбалансированность и несопряженность между собой производственных, социальных и организационных структур и механизмов воспроизводства, что обостряет нестабильность; *усилилась фрагментация экономики* на хозяйственные анклавы с автономными узлокальными целями.

Российская экономика утратила ту сопряженность производственных и функциональных звеньев, которая позволяла ей в

50—60-е годы реализовывать ресурсные преимущества, а в 70—80-е — сглаживать последствия нараставших структурных дисбалансов. За 1990-е годы нарушение целостности, постепенно нараставшее с середины 1970-х приобрело новое негативное качество, проявившееся, в частности, в неравномерности производственного спада: производство энергоресурсов, например, упало в 1991—1996 гг. на треть, в сырьевых отраслях — вдвое, в конечных отраслях — почти втрое.

Усилились противоречия между первичным, промежуточным и конечным секторами экономики, между ее производственными и финансовыми компонентами. Из национального хозяйства выпали звенья, необходимые для целостного развития — производство современных приборов, машин и оборудования, качественных конструкционных материалов, высокопроизводительной сельскохозяйственной техники, товаров народного потребления и др. В критическом состоянии находилась продовольственная база страны.

В условиях снижения товарности усилилась дезинтеграция национального хозяйства на анклавные с укороченными технологическими и хозяйственными связями. В регионах оставалось более половины произведенной товарной продукции, а в межрегиональный оборот поступала лишь ее четвертая часть.

Третье. Резко *ослабела управляемость* ключевыми экономическими процессами.

Управляемость национального хозяйства предполагает формирование общенационального экономического субъекта, обладающего (1) способностью понимать и прогнозировать логику развития объекта в его целостности и противоречивости, (2) собственными целями, адекватными общесистемным приоритетам, (3) потенциалами, достаточными для мобилизации материальных, финансовых, организационных и других ресурсов, (4) соответствующими технологиями социально-экономического проектирования и конструирования. В современной западной экономике такими субъектами выступает сеть финансовых и промышленных корпораций, инновационных и аналитических центров, государственных структур и политических институтов, связанных между собой системой формальных и неформальных отношений, а основными инструментами являются экономические, социальные и политические проекты и целевые программы.

В российской экономике с середины 90-х годов начинают создаваться относительно устойчивые **финансово-промышленные структуры**, но на общенациональном уровне экономический субъект в 1990-е годы так и не сформировался. Возникшие структуры не были ориентированы на оздоровление производственно-технологической базы экономики, а руководствовались, как правило, решением ситуационных проблем выживания (часто в ущерб стратегическим задачам развития), да и не располагали требуемыми рефлексивными и мобилизационными возможностями. Но главное — не сложились механизмы диалога между ними, согласования интересов, выработки единой стратегии развития и правил игры. Вместо этого наблюдалась жесткая борьба между экономическими группировками за перераспределение ресурсов, к которой подключились регионы, бюрократические группы, криминальные структуры, иностранные корпорации и др.

В результате экономика страны осталась фактически расколотой на обособленные части, дезориентированной и разрегулированной. В этих условиях произошло усиление криминализации экономики, формирование обширных теневых зон, дополняющих и искажающих действие рыночных структур. По оценкам специалистов, масштабы теневой экономики в 90-е годы возросли в два-четыре раза и составляли в 1997 г. 20—40% ВВП.

Четвертое. Усилился кризис взаимодействия экономики и социальной среды, определяющей ценности, нормы и стереотипы экономического поведения, мотивации предпринимательской и трудовой активности.

Основным условием становления механизмов социальной активности в рыночной экономике является формирование массового социального типа работника и предпринимателя, ориентированного на материальный успех. Однако крушение советского общества и форсированное становление открытого общества привели к резкой **социальной поляризации** на фоне падения уровня жизни основной части населения, усилили деструктивные социальные процессы, влияющие на экономику по четырем основным направлениям:

— формирование по крайней мере двух полярных систем ценностных ориентаций, препятствующее консолидации общества и воспроизводящее глубинные предпосылки социальных конфликтов — **патриархально-коллективистской**, ориентированной

на сохранение “status quo”, государственный патернализм и коллективизм (сюда относятся 50—60% лиц наемного труда), и *модернизационной*, с приоритетом индивидуализма, достижения личного успеха (20%);

— слабая структуризация общества, крушение основных ориентиров, по которым человек определял свое место в обществе; из-за утраченных жизненных ориентиров доминирующим типом социального поведения становится выживание, а не формирование долговременной личностной стратегии;

— поляризация общества по экономическому положению и образованию обширной устойчивой зоны бедности; по данным обследований семейных бюджетов, соотношение среднедушевых доходов 10% наиболее и наименее обеспеченного населения за шесть лет (1991—1997 гг.) возросло в 4-5 раз, а разрыв в доходах составил к концу 1990-х годов 24-26 раз;

— преобладающее негативное отношение к сложившейся модели экономики со стороны общества вплоть до неприятия ряда ее базовых элементов, таких как рынок, приватизация, свободные цены, безработица и т. п.

В такой среде не только не формируется массовый тип наемного работника и предпринимателя, готового к риску ради высоких доходов, но неизбежно воспроизводятся предпосылки социального конфликта.

Пятое. Разрушились механизмы взаимодействия экономики и государства, которые в России традиционно выполняли системообразующую функцию по отношению как к национальному хозяйству, так и к обществу в целом.

Усиление антагонизма между государством и обществом достигло к середине 1990-х годов критической стадии конфликта. На фоне глубокой бюрократизации государства и его “приватизации” конкурирующими группами чиновников обозначилась тенденция к становлению олигархической модели политического режима. Вмешательство бюрократизированного государства в экономику стало инструментом борьбы интересов отдельных группировок.

Бюджетно-финансовый кризис 1996—1998 гг. подорвал устойчивость государственных институтов, особенно силовых структур и отраслей экономики, ориентированных на государственный спрос. Усилились тенденции экономического сепаратизма, а

массовые задержки зарплаты усилили падение авторитета государства и федеральных властных институтов.

Шестое. *Приобрела деструктивные формы форсированная интеграция России в мировое хозяйство*, усиливающая зависимость национальной экономики от ресурсов и условий функционирования глобальной экономики.

В советский период внешняя торговля выполняла стабилизирующую функцию, поддерживая дееспособность экономики в условиях нарастающих дисбалансов, т. е. работала на поддержание ее целостности. Либерализация качественно изменила ситуацию. Форсированная интеграция российского хозяйства в структуры мировой экономики привела к образованию автономного анклава, реализующего одновременно ряд различных часто противоречащих друг другу стратегий.

Кризис форсированной интеграции проявился в ряде противоречий.

Первое из них связано с утратой геоэкономических позиций страны, традиционных внешних рынков сбыта. Это проявилось и в потере экономических связей с постсоциалистическими странами (переключившись на связи с развитыми странами, Россия вынуждена переориентироваться с вывоза продукции машиностроения на сырьевой экспорт) и в уходе с рынков вооружений.

Второе — противоречие между сырьевым наполнением экспорта и ориентацией импорта на продукцию конечных производств. Это легко видеть на примере многоуровневой структуры современной экономики: 1 — уровень, генерирующий поток инноваций и новых образцов; 2 — быстро обновляемое индивидуализированное производство; 3 — массовое крупносерийное производство; 4 — выпуск базовых ресурсов для крупносерийного производства; 5 — традиционные медленно обновляемые производства (аграрный сектор и т. п.). Более высокие уровни имеют и более высокую оценку добавленной стоимости.

Во второй половине XX столетия по экспорту Россия находилась в структуре мирового хозяйства преимущественно на четвертом уровне, а по импорту — на втором–третьем. Это означает, что страна стала плательщиком технологической ренты, донором дополнительной добавленной стоимости. Ежегодные потери за счет этого фактора составляли 5–6 млрд. долл.

Наконец, третье противоречие — кризис внешней платежеспособности. При наличии в стране масштабных запасов валюты, составивших на начало 1997 г. у юридических и физических лиц в наличной и безналичной форме 35—40 млрд. долл., и высокого активного сальдо торгового баланса (более 20 млрд. долл. ежегодно) экономика России вошла в режим автоматического роста внешнего долга.

Конечно, в основе сложившейся ситуации лежат принятые на себя Россией долги СССР (из 124 млрд. долл. по данным на 1997 г. долг СССР, возникший в 70—80-е годы, составлял 103 млрд. долл., причем три четверти их — за период 1985—1991 гг.). Даже обслуживание долга (10—15 млрд. долл. ежегодно) невозможно при сложившихся формах и уровне мобилизации ресурсов в стране. Ухудшил же ситуацию рост внешней задолженности в 1996—1998 гг. в результате дефицита государственных финансов, покрытие которого было переключено с внутренних источников на внешние (евроблигации), и кризис денежной системы (долларизация и нелегальный вывоз валюты). Правда, договор 2000 г. с Лондонским клубом о реструктуризации и частичном списании советского долга существенно улучшил положение, тем не менее даже в этих условиях уровень рисков кредитования России в 1990-е годы значительно превышал принятые в мировой практике нормативы.

Все это делало весьма проблематичным быстрый выход России из кризиса. И даже начавшийся в 1999 г. подъем производства в сложившейся структуре экономики не мог гарантировать дальнейшего устойчивого роста. Этому мешали и накопленные за годы кризиса дисбалансы, и отсутствие институциональной среды, преступность, коррупция и, главное, недостаточность инвестиционного капитала.

Глава 28

Экономический потенциал России на рубеже столетий

К концу 1990-х годов несмотря на долгие годы кризиса и мощнейший спад производства в стране сохранились значительный натуральный капитал (здания, сооружения, станки, механизмы, теп-

ловые и электрические коммуникации и т.п.) и квалифицированная рабочая сила. Фактически отсутствовали жесткие ресурсные ограничения роста производства в среднесрочной перспективе.

Оценивая возможности **производственного потенциала** в конце 1990-х годов, можно отметить, что материально-техническая база России сложилась на первично-индустриальном уровне, характеризующемся высокой долей неквалифицированного труда, отсутствием трудосберегающих технологий, низкой степенью автоматизации и информатизации производственных процессов. К этому надо добавить процессы последних двух десятилетий — неравномерный по отраслям спад производства; гипертрофированное развитие отраслей ВПК и топливно-сырьевого комплекса, их экспортную ориентацию; ускорение морального и физического износа.

Вместе с тем к концу столетия в России все еще сохранялась развитая структура базовых отраслей — металлургии, энергомашиностроения, авиакосмической, химической, легкой и других промышленности. Была сохранена база современных технологий, например, биотехнологии. Конкурентоспособными были продукция тяжелого и энергетического машиностроения, текстильные изделия. Сохранился сектор ВПК (2/3 основных фондов и примерно 60% численности персонала машиностроения). Сохранились мощности в легкой и пищевой промышленности, способные быстро развиваться при соответствующем росте платежеспособного спроса населения. На довольно высоком уровне, несмотря на старение парка производственного оборудования, осталось технологическое состояние оборонных и станкостроительных заводов, а также созданных в 1990-х годах предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. При увеличении спроса на их продукцию (одновременно с привлечением инвестиций) эти отрасли могли бы быстро достигнуть эффективных объемов производства.

России досталась в наследство от СССР мощная **научно-исследовательская база** — сильные фундаментальная и прикладная науки, НИИ, КБ, многочисленный квалифицированный персонал. По экспертным оценкам в 1997 г. из 70 критических на тот момент технологий по 17 уровень отечественных разработок не уступал мировым достижениям, по другим 22 Россия могла при достаточном финансировании выйти на мировой уровень за 5-7 лет.

Из этого можно сделать вывод: российская экономика имела к концу столетия достаточный производственный и научно-технический потенциал для перехода к расширенному производству.

Обобщенную характеристику развития **человеческого потенциала** можно дать через показатели индекса продолжительности предстоящей жизни, индекса уровня образования и индекса реального ВВП на душу населения. Первые два показателя несколько ухудшались до 1995 г., после чего начался их прирост. Показатель же душевой доли ВВП в течение 1990-х годов постоянно снижался. В целом человеческий потенциал России обеспечивал практически любые траектории развития, но при условии “подпитки” соответствующих структур в случае экономического роста.

Что касается **природного потенциала**, то при всех громадных запасах сырья усиленная добыча его в 1990-е годы и резкое сокращение геолого-разведочных работ привели к сокращению объема разведанных запасов: фиксируемый прирост таких запасов во многих случаях не покрывал текущего изъятия минерального и особенно энергетического сырья. Долгосрочная стратегия роста должна была, следовательно, предусматривать опережающие темпы прироста разведанных запасов природных ресурсов.

Из всего этого можно сделать общий вывод: к концу столетия в России имелся достаточный ресурсный потенциал, активизация которого позволила бы производить конкурентную на внутреннем рынке продукцию. Но для активизации этого потенциала катастрофически не хватало инвестиционного капитала.

Какими же инвестиционными ресурсами располагала в то время Россия?

Во-первых, важнейшим источником “длинных денег” для инвестирования служат **сбережения населения**. Однако, основная их рублевая часть уже в 1996—1998 гг. была инвестирована в государственный долг через Сбербанк, а использование долларовой части требовало непростых специальных мер. **Валютные сбережения населения** вне кредитных организаций (“в чулке”) оценивались в 1999 г. в 40—60 млрд. долл. При условии политической стабильности и государственных гарантий можно было рассчитывать на привлечение из них 10—12 млрд. долл.

Во-вторых, **финансовые средства, вывезенные в предыдущие годы за рубеж** (начиная с 1992 г. ежемесячно 1—2 млрд. долл.), со-

ставляли по разным оценкам 150—200 млрд. долл. Как отмечали многие эксперты, при некоторых финансовых и юридических условиях (амнистия лиц, добровольно возвративших капиталы в страну, и др.) от четверти до половины этих средств могли бы быть инвестированы внутри страны.

В-третьих, *средства теневого бизнеса*, оборот которого составлял порядка 40—50% ВВП. Из этой сферы не поступало налогов, она служила главным источником нелегального накопления и вывоза капитала. При грамотной налоговой политике вкупе с обеспечением правового регулирования легализация хотя бы четверти доходов теневой экономики могла бы служить еще одним источником инвестиций.

В-четвертых, фактором инвестиционного роста могло бы стать, по мнению многих аналитиков, *экономически обоснованное увеличение денежной массы в обращении*; к концу 1990-х годов она была занижена по их мнению в 3-5 раз; но ее увеличение требовало очень тонкого макроэкономического регулирования.

Наряду с внутренними, можно было ориентироваться на *прямые иностранные инвестиции*, которые практически никогда не превышают 10—12% общего объема; а в условиях высоких политических и хозяйственных рисков России, ее специфического хозяйственного права и бухгалтерского учета нельзя было рассчитывать более чем на 4—5%.

Таким образом, по всем оценкам Россия располагала необходимыми ресурсными и инвестиционными возможностями. Но для выхода из тяжелейшего системного кризиса неотъемлемой частью любой ответственной экономической политики должны быть энергичные взаимно согласованные действия в финансовой, денежно-кредитной, внешнеторговой и др. сферах, а результативность проведения единой политики зависит от *политической воли*. В последнем году столетия со сменой политического руководства (весной 2000 г. вместо Б.Н. Ельцина российским президентом был избран В.В. Путин) Россия получила реальный шанс выйти из кризиса и начать энергичное развитие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершено изучение более чем тысячелетней экономической истории государства, которое не раз стояло на грани экономического разорения и всякий раз находило силы вновь подняться. Вспомним период междоусобья XII в., закончившийся татаро-монгольским игом; разорение страны опричиной Ивана Грозного, закончившееся “Смутой”; захват власти большевиками и хозяйственную разруху после Гражданской войны. И каждый раз в стране и обществе находились силы, способные восстановить хозяйство, жизнь и быт населения, выйти из политического и экономического кризиса.

И в конце XX столетия российское общество вновь оказалось в состоянии кризиса и снова должно было напрягать все силы, чтобы преодолеть его и наладить достойную жизнь. Но историческое сравнение показывает, что несмотря на драматизм ситуации, у России есть все потенциальные возможности выйти из кризиса и вновь занять достойное место в мировом сообществе. Более того, в последние два года столетия экономический подъем уже начался и, что самое важное, пройден водораздел между неэффективным экстенсивным и интенсивным хозяйствованием.

Именно создание механизма интенсивного развития является главным результатом экономических реформ 1990-х годов. Но и здесь не следует обольщаться: в ходе реформ созданы (хотя и не везде получившие системное завершение) лишь основные механизмы рыночной экономики и управления ими со стороны государства. Эпоха трудных для принятия, но относительно простых в исполнении декреторных макроэкономических решений в основном закончилась к 1995 г. Во второй половине 90-х годов Россия вступила в новую стадию процесса реформ: от их успешного завершения зависит то, как быстро будет создан необратимый механизм повсеместного использования интенсивной модели.

Шоковая терапия уступила место гораздо более медленной, более непредсказуемой и в целом более сложной фазе создания экономических и политических институтов, которые обеспечат обществу возможность нормально развиваться, не требуя суровых макроэкономических вмешательств.

Если на первой стадии реформ основными приоритетами были создание частной собственности и рыночной инфраструктуры, а также уменьшение инфляции и восстановление экономического роста, то на второй стадии главными становятся улучшение социальных условий, усиление конкурентоспособности на мировом рынке, поддержание макроэкономической стабильности и создание необходимой для этого институциональной среды.

Следует закончить тем же, с чего и начиналась эта книга. Изучение экономической истории интересно и ценно постольку, поскольку дает понимание прошлого и возможность создать объективную базу для прогнозирования будущего развития. Хотелось бы думать, что чтение книги способствовало построению именно такой картины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

---

1. *Березин И.С.* Краткая история экономического развития. М., 1999.
2. *Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитриенко В.П.* История России. XX век. М., 1996.
3. *Виссарионов А.Б.* Развитие ценового и финансово-кредитного механизма в России. М., 1994.
4. *Воронов Ю.П.* Страницы истории денег. 1986.
5. *Гусейнов Р.* История экономики России. Новосибирск, 1999.
6. *Елизаветин Г.В.* Деньги. М., 1970.
7. История России с древнейших времен до конца XVII века. Отв. ред. *А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев.* М., 1996.
8. История Отечества в документах 1921—1939 гг. Хрестоматия. Ч. I—II. 1994.
9. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1988.
10. *Клюев С.А.* История налоговой системы. М., 1994.
11. *Конотопов М.В., Сметанин С.И.* Очерки истории экономики. М., 1993.
12. *Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. Т. 1, 2. Л., 1925.
13. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве. 1890.
14. *Лойберг М.Я.* История экономики. М., 1997.
15. *Мельгунов П.П.* Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905.
16. *Менделеев Д.И.* Избранные экономические произведения. М., 1960.

17. *Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н.* История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996.
18. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1903.
19. *Михайлевский Ф.И.* История денег и кредита. Хрестоматия. М., 1925.
20. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.
21. *Набоков В.Д.* Временное правительство. М., 1924.
22. *Розалиев Ю.Н.* Экономическая история. М., 1992.
23. *Соколов А.Н.* История налоговой системы. М., 1994.
24. *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1990.
25. *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1926.
26. *Тургенев Н.И.* Россия и русские. Т. 1—3. М., 1907—1908.
27. *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991.
28. Хозяйственные реформы в России (IX—XX вв.). / Ред. *А.Н. Романов, А.Н. Маркова.*, 1993.
29. *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1987.

* * *

30. *MAVOR.* An economic history of Russia. London, 1925.
31. *NOVE A.* An economic history of the USSR. N.Y. London, 1989.

Приложения

**ХРОНИКА
ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ,
ВЛИЯВШИХ НА ХОЗЯЙСТВЕННОЕ
РАЗВИТИЕ СТРАНЫ**

Приложение 1

Киевская Русь

Приложение 2

**Период феодальной
раздробленности**

Приложение 3

**Российское
централизованное государство**

КИЕВСКАЯ РУСЬ

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Догосударственный период</p>	<p>IV—VII вв. — нашествие гуннов на Европу VI—нач.VII в. — нашествие авар (обров) на Северное Причерноморье до Балкан VI—VIII вв. — “Великая Булгария” в Предкавказье VI—VIII вв. — склавины и анты в лесостепи до Дона 626 г. — осада аварами Константинополя с участием славян (первое упоминание) VII—X вв. — “Хазарский каганат” от Волги до Дуная VIII—IX вв. — предгосударственные союзы славян (княжества): поляне, северяне, древляне, радимичи, вятичи, кривичи, дреговичи, воляняне, тиверцы, уличи</p>
<p>Новгород — <i>вече</i> приглашает князей с дружиной для военной защиты</p> <p>Рюрик — князь новгородский; приглашен примерно в 859 г. (по “ПВЛ” — 862 г.); до 879 г.</p> <p>Олег (по-видимому — нач. дружины после Рюрика) — князь новгородский с 879 г.</p>	<p>VIII—IX вв. — расцвет Волжского торгового пути “из варяг в арабы” IX—X вв. — расцвет Днепровского торгового пути “из варяг в греки” 839 г. — посольство “русов” из Константинополя возвращается вокруг Европы через Балтику (из “Бертинских анналов” — каролингской хроники) 860 г. — поход на Византию (неудачный); союз с Византией и Хазарским каганатом 867 г. — принятие христианства киевскими князьями (не населением) 882 г. — поход на Киев с захватом Смоленска, Любеча и др. городов вдоль “пути”</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Киев — после захвата Киева туда переносится “стол” великого князя</p> <p>Олег — <i>вел. князь киевский</i> — 882—912 гг.</p>	<p>880-е гг. — война Олега против хазар и мадьяр в союзе с печенегами</p> <p>907 г. — поход на Византию; договор о торговле</p> <p>909—910 гг. — поход на Каспий против халифата</p> <p>911—912 гг. — второй поход на Византию и новый договор</p>
<p>Игорь (сын Рюрика) — <i>вел. князь киевский</i> — 912—945 гг.</p> <p>Свенельд — воевода</p>	<p>д/н (941 г.?) — поход на Царьград — неудачный (<i>здесь и далее д/н — точная дата не установлена</i>)</p> <p>д/н (944—945 гг.?) — через 3 года повторный поход — очередной торговый договор</p> <p>д/н — поход в Закавказье</p>
<p>Ольга (жена Игоря) — <i>вел. княгиня киевская</i> — 945—964 гг.;</p> <p>Свенельд — воевода</p>	<p>д/н — административно-налоговая реформа — замена полюдья систематической данью, собираемой в погостах тиунами</p>
<p>Святослав I Игоревич — <i>вел. князь киевский</i>, хакан — 964—972 гг.</p> <p>Свенельд — воевода</p>	<p>965—966 гг. — разгром Хазарского каганата</p> <p>970-е гг. — борьба с печенегами и дунайскими булгарами</p> <p>969—972 гг. — вторая война на Балканах (неудачная)</p>
<p>Ярополк I Святославич — <i>вел. князь киевский</i> — 972—980 гг.</p> <p>Свенельд, Блуд — воеводы</p>	<p>д/н — принял христианство (вероятно, от Рима); договоры с Германией; проводил реформы управления; убил древлянского князя Олега; предан политической анафеме; реабилитирован (и перезахоронен) в 1044 г. Ярославом Мудрым</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
Владимир I Святославич “Святой” “Красно Солнышко” — <i>вел. князь киевский</i> — 980—1015 г.	981—982 г. — покорение вятичей ; 986 г. — покорение радимичей и ятвягов 987—988 г. — помощь в усмирении мятежа Варды Фоки и договор с Византией 988—990 г. — крещение Руси конец X — нач. XI вв. — расцвет печенегов
Святополк I “Окаянный” (ст. сын Владимира) — <i>князь киевский</i> — 1015—1016 г.	1015 г. — убийство Бориса (на р. Альте), Глеба, Святослава 1016 г. — поражение от Ярослава
Ярослав Владимирович “Мудрый” — <i>вел. князь киевский</i> — 1017 г.	1017 г. — союз с германским императором Генрихом II против Польши 1017 г. — поражение от Святополка и Болеслава I
Святополк I “Окаянный” — <i>князь киевский</i> — 1017—1018 г.	1017 г. — польская оккупация ряда русских городов 1018 г. — поражение Святополка в союзе с печенегами от Ярослава на р. Альте
Ярослав Владимирович “Мудрый” — <i>вел. князь киевский</i> — 1019—1054гг. <i>Вышата</i> ; с 1043 г. — <i>Ян Вышатич</i> — воеводы	1024 г. — народное выступление в Суздальской земле — сопротивление христианству 1036 г. — последнее нашествие печенегов на Русь 1036 г. — объединение Руси; “Русская правда” 1037 г. — закладка собора Святой Софии в честь победы над печенегами 1043—1046 гг. — война и дружественный договор с Византией
Изяслав I Ярославич — <i>вел. князь киевский</i> — 1054—1068 г.	1061 г. — первое появление половцев у русских границ 1068 г. — поражение на р. Альте (от половцев)
Всеслав Брючиславич — <i>князь полоцкий; вел. князь киевский</i> — 1068—1069 г. (около 7 мес.)	1068 г. — народное восстание в Киеве и вокняжение Всеслава

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Изяслав Ярославич — <i>вел. князь киевский</i> — 1069—1073 гг.</p>	<p>1068—1069 гг. — волнения в Белоозере и Ростово-Суздальской земле 1071 г. — восстание в Новгороде д/н (1072 г.?) — “Правда Ярославичей”; упразднена смертная казнь</p>
<p>Святослав II Ярославич — <i>вел. князь киевский</i> — 1073—1076 гг.</p>	<p>1076 г. — поход в Центральную Европу против Германии и Чехии в помощь Польше; почетный мир</p>
<p>Всеволод I Ярославич — князь <i>перяславский, черниговский</i>; <i>вел. князь киевский</i> — 1076—1077 гг.</p>	<p>— набеги половцев</p>
<p>Изяслав Ярославич <i>вел. князь киевский</i> — 1077—1078 гг.</p>	<p>1078 г. — поражение в битве на Нежатиной Ниве от Олега (Гориславича) и половцев</p>
<p>Всеволод I Ярославич <i>вел. князь киевский</i> — 1078—1093 гг.</p>	<p>1092 г. — засуха и пожары; неурожай и голод</p>
<p>Святополк II Изяславич — решением бояр <i>вел. князь киевский</i> — 1093—1113 гг. <i>Пуятя</i> — тысяцкий</p>	<p>1093 г. — нашествие половцев, поражения в битвах на р. Стугне и р. Желань 1095, 1096 гг. — успешная война с половцами Владимира Мономаха (князя перяславского) 1097 г. — Любечский съезд князей 1100 г. — съезд князей в Витичеве (Увечичах) 1101 г. — съезд русских князей и половецких ханов в Сакове 1103 г. — поход объединенного войска против половцев (“по половецким вежам”) 1111 г. — “крестовый поход” на столицу половцев Шарукань (на Дону) и их разгром</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Владимир II Всеволодович “Мономах” — <i>вел. князь киевский</i> — 1113—1125 гг. <i>Ратибор</i> — главный воевода</p>	<p>1113 г. — мятеж в Киеве; первый еврейский погром в Киеве 1113 г. — Устав Владимира Всеволодовича (“Устав о резах”) 1116 г. — большой поход на половцев</p>
<p>Мстислав Владимирович “Великий” — <i>вел. князь киевский</i> — 1125—1132 гг.</p>	<p>1129 г. — половецкое нашествие — междоусобные распри и “умирение” Руси</p>
<p>Ярополк II Владимирович — <i>вел. князь киевский</i> — 1132—1139 гг.</p>	<p>— междоусобные распри</p>
<p>Всеволод II Ольгович — <i>вел. князь киевский</i> — 1139—1146 гг.</p>	<p>— борьба мономаховичей с черниговскими ольговичами</p>
<p>Игорь Ольгович — <i>вел. князь киевский</i> — 1146 г. (14 дн.)</p>	<p>1146 г. — восстание “меньших людей” в Киеве</p>
<p>Изяслав Мстиславич — <i>вел. князь киевский</i> — 1146—1149 гг. и 1152—1154 гг.</p>	<p>— борьба мономаховичей с черниговскими ольговичами</p>
<p>Юрий “Долгорукий” — <i>вел. князь киевский</i> — 1149—1152 гг.; 1156—1157 гг.</p>	<p>1147 г. — основание Москвы — сторожевого острога на границе суздальских земель</p>
<p>Мстислав III Изяславич — <i>вел. князь киевский</i> — 1167—1169 гг.</p>	<p>— междоусобные распри 1169 г. — завоевание Киева и перенос столицы во Владимир Андреем Боголюбским</p>

ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Киевское княжество	Новгородское княжество	Владимиро-Суздальское княжество	Московское княжество
<p>Ростислав (Михаил) Мстиславич — 1154—1155 гг. — “исход” населения в западные, северные и северо-восточные земли Руси</p>		<p>Юрий Владимирович “Долгорукий” — князь ростово-суздальский — 1125—1157 гг. — борьба с Волжской Булгарией 1147 г. — заключен союз со Святославом Ольговичем в пограничной крепости Кучково (будущей Москве) 1156 г. — завоевал Киев</p>	
<p>Юрий Долгорукий — вел. князь киевский — 1156—1157 гг.</p>		<p>Андрей I Юрьевич “Боголюбский” — князь владимиро-суздальский — 1157—1169 гг.; вел. князь владимирский — 1169—1174 гг.</p>	
<p>Изяслав III Давидович — 1157—1159 гг. Ростислав Мстиславич — 1159—1167 гг. Мстислав III Изяславич — вел. князь киевский — 1167—1169 гг. Андрей Юрьевич “Боголюбский” — князь киевский — 1169 г.</p>		<p>1169 г. — захватил, разграбил и сжег Киев; столица перенесена им во Владимир</p>	

Киевское княжество	Новгородское княжество	Владимиро-Суздальское княжество	Московское княжество
<p>Всеволод “<i>Большое Гнездо</i>” — князь <i>киевский</i> — 1180—1183 гг.</p> <p>Святослав Всеволодович вм. с Рюриком Ростиславичем — 1186—1200 гг.</p> <p>Рюрик Ростиславич вм. с Романом Мстиславичем “<i>Вольнским</i>” — 1200—1203 гг.</p> <p>Рюрик Ростиславич — 1203—1205 гг.</p> <p>Роман Мстиславич “<i>Вольнский</i>” — 1205 г.</p> <p>Мстислав Мстиславич “<i>Удалой</i>” — 1208—1228 гг.</p>		<p>Ярополк Ростиславич — <i>вел. князь владимирский</i> — 1174—1175 гг.</p> <p>Михаил II Юрьевич — <i>князь владими́ро-суздальский</i> — 1175—1176 гг.</p> <p>Всеволод III Юрьевич “<i>Большое Гнездо</i>” — <i>вел. князь владими́ро-суздальский</i> — 1177—1212 гг.</p> <p>1180 г. — <i>подняли</i> Киев и Рязань</p> <p>1182 г. — <i>основана</i> крепость Твердь (будущая Тверь)</p> <p>1183 г. — победа над Волжской Булгарией</p>	

Киевское княжество	Новгородское княжество	Владими́ро-Суздальское княжество	Московское княжество
<p>1240 г. — разорение монголами Киева</p> <p>1246 г.</p> <p>Михаил Всеволодович — 1238—1246 г.</p>	<p>Александр Ярославич “Невский” — князь <i>новгородский</i> — 1236—1251 г.</p> <p>1240 г. — разгром шведов на Неве</p> <p>1242 г. — битва на Чудском оз.</p>	<p>Юрий Всеволодович — <i>вел. князь владимирский</i> — 1212—1216 г.</p> <p>Константин Всеволодович — <i>вел. князь владимирский</i> — 1216—1218 г.</p> <p>Юрий Всеволодович — <i>вел. князь владимирский</i> — 1218—1238 г.; 1222 г. — <i>основана</i> крепость Нижний Новгород</p> <p>1223 г. — разгром сборного русского войска татара-монголами на р. Калке</p> <p>1237 г. — <i>нашествие</i> татара-монголов Батгя</p> <p>1238 г. — <i>поражение</i> на р. Сить</p> <p>Ярослав II Всеволодович — <i>вел. князь владимирский</i> — 1238—1246 г.</p> <p>1239—1241 г. — второе <i>нашествие</i> Батгя</p>	

Киевское княжество	Новгородское княжество	Владими́ро-Сузда́льское княжество	Московское княжество
		<p>с 1243 г. — первым получил ярлык хана Золотой Орды на <i>вел. княжение</i></p> <p>Святослав III Всеволодович — 1246—1247 гг.</p> <p>Михаил III Ярославич “Хоробриг” — ярлык на <i>вел. владимирское княжение</i> — 1248 г.</p> <p>Андрей Ярославич — 1249—1252 гг.</p>	<p>Михаил Ярославич “Хоробриг” — <i>князь московский</i> — 1247—1248 гг.</p>
	<p>Святослав III Всеволодович — ярлык на <i>вел. владимирское княжение</i> — 1252—1253 гг.</p> <p>Александр Ярославич “Невский” — ярлык на <i>вел. владимирское княжение</i> — 1253—1263 гг.</p> <p>1257—1259 гг. — перепись населения татаро-монголами</p> <p>Ярослав III Ярославич — ярлык на <i>вел. владимирское княжение</i> — 1263—1271 гг.</p> <p>Василий I Ярославич — ярлык на <i>вел. владимирское княжение</i> — 1272—1276 гг.</p>		<p>Даниил Александрович — <i>князь московский</i> — 1276—1303 гг.</p>
	<p>Дмитрий II Александрович — ярлык на <i>вел. владимирское княжение</i> — 1277—1281 гг.</p> <p>Андрей Александрович <i>кн. городецкий</i> — ярлык на <i>вел. владимирское княжение</i> — 1281—1283 гг.</p>		

Киевское княжество	Новгородское княжество	Владимиро-Суздальское княжество	Московское княжество
		<p>Дмитрий II Александрович — ярлык на вел. владимирское княжение — 1283—1294 гг.</p> <p>1289 г. — восстания против татар в Курске, Ростове, Ярославле</p> <p>1293 г. — татарская “Дюденева рать”</p> <p>Андрей Александрович — князь <i>городицкий</i> — ярлык на вел. владимирское княжение — 1294—1304 гг.</p> <p>1297 г. — “Токтамерева рать”</p> <p>1299 г. — <i>перевод патриархии</i> во Владимир</p>	<p>1300 г. — <i>захват Коломны</i></p>
		<p>Михаил IV Ярославич — князь <i>тверской</i> — ярлык на вел. владимирское княжение — 1305—1317 гг.</p> <p>Юрий Данилович — ярлык на вел. владимирское княжение — 1318—1322 гг.</p> <p>Дмитрий III Михайлович “Грозные очи” — ярлык на вел. владимирское княжение — 1322—1326 гг.</p>	<p>Юрий Данилович — князь <i>московский</i> — 1303—1325 гг.</p> <p>1303 г. — <i>захват Можайска</i></p> <p>Иван I Данилович “Калита” — князь <i>московский</i> — 1325—1340 гг.</p> <p>1326 г. — <i>перевод патриархии</i> в Москву</p>

Киевское княжество	Новгородское княжество	Владими́ро-Суздальское княжество	Московское княжество
		<p>Александр II Михайлович — вел. князь тверской — с 1326 г. — ярлык на вел. владимирское княжение — 1327—1328 гг. 1327 г. — восстание в Твери</p>	<p>— ярлык на вел. владимирское княжение — 1328—1340 гг. — добился права сбора монголо-татарской дани с русских княжеств — <i>куши</i> Углич, Галич, Белозерск, <i>присоединил</i> Переяславль</p>
			<p>Семен Иванович “Гордый” — князь московский — 1340—1353 гг. — ярлык на вел. владимирское княжение — 1341—1353 гг. Иван II Иванович “Красный” — вел. князь владимирский и московский — ярлык на княжение — 1353—1359 гг. Дмитрий Константинович — вел. князь владимирский и московский — ярлык на княжение — 1360—1362 гг.</p>

Киевское княжество	Новгородское княжество	Владими́ро-Сузда́льское княжество	Московское княжество
			<p>Дмитрий Иванович “Донской” — вел. князь московский — 1359—1389 гг. — ярлык от Орды на вел. владимирское княжение — 1362—1389 гг.</p> <p>1375 г. — покорение Твери</p> <p>1377 г. — осада Казани и дань с нее</p> <p>1380 г. — Куликовская битва</p> <p>1382 г. — нашествие Тохтамыша</p>
		<p>Василий I Дмитриевич — вел. князь московский и владимирский — 1389—1425 гг.</p> <p>1391 г. — выкупила ярлыки на Н-Новгород, Суздаль, Муром и Тарусу; захватила Вологду и земли Коми</p> <p>1399 г. — мир с Тверью</p> <p>1404 г. — захват Смоленска Литвой</p> <p>1406—1408 гг. — война с Литвой (Витовтом)</p> <p>1408 г. — “Едигеева рать”</p>	

РОССИЙСКОЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Василий II Васильевич “Темный” — <i>вел. князь московский</i> — 1425—1462 гг. — ярлык на княжение с 1432 г.;</p> <p>1433, 1434, 1446 гг. — временное княжение Юрия Дмитрича князя звенигород-галичского и его детей Василия Косого и Дмитрия Шемяки</p>	<p>1425—1427 гг. — эпидемия черной оспы на Руси и в Орде</p> <p>1428 г. — присоединение Дмитрова</p> <p>1437, 1444 гг. — поражения от Улу-Мухамеда</p> <p>1456 г. — военно-оборонительный союз с Тверью</p> <p>1456 г. — поход на Новгород и соглашение с ним</p>
<p>Иван III Васильевич — <i>вел. князь московский</i> — 1462—1505 гг. с 1489 г. — “<i>Великий князь всея Руси</i>”</p>	<p>1463—1464 гг. — присоединение Ярославского великого княжества</p> <p>1467—1469 гг. — война с Казанью; мир “на всей воле великого князя”</p> <p>1471 г. — военное поражение Новгорода; Коростынский мир</p> <p>1477—1478 гг. — покорение Новгорода</p> <p>1480 г. — нашествие Орды; “стояние на Угре”</p> <p>1481 г. — победная война в Ливонии; мирный договор на 10 лет</p> <p>1483—1484 гг. — массовое переселение новгородских бояр</p> <p>1485 г. — включение Тверского княжества</p> <p>1487 г. — взятие Казани; поставлен Мухаммад-Эмин</p> <p>1489 г. — включение Вятского княжества</p> <p>1492—1494 гг. — первая русско-литовская война; строительство Ивангорода</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
	<p>1495—1497 гг. — война со Швецией; перемирие на 6 лет</p> <p>1497 г. — “Судебник”; начало юридического оформления крепостного права на Руси</p> <p>1500—1503 гг. — война с Литвой; мир на 6 лет; мир на 6 лет также с Ливонским орденом</p>
<p>Василий III Васильевич — <i>вел. князь московский</i> — 1505—1533 гг.</p>	<p>1510 г. — полное присоединение Пскова</p> <p>1514 г. — взятие Смоленска и последующее поражение под Оршей</p> <p>1521 г. — полное присоединение Рязанского княжества</p> <p>1521 г. — разорение страны крымским ханом Мухаммад-Гиреем</p> <p>1524, 1530 гг. — походы на Казань, малорезультативные</p>
<p>Елена Васильевна Глинская — <i>регентша</i> при малолетнем Иване IV — 1533—1538 гг. Боярское правление</p> <p>Иван IV Васильевич “Грозный” — <i>вел. князь всея Руси</i> с 1533 г.; <i>царь и великий государь всея Руси</i> — 1547—1584 гг.</p> <p>А.Ф. Адашев — окольничий, инициатор всех реформ 1550-х гг.</p>	<p>1534 г. — денежная реформа</p> <p>1534—1537 гг. — “незнаменитая” война с Литвой; потеря ряда территорий</p> <p>1541 г. — разорение страны крымским ханом</p> <p>1545, 1547, 1549—1552 гг. — война с Казанью и ее присоединение</p> <p>1549 г. — первый Земский собор “примирения”</p> <p>1550 г. — “Судебник”; “Домострой”</p> <p>1551, 1555—1556 гг. — административная (земская) реформа; отмена кормлений</p> <p>1558—1563 гг. — удачное начало Ливонской войны</p> <p>1562—1563 гг. — поход на Литву</p> <p>1564—1572 гг. — опричнина</p> <p>1566 г. — первый полный по составу Земский собор</p> <p>1569 г. — Люблинская уния — создание Речи Посполитой</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
	<p>1576 г. — восхождение на польский престол Стефана Батория</p> <p>1570—1571 г. — два подряд неурожайных года</p> <p>1571 г. — успешный набег на Москву крымской конницы</p> <p>1577—1583 гг. — неудачное завершение Ливонской войны</p> <p>1582 г. — поход Ермака; начало продвижения в Сибирь</p>
<p>Федор Иванович (последний рюрикович) — <i>царь и государь всея Руси</i> — 1584—1598 гг. (фактически правил Борис Годунов)</p>	<p>1585 г. — увеличение вдвое жалованья чиновникам</p> <p>1590—1593 гг. — победоносная русско-шведская война; мир 1595 г.</p> <p>1597 г. — ноябрьское “Уложение”</p> <p>XVI в. — присоединение Сибири</p>
<p>Борис Федорович Годунов — <i>царь и великий государь всея Руси</i> — 1598—1605 гг.</p>	<p>1601—1604 гг. — три подряд неурожайных года и последующий голод</p> <p>1602—1603 гг. — массовые разбои беглых холопов</p>
<p>Федор Борисович Годунов — <i>царь</i> — апрель — июнь 1605 г.</p>	
<p>Лжедмитрий I (Григорий Богданович Отрепьев) — июнь 1605 — май 1606 гг.</p>	<p>1606 г. — восстание в Москве против шляхты</p>
<p>Василий IV Шуйский — <i>царь и великий государь всея Руси</i> — 1606—1610 гг.</p> <p>1607—1609 гг. — Лжедмитрий II в Тушине; <i>двоевластие</i></p>	<p>1606—1607 гг. — восстание И. Болотникова</p> <p>1609 г. — вторжение армии Сигизмунда III</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
Боярская дума — июль 1610—1613 гг.	<p>март 1611 г. — восстание в Москве 1611 г. — сбор ополчения Минина и Пожарского в Н. Новгороде 1613 г. — Земский собор — избран Михаил Романов (сын о. Филарета)</p>
<p>Михаил Федорович Романов — <i>царь и великий князь всея Руси</i> — 1613—1645 гг. 1619—1633 гг. вместо него фактически правил отец — патриарх Филарет; до 1619 г. и после 1633 г. — бояре</p>	<p>1612—1618 гг. — восстания казаков под руководством Заруцкого, Баловня, Лисовского 1617 г. — Столбовский мир со Швецией 1617—1618 гг. — поход Владислава на Россию; перемирие на 14,5 лет 1619 г. — амнистия 1631 г. — первая мануфактура в России: Нинцинский медеплавильный завод на Урале 1632—1634 гг. — русско-польская (“смоленская”) война; восстания 1637—1641 гг. — “Азовское сидение”</p>
<p>Алексей Михайлович Романов “Тишайший” — <i>царь и великий государь всея Руси</i> — 1645—1676 гг. <i>А.Л. Ордин-Нащекин</i> — воевода; руков. Посольского приказа</p>	<p>1646—1648 гг. — подворная перепись 1648 г. — “Соляной бунт” 1649 г. — “Соборное уложение” 1653 г. — новый Таможенный устав 1653 г. — принятие Левобережной Украины и Киева в российское подданство 1654—1667 гг. — война с Речью Посполитой; Андрусовское перемирие 1662 г. — “Медный бунт” 1667 г. — Новоторговый устав 1667—1671 гг. — Восстание Степана Разина</p>
<p>Федор Алексеевич Романов — <i>царь и великий государь всея Руси</i> — 1676—1682 гг. <i>В.В. Голицын</i> — руков. Посольского приказа</p>	<p>1676—1678 гг. — общая подворная перепись населения 1679—1681 гг. — налоговая реформа (подворное обложение) 1682 г. — отмена местничества; замена разрядных книг на “родословцы” 1682 г. — восстание стрельцов в Москве</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Иван V Алексеевич — <i>старший (первый) царь</i> и Петр I Алексеевич — <i>младший царь и государь всея Руси</i> — 1682—1689 гг. — при регентстве Софьи Алексеевны</p> <p>В.В. Голицын — канцлер</p>	<p>1686 г. — продление Кардисского мира (1661 г.) со Швецией</p> <p>1686 г. — “Вечный мир” с Речью Посполитой; закрепление Левобережной Украины</p> <p>1687 г. — открытие славяно-греко-латинского училища (академии)</p> <p>1687, 1689 гг. — походы на Крым В.В. Голицына</p> <p>1689 г. — Нерчинский мир с Китаем (спорные земли в Приамурье)</p>
<p>Петр I Алексеевич Романов “Великий” — <i>царь</i> — с 1689 г. (до 1696 г. — вместе с Иваном Ал.); <i>император и самодержец Всероссийский</i> — с 1721 г. по 1725 г.</p>	<p>1695—1696 гг. — Азовские походы; взятие Азова</p> <p>1697—1698 гг. — “Великое посольство”</p> <p>1698 г. — Московское восстание стрельцов — “Стрелецкое разорение”</p> <p>1700 г. — поражение под Нарвой; Северная война</p> <p>1704 г. — захват Ингерманландии и Нарвы</p> <p>1704 г. — реформа денежной системы</p> <p>1705 г. — восстание в Астрахани</p> <p>1707—1708 гг. — восстание Кондратия Булавина</p> <p>1708—1710 гг. — губернская реформа</p> <p>1709 г. — Полтавское сражение</p> <p>1710—1711 гг. — неудачный Прутский поход; Адрианопольский мир — 1713 г.</p> <p>1713 г. — Указ о переводе Архангельской торговли в Петербург</p> <p>1714 г. — Указ о единонаследии</p> <p>1719 г. — вторая губернская реформа</p> <p>1720 г. — “Вечный” мир с Портой</p> <p>1721 г. — Ништадтский мир</p> <p>1721 г. — Указ о посессионных мануфактурах</p> <p>1722 г. — “Табель о рангах”; введение цехов</p> <p>1722 г. — Каспийский поход</p> <p>1724 г. — введение протекционистского Таможенного тарифа</p> <p>1724 г. — создание Академии наук</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Екатерина I Алексеевна Романова (Марта Самуиловна Скавронская) — <i>императрица</i> — 1725—1727 гг. (фактически правил Верховный Тайный совет во главе с <i>А.Д. Меншиковым</i>)</p>	
<p>Петр II Алексеевич Романов — <i>император</i> — 1727—1730 гг. (фактически правили <i>Долгорукие</i>)</p>	<p>1727 г. — контрреформа в местном управлении 1727—1731 гг. — порча медной монеты правительством</p>
<p>Анна Ивановна Романова — <i>императрица</i> — 1730—1740 гг. (фактически управлял <i>Э.И. Бирон</i>)</p>	<p>1731 г. — новый Таможенный тариф 1733—1735 гг. — неурожай, голод и мор 1736 г. — Указ о “вечноотданных” крестьянах к фабрикам и заводам 1739 г. — переход Молдавии в русское подданство</p>
<p>Иван VI Антонович Романов — <i>император</i> — 1740—1741 гг. при регентстве <i>Э.И. Бирона</i> (3 нед.), затем — матери <i>Анны Леопольдовны</i></p>	
<p>Елизавета Петровна Романова — <i>императрица</i> — 1741—1761 гг.</p>	<p>1753 г. — отмена внутренних таможенных сборов с заменой единой пошлиной 1754 г. — образование первого кредитного банка 1757 г. — учреждение первой “Российской в Константинополе” акционерной компании 1760 г. — Указ об отмене всех монополий и откупов</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Петр III Федорович Романов (Карл Петр Ульрих) — <i>император</i> — 1761—1762 гг.</p>	<p>1762 г. — Манифест о вольности дворянской 1762 г. — дворянам разрешен свободный вывоз хлеба за границу 1762 г. — Указ о секуляризации церковных имений</p>
<p>Екатерина II Алексеевна Романова “Великая” (Софья Фредерика Августы Анхальт-Цербстская) — <i>императрица</i> — 1762—1796 гг.</p> <p><i>А.А. Вяземский</i> — генерал-прокурор</p>	<p>1762 г. — снижение цен на хлеб и соль 1762 г. — “генеральное межевание” 1763 г. — принцип свободы промышленной деятельности 1765 г. — образование Вольного экономического общества 1767—1769 гг. — работа “Комиссии об Уложении” 1771 г. — эпидемия чумы в Москве 1768—1774 гг. — русско-турецкая война; Кючук-Кайнарджийский мир 1773—1775 гг. — крестьянская война Е. Пугачева 1775 г. — губернская реформа 1775 г. — преобразование центральных ведомств 1783 г. — присоединение Крыма, Кубани и Тамани 1783 г. — крепостное право на Украине 1785 г. — “Жалованная грамота дворянству”; “Жалованная грамота городам” 1784 г. — Указ о поощрении местной легкой промышленности 1786 г. — первые русские поселения в Америке 1788—1790 гг. — война со шведами; мир на условиях status quo ante bellum 1787—1791 гг. — русско-турецкая война; Ясский мир</p>
<p>Павел I Петрович Романов — <i>император</i> — 1796—1801 гг.</p>	<p>1797, 1798 гг. — Указы об ограничении барщины и запрете продавать крестьян без земли</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Александр I Павлович Романов — <i>император</i> — 1801—1825 гг.</p> <p><i>М.М. Сперанский</i> — ближайший советник императора; 1819—1821 гг. — генерал-губернатор Сибири</p> <p><i>А.А. Аракчеев</i> — воен. министр; 1815—1825 гг. — фактический руков. государства</p>	<p>1801 г. — присоединение Грузии</p> <p>1802 г. — замена 12 петровских коллегий 8 министерствами</p> <p>1803 г. — Указ о “вольных хлебопашцах”</p> <p>1807 г. — Тильзитский мир с Наполеоном</p> <p>1807 г. — Закон “О торговых товариществах” — полным, на вере, по участкам (акциям)</p> <p>1809 г. — присоединение Финляндии</p> <p>1809 г. — проект “коренных преобразований” М.М.Сперанского</p> <p>1812 г. — присоединение Бессарабии</p> <p>1812—1814 гг. — война с Наполеоном; Венский конгресс</p> <p>1813 г. — присоединение Дагестана и Сев. Азербайджана</p> <p>1815 г. — первые военные поселения</p>
<p>Николай I Павлович Романов “Кровавый” — <i>император</i> — 1825—1855 гг.</p> <p><i>М.М. Сперанский</i> — руков. 2-го отделения</p> <p><i>Е.Ф. Канкрин</i> — мин. финансов 1823—1844 гг.</p>	<p>1825 г. — восстание декабристов</p> <p>1830 г. — первое Полное собрание законов Российской империи</p> <p>1830—1831 гг. — польское восстание; лишение Польши конституции</p> <p>1833 г. — “Свод законов” М.М. Сперанского</p> <p>1836 г. — Закон “О товариществах по участкам или компаниях на акциях”</p> <p>1837 г. — реформа управления государственной деревней П.Д. Киселева</p> <p>1839—1843 гг. — денежная реформа Е.Ф. Канкрин</p> <p>1851 г. — первая железная дорога Санкт-Петербург — Москва</p> <p>1853—1855 гг. — Крымская война</p>
<p>Александр II Николаевич Романов “Освободитель” — <i>император</i> — 1855—1881 гг.</p>	<p>1856 г. — Парижский мир</p> <p>1861 г. — Манифест об отмене крепостного права</p> <p>1862—1868 гг. — реформа финансово-бюджетной системы</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
	<p>1864 г. — Закон о земском самоуправлении 1864 г. — судебная реформа 1864 г. — первый акционерный частный коммерческий банк в Санкт-Петербурге 1870 г. — реформа городского самоуправления 1868—1874 гг. — военные реформы; замена рекрутчины общей службой 1876—1881 гг. — присоединение Средней Азии 1877—1878 гг. — русско-турецкая война; Сан-Стефанский мир</p>
<p>Александр III Александрович Романов “Миротворец” — император — 1881—1894 гг.</p> <p><i>С.Ю. Витте</i> — министр финансов с 1892 г.</p>	<p>1882 г. — создание Крестьянского банка 1882—1898 гг. — замена подушного обложения подоходным 1885 г. — создание Дворянского банка 1889 г. — Положение о земских участковых начальниках; земская контрреформа 1893 г. — закон о “запрещении выхода из общины”</p>
<p>Николай II Александрович Романов — император — 1894—1917 гг.</p> <p><i>И.Н. Дурново</i> — 1895—1903 гг.</p>	<p>1894 г. — введение казенной винной монополии 1891—1899 гг. — строительство Транссибирской ж.-д. магистрали 1895—1897 гг. — денежная реформа С.Ю. Витте 1897 г. — первая всеобщая перепись населения</p>
<p><i>С.Ю. Витте</i> — мин. финансов; 1903—1906 гг. — Пред. Комитета (Совета) министров</p> <p><i>П.А. Столыпин</i> — 1906—1911 гг. — Пред. Совета министров</p>	<p>1900—1903 гг. — кризис производства и общий кризис 1903 г. — отмена круговой поруки 1904—1905 гг. — русско-японская война; Портсмутский мир (1906) 1906 г. — аграрная реформа Столыпина 1906 г. — новая редакция “Основных законов Российской империи”</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Временное правительство — февр.—окт. 1917 г.</p> <p>Георгий Евгеньевич Львов — глава Временного правительства — 02.03—08.07.1917 г.</p> <p>Александр Федорович Керенский — глава Временного пр-ва — 08.07—01.09.1917 г.</p> <p>Александр Федорович Керенский — глава Директории — 01.09—25.09.1917 г.</p> <p>Александр Федорович Керенский — глава Временного пр-ва — 25.09—25.10.1917 г.</p>	<p>8 июля 1917 г. — декларация Временного правительства</p> <p>12—15 августа 1917 г. — Государственное совещание</p> <p>25 августа—1 сентября 1917 г. — Корниловский мятеж</p> <p>22 сентября 1917 г. — Демократическое совещание</p> <p>7 октября 1917 г. — Временный Совет Российской республики (Предпарламент)</p> <p>24 октября 1917 г. — II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов</p>
<p>Владимир Ильич Ленин (Ульянов) — Пред. Совета народных комиссаров — 1917—1924 гг.</p>	<p>октябрь 1917 г. — первые декреты советской власти — “О мире”, “О земле”</p> <p>ноябрь 1917 г. — “Декларация прав народов России”</p> <p>апрель 1918 г. — введена продовольственная диктатура</p> <p>1918 г. — национализация крупной и средней пром., вытеснение частной торговли</p> <p>декабрь 1918 г. — введена всеобщая трудовая повинность</p> <p>декабрь 1918—январь 1919 гг.— повсеместное введение продразверстки</p> <p>январь 1920 г. — Декрет “О всеобщей трудовой повинности и трудовых мобилизациях”</p> <p>конец 1920 г. — создание трудовых армий</p> <p>конец 1920 г. — Декрет “О национализации мелкой промышленности”</p> <p>март 1921 г. — Кронштадтский мятеж</p> <p>1921 г. — объявление нэпа; введение продовольственного налога</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
	<p>1921—1922 гг. — неурожай и голод 1921—1923 гг. — хозяйственная реформа в промышленности 1922—1924 гг. — денежная реформа 1923 г. — кризис в промышленности — “ножницы цен” 1922 г. — образование СССР</p>
<p>Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили) “Великий вождь всех времен и народов” — <i>Генеральный секретарь ЦК РКП(б), ВКП(б)</i> — до 1952 г.; <i>Генеральный секретарь ЦК КПСС</i> — 1952—1953 гг.; <i>Пред. Совета министров СССР</i> — 1941—1953 гг.</p>	<p>1925—1929 гг. — административно-территориальные преобразования 1926—1927 гг. — налоговая реформа 1927—1928 гг. — кризис хлебозаготовок 1928 г. — введение карточной системы (в городах) 1930—1931 гг. — массовая коллективизация; ликвидация кулачества 1930—1932 гг. — переход к централизованному финансированию народного хозяйства 1931—1932 гг. — голод на Северном Кавказе, Украине и в Поволжье 1932 г. — Закон об охране социалистической собственности (“Закон о трех колосках”) 1931—1932 гг. — кризис перенакопления (“перепланирования”) 1935 г. — отмена карточной системы 1936 г. — принятие Конституции СССР 1936—1939 гг. — участие в гражданской войне в Испании 1938—1939 гг. — бои с японцами у оз. Хасан в Манчжурии и у р. Халхин-Гол в Монголии 1939 г. — присоединение Западной Белоруссии, Западной Украины (“укрепление границ”) 1939 г. — “мирные договоры” с республиками Прибалтики 1939—1940 гг. — ”странная война” с Финляндией 1940 г. — присоединение прибалтийских республик 1941—1945 гг. — Великая Отечественная война</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
	<p>1941, 1942, 1943 г. — депортация немцев, чеченцев, крымских татар, калмыков и др. народов</p> <p>1945—1948 г. — демобилизация армии</p> <p>1946—1947 г. — засуха и голод на Украине и в Молдавии</p> <p>1947 г. — денежная реформа</p>
<p>“Триумвират”</p> <p>Георгий Максимилианович Маленков — <i>Пред. Совета Министров СССР</i>, Лаврентий Павлович Берия, Вячеслав Михайлович Молотов — <i>заместители</i> — март—июнь 1953 г.</p>	
<p>Никита Сергеевич Хрущев — <i>1-й секретарь ЦК КПСС</i> — 1953—1964 гг. <i>Пред. Совета министров СССР</i> — 1958—1964 гг.</p>	<p>1954 г. — освоение целинных и залежных земель Казахстана и Западной Сибири</p> <p>1955 г. — подписание Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи</p> <p>1956 г. — доклад о культе личности Сталина на XX съезде КПСС</p> <p>1956 г. — Закон о пенсионном обеспечении</p> <p>1957 г. — реорганизация управления по территориальному принципу</p> <p>1961 г. — денежная реформа</p> <p>1962 г. — повышение розничных цен; расстрел в Новочеркасске</p> <p>1963 г. — начало массовых закупок зерна за рубежом</p>
<p>Леонид Ильич Брежнев — <i>1-й (с 1966 г. — Генеральный) секретарь ЦК КПСС</i> — 1964—1982 гг.</p>	<p>1965 г. — хозяйственная реформа</p> <p>1966—1970 гг. — создание Тюменского нефтегазодобывающего комплекса</p> <p>1973 г. — “энергетический кризис” и скачок цен на нефть</p> <p>1979 г. — ввод войск в Афганистан</p>

Главы и важнейшие деятели государства; время их правления	Важнейшие события
<p>Юрий Владимирович Андропов — <i>Генеральный секретарь ЦК КПСС</i> — 1982—1984 гг.</p>	
<p>Константин Устинович Черненко — <i>Генеральный секретарь ЦК КПСС</i> — 1984—1985 гг.</p>	
<p>Михаил Сергеевич Горбачев — <i>Генеральный секретарь ЦК КПСС</i> — 1985—1991 гг.; — <i>Президент СССР</i> — 1990—1991 гг.</p>	<p>1986—1987 гг. — “Ускорение” 1987 г. — Закон о государственном предприятии 1988 г. — Закон о кооперации 1990 г. — самоопределение союзных республик; суверенитет России 8 декабря 1991 г. — образование СНГ — конец СССР</p>
<p>Борис Николаевич Ельцин — <i>Пред. Верховного Совета РСФСР</i> — 1990—1991 гг.; <i>Президент РФ</i> — 1991—2000 гг.</p>	<p>1992 г. — либерализация цен и внешней торговли 1992—1994 гг. — ваучерная (чековая) приватизация 1993 г. — новая Конституция России 1996 г. — Гражданский кодекс РФ</p>

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Раздел I. ФЕОДАЛИЗМ И КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	5
Часть 1. Становление и развитие российского феодалного государства (до середины XIX века)	6
Глава 1 Киевская Русь	6
Глава 2. Период феодальной раздробленности; татаро-монгольское иго (начало XII—первая половина XV вв.)	25
Глава 3. Создание и экономическое развитие Русского централизованного государства (вторая половина XV—XVII вв.)	33
Глава 4. Разложение крепостнической системы хозяйства и формирование капиталистических отношений (XVIII—середина XIX вв.)	70
4.1. Экономическая политика Петра I.	70
4.2. Российское государство во второй половине XVIII века	83
4.3. Кризис крепостнической системы хозяйства в первой половине XIX века.	96
Рекомендуемая литература	107
Часть 2. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ (60-е годы XIX в.—1917 г.)	108
Глава 5. “Великие реформы”	108
Глава 6. Пореформенное развитие (60-е годы XIX—начало XX вв.)	116

Глава 7. Экономическое развитие России в начале XX в. (до 1913 г.)	137
Глава 8. Экономика России в период Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г.	159
Рекомендуемая литература	168
Раздел II. ЭКОНОМИКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	169
Часть 3. ХОЗЯЙСТВО СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ И “ВЫЖИВАНИЯ” СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1921 гг.)	170
Глава 9. Великая Октябрьская социалистическая революция и возникновение социалистической системы хозяйства. Первые шаги “диктатуры пролетариата”	171
Глава 10. Хозяйство страны в период военной интервенции и Гражданской войны	185
Глава 11. Кризис военного коммунизма	191
Рекомендуемая литература	195
Часть 4. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА (1921–1928 гг.)	196
Глава 12. Сущность нэпа как системы. Периоды развития	196
Глава 13. Становление нэпа и создание условий функционирования рынка	198
Глава 14. Начало индустриализации и расцвет нэпа	215
Глава 15. Конец нэпа	225
Рекомендуемая литература	233
Часть 5. ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1929–1941 гг.)	234
Глава 16. “Великий перелом” в деревне (1929–1933 гг.)	235
Глава 17. Индустриализация	241
Рекомендуемая литература	258

Часть 6. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА <i>(1941—1945 гг.)</i>	259
Глава 18. Первый период войны (лето 1941 г.—весна 1942 г.) . . .	260
Глава 19. Второй и третий периоды войны (лето 1942г.—1945 г.) . .	264
Глава 20. Итоги Великой Отечественной войны	266
Рекомендуемая литература	269
Часть 7. ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ СССР. ЗАМЕДЛЕНИЕ ТЕМПОВ РОСТА СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ <i>(1945—1991 гг.)</i>	270
Глава 21. Послевоенное восстановление хозяйства	271
Глава 22. Развитие экономики в хрущевские годы (1954—1964 гг.) . .	283
Глава 23. Период торможения экономики (середина 1960—середина 1980-х годов)	295
Глава 24. Разрушение централизованного планового хозяйства. Распад СССР (1985—1991 гг.)	304
Рекомендуемая литература	316
Раздел III. ПЕРЕХОД К ИНТЕНСИВНОМУ РАЗВИТИЮ ЭКОНОМИКИ	317
Часть 8. СТАНОВЛЕНИЕ РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА <i>(1991—1996 гг.)</i>	318
Глава 25. Формирование рыночных механизмов в России	318
Глава 26. Основные направления развития рыночных реформ . . .	329
26.1. Политика цен и инфляция	329
26.2. Положение предприятий в ходе экономической реформы	333
26.3. Создание кредитно-банковской системы	344
26.4. Создание фондового рынка	348
26.5. Приватизация	351
26.6. Занятость	357
Рекомендуемая литература	359

Часть 9. РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В КОНЦЕ XX в.	360
Глава 27. Особенности постсоветского кризиса 1980—1990-х годов	360
Глава 28. Экономический потенциал России на рубеже столетий	367
Заключение	371
Библиографический список	373
Приложения. Хроника важнейших событий, повлиявших на хозяйственное развитие страны	375
<i>Приложение 1.</i> Киевская Русь	376
<i>Приложение 2.</i> Период феодальной раздробленности	381
<i>Приложение 3.</i> Российское централизованное государство	388

Учебное издание

Самохин Юрий Михайлович
Экономическая история России

Книга опубликована в авторской редакции
Зав. редакцией *Е.А. Рязанцева*
Выпускающий редактор *Е.Я. Петрова*
Корректор *А.М. Петров*
Художественное оформление *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка *Н.А. Веселова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.,
продлено до 14 октября 2003 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 15.10.01 г. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага
офсетная. Печать трафаретная. Тираж 594 экз. Уч.-изд. л. 23,61.
Усл. печ. л. 23,54. Заказ № 262. Изд. № 153

ГУ ВШЭ, 117312, Москва, ул. Вавилова, 7 а
Типография ГУ—ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3